

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
КЫРГЫЗСТАНА

ВЫПУСК 4

Бишкек
«Илим»
2009

М 33

Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. – Бишкек: Илим, 2009. – 144 с.: ил.

ISSN 1694-5689

В четвёртом выпуске продолжающегося научного издания публикуются материалы по археологии Кыргызстана и ряда сопредельных территорий, представляющие новые данные по эпохе камня, ранних кочевников и Средневековью, статьи по нумизматике и архивные документы.

Адресуется археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся археологией Кыргызстана и Центральноазиатского региона в целом.

Издание осуществлено при поддержке IFEAC

Institut Français d'Etudes sur l'Asie Centrale

Французский Институт Исследований Центральной Азии
French Institute for Central Asian Studies

Редколлегия:

В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт

Рецензенты

канд. ист. наук К.Ш. Табалдиев (Кыргызстан),

канд. ист. наук Е.А. Смагулов (Казахстан),

канд. ист. наук П.Н. Петров (Россия)

ISSN 1694-5689

© Коллектив авторов, 2009

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ГЕОРГИЕВСКИЙ БУГОР В 2008 ГОДУ

А.К. Абдыканова, Т.Т. Чаргынов, Н.П. Чемаева*

Георгиевский Бугор / местонахождение / каменное орудие / мустье
Georgievskiy Bugor / open-site / stone tool / moustier

Местонахождение Георгиевский Бугор расположено на левом берегу р. Чу в Чуйской области, в 1 км к северу от моста на кыргызстанско-казахстанской границе. Координаты местонахождения: 43°01'86,3» с.ш., 74°41'96,6» в.д. Памятник был открыт в 1967 г. В.А. Рановым в пределах средневекового городища. Им был произведен ряд разведывательных шурфов, в результате чего выявлен трехчленный ряд суглинистых отложений. Основная часть обнаруженных артефактов была связана с суглинистыми породами мощностью 2,1 м. Подъемный материал был собран с наиболее приподнятой северо-западной части возвышенности, представляющей собой останец позднеджергаланской террасы. Коллекция артефактов, собранная В.А. Рановым, насчитывает несколько тысяч предметов, но материал не был опубликован [Ранов, Несмеянов 1972: 101].

В 2008 г. данное местонахождение было исследовано участниками археологической практики Департамента антропологии Американского университета в Центральной Азии.

В задачу исследований 2008 г. входило проследить по возможности стратиграфическую ситуацию, определить характер залегания каменных артефактов, выявить наличие культурных слоев и горизонтов. Первоначальный осмотр местности выявил, что более или менее ровные площадки в районе памятника потеряли ценность с точки зрения перспективности стратиграфического изучения в результате хозяйственной деятельности человека. Следует отметить, что территория памятника в данное время является частью действующего фермерского хозяйства. Также во время визуального осмотра была зафиксирована локализация

подъемного материала на небольшом участке на северо-восточном склоне возвышенности. Последний факт вызвал решение заложить раскоп на данном участке для получения более полной информации о природе лессовых отложений, характере залегания артефактов, анализе каменной индустрии. Площадка, на которой располагается раскоп, имеет высоту 624 м над ур.м.

Площадь раскопа – 2 x 3 м, он ориентирован по длинной оси в направлении запад – восток. С юга площадка раскопа ограничена выходами каменных пород, с северной стороны – искусственным котлованом. Нулевой репер (стальной стержень) был установлен южнее раскопа на уровне квадрата А-1 в самой высокой точке (юго-западной). Напротив, на уровне квадрата Б-1, также был вбит дополнительный стальной стержень (северо-западный угол квадрата) с отметкой 19 см от “нулевого репера”. Все измерения глубин залеганий находок производились от “нулевого репера”. Разрез по линии квадратов А-1 – Б-1 (максимальная мощность – 111 см) не выявил стратиграфии рыхлых отложений, которые составляют суглинки и супеси, явно переотложенные, включающие фрагменты керамики, угольки, каменные артефакты. Местами наблюдаются засоление почвы, твердые спрессованные образования. Разборка рыхлых отложений на всей площади раскопа производилась предельно тщательно, что позволило выявить самые маленькие каменные изделия, включая чешуйки. Абсолютно все артефакты фиксировались как на плане, так и по глубине залегания. В ходе раскопок также были обнаружены керамические кирпичи (2 экз.), предположительно караханидского времени, размер которых составил 24 x 6 x 24 см.

Технико-типологическое описание

Общее количество артефактов, собранных во время археологических работ, составило 134 экземпляра. В качестве сырья древними масте-

* Абдыканова Аида Калыдаевна – канд. ист. наук. АУЦА. Кыргызстан, Бишкек, abdykanova@mail.ru
Чаргынов Темирлан Таштанбекович – канд. ист. наук. КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, Бишкек, temcharynov@yandex.ru
Чемаева Наталия Павловна – АУЦА. Кыргызстан, Бишкек, nomeni@gmail.com

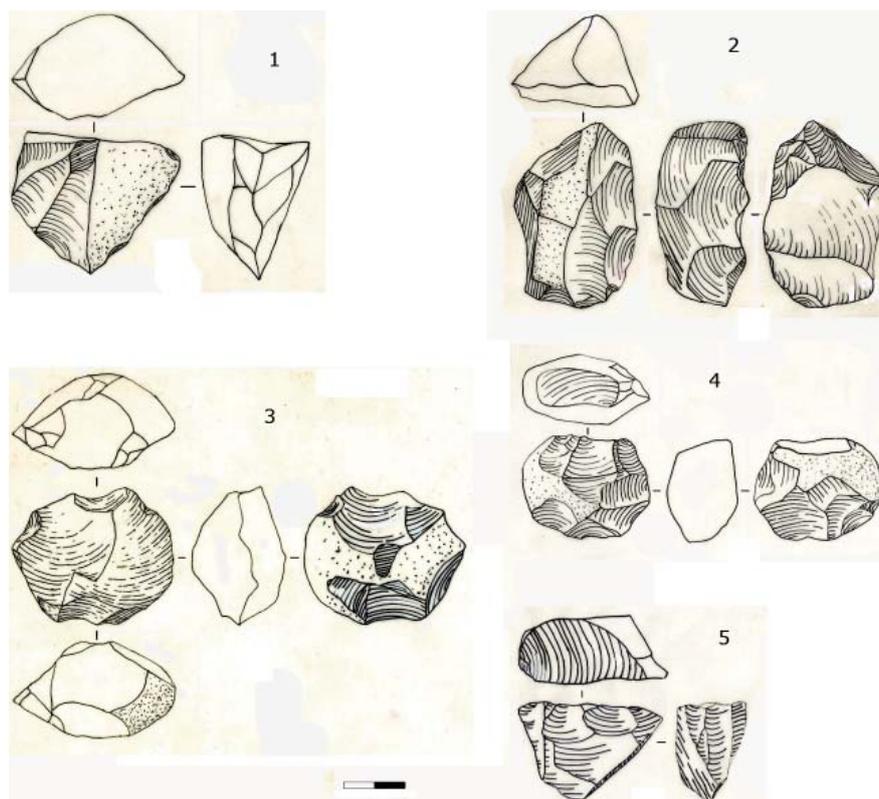

Рис. 1. Преформы и нуклеусы

рами использовалась галька различных оттенков голубого и красного цвета.

Первичное расщепление

Преформы – 2 экз. Изделия представлены заготовками трехгранной формы с оформленным ребром. Попытка снятия заготовки с одной преформы закончилась неудачей. Проксимальная часть второго изделия отломана (рис. I. 1, 2).

Нуклеус монофронтальный одноплощадочный – 1 экз. Изделия на средней стадии расщепления, двухфронтальные. Негативы в центростремительном направлении оформляют фронтальную плоскость. Ударной площадкой служит негатив предыдущего скола. На всех изделиях зафиксированы следы галечной корки (рис. I. 3).

Нуклеус бифронтальный двухплощадочный – 1 экз. Изделие на средней стадии расщепления. Ударные площадки противоположные; одна гладкая, оформлена одним сколом, вторая неровная, в виде ребра, оформлена рядом сколов. Фронтальные плоскости несут негативы отщеповых снятий коротких и укороченных пропорций, также имеются следы галечной корки (рис. I. 4).

Нуклеус торцовый – 1 экз. Изделие средней стадии расщепления. Ударная площадка гладкая, вогнутая, выполнена одним сколом. Латераль несет негативы удлиненных снятий среднего размера, фронтальная плоскость оформлена

заломанными укороченными сколами. Контрфронт естественный, вторая латераль разрушена, основание в виде ребра тоже не оформлено (рис. I. 5).

Нуклевидные обломки – 4 экз. Обломки средних размеров с негативами средних и мелких сколов.

Индустрия сколов

Первичные отщепы – 3 экз. Заготовки средних размеров, две имеют удлиненные пропорции с гладкими ударными площадками, одна имеет укороченные пропорции с гладкой ударной площадкой.

Вторичные отщепы – 4 экз. Удлиненных (2 экз.) и коротких (2 экз.) пропорций, средних размеров, ударные площадки: гладкие (3 экз.) и неопределенная (1 экз.).

Технические сколы представлены пятью изделиями. Два из них продольные, средних и крупных размеров; ударные площадки гладкие. Один из них – скол подправки фронта нуклеуса. Остальные – поперечные сколы подправки фронта скалывания, ударные площадки гладкие.

Отщепы – 69 экз.

Отщепы по метрическим показателям подразделяются на крупные (1 экз.), средние (29 экз.) и мелкие (39 экз.). Из них: удлиненных пропорций (26 экз.), коротких (28 экз.) и укорочен-

ных (15 экз.). Определимые ударные площадки характеризуются как естественные (2 экз.), линейные (8 экз.), двухгранные (5 экз.), гладкие (22 экз.) и фасетированная.

Обломки – 44 экз. Из них: мелких 18 экз., средних 36 экз.

Орудийный набор

Скребок угловой – 1 экз., представлен проксимальным фрагментом отщепки средних размеров. Проксимальная часть оформлена скребковой ретушью, часть ретуши выглядит свежей (рис. II. 1)¹.

Выемчатые орудия – 5 экз. Изделия организованы на заготовках мелкого размера. Характеризуются наличием одной выемки, сделанной одним снятием (4 экз.) и оформленной серией полукруглой параллельной мелкофасетной ретуши, которая представлена на отщепе удлиненных пропорций, среднего размера с линейной ударной площадкой. Рабочая выемчатая кромка оформлена в проксимальной части заготовки. Левый верхний угол дополнительно обработан средними фасетками параллельной вертикальной ретуши (рис. II. 2, 3).

Оригинальное изделие – 1 экз. Изделие плоское, подтреугольной формы, одна сторона орудия полностью оформлена центростремительными мелкими сколами, функциональная принадлежность не определена (рис. II. 4).

Отщепы с ретушью – 11 экз. Изделия представлены заготовками средних (1 экз.) мелких размеров. Из них фрагменты составляют 5 экз. (рис. II. 5–9).

Выводы

Анализ стратиграфической и планиграфической ситуации показал, что артефакты залегают в потревоженном состоянии, стратиграфия рыхлых отложений отсутствует, о чем свидетельствует смешение артефактов, которые типологически можно отнести к разным историческим эпохам.

Первичное расщепление представлено нуклеусами плоскостного параллельного и торцового принципов расщепления. Индустрия сколов характеризуется небольшими размерами, представлена в основном отщепами, пластины отсутствуют. Орудия представлены скребком, выемчатыми орудиями, оригинальным орудием и отщепами с ретушью. Сравнительно небольшие размеры заготовок, проявление торцовой техники расщепления, наличие орудия со скребковой ретушью позволяют, несмотря на присутствие более архаичных элементов и полное отсутствие пластинчатых заготовок, рассматривать коллекцию в рамках финального мустье. В то же время

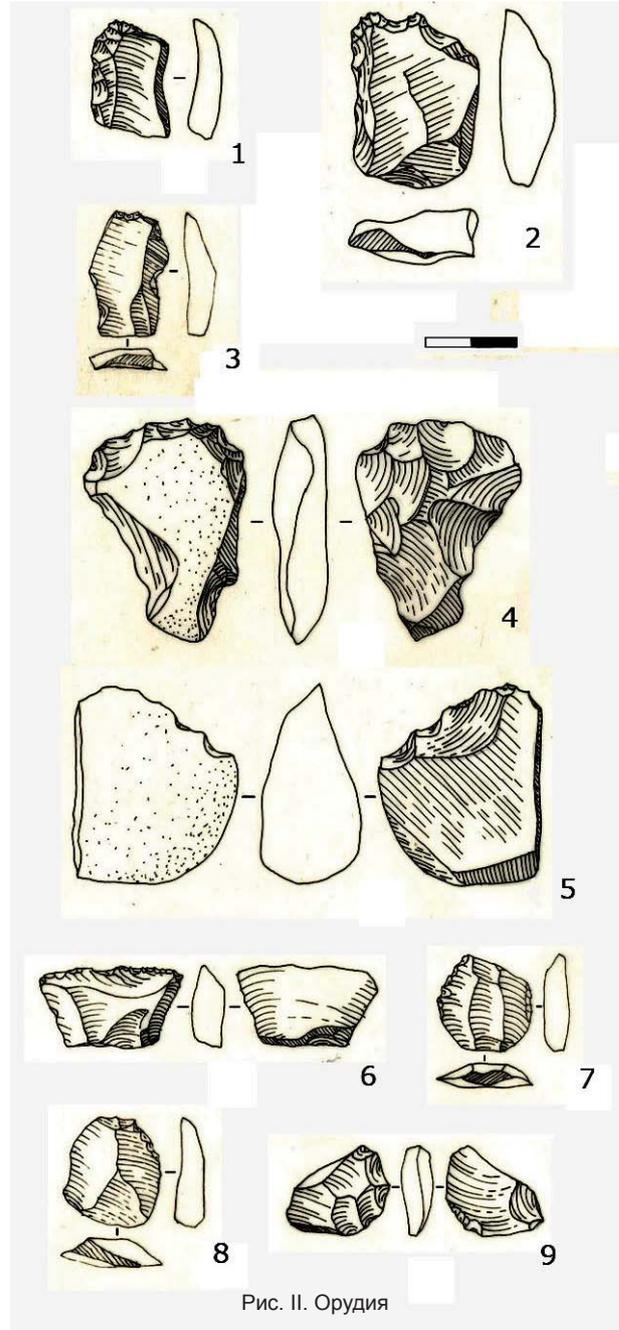

Рис. II. Орудия

нет оснований оспаривать положения первичной датировки памятника. Индустрия местонахождения предыдущими исследователями была охарактеризована как нефасетированная, нелеваллуазская и отнесена к мустьерской эпохе [Рапов, Несмеянов 1972: 103].

Для выявления более глубокой специфики каменной индустрии имеющихся в наличии материалов явно недостаточно. Необходим сравнительный анализ с полученными ранее материалами.

Примечания

1. Т.Т. Чаргынов не считает изделие скребком.

Abstract

THE RESULTS OF INVESTIGATIONS ON THE OPEN-SITE GEORGIEVSKIY BUGOR IN 2008

A.K. Abdykanova, T.T. Chargynov, N.P. Chemayeva

The article is devoted to the fieldwork of the open-site Georgievskiy Bugor. The authors give the description, technological and typological analysis of artifacts found in 2008 year.

Литература

Ранов, Несмеянов 1973 – Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе, 1973.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ 1958–1959 гг. МАСТЕРСКОЙ КАПЧЫГАЙ

Т.Т. Чаргынов*

Алайские горы / коллекция А.П. Окладникова / каменные артефакты / палеолит
Alay mountains / A.P.Okladnikov's collection / stone artefacts / Paleolith

В связи с возобновлением археологических исследований на территории Южного Кыргызстана и открытием нового стратифицированного памятника Юташ-Сай, обнаруженного (при обследовании территории, прилегающей к мастерской Капчыгай) на северном склоне горы Капчыгай в районе развалин Юташ-Сай [Деревянко и др. 2001; Деревянко и др. 2002], возникла необходимость вновь проанализировать все ранее собранные коллекции.

Мастерская Капчыгай расположена в Баткенской области Республики Кыргызстан, в горах Арпалык северного мегасклона Алайского хребта, в ущелье Данги (Дангирендере), образованном ручьем Халкомайн правого притока р. Кожо-Кайыр, возле зимника Юташ-Сай. Координаты памятника: 40°07'06,9" с.ш., 71°56'58,9" в.д., высота над уровнем моря около 1400 м [Деревянко А.П. и др. 2001]. На склонах горы Капчыгай в изобилии имеются естественные выходы кремнистой породы, плитчатые желваки которой древнее население использовало в качестве исходного сырья для изготовления каменных орудий.

Памятник открыт в 1956 г. П.Т. Коноплей. В следующем году при повторном исследовании данного объекта П.Т. Коноплей и В.А. Рановым была собрана небольшая коллекция каменных изделий [Касымов 1972].

В 1958 и 1959 гг. Институт истории и археологии АН УзССР организовал палеолитическую экспедицию под руководством А.П. Окладникова для более тщательного изучения мастерской. В результате работ была собрана представительная археологическая коллекция, насчитывающая 2641 экз. каменных артефактов [Окладников и др. 1964].

В настоящее время из материалов 1950-х гг. для анализа доступны 896 экз. каменных изделий из коллекции А.П. Окладникова, анализируемые в настоящей работе.

Инструменты для первичного расщепления представлены отбойниками (2 экз.) и ретушерами (2 экз.). В качестве отбойников использовалась галька из мелкозернистой мягкой породы удлиненных пропорций с характерными следами сильной забитости и сколами на противоположных концах и нуклеус монофронтальный одноплощадочный округлой в плане формы со следами сильной забитости основания и левой латерали из основного сырья (кремневая порода). В качестве ретушеров использовались массивные крупные отщепы, с характерными для данных инструментов следами забитости по всему периметру.

Нуклевидные изделия в рассматриваемой коллекции представлены преформами (14 экз.), нуклеусами (51 экз.) и нуклевидными обломками (10 экз.). Общее количество артефактов данной категории – 75 экз.

Преформы являются заготовками одноплощадочных монофронтальных (8 экз.) и левал-

* Чаргынов Темирлан Таиштанбекович – канд. ист. наук. КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, Бишкек, tem-chargynov@yandex.ru

луазских (6 экз.) нуклеусов с естественными и гладкими ударными площадками. На некоторых изделиях сохранились следы частичного оформления фронта скалывания.

Для большинства нуклеусов характерен продольно-однонаправленный вариант снятия заготовок, при этом ударные площадки, как правило, гладкие и естественные. Реже встречаются ядрища радиального и бессистемного скалывания. Также в коллекции представлены левалуазские нуклеусы для получения отщепов и пластин, с радиально оформленным фронтом скалывания и скошенными фасетированными ударными площадками. Единичными экземплярами представлены бифронтальный двухплощадочный нуклеус с гладкой и двугранной ударными площадками и двухплощадочно-монофронтальные ядрища встречного скалывания с фасетированной и гладкой ударной площадкой.

Среди сколов преобладают отщепы – 580 экз. (76,3%), из них 5,9% приходится на долю массивных сколов. Пластины составляют вторую по многочисленности группу – 158 экз. (20,8%). Причем почти на 1/3 части пластинчатых сколов сохранены участки желвачной корки на спинке. В меньшей степени представлены технические сколы – 22 экз. (2,9%).

Определимые остаточные ударные площадки (всего 504 экз.) представлены следующими типами: гладкие – 59,1% (у отщепов – 57,0%, у пластин – 66,4%), естественные – 16,2% (у отщепов – 18,3, у пластин – 8,6%), фасетированные – 14,5% (у отщепов – 14,9, у пластин – 12,1%), двугранные – 7,9% (у отщепов – 7,5, у пластин – 9,5%), точечные – 2,4% (у отщепов – 2,3, у пластин – 2,6%).

Орудия в рассматриваемой коллекции Капчыгай насчитывают 263 экз., что составляет 29,4% от общего числа артефактов. Довольно большой процент орудий объясняется, по всей вероятности, выборкой наиболее ярких изделий.

Орудийный набор включает скребла – 56 экз. (21,3%), скребки – 46 экз. (17,5%), выемчатые – 39 экз. (15%), орудия с шипом – 28 экз. (10,6%), ретушированные пластины – 22 экз. (8,4%), отщепы с ретушью – 21 экз. (8%), левалуазские остроконечники – 19 экз. (7,2%), комбинированные – 16 экз. (6,1%), ножевидные изделия с обушком – 14 экз. (5%) и резцы – 2 экз. (1%). Из них на отщепах – 184 экз. (70%), пластинах – 67 экз. (25,5%), обломках – 11 экз. (4,2%) и истощенном нуклеусе – 1 экз. (0,4%).

Левалуазские острия представлены как короткими, так и удлиненными вариантами, с фасетированными и двугранными, реже гладкими, ударными площадками; в большинстве случаев с

вторичной обработкой краевой и параллельной модифицирующей ретушью одного или обоих конвергентных краев. Встречаются остроконечные пластины с модифицирующей ретушью. Орудия подобного типа хорошо представлены в индустрии грота Оби-Рахмат [Деревянко и др. 2001].

Скребла в рассматриваемой коллекции представлены всеми основными типами. В качестве заготовок использовались, в основном, крупные отщепы и плитчатые обломки, в меньшей степени – пластины. В большинстве случаев рабочие лезвия скребел оформлялись крутой и полукрутой ступенчато-чешуйчатой ретушью.

Хорошо представлены в рассматриваемой коллекции скребки. Большую группу составляют боковые скребки на отщепах, с вентральной и дорсальной, параллельной и разнофасеточной крутой ретушью. Концевые скребки на отщепах разных пропорций с рабочим элементом, выделенным как на дистальном, так и на проксимальном конце вертикальной и крутой разнофасеточной ретушью. Выделяются три скребка, рабочее лезвие которых сформировано в районе ударной площадки заготовки, при этом использовался прием удаления ударного бугорка. Единственным экземпляром представлен скребок на пластине. Лезвие данного изделия оформлено крутой параллельной ретушью на дистальном конце заготовки. Следует отметить, что, несмотря на значительное разнообразие скребков, в коллекции отсутствуют вовсе или единичны характерные для развитых верхнепалеолитических индустрий типы, такие, как ногтевидные, концевые на пластинах и т.д.

Заготовками для выемчатых орудий, как правило, служили отщепы крупного и среднего размера – 29 экз., в других случаях в качестве основы были выбраны некрупные пластины – 10 экз. Оформлялись изделия дорсальной и вентральной модифицирующей ретушью (26 экз.) и простой выемкой (13 экз.).

Рабочий элемент шиповидных орудий всех разновидностей (боковые, серединные, угловые, двойные) в основном выделялся выемкой и ретушью.

Комбинированные орудия – 16 экз. (6,1%). Из них: скребла одинарные продольные в сочетании с выемками – 5 экз., скребла одинарные в сочетании с шипом – 5 экз., сочетание выемчатых орудий с шипом – 4 экз., скребок одинарный в сочетании шипа – 1 экз., скребок одинарный в сочетании с выемкой – 1 экз. В качестве заготовок для орудий в основном использовались отщепы разных пропорций. Выделяется одно одинарное скребло с шипом на пластине, с продольно-прямым рабочим лезвием, оформ-

ленным бифасиальной полукрутой ретушью и с боковым ретушированным шипом, выделенным преднамеренной фрагментацией, в результате чего был удален дистальный конец пластины.

Миниатюрные ручные рубильца, выделенные М.Р. Касымовым (4 экз.) [Касымов 1972], на наш взгляд, скорее всего, таковыми не являются. Все сопоставленные по описанию и рисункам предметы представляют собой отщепы с ретушью (2 экз.) и монофронтальные одноплощадочные нуклеусы подтреугольной формы (2 экз.).

Итоги проведенного в данной работе краткого технико-типологического анализа каменных артефактов согласуются с выводом А.П. Окладникова о преобладании в индустрии Капчыгая среднепалеолитической техники рас-

щепления [Окладников 2003]. Наличие же в коллекции небольшой серии подпризматических, конических ядрищ и выразительных скребков не является, на наш взгляд, достаточным основанием для строгого разделения материала на изделия верхнего и среднего палеолита. Скорее, это свидетельствует о незначительной примеси в коллекции материала верхнего палеолита или о переходном характере всей каменной индустрии Капчыгая, укладывающейся в рамки финального среднего и начала позднего палеолита. Так или иначе, безошибочное разделение археологического материала данной мастерской на артефакты, относящиеся к различным периодам палеолита (см., напр.: [Касымов 1972]), в настоящее время, видимо, невозможно.

Abstract

NEW RESEARCHES OF COLLECTIONS 1958–1959 OF WORKSHOP KAPTCHYGAY

T.T. Charynov

In article from modern positions collections 1958-1959 of Paleolithic workshop Капчыгай are analyzed. The basic forms of artefacts are allocated and their quantitative characteristics are resulted. Also in article separate critical remarks express researches of this collection by some predecessors.

Литература

- Деревянко и др. 2001 – Деревянко А.П., В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, К.Ш. Табалдиев, Чаргынов Т.Т. Новые исследования мастерской Капчыгай в Кыргызстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 7. – Новосибирск, 2001.
- Деревянко и др. 2001 – Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: Индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №4.
- Деревянко и др. 2002 – Деревянко А.П., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Рыбин Е.П., Чаргынов Т.Т., Цыбанков А.А. Новые результаты археологических исследований на Юге Кыргызстана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 8. – Новосибирск, 2002.
- История 1984 – История Киргизской ССР. Т. 1. – Фрунзе, 1984.
- Касымов 1972 – Касымов М.Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. – Ташкент, 1972.
- Окладников 2003 – Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск, 2003.
- Окладников и др. 1964 – Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т. Капчыгайская палеолитическая мастерская // ИМКУ. – 1964. – Вып. 5.
- Ранов 1968 – Ранов В.А. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945–1965) // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. – Душанбе, 1968.

ИССЛЕДОВАНИЯ
ШАМШИНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА КИАЭ В 1987–1988 гг.
Часть 1. 1987 год¹

А.К. Абетеков*

*Внутренний Тянь-Шань, Кочкорская долина / курганные погребения / эпоха переселения народов
Internal Tien Shan, the Kochkor valley / burial mounds / an epoch of resettlement of the people*

Одной из узловых проблем киргизской археологии является исследование памятников древних культур Внутреннего Тянь-Шаня. Благодаря изысканиям А.Н. Бернштама и А.К. Кибирова, начатым еще в 40 – сер. 50-х гг. XX в. они получили развитие как самостоятельное научное направление. Однако проблема изучения древней истории кочевников региона все еще нуждается в дальнейшем глубоком изучении и разработке на более широкой историко-археологической основе.

Киргизская историко-археологическая экспедиция (КИАЭ) Института истории АН Киргизской ССР 1987 г. имела в своем составе Шамшинский археологический отряд, которому в качестве основной задачи было поручено произвести раскопки курганов в зоне благоустройства Шамшинского зеленого массива. Этот массив находится на территории совхоза «60 лет Октября» Кочкорского района Нарынской области.

В процессе работы (полтора месяца) в четырех могильниках нами изучено около 35 каменно-земляных курганов – разных размеров и конструкций. Приведем их описания.

Могильник Албан-Джилга

Он находится в 5–6 км северо-западнее центральной усадьбы совхоза «60 лет Октября», напротив «Мазара» Кочкор-Ата. Могильник расположен на восточном пологом склоне Орток-Тоо, вблизи совхозного сарая в небольшой ложбине Албан-Джилга. Погребальные сооружения могильника сосредоточены небольшой группой. Внешние признаки намогильных сооружений крайне невыразительны и довольно слабо выделяются на поверхности земли. Близость курганов к подножью отрогов хребта Орток-Тоо и сравнительно большой уклон способствовали развитию разрушительных процессов курганных насыпей и накоплению селевых каменных потоков на них. В результате многие мелкие курганы иногда трудно отличить от естественных литологических образований.

В полевом сезоне на Албан-Джилгинском могильнике были вскрыты десять каменно-земляных погребений.

Курган 1. Каменистый. Имеет овальную форму, слегка вытянутую с севера на юг. Диаметр кургана с запада на восток – 6 м и с юга на север – 8,5 м, высота – 0,5 м. Насыпь сооружена из камней горных пород средней величины. У восточного подножья кургана положен *in situ* крупный камень.

Раскоп заложен в центральной части насыпи на площади 3 x 3 м. После снятия верхнего каменистого слоя, в центре, на глубине 0,5 м (от верха насыпи) найден фрагмент свода черепа человека плохой сохранности. Здесь же зафиксированы фрагменты бронзового украшения (пуговицы?). На глубине 0,7 м обнаружена грунтовая могильная яма овальной формы, ориентированная по линии запад – восток. Размеры ее – 1,75 x 0,8 x 0,7 м.

В яме – скелет взрослого человека, по видимому мужчины 45–55 лет², лежащего на спине головой на северо-запад. Кости рук вытянуты и покоятся на тазобедренных костях. При погребенном, кроме бесформенных фрагментов бронзы, ничего не обнаружено (рис. I).

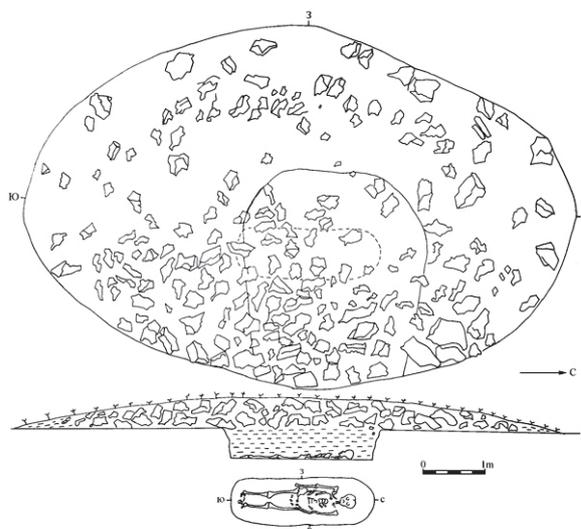

Рис. I. Могильник Албан-Жилга. Курган 1.
Абрис кургана после расчистки, разрез и план погребения

* Абетеков Асан Кемилевич – Институт языка и литературы НАН КР. Кыргызстан, Бишкек.

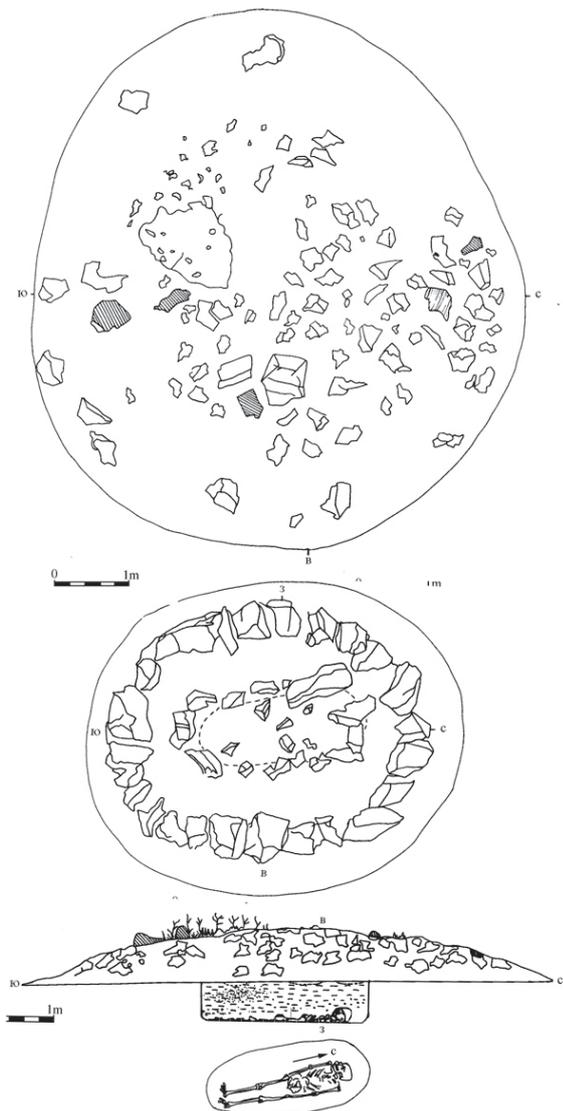

Рис. II. Могильник Албан-Жилга. Курган 2.
Абрис кургана после расчистки,
планы надмогильной выкладки, разрез, и погребение

Курган 2. Каменистый. Имеет округлую форму. Сверху покрыт мелкими кустарниками и камнями горной породы. Диаметр кургана с востока на запад – 7 м, с севера на юг – 6 м.

Раскоп заложен в центре насыпи на площади 3 х 2 м. После зачистки верхнего слоя на уровне древней почвы обнаружена каменная выкладка, под которой расчищена грунтовая могильная яма. Размеры ее составляют 2,4 х 1 х 0,8 м.

В яме – в анатомическом порядке скелет 17–18-летнего юноши, лежащий на спине, головой на север, лицом на запад (рис. II).

В северо-западной части могильной ямы, в 35 см от черепа, обнаружены фрагменты глиняной посуды грубого изготовления. Других вещей не обнаружено.

Курган 3. Как и предыдущий, он тоже сложен из горных камней. Насыпь в плане имеет округлую форму. Диаметр – 6,5 м, высота – 0,3 м.

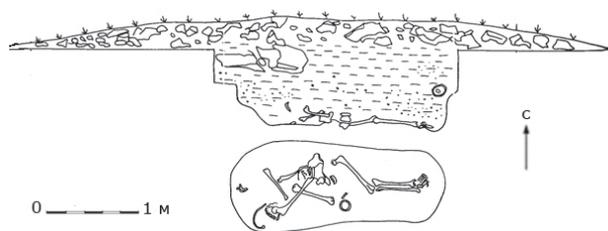

Рис. III. Могильник Албан-Жилга. Курган 3.
Разрез и план погребения

Раскоп заложен в центре кургана на площади 2,6 х 2 м. Под насыпью на уровне древней дневной поверхности обнаружены каменные плиты небольших размеров. Дальнейшая работа показала, что в восточной части раскопа находились крупные граненые каменные плиты (0,6 х 0,8 и 0,5 х 0,4 м), уложенные по направлению север – юг. После их разбора довольно четко оконтуривались края могильной ямы, заполненной мягкой глиной, в которой попадались мелкие фрагменты человеческих костей (рис. III). Размеры ямы – 2,4 х 1 х 0,6 м.

На глубине 0,7 м от верха насыпи в середине могильной ямы, около южной стены, найден глиняный горшок плохой сохранности (рис. IV) и лопатка крупного животного (по-видимому, жеребенка).

На глубине 0,6 м на дне могильной ямы обнаружен скелет погребенного, от которого сохранились лишь кости таза, длинные кости конечностей, несколько ребер и позвонков. Судя по положению малых берцовых костей левой ноги скелет лежал вытянуто на спине головой на запад. По предварительному заключению антрополога скелет принадлежит женщине 25–40 лет.

Курган ограблен. Находок нет.

Курган 4. Насыпь – округлая в плане, из небольших горных камней (0,10 х 0,25, 0,25 х 0,35 м). Диаметр с севера на юг – 6 м и с запада на восток – 5 м, высота – 0,25 м.

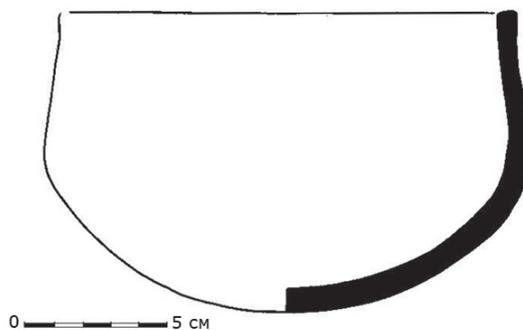

Рис. IV. Могильник Албан-Жилга. Курган 3.
Погребальный инвентарь. Керамическая чаша

Раскоп заложен в центре насыпи, на площади 4 x 4 м. После снятия верхнего каменистого слоя в центральной части кургана на глубине 0,4–0,5 м от верха насыпи были найдены каменные плиты (0,35 x 0,4 x 0,7 x 0,9 м). Контуры могильной ямы выявились по скоплению отмеченных плит, лежащих вытянуто по направлению с севера на юг. После удаления их была обнаружена грунтовая могильная яма размерами 2,4 x 0,6 x 1,7 м. В ней, на глубине 1,7 м, остатки плохо сохранившегося скелета женщины 55–60 лет, лежащего вытянуто на спине головой на запад (рис. V).

Под черепом зафиксирована очень твердая глина в виде искусственной «глиняной подушки». У головы – фрагменты железного ножа, превратившегося в труху. Слева, около головы, в нише, три глиняных сосуда (рис. VI) и крестец барана.

Курган 5. Расположен высоко, у самого подножья гор, как бы замыкая небольшой могильник Албан-Джилга. Насыпь – эллипсоидная в плане, из земли и обломков камней горных пород. Часть камней, составлявших некогда «панцирь» кургана, по-видимому, сползла вниз, так как в средней части насыпи они отсутствуют. Диаметр с севера на юг – 4 м и с запада на восток – 5,6 м, высота – 0,2 м (рис. VII).

Раскоп заложен в центральной части насыпи на площади 3 x 3 м. В процессе работ в восточной части раскопа на глубине 0,3 м обнаружена каменная плита неправильной формы размером 1 x 0,6 м. Под ней зафиксирована верхняя часть челюсти лошади.

Могильная яма, выявленная по концентрации мелких камней и мягкого грунта, имеет овальную форму; её размеры – 2 x 1,22 x 1,15 м.

На дне ее расчищены скелеты трех человек.

Скелет 1. Принадлежит женщине 40–45 лет. Скелет лежит в строго анатомическом порядке, вытянут на спине, головой на запад. Голова (череп) приподнята и повернута лицом на восток.

В западной части могильной ямы, слева в головах поребенного, глиняная чашечка ассиметричной формы, ручного изготовления (рис. VIII, 1). Диаметр ее устья – 15 см, высота – 6 см. На внешней и внутренней поверхности чаши сохранились следы сглаживания травой или тряпкой. В погребении также найдены пряслице и бусинка. Пряслице диаметром 4,5 см, толщиной 0,7 см; изготовлено из мягкого мрамора (рис. VIII, 3). Бусина цилиндрической формы, со сквозным продольным узким отверстием для нанизывания на нить (рис. VIII, 2). В районе левой плечевой кости женщины отмечены следы широкой зеленой полосы окиси бронзового предмета, по-видимому, от булавки-

стержня, фрагменты которой были найдены в погребении.

Скелет 2. Принадлежит младенцу. Кости полностью разрушены. Сохранились лишь мелкие фрагменты черепной коробки (кости свода), два маленьких ребра и несколько кусочков длинных костей конечностей. Все эти кости лежали как бы на «животе» у женщины. Такое расположение костей скелета и возрастные особенности остеологических материалов (новорожденного) позволяют думать, что здесь погребена женщина, скорее всего, с внутриутробным ребенком 6–8 месяцев.

Скелет 3. Также детский. Принадлежит подростку 7–8 лет. Скелет находился в анатомическом порядке, лежал вытянуто на спине головой на запад.

Следует отметить, что этот скелет находился выше, чем скелеты женщины и младенца. Такая «стратиграфия», несомненно, показывает, что подросток не был погребен одновременно с женщиной и младенцем, а, наоборот, спустя определенное время был совершен второй обряд захоронения.

Курган 6. Насыпь каменная, из мелких камней. Диаметр с севера на юг – 8 м и с запада на восток – 6 м (рис. IX). По краю обведен кольцом из крупных камней. В восточной части насыпи сосредоточены три крупных камня, поставленных на ребро.

На глубине 0,6 м – могильная яма овальной формы, ориентированная с востока на запад. В яме размером 2 x 10 x 1 м разбросаны кости погребенного. В *in situ* находились лишь несколько спинных позвонков и тазовые кости; череп обнаружен в западной части погребения почти на уровне дневной поверхности. В северо-западной части могилы недалеко от предполагаемых шейных позвонков найден полулунообразной формы амулет из клыка молодого кабана. В средней части его имеется неширокий поперечный желобок со следами ношения (рис. X, 1). По-видимому, в этом месте амулет прикреплялся к верхней одежде. Рядом с вышеописанным амулетом найден другой «оберег» – овальной формы, довольно оригинального назначения, диаметром 6–8 см. Вокруг его края имеется одиннадцать сквозных отверстий (рис. X, 2). Поверхность одной из сторон «оберега» снабжена горизонтальной «линией» в виде неглубоких мелких углублений, к которой, в свою очередь, примыкает другая, перпендикулярная «линия» из подобных же мелких ямочек. Обе эти линии, состоящие из шести ямочек, заканчиваются круглыми сквозными отверстиями, т.е. в каждом ряду – по семь отверстий.

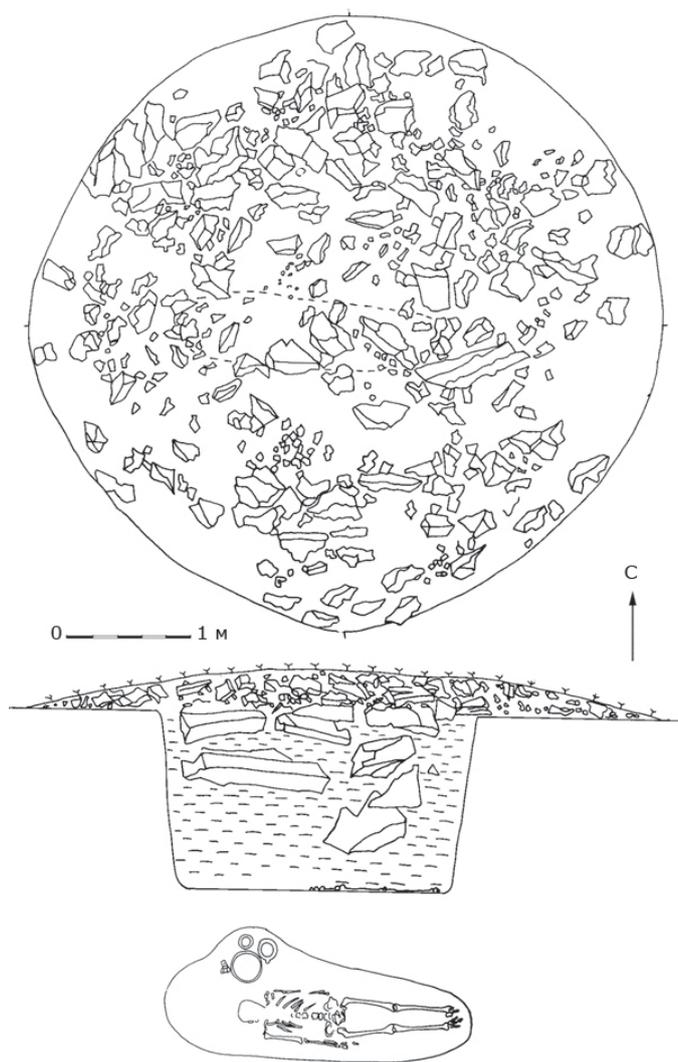

Рис. V. Могильник Албан-Жилга. Курган 4.
Абрис кургана после расчистки и разрез

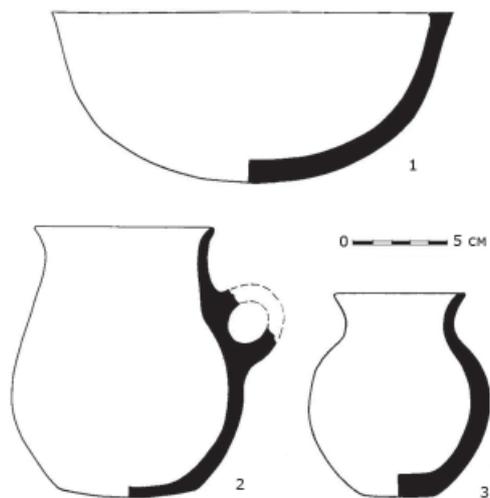

Рис. VI. Могильник Албан-Жилга. Курган 4.
Погребальный инвентарь. Керамические сосуды

Рис. VII. Могильник Албан-Жилга. Курган 5.
Абрис кургана после расчистки и разрез

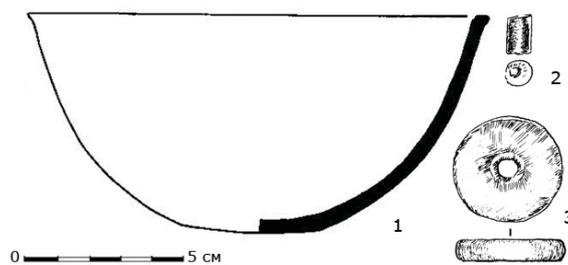

Рис. VIII. Могильник Албан-Жилга. Курган 5.
Погребальный инвентарь. Керамические сосуды

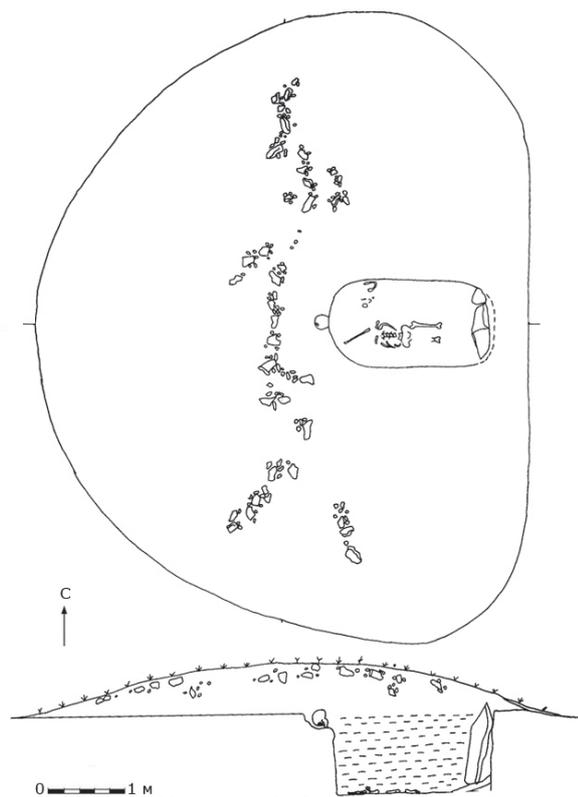

Рис. IX. Могильник Албан-Жилга. Курган 6.
Абрис кургана после расчистки, план погребения, разрез

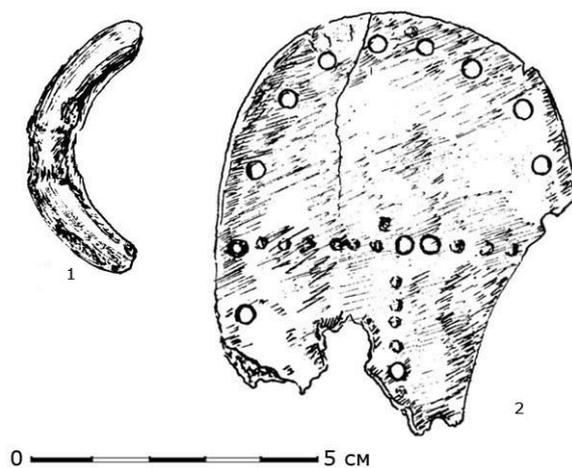

Рис. X. Могильник Албан-Жилга. Курган 6.
Погребальный инвентарь. Амулеты

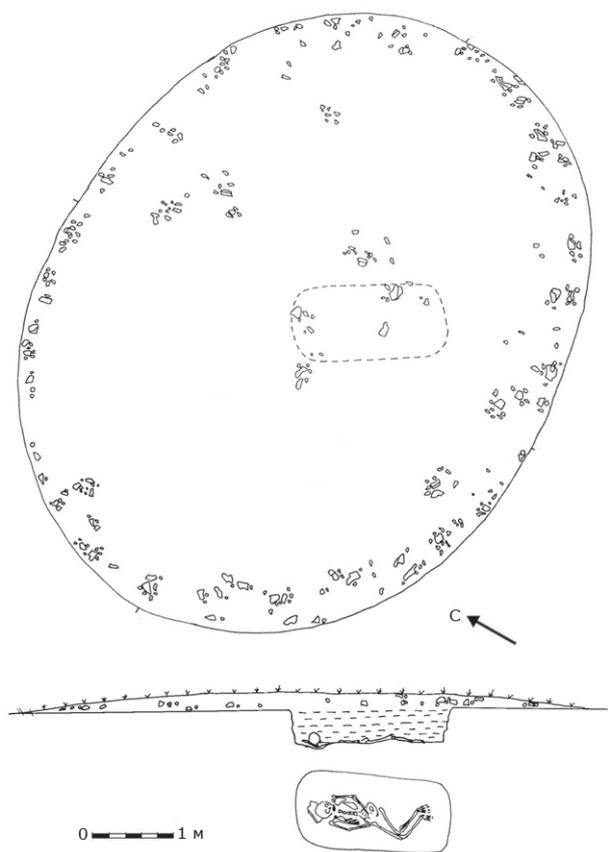

Рис. XI. Могильник Албан-Жилга. Курган 8.
Абрис кургана после расчистки, разрез и план погребения

Рис. XII. Могильник Албан-Жилга. Курган 10.
Абрис кургана после расчистки, разрез и план погребения

Курган 7. Насыпь высотой 0,15 м. Диаметр – 6 м. Имеет вид плоского кольца из средних по величине горных камней.

В средней части насыпи находится овальная могильная яма, вытянутая в направлении запад – восток, размером 2,20 x 0,85 м. На глубине 0,65 м от поверхности земли на дне ямы в беспорядке – остатки человеческих костей: три позвонка, несколько ребер, кости стопы, а также кости левой голени. Курган разграблен. Вещественных находок нет.

Курган 8. По типу сооружения аналогичен предыдущему. На поверхности земли высота его почти не заметна – 0,5–0,8 м. Диаметр – 6 м. По краю насыпи четко просматриваются кольца из мелких камней (рис. XI). В средней части насыпи камни почти отсутствуют.

В «могильной яме» (из-за однородного лесового грунта граница ее четко не оконтурена) на глубине 50–60 см – скелет молодой женщины 25–35 лет, лежащей скорченно на правом боку головой на северо-запад. Левая рука согнута в локте на тазовых костях, правая – слегка отставлена и вытянута вдоль костяка. Ноги подогнуты в коленях. Под головой тонкая каменная плита из сланца – «подушка». При скелете сопровождающий погребальный инвентарь отсутствует.

Курган 9. Каменистый. Средней величины. Насыпь округлая в плане. Диаметр 4,5 м. Сверху покрыта камнями и обведена кольцом из плито-подобных камней, поставленных ребром.

Яма овальной формы – 2,8 x 0,75 м, глубина 0,7 м. Заполнена рыхлым грунтом вперемешку с гравием. Скелет лежит вытянуто на спине головой на северо-запад, лицом на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Находок нет.

Курган 10. Округлая насыпь. Сложена из камней различных величин. Диаметр – 4,5 м, высота – 0,35 м. Вокруг насыпи улавливается каменная выкладка из крупных камней (1 x 0,6 м, 0,5 x 0,6 м).

Под насыпью в центре, на глубине 0,4 м, – могильная яма овальной формы (2 x 0,85 м), ориентированная с севера на юг. Засыпана камнем и землей. На глубине 0,75 м – одиночное захоронение мужчины 35–45 лет. Скелет лежит вытянуто на спине, головой на север, лицом повернут на запад (рис. XII). Череп плохой сохранности. Кости погребенного потревожены, по-видимому, грызунами, так как две фаланги кисти рук зафиксированы около черепа, а нижняя челюсть и лучевая кость правой руки находились ниже тазовых костей, между большими бедренными костями ног. Погребение без инвентаря.

Могильник Бугучу

По-видимому, еще в середине 40-х гг. могильник Бугучу был известен А.Н. Бернштаму. Однако спустя полтора десятка лет Тянь-Шаньский археологический отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции, руководимый А.К. Кибировым, еще раз его зафиксировал. Во всяком случае, отмечено: «У входа в самую Кочкорскую долину, около урочища Кочкор-Ата, находится несколько цепочек курганов. Местонахождение наибольших из этих курганов называется Кумдöбө. Западнее Кумдöбө имеются цепочки курганов меньших размеров (Бугучу – А.А.), к северу от него расположены два больших кургана – «Кош-Тюбе» [Кибиров 1959: 74]. Несмотря на это, на могильнике Бугучу раскопки курганов никем не производились до начала работы нашего отряда.

Итак, могильник Бугучу расположен в 800–900 м к северо-востоку от известного в Кочкорской долине гумбеза Торокелди, вблизи «мазара» Кочкор-Ата. В могильнике насчитывается пятнадцать земляных курганов, тянувшихся цепочкой с севера на юг. В настоящее время курганы этого могильника разделены на две части шоссеиной дорогой, построенной в семидесятые годы между пгт Кочкор и с. Дон-Алыш.

Насыпи курганов могильника Бугучу, как и Кум-Дёбё (у Кибирова – Кумдöбө), из щебенистого грунта, высотой от 1 до 3,5 м. Некоторые из них имеют каменные ограды в виде двойного четырехугольника, кольца или двух концентрических кругов. На площадке, заключенной между основанием насыпи и оградкой, располагаются каменно-земляные курганы малых размеров [Кибиров 1959: 74].

Курган 1. Земляной. Наземное сооружение – из глины и щебня. Дерновый слой почти отсутствует; местами имеются лишь отдельные кустики колючих растений. В плане – округлый. Диаметр кургана с севера на юг – 40 м, с востока на запад – 37 м. Наибольшая высота насыпи составляет 3,8 м (рис. XIII).

Под насыпью в центральной части кургана на уровне древней дневной поверхности обнаружена каменная вымостка из речных валунов и рваных горных камней на площади 5,5 x 5 м. Как выяснилось, она перекрывала семь крупных каменных плит (1,7 x 1,7 x 0,5 x 0,25 м), положенных поперек каменного ящика. Сам ящик удлиненной формы, размерами 8,5 x 2,5 и глубиной 1 м. Он сооружен на дне вырытого в земле котлована из десяти слоев каменных плит. Стенка его сложена с применением глиняного раствора,

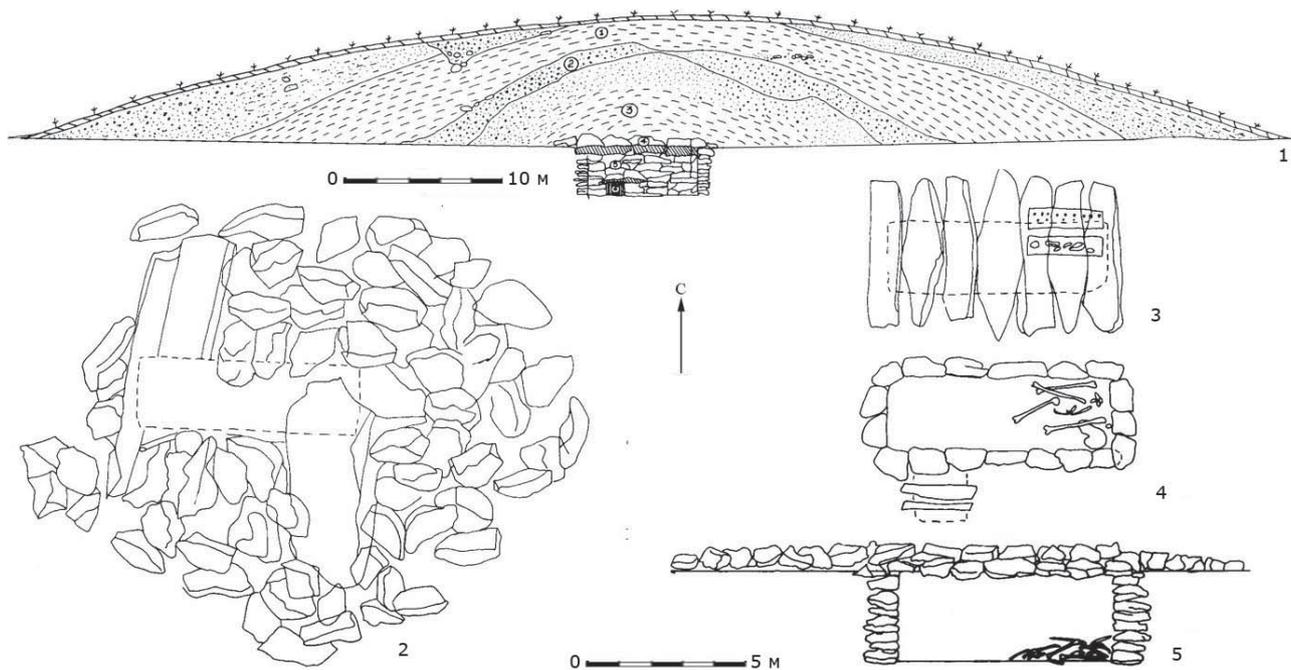

Рис. XIII. Могильник Бугучу. Курган 1:
 1 – разрез кургана; 2 – вымостка, план; 3 – плиты перекрытия ящика, план;
 4 – каменный ящик, план; 5 – каменный ящик, разрез

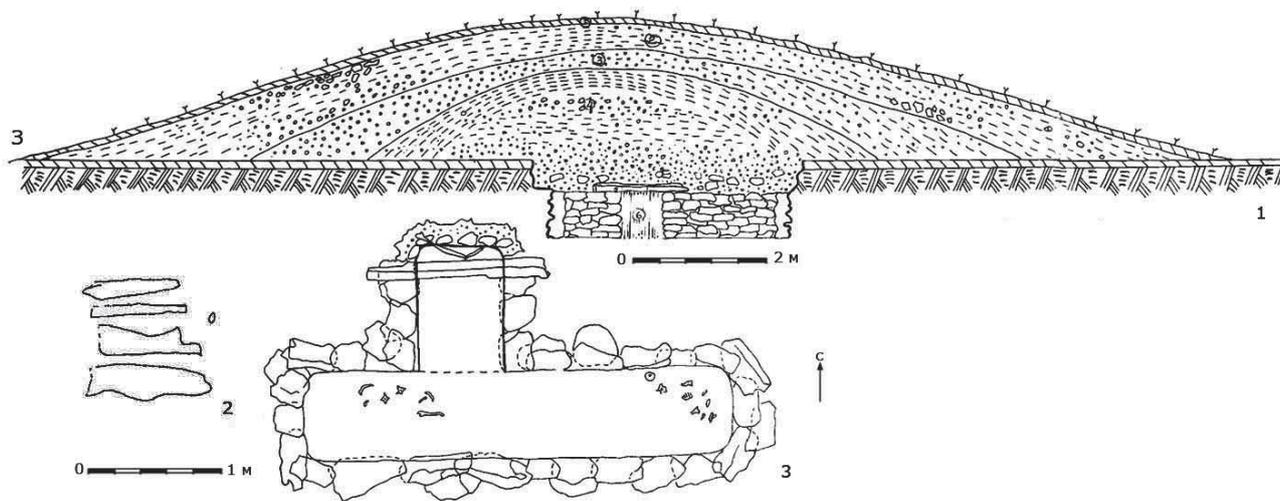

Рис. XIV. Могильник Бугучу. Курган 2:
 1 – разрез кургана; 2 – плиты перекрытия ящика, план; 3 – каменный ящик, план

причём конец одной плиты частично захватывает край другой, обеспечив тем самым прочность сооружения.

Захоронение подвергалось разграблению, о чем свидетельствуют аккуратно вынутые каменные плиты в западной части стенки саркофага. Здесь попадались фрагменты дерева и костей человека.

Анатомический порядок скелета полностью нарушен. Кости (тазовые, лучевые, лопатки, позвонки и др.) сложены в кучу в западном углу ящика. Два ребра и фаланги пальцев найдены в грабительском ходу. Судя по данным остеологических материалов, в ящике был погребен мужчина зрелого возраста 50–55 лет.

Следует заметить, что на позвонках скелета сохранились следы золы.

В западной части ящика в левом углу найдены фрагменты дерева и бронзовый, длиной 4 см, наконечник стрелы – трехгранный, с опущенными жальцами, с остатками дерева на черенке; на одной из площадочек, расположенной между двумя гранями, имеется миниатюрное отверстие, вероятно, для крепления наконечника при помощи тонкого гвоздя к деревянному черенку (рис. XVI, 1).

Курган начисто разграблен. Других вещей нет.

Курган 2. Земляной. Диаметр – 18 м, высота – 2 м. Имеет слегка оплывшую в сторону насыпь. Вокруг насыпи имеются каменные выкладки в виде двойного четырехугольника.

После снятия насыпи в центре кургана на уровне древней дневной поверхности обнаружен ящик, перекрытый редко лежащими каменными плитами. Следует отметить, что в результате сильного ограбления кургана под его насыпью *in situ* не сохранилось каменной вымостки, подобной той, что мы наблюдали в предыдущем кургане.

В кургане находок не было (рис. XIV).

Курган 3. Наземное сооружение из глины и щебня. Форма в плане округлая. Диаметр – 26 м, высота – 2 м. В разрезе насыпи четко видны три стратиграфических слоя – каменный, гравийный и глиняный (рис. XV).

Под насыпью в центральной части, на глубине 1 м от верха насыпи, зачищена вымостка – почти квадратной формы площадка из крупных камней. После методической разборки вскрыт каменный ящик (саркофаг) удлиненной формы, ориентированной по длинной оси с востока на запад. Размеры – 3 x 0,8 x 1 м. Он был перекрыт семью крупными каменными плитами (1,3 x 0,4 м, 1,5 x 0,7 м и т.д.). В северо-западной стенке ящика сделана ниша из таких же каменных плит (1 x 0,4 x 0,7 м). На дне ящика в частичном анатомическом порядке сохранились кости человека. Череп разбит.

Среди костей обнаружена биконической формы с продольным отверстием для нанизывания на нить агатовая бусина длиной 1,5 см (рис. XVI, 2). Здесь же были найдены фрагменты тонко обработанной кожи, по-видимому пред-

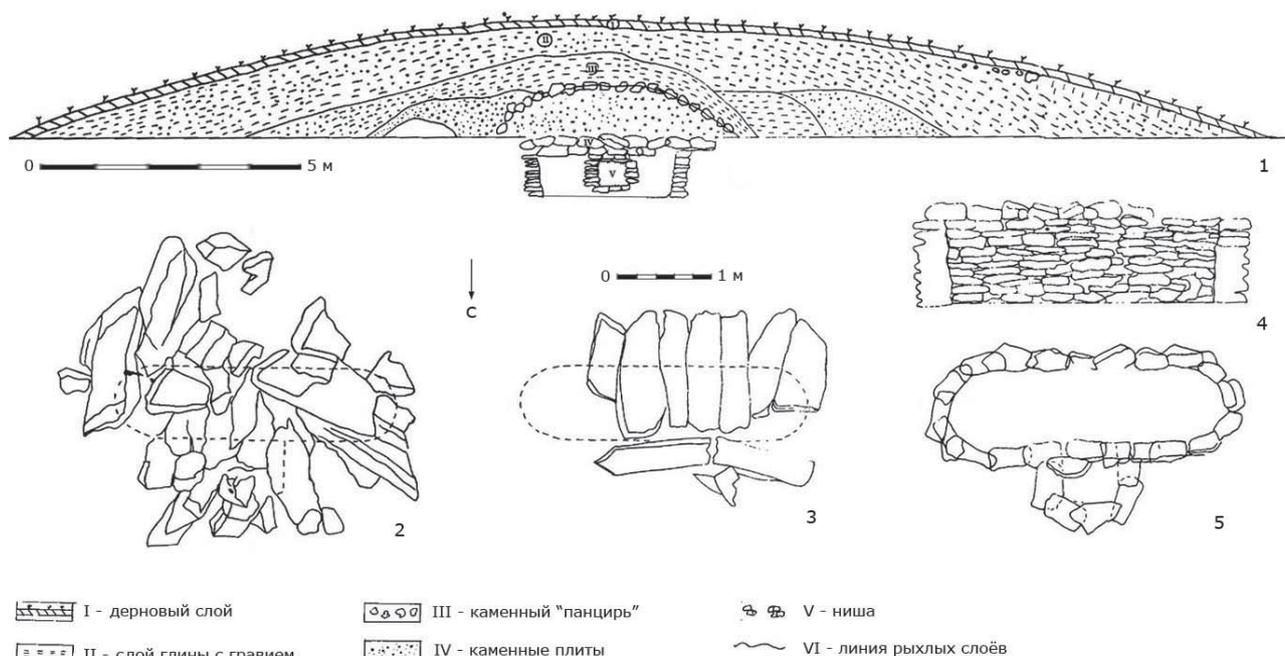

Рис. XV. Могильник Бугучу. Курган 3:
 1 – разрез кургана; 2 – каменная вымостка, план; 3 – плиты перекрытия ящика, план;
 4 – каменный ящик, разрез; 5 – каменный ящик, план

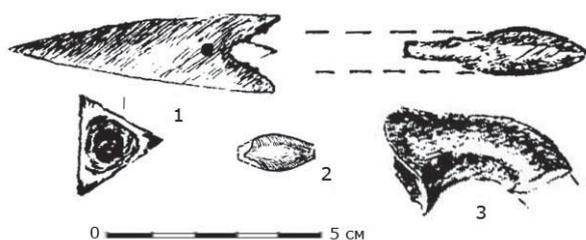

Рис. XVI. Могильник Бугучу. Погребальный инвентарь:
1 – наконечник стрелы, бронза, к. 1; 2 – бусина, агат, к. 3;
3 – фрагмент ручки сосуда, керамика, к. 6

назначенной для колчана или обуви. Других вещей нет.

Курган 4. Находится в середине цепочки. Как и предыдущие курганы, наземное сооружение из глины и щебня. Диаметр – 22 м, высота – 2,15 м.

Под насыпью в центре кургана на глубине 0,4 м от верха насыпи обнаружены четыре крупных каменных плиты (0,8 x 0,4 м, 1,4 x 0,4 м). В проемах плит найдены кости мелкого рогатого скота – позвонки, ребра и т.д.

Под плитами – каменный ящик размером 2,6 x 0,7 и глубиной 1 м; ориентированный длинной осью с востока на запад. Почти все плиты находились *in situ*, за исключением двух крайних, расположенных в восточной и западной частях ящика. В северной стенке ящика устроена ниша (1 x 0,4 и 0,6 м). Она сверху также перекрыта двумя плоскими плитами 1 x 0,4 и 1 x 2 x 0,3 м (рис. XVII).

Памятник подвергался ограблению. В результате грабежа большая часть скелета выброшена. Сохранились левая плечевая, обе локтевые кости, ключица, несколько ребер и другие кости. Левая тазовая кость находилась в восточном углу ящика. Судя по комплексу остеологического материала, скелет погребенного принадлежал мужчине 25–40 лет. Интересны изменения, обнаруженные на локтевой и плечевой костях левой руки, т.е. хорошо заживший перелом, представляющий собой вариант одной из самых обычных бытовых травм. В результате сильной травмы локтевая кость значительно деформирована и укорочена на 2–2,5 см.

В ящике находок нет. Около ниши тайника зафиксированы лишь фрагменты тонкой кожи красного цвета.

Курган 5. Самый «богатый» и интересный с точки зрения погребального обряда. Насыпь кургана сложена из щебёнчатой глины и камня. Диаметр – 22 м, высота – 2,2 м.

Под насыпью, на глубине 1,3 м от верхней отметки, на участке в 3,4 x 2 м зафиксировано довольно много камней различных размеров – 0,3 x 0,4, 0,8 x 0,6 и 1 x 0,5 м, поставленных плаш-

мя и на ребро. Они лежат плотными рядами, напоминая специально вымощенные плиты. В проемах камня обнаружен кусок деревянного настила – «стойки» с двумя сквозными отверстиями.

После разбора каменных плит оконтурился котлован овальной формы 3 x 1 x 1 м, внутри которого сооружен каменный ящик с нишей (1 x 0,7 x 0,4 м), ориентированный строго по длинной оси с востока на запад. Сохранилось перекрытие из каменных плит.

На дне каменного ящика лежал хорошо сохранившийся деревянный настил-гроб. Он имеет форму трапеции. Внешние размеры его 2,4 x 0,8 x 0,7 м, предполагаемая высота 0,5–0,7 м (рис. XVIII). Дно настила-гроба состоит из двух округлых в сечении длинных брусков, соединенных между собой шестью поперечными планками, концы которых входят в продольные пазы брусков. Предполагаемые стенки и перекрытие настила-гроба сооружались из тонких «прутьев», устанавливаемых перпендикулярно в овальные пазы нижних брусков. В целом он выглядел как деревянный Табыт (гроб-колыбель) – погребальный инвентарь, существующий до сих пор в мечетях.

Погребение разрушено. Кости погребенного мужчины 40–50 лет разбросаны по камере, но сохранились в полном наборе. Следует отметить, что большая часть костей скелета имеет следы золы. Также подчеркнем, что почти все кости погребенного «разбиты на множество мелких фрагментов». На некоторых из них хорошо видны следы раскола от рубящего удара. В захоронении нет практически ни одной целой длинной или другой крупной кости, за исключением позвонков, пястных и плюсневых костей. Длинные кости конечностей разбиты на три-четыре фрагмента каждая. При этом сохранность костной ткани очень хорошая. Очевидно, скелет был подвергнут целенаправленному разрушению посредством какого-то рубящего орудия.

Надо полагать, что большая часть погребального инвентаря похищена. Те немногие сохранившиеся вещи говорят о том, что покойник был погребен в богатом туалете с ритуальной пищей. Так, в ящике были найдены два целых и два разбитых (остались только фрагменты) керамических сосуда. Первый сосуд – шарообразной формы кувшин с вытянутым узким горлом и плоским дном. Диаметр устья – 6,4 см, высота – 15,5 см. Тесто плотное без особых примесей и органических веществ. Обжиг ровный. Кувшин ручной лепки, но очень качественного изготовления (рис. XIX. 3). Второй сосуд – чернолощенный, шарообразной формы. Дно круглое, высота 20 см. Диаметр венчика составляет

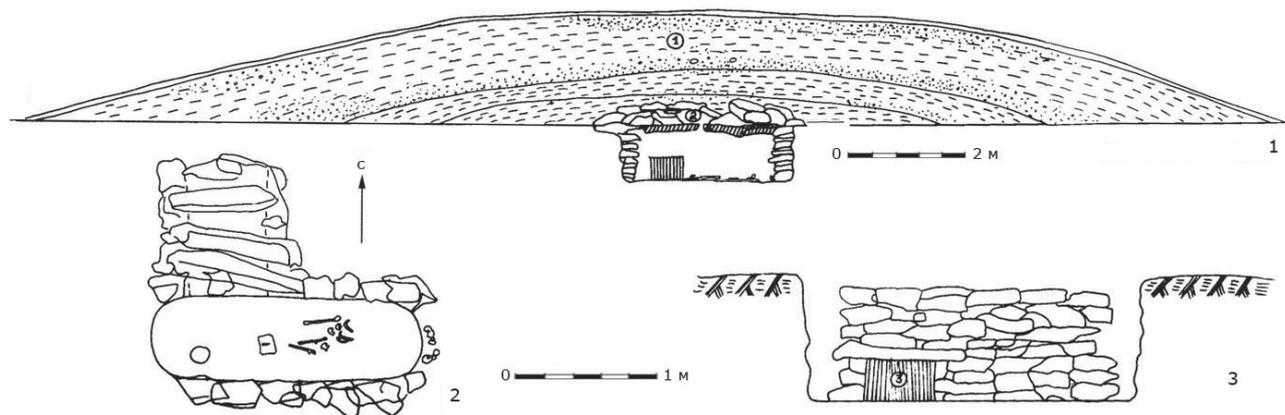

Рис. XVII. Могильник Бугучу. Курган 4.

1 – разрез кургана; 2 – каменный ящик, план; 3 – каменный ящик, разрез

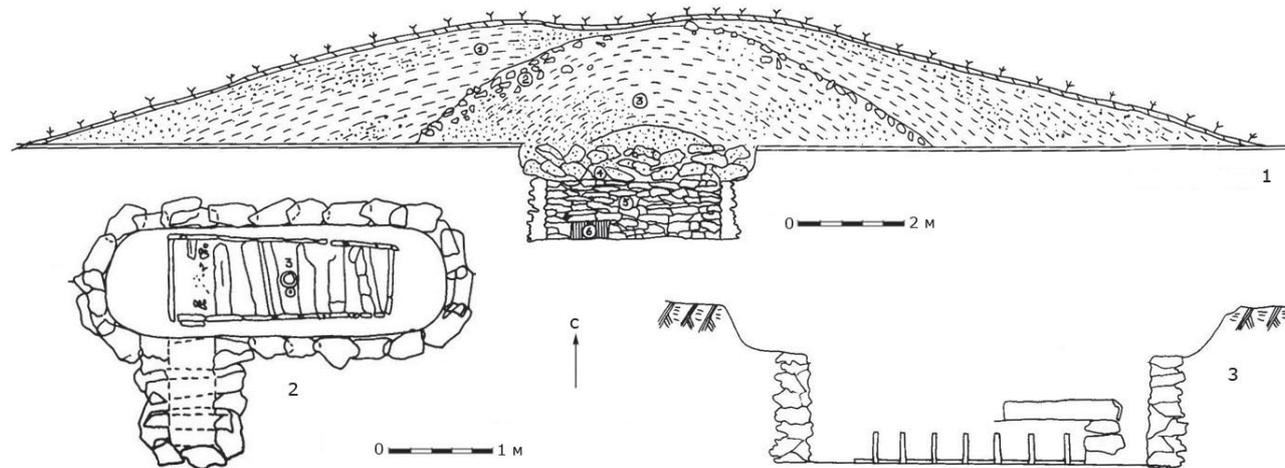

Рис. XVIII. Могильник Бугучу. Курган 5:

1 – разрез кургана; 2 – каменный ящик, план; 3 – каменный ящик, разрез

12 см. Горловина сосуда короткая и отогнута наружу. Тесто, из которого вылеплен сосуд, довольно плотное, но с примесью мелкого песка (рис. XIX. 2). Из других находок в ящике в западной его части собраны пятьдесят пять экземпляров мелких бус (бисер), изготовленных из мягкого известняка (рис. XIX. 1). Курган сильно ограблен, потому других находок нет.

Курган 6. Расположен в 50–70 м к северу от предыдущего. Земляной. Сверху – небольшое число мелких камней. Диаметр – 17 м, высота – 1,2 м.

Под насыпью – каменный ящик, перекрытый сверху плотно прилегающими друг к другу крупными плитами: 1,5 x 0,4, 12 x 0,5, 0,8 x 0,3 м. В результате грабежа западная стена ящика разрушена, а перекрывающая его крайняя плита оказалась сдвинутой.

Ящик, как и в предыдущих курганах, сооружен в яме. Он овальной формы и ориентирован длинной осью с востока на запад. Его размеры –

2,4 x 1 м. В северной стене ящика устроена ниша из каменных плит средних размеров – 1 x 0,6 м, которая перекрыта сверху тремя плоскими плитами.

Камера (ящик) сильно разграблена. В ней большинство костей, по-видимому, женщины. Сохранились кости голени, фрагменты кости рук. Другие находки не обнаружены (рис. XX).

Могильник Кара-Сенир

Курганный памятник расположен на пологом склоне гор в 500–600 м к северо-западу от могильника Бугучу, напротив «священного» холма Кочкор-Ата.

Могильник состоит из 32 мелких каменных курганов, расположенных без четкой системы. Но иногда создается впечатление, что курганы как бы группируются по пять-десять в отдельные цепочки. Однако строгой закономерности их расположения ясно не устанавливается. Здесь нами раскопано шесть мелких курганов.

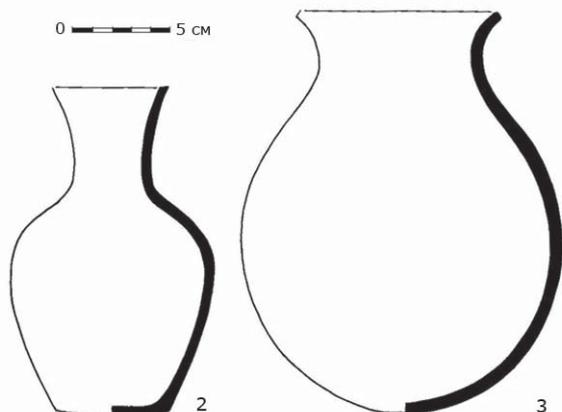

Рис. XIX. Могильник Бугучу. Курган 5.
Погребальный инвентарь:

1 – бусины, известняк; 2–3 – керамические сосуды

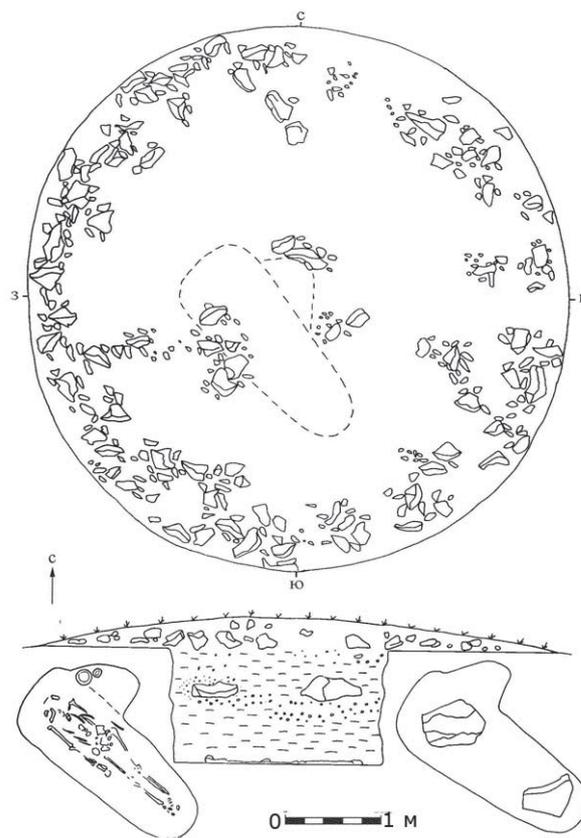

Рис. XX. Могильник Бугучу. Курган 6:

1 – разрез кургана; 2 – плиты перекрытия ящика, план;
3 – каменный ящик, план

Курган 1. Каменистый. Диаметр с востока на запад – 5 м, с севера на юг – 6 м, высота – 0,3 м. По основанию проходит кольцо из камня.

Могильная яма грунтовая неправильно-овальной формы (2,4 x 0,9 м, глубиной 1 м), ориентированная длинной осью с востока на запад; заполнена обломками камней горных пород. Над восточной частью могильной ямы сохранились три каменные плиты перекрытия. На дне могильной ямы скелет человека (юноши 18–20 лет) – вытянуто на спине, головой на запад. Отсутствует череп.

Курган разграблен. Находок нет.

Курган 2. Расположен в 200 м к северо-востоку от предыдущего. Насыпь каменистая, слегка задернована. В плане – овальной формы. Диаметр с севера на юг – 6,5 м, с востока на запад – 5,2 м, высота – 0,4 м. Вокруг насыпи – выкладка из небольших камней: 0,5 x 0,6, 0,7 x 0,4 и 0,1 x 0,2 м.

Под насыпью открыта могильная яма овальной формы (2,7 x 1,4 x 0,85 м), ориентированная длинной осью с востока на запад. Она завалена камнями и каменными плитами от перекрытия (8 шт. размерами 0,7 x 0,7 м, 0,35 x 0,5 м). На дне

ямы – скелет женщины 25–30 лет, вытянуто на спине, головой на запад.

На северной стенке могильной ямы на уровне плечевых костей – небольшая ниша (0,25 x 0,35 м) (рис. XXI). В ней три глиняных сосуда и круглодонная чаша полусферической формы ручной лепки из теста серого цвета: диаметр устья – 25 см, высота – 9 см, толщина стенки у венчика – 0,9 см. На внутренней поверхности и дне чаши сохранились отпечатки ткани. Чаша нами реставрирована (рис. XXII. 5). Второй сосуд – с плоским дном: высота – 16 см, диаметр – 12,5 см. Тулово слегка выпуклое, венчик отогнут наружу. Сбоку сохранились следы от петлеобразной ручки (рис. XXII. 3). Третий сосуд – круглодонная приземистая чаша ручной лепки: диаметр устья – 10,5 см, высота – 0,8 см, толщина стенки – 0,7 см. Тесто плотное с примесью песка. Венчик округлой формы, слегка отогнут наружу (рис. XXII. 4).

В западной части могильной ямы найдена бронзовая, круглая в сечении булавка – так называемый стиль (рис. XXII. 1). Длина ее – 15 см. Она имеет плоское навершие в виде миниатюрной лопаточки шириной 1 см. Здесь же были обнаружены две ромбовидные и треуголь-

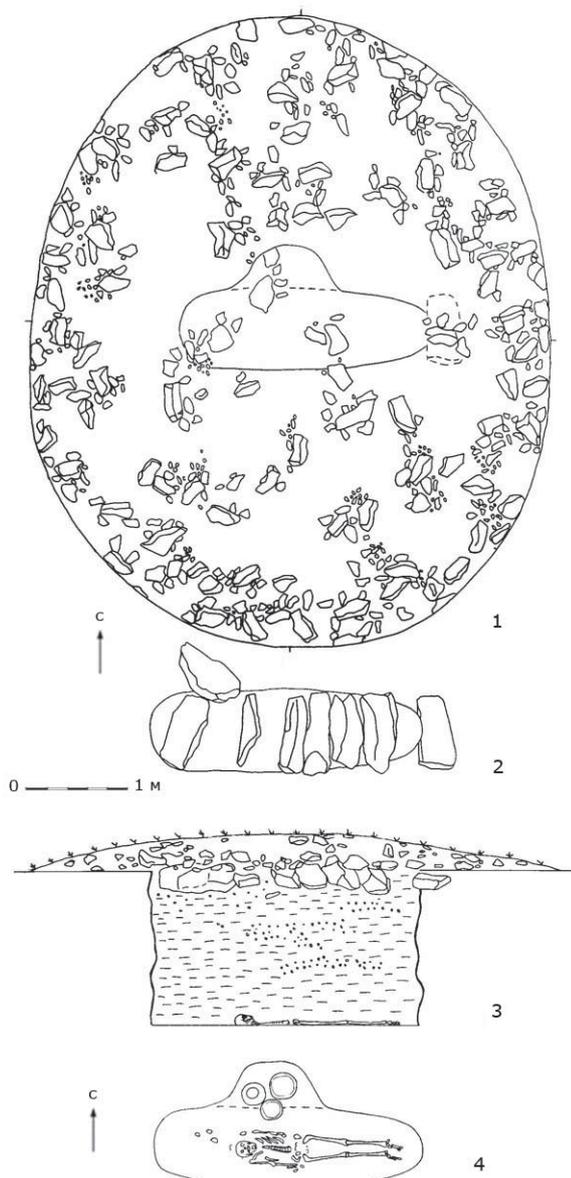

Рис. XXI. Могильник Кара-Сенир. Курган 2:
1 – абрис кургана после расчистки; 2 – разрез кургана;
3 – плиты перекрытия ящика, план;
4 – каменный ящик, план

ной формы золотые бляшки из тоненькой фольги (рис. XXII. 2). Размеры их 3 х 2,5 см. Курган ограблен. Других вещей нет.

Курган 3. Каменистый. Расположен между двумя крайними курганами 12 и 13 в цепочке. Диаметр с востока на запад – 6,6 м, высота – 0,3 м. Вокруг насыпи четкая выкладка из небольших камней.

Раскоп заложен в центре кургана на площади 3 х 8 м. Под насыпью – могильная яма овальной формы (2 х 0,8 м), ориентированная по линии запад – восток.

Погребение ограблено – кости человека разбросаны в беспорядке по всей могильной яме. Находок нет.

Курган 4. Каменистый. В плане округлой формы, диаметром с севера на юг – 6,6 м, с востока на запад – 5 м, высотой – 0,9 м.

На глубине 0,6 м от верха насыпи обнаружены две крупные каменные плиты (0,8 х 0,5, 0,7 х 0,4 м). Грунтовая могильная яма овальной формы, ориентирована по линии запад – восток. На дне (глубина 1,2 м) головой на запад лежал в анатомическом порядке на спине скелет мужчины (?) зрелого возраста.

Слева, в нише, два глиняных сосуда (рис. XXIII). Чаша ассиметричной формы, грубой ручной работы: диаметр – 22 см, высота – 12 см. Глина плотная, без особых примесей. Обжиг сильный, неравномерный. На внутренней поверхности чаши сохранились следы ткани мелкого плетения. В чаше находился крестец барана (рис. XXIV. 2). Второй сосуд – круглодонный горшок ручной лепки: диаметр устья – 12 см, высота – 13 см. Тесто рыхлое с примесью мелкого песка. Обжиг нормальный и ровный. Горшок имеет петлеобразную ручку, диаметр 4,5 см. На противоположной ручке стороне на боку горшка следы коפותи (рис. XXIV. 1).

Из других особенностей следует отметить, что на костях погребенного – на грудной клетке и на ребрах, позвонках и лопатках – сохранились следы сильной закопченности. Курган частично потревожен. Находок больше нет.

Курган 5. Земляной. Диаметр с севера на юг – 5,5 м, с востока на запад – 5,2 м, высота – 0,35 м. Насыпь кургана опоясана крупными камнями (0,8 х 0,6, 0,7 х 0,5 м).

Под насыпью в центре оконтурилась могильная яма овальной формы (2,1 х 0,7 м, глубина 0,7 м). На дне ее – скелет женщины 35–45 лет, строго в анатомическом порядке вытянут на спине, головой на северо-запад. Череп скелета и некоторые кости отсутствуют.

В западной части могилы обнаружен фрагмент золотой фольги. Других находок в могиле не обнаружено.

Курган 6. Насыпь почти без камней. В плане – округлой формы. Диаметр – 5,5 м, высота – 0,3 м.

Могильная яма овальной формы (1,8 х 0,7 м, глубина 0,6 м), вытянута с востока на запад. В заполнении ее зафиксированы фрагменты нескольких трубчатых костей, крестец, фрагменты таза человеческого скелета. Пол и возраст погребенного определить трудно.

Погребение разграблено. Находок нет.

Могильник Кум-Дёбё

Памятник расположен на северо-западной окраине центральной усадьбы совхоза «60 лет Октября». Местность, где находятся огромные

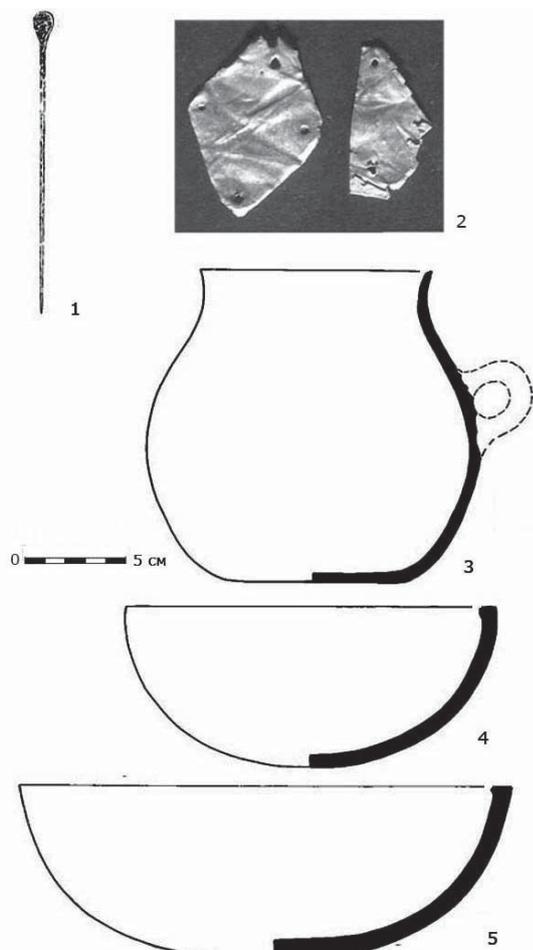

Рис. XXII. Могильник Кара-Сенир. Курган 2.
Погребальный инвентарь:
1 – булавка, бронза; 2 – нашивные бляшки, золото;
3–5 – керамические сосуды

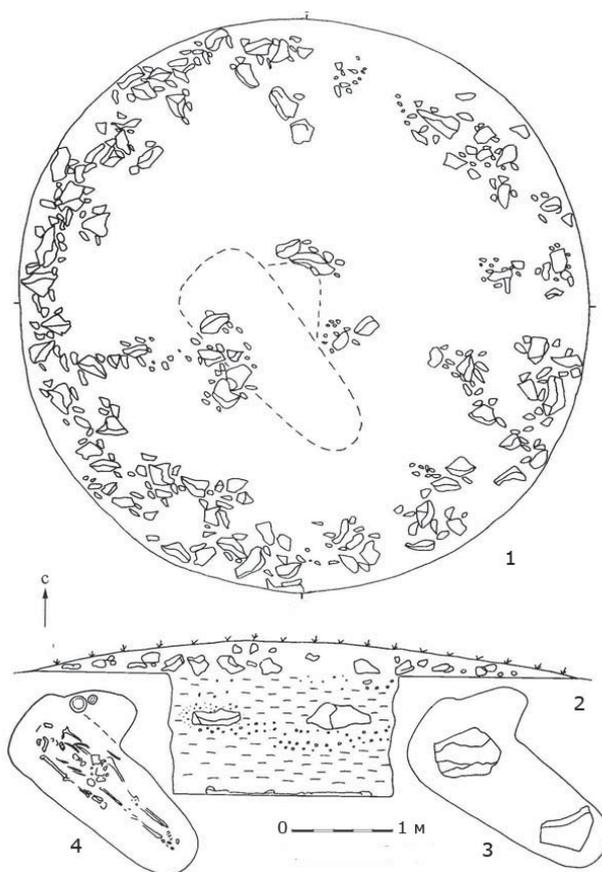

Рис. XXIII. Могильник Кара-Сенир. Курган 4:
1 – абрис кургана после расчистки; 2 – разрез кургана;
3 – плиты перекрытия ящика, план;
4 – каменный ящик, план

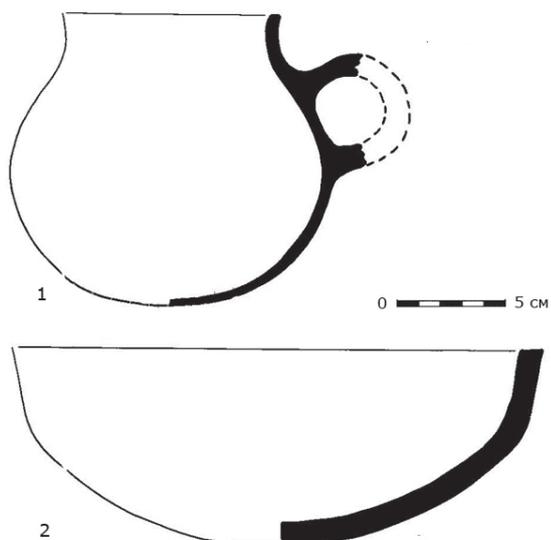

Рис. XXIV. Могильник Кара-Сенир. Курган 4.
Керамические сосуды

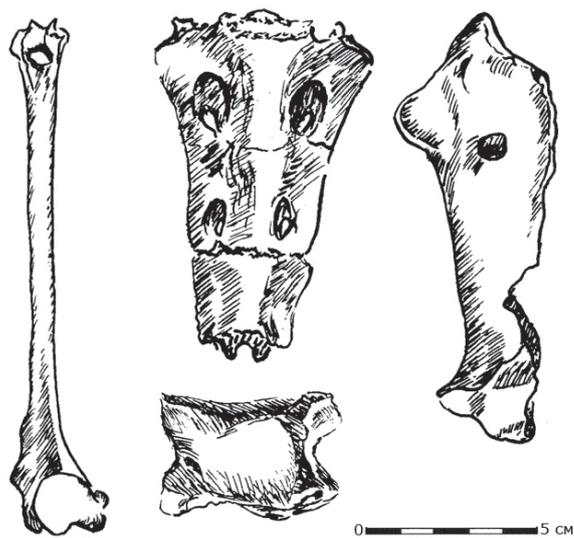

Рис. XXV. Могильник Кум-Дёбё. Курган 1.
Костные остатки ритуальной трезны

земляные курганы, испокон веков у местного населения называется Кум-Дёбё. Поэтому, исходя из этой древней топонимики, могильник в 1955 г. при введении в научный оборот получил своё название [Кибилов 1959]. Он состоит из десяти сохранившихся больших курганов, образующих цепочку, вытянутую с юга на север. Курганы южного края цепочки разрушаются из-за проводимых там сельскохозяйственных и «пропагандических» работ – на вершине одного из них сделана площадка и на ней установлена композиция из железобетона с пресловутым лозунгом «Вперед к победе коммунизма!».

У некоторых курганов по подошве насыпи находятся большие завалы из камней, собранных рабочими совхоза с окружающих полей, что серьезно затрудняет ведение раскопок этих памятников.

Необходимо указать, что вокруг крупных земляных курганов сосредоточены мелкие курганы и круглые каменные выкладки без насыпей. Не исключено, что эти захоронения синхронны и принадлежат родственным племенам или членам большого семейного рода, которых специально хоронили вместе вокруг могилы родоначальника племени.

В разных частях могильника нами были раскопаны 7 сравнительно небольших курганов.

Курган 1. Расположен в 400 м к югу от шоссе, проходящей через совхоз «60 лет Октября» до с. Комсомол. Он как бы замыкает южный конец цепочки больших земляных курганов могильника. Насыпь земляная. В плане – округлой формы. Диаметр – 15 м, высота – 1,1 м. По основанию насыпи, местами прерываясь, проходит кольцо из мелких камней.

Раскоп заложен в центре насыпи на площади 16 м². Могильная яма, контуры которой удалось проследить на глубине 1 м от верха насыпи, овальная (2,1 x 1,6 x 1 м, глубина – 1,6 м) и ориентирована по линии восток – запад. На глубине 0,6–0,8 м, почти на уровне древней поверхности, в южной части раскопа обнаружены кости птицы, овцы и альчик барана (по-видимому, остатки ритуальной пищи-тризны) (рис. XXV). Кости птицы (бедренные) имеют круглое отверстие для нанизывания.

В заполнении грунтовой могильной ямы на разной глубине попадались фрагменты скелета человека. Дальнейшие раскопки показали, что скелет погребенного сохранился не полностью. На дне ямы в беспорядке разбросаны длинные кости ног, ребра, позвонки, обломки лопаток, тазовых костей и черепа. Кости сохранились плохо. По-видимому, скелет принадлежал мужчине лет 25–35. В восточной части раскопа обнаружены фрагменты глиняной чашечки, сде-

ланной на гончарном круте (поддон, боковина, венчик и т.д.), которые позволяют восстановить первоначальную форму. Курган сильно разграблен. Других находок нет.

Курган 2. Расположен севернее на 15–20 м от предыдущего кургана. Насыпь его состоит из земли и камня. Диаметр с севера на юг – 15 м, с запада на восток – 16 м, высота – 1 м.

Могильная яма обнаружена почти на уровне древней почвы (0,8 м). Овальной формы (2,1 x 1,8 м). Ориентирована по линии запад – восток.

Погребение сильно ограблено, поэтому анатомический порядок скелета нарушен полностью. Многие кости отсутствуют. Несмотря на это, антрополог отряда С.С. Тур считает, что половая дифференциация погребенного выражена настолько резко, что имеющихся единичных данных достаточно для того, чтобы без всяких сомнений утверждать: скелет принадлежит мужчине 35–45 лет. В качестве других особенностей скелета можно указать на неправильно сросшиеся переломы, зафиксированные на левой бедренной и большеберцовой костях ног.

В западной части могилы, на глубине 1,6 м от уровня древней дневной поверхности, между двумя плотно прилежащими друг к другу забутовочными камнями обнаружена золотая серьга (рис. XXVI. 1). Она состоит из двух составных частей: верхняя половина – серьга, нижняя – подвеска. Серьга изготовлена из проволоки, которая закручена в круглую петельку в полтора оборота, диаметром 1,3 см. Снизу к ней припаяно незамкнутое миниатюрное колечко, которое служит связующим звеном. Подвеска изготовлена отдельно таким же способом, что и серьга: из более тонкой проволоки также закручена маленькая круглая петелька в два оборота, а затем длинным концом проволоки туго обмотана короткая ее половина так, что получилась подвеска типа «прутика» (длина – 4 см). На нижней части подвески – цилиндрической формы бусина из бирюзы. Оба ее конца укреплены примитивной мелкой зернью. Кончик самой подвески украшен пирамидкой из четырех шариков.

Кроме этой уникальной серьги на разных глубинах могильной ямы встречались фрагменты железного ножа. Здесь же найдена конусовидной формы свистулька, изготовленная из трубчатой кости какого-то животного, скорее всего зайца или крупной птицы. Длина ее – 3,2 см, диаметр – 0,8 мм, глубина втулки – 1,5 см (рис. XXVI. 2). Подобные изделия служили в древности и Средневековье свистульками на черешке наконечников стрел для создания устрашающего эффекта – свиста – во время полета стрел.

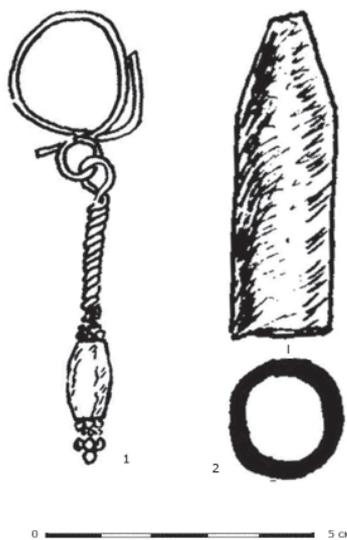

Рис. XXVI. Могильник Кум-Дёбё. Курган 2.
Погребальный инвентарь:
1 – серьга, золото, бирюза; 2 – свисток
от наконечника стрелы, кость

Курган был сильно ограблен. Других вещей не обнаружено.

Курган 3. Расположен в 150–200 м к югу от шоссеной дороги, составляя как бы продолжение цепочки больших земляных курганов могильника Кум-Дёбё. Насыпь земляная. Диаметр – 22 м, высота – 2 м. На поверхности кое-где лежали мелкие камни. На вершине в насыпи кургана имелаь большая воронка диаметром 2,5 м и глубиной около 1 м (рис. XXVII).

В профиле кургана хорошо чередуются слои. Верхний слой – галечный, толщиной от 0,25 до 0,6 м. Ниже шел слой из мелкой гальки с глиной, который внизу постепенно переходит в погребенную почву. На уровне древнего горизонта зафиксирован слой из мелкого гравия и сероватой гальки, который распространялся во-

круг могильной ямы-котлована, резко отличающийся от естественной погребенной почвы.

В насыпи обнаружен воронкообразный слой выброса. Вероятно, это грабительский ход, который привел к опустошению древнего погребального сооружения.

На поверхности погребальной почвы в северо-западной части кургана были расчищены остатки двух скелетов собак. Недалеко от них лежали кости домашних животных (крестец, позвонки барана, а также крестец лошади). Здесь же собраны бедренные, тазовые кости крупных птиц. Скопление костей ритуальной пищи, обнаруженное в непосредственной близости котлована сруба, а также следы костров, несомненно, свидетельствуют об обряде тризны перед сооружением насыпи.

В насыпи кургана попадались мелкие черепки керамики ручной лепки.

Верхний слой, а также почти все пространство до дна могильной ямы заполнено мелкой галькой с глиной. Около дна (2,8 x 2,6 м) расчищены остатки бревен, превратившиеся почти в труху. Однако они позволяют установить форму и размеры сруба: четырехугольный, размеры – 2,6 x 2,4 м, предполагаемая высота – 2–2,5 м. Почти на уровне древней дневной поверхности (на 25 см глубже) сохранились части десяти бревен, расположенных в широтном направлении, которые перекрыты сверху речными валунами. По всей вероятности, эти бревна служили верхними перекрытиями для сруба. Сруб сильно пострадал от грабителей и последующих перекопов, поэтому трудно с полной уверенностью восстановить первоначальный вид сооружения.

На дне могильной ямы обнаружены фрагменты керамики и отдельные кости животных, которые определяются с большим трудом. В

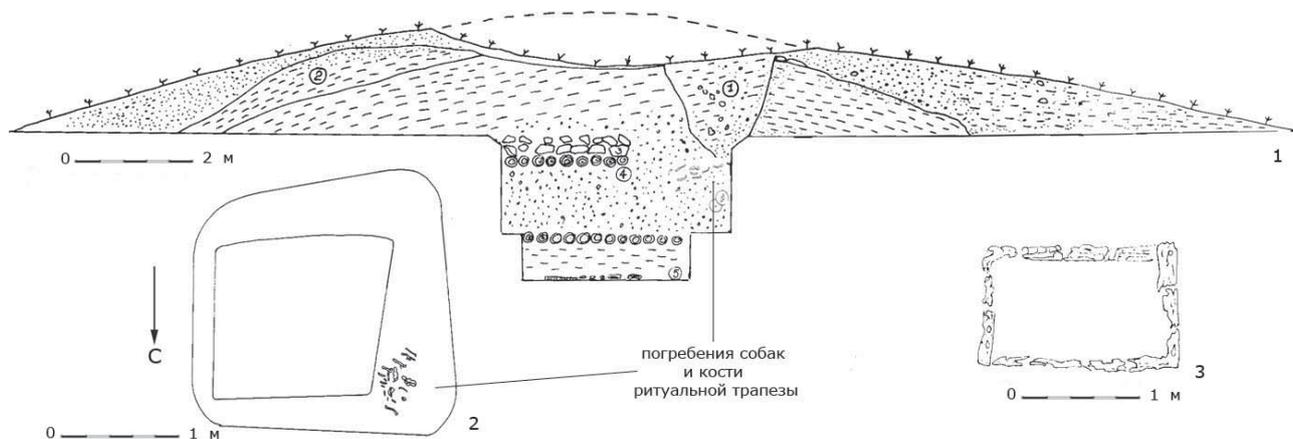

Рис. XXVII. Могильник Кум-Дёбё. Курган 3:
1 – разрез кургана; 2 – план на уровне погребенной поверхности

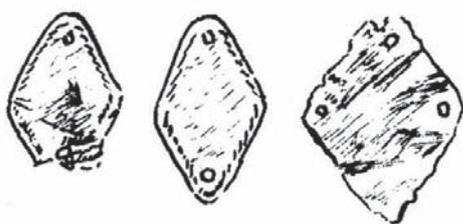

Рис. XXVIII. Могильник Кум-Дёбё. Курган 3.
Погребальный инвентарь.
Нашивные бляшки, золото

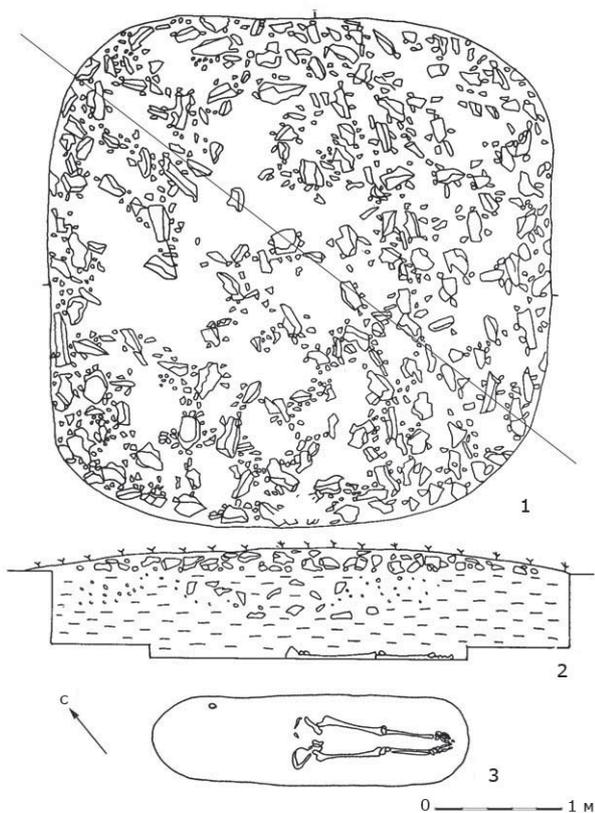

Рис. XXIX. Могильник Кум-Дёбё. Курган 4:
1 – абрис кургана после расчистки; 2 – разрез кургана;
3 – погребение, план

северо-западном углу сруба найдены две миниатюрные золотые бляшечки ромбовидной формы с маленькими отверстиями для пришивания к одежде. Здесь же были подобраны обрывки фольги из того же драгоценного металла (рис. XXVIII). Судя по всему, в срубе был погребен знатный человек, занимавший при жизни определенное положение в обществе кочевников.

Костей человека и других находок нет.

Датировку дают ромбовидные бляшечки, почти тождественные Иссыкским и Бешатырским, – сакское время (V–III в. до н.э.).

Курган 4. Каменистый. Диаметр насыпи – 4 м. По поверхности – сплошной каменный «панцирь».

На глубине 0,2 м от вершины, на уровне древней поверхности, обнаружена грунтовая могильная яма. Она ориентирована с юго-востока на северо-запад (1,5 x 0,5 x 0,8 м) (рис. XXIX).

В могильной яме – частично разрушенный скелет женщины 35–40 лет. Кости верхней половины отсутствуют, но в разных частях могильной ямы зафиксировано несколько фрагментов ребер, обломки левой лопатки и нижний эпифиз плечевой кости. В анатомическом порядке сохранилась лишь нижняя часть скелета. Судя по ней, погребенный лежал вытянуто на спине головой на северо-запад.

Курган ограблен. Находок не обнаружено.

Курган 5. Насыпь каменная. Диаметр – 4,7 м, высота – 0,2 м.

На глубине 0,25 м от вершины – грунтовая могильная яма (2,1 x 0,8 м, глубина – 0,9 м), вытянутая на линии восток – запад.

Захоронение основательно разрушено. Часть костей скелета вообще отсутствует. В анатомическом порядке сохранились лишь кости ног. Судя по ним, скелет лежал вытянуто на спине головой на северо-запад. Погребена была женщина 35–45 лет.

Курган ограблен. Находок нет.

Курган 6. Насыпь из земли и камня. В плане – круглой формы. Диаметр – 5,5 м, высота – 1 м.

На дне могильной ямы – разрушенное трупоположение. Анатомический порядок скелета нарушен. Череп полностью разбит; от него сохранилась только затылочная часть, которая найдена в засыпке. Из-за плохой сохранности костей определить пол погребенного не удалось. Предполагаемый возраст – 40–55 лет.

Курган ограблен. Находок нет.

Курган 7. Каменно-земляной. Диаметр – 5 м, высота – 0,4 м.

На глубине 0,5 м от верха насыпи – могильная яма, вытянутая с юго-востока на северо-запад. На дне грунтовой ямы – частично разрушенный скелет человека. Сохранилась только нижняя половина скелета. Судя по ней, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад. Из-за отсутствия черепа и части других костей скелета определить пол не удалось. Судя по морфологическим особенно-

стям верхних диафизов бедренных костей, человек умер, предположительно, в возрасте 30–40 лет.

В силу того что курган неоднократно был ограблен, в могильной яме находок не было.

Примечания

1. С машинописного Отчёта электронная версия для печати подготовлена старшим научным сотрудником КГИМ К.Т. Акматовым.

2. Все антропологические определения сделаны сотрудником отряда С.С. Тур.

Abstract

RESEARCHES SHAMSHI ARCHAEOLOGICAL GROUP KAAE IN 1987-1988.

Part 1. 1987

A.K. Abetokov

In article the information on archeological excavations of four burial grounds early nomad in Kochkor's valley is resulted. Drawings of the dug out burials, data about finds and anthropology of the buried are resulted.

Литература

Кибиров 1959 – Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // ТКАЭЭ. Т. 2. – М., 1959.

БРОНЗОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ИЗ ЧОЛПОН-АТИНСКОГО МУЗЕЯ

С.С. Иванов*

*Иссык-Куль / эпоха ранних кочевников / боевые пояса
Issyk-Kul lake / ancient nomads epoch / bronze objects*

В июле 2007 г. при посещении Иссык-Кульского государственного музея в г. Чолпон-Ата мне удалось ознакомиться с несколькими предметами эпохи ранних кочевников, собранными в последние годы в окрестностях с. Жаркынбаево и хранящимися в настоящий момент в нем¹. Несмотря на то что их сравнительно немного, эти предметы в значительной мере пополняют пока сравнительно немногочисленную группу вещей, относимых к раннему железному веку, и расширяют наши представления о материальной культуре этой эпохи.*

Предметы эпохи ранних кочевников представлены, в частности, следующими.

1. Бронзовый кинжал. Имеет массивное брусковидное навершие, переходящее в рукоять, украшенную тремя четкими продольными, рельефными валиками. Под навершием име-

ется широкая рельефно выделенная планка-колодочка. Перекрестие широкое, классической бабочковидной формы, шириной до 7,2 см. Клинок длиной 16,4 см и шириной до 3 см, с параллельными лезвиями, плавно сходящимися у острия. Вдоль клинка проходит рельефно выделенное ребро жесткости, доходящее до самого острия кинжала. У основания, практически под самым перекрестьем, клинок имеет две глубокие поперечные трещины. Сам клинок расположен под незначительным углом по отношению к рукояти, отчего кинжал приобретает слегка изогнутые очертания. Общая длина кинжала составляет 28 см (рис. I. 2).

2. Бронзовый кинжал. Типологически сходен с первым кинжалом. Он также имеет брусковидное навершие, под которым была аморфная, слабо выраженная колодочка. Рукоять кинжала имеет три продольных валика: два боковых – массивные и широкие, а центральный – узкий

* Иванов Сергей Сергеевич – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, Бишкек, sak@yandex.ru

и слабо выраженный. Перекрестие кинжала узкое – 5,5 см, бабочковидное. Клинок двулезвийный, слегка изогнутый в одну сторону, длиной 12,5 см и шириной до 2 см у основания. Вследствие того что продольное ребро на клинке несколько смазано, его сечение приобретает овално-ромбическое очертание. Общая длина кинжала – 22 см [Табалдиев 2007: 52–53, рис. 1, 3] (рис. I. 3).

Итак, оба кинжала достаточно близки друг другу, отличаясь лишь второстепенными деталями, но, как будет показано ниже, достаточно важными.

Кинжалы подобного типа были широко распространены на территории Кыргызстана в древности. По нашим подсчетам, с территории Северного Кыргызстана происходит около десяти экземпляров, что составляет немногим менее половины всех известных кинжалов эпохи ранних кочевников в нашей стране. Причем еще шесть из них, не считая описанных выше, были найдены в Прииссыккулье [Кызласов 1972: 102–105, рис. 2. 1; Памятники... 1983: №42; Мо-

крынин, Плоских 1988: 20–22, рис. 19. 2; Мокрынин, Плоских 1992: 30–35; Иванов С.С. 2005: 101, рис. 1. 4], один – в Чуйской долине [Кибиров 1959: 106, рис. 17]. Последний из известных кинжалов хранится в Кыргызском государственном историческом музее (КГИМ), и обстоятельства его находки не совсем ясны, возможно, он также имеет иссыккульское происхождение [Иванов С. 2005: 101, рис. 1. 5].

С сопредельных территорий практически аналогичный кинжал известен в составе первого Иссыкского клада в Семиречье [Акишев, Кушаев 1963: 109–110, рис. 85], где он, скорее всего, также является не единичной находкой подобного рода.

Вообще, кинжалы с брусковидным навершием, бабочковидным эфесом и рубчатой рукоятью являются одним из наиболее распространенных типов в скифо-сибирском мире. Огромное их количество известно из Южной Сибири, Западной Монголии и Северного Китая, где они суммарно датируются VI–IV вв. до н.э. [Членова 1967: 16–17, табл. 4.1-3; Кубарев 1981: 30–42,

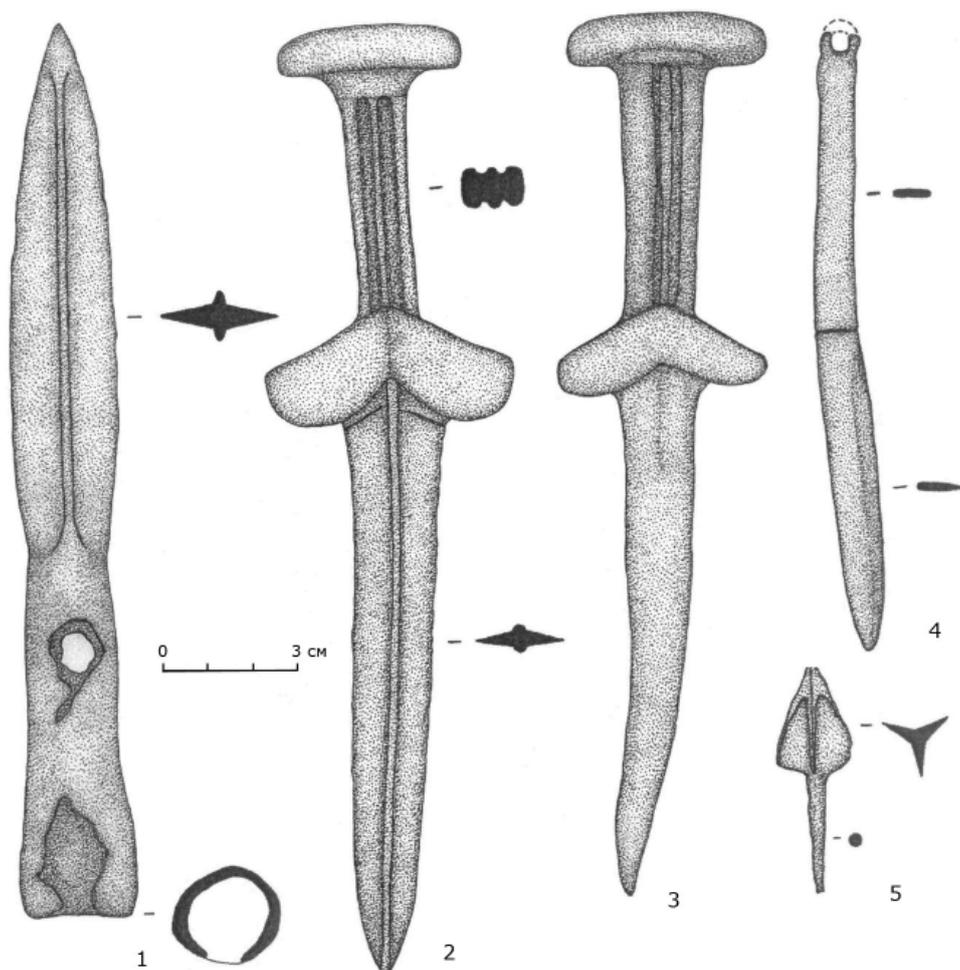

Рис. I. Бронзовые предметы из Чолпон-Атинского музея (случайные находки из района с. Жаркынбаево): 1 – наконечник копья, 2–3 – кинжалы, 4 – нож, 5 – наконечник стрелы

рис. 3. 1,6; Могильников 1997: 39–40, рис. 36. 4; Чжун Сук-Бэ 1998: 137–138]. Значительное число схожих кинжалов, в том числе и железных, имеется в скифских и савроматских древностях Восточной Европы [Смирнов 1961: 10–13, рис. 1. 1–5; Кадырбаев 1984: 91–93, рис. 1. 47; Степи Европейской части СССР... 1989: 370, табл. 32. 1], где они считаются одним из самых архаичных типов, относящихся к VII–V вв. до н.э.

Что же касается вопросов датировки кинжалов рассматриваемого типа в Семиречье и Тянь-Шане, то это обстоятельство осложнено тем, что все без исключения экземпляры происходят не из погребальных комплексов. Хотя часть из них входила в клады бронзовых вещей, которые достаточно однозначно можно рассматривать как единые комплексы вещей в хронологическом плане. В частности, один из иссык-кульских кинжалов был найден в составе достаточно хорошо известного Каменского клада [Кызласов 1972: 102–105, рис. 2. 1;]. Л.Р. Кызласов, издавший этот клад, отнес его к V в. до н.э., позднее В.П. Мокрынин и В.М. Плоских высказали мнение, что предметы Каменского клада не противоречат датировке VI–V вв. до н.э. [Мокрынин, Плоских 1988: 20–22; Мокрынин, Плоских 1992: 42–44]. Очень близок по составу Каменскому кладу уже упоминавшийся Иссыкский клад, где также обнаружен кинжал, сходный с рассматриваемыми. Этот клад также в настоящее время можно отнести к VI–V вв. до н.э. Однако кинжалы этого типа могли существовать и раньше – в VII–VI вв. до н.э.: в пользу этого может говорить находка архаичного бронзового наконечника с двулопастной листовидной головкой и щипом на втулке, найденного вместе с кинжалом из района с. Сретенка в Чуйской долине. Как известно, двулопастные наконечники стрел характерны для колчаных наборов раннесакского времени [Медведская 1972: 81–83].

Итак, со всеми основаниями можно утверждать, что данный тип акинаков имеет датировку VII–V вв. до н.э., но не исключена возможность, что они также бытовали и в начале IV в. до н.э. Но последнее утверждение более применимо в данном случае только ко второму акинаку, который, скорее всего, датируется второй половиной V – нач. IV в., так как он имеет черты, говорящие о его более поздней дате по сравнению с остальной группой подобных кинжалов. К ним можно отнести узкое перекрестие, типологически приближающееся к «сломанному под углом», свойственное кинжалам IV – нач. III в. до н.э., а также явное вырождение таких деталей декора, как рубчатая рукоять и рельефная колодочка под навершием. В то же время эти черты более выражены у первого кинжала, который, несо-

мненно, старше второго и обладает такими «архаичными» деталями по сравнению с ним, как широкое, классическое бабочковидное перекрестие и рельефное ребро жесткости вдоль клинка. С учетом всего этого первый кинжал может быть датирован VII–VI вв. до н.э. Аналогичное сечение клинка, к примеру, имели иссыкский и сретенский кинжалы, что только может подтвердить более раннюю датировку первого кинжала по отношению ко второму.

Изогнутая форма клинка кинжала была неслучайна и, скорее всего, была преднамеренно придана в процессе заточки. Действительно, многие бронзовые кинжалы эпохи ранних кочевников имели слегка изогнутый в одну сторону клинок, что можно назвать одной из особенностей короткоклинкового оружия степей Евразии раннего железного века. Эта особенность объясняется тем, что «рука образует с кинжалом или мечом «неудобный угол» [Членова 1967: 24], что в свою очередь значительно снижало силу удара, поэтому клинку и была придана такая форма, которая позволяла снизить влияние этого фактора. Кинжал с таким клинком был, скорее всего, предназначен для нанесения прямого сильного колющего удара снизу в живот воина с последующим резким рывком вверх, после которого шансы противника выжить были минимальны.

Итак, выработка оптимальных приемов ведения ближнего боя спешившимся воином вызвала и обратную реакцию – изменение формы клинка у некоторых кинжалов или же придание кончику острия ассиметричной заточки, что также оптимизировало силу удара короткоклинковым оружием.

3. Наконечник копья. Он имеет узкую остролистную боевую часть с рельефным продольным ребром, доходящим практически до острия наконечника. Втулка узкая, коническая, плавно переходит в боек. В нижней части втулка имеет аморфное рваное отверстие, достигающее до ее края. В верхней части втулки имеется второе, сквозное отверстие. С одной стороны оно было подовальным, а с другой – также имело аморфную форму. Общая длина наконечника копья – 25,2 см, из которых на боевую часть приходится 15,4 см, ее ширина максимально достигает 3,1 см. Диаметр втулки, вследствие того что она деформирована, в нижней части составляет 2,9 x 3,2 см, а толщина ее стенок достигает 0,45 мм (рис. I. 1).

Судя по всему, данный наконечник копья представлял собой бракованное изделие, предназначавшееся для последующей переплавки. Об этом говорит крупное рваное отверстие в нижней части втулки, которое могло получить-

ся только при отливке предмета: когда был неправильно вставлен каменный сердечник для формовки втулки и одна из ее стенок получилась слишком тонкой, из-за чего вскоре обломилась.

Аналогичные бронзовые наконечники копий и ранее находили в Прииссыккулье. К примеру, такой же наконечник входит в состав уже упоминавшегося Каменского клада, обнаруженного на Иссык-Куле [Кызласов 1972: 102–103]². Он был отнесен Л.Р. Кызласовым к V в. до н.э. [Кызласов 1972: 104–105], хотя В.П. Мокрынин и В.М. Плоских считают, что его можно отнести к VI–V вв. до н.э., чему, в принципе, не противоречат другие предметы Каменского клада [Мокрынин, Плоских 1992: 32]. Действительно, значительная их часть уже известна в VI в. до н.э. – это, в частности, кольчатые удила и кинжалы с бабочковидным перекрестьем, рубчатой рукояткой и брусковидным навершием, о чем детально говорилось выше.

Еще один очень схожий наконечник копья был обнаружен в составе первого Иссыкского клада в соседнем Семиречье [Акишев, Кушаев 1963: рис. 85]. Датировать этот наконечник копья можно по общей дате первого Иссыкского клада – V в. до н.э. или даже рубежом VI и V вв. до н.э., о чем уже говорилось выше.

Скорее всего, такой же наконечник копья, как и рассматриваемый, но только изготовленный из железа, был обнаружен в кургане 31 могильника Тегермансу I на Восточном Памире. Единственное морфологическое отличие этого наконечника от нашего состоит в том, что он имеет продольную щель на втулке, в то время как иссык-кульский экземпляр крепился к древку при помощи отверстий. Б.А. Литвинский отнес его, с учетом аналогий из Восточной Европы, к V–IV вв. до н.э. [Литвинский 1972: 109].

У скифов и савроматов копья подобного типа, но только изготовленные из железа, относятся к VII–V вв. до н.э. [Смирнов 1961: 71–72; Степи европейской части СССР... 1989: 336, 370]. Первой половиной I тыс. до н.э. датируются сходные наконечники копий в Иране [Литвинский 1972: 109; Литвинский 2001: 185–190]. Таким образом, данный наконечник копья с достаточными основаниями можно отнести к VI–V вв. до н.э., в пользу чего говорят, к примеру, клады бронзовых вещей, в состав которых входят некоторые сходные наконечники копий, хотя данный тип в целом можно, наверно, датировать VII–V вв. до н.э.

4. Бронзовый нож. Пластинчатый, сломан на две части в центре. Нож слабо изогнут, лезвие плавно переходит в несколько более узкую рукоять, заканчивающуюся небольшим, ныне обломанным кольцевидным навершием, от-

деленным от рукояти небольшими уступами у основания кольца. Общая сохранившаяся длина ножа составляет 18 см, из которых 9 см приходится на лезвие (рис. I. 4).

Пластинчатые бронзовые ножи известны в Центральной (Средней) Азии в эпоху бронзы и раннего железного века, но идентичных форм выявить не удалось [Кузьмина 1966: табл. IX–X]. Впрочем, ножи с кольцевидным окончанием рукояти значительное распространение получают в нашем регионе именно в раннежелезном веке, но обычно они имеют более крупное навершие – в то время как у нашего ножа сравнительно небольшое кольцо. Типологически близких параллелей в Центральной (Средней) Азии нам отыскать не удалось. Достаточно сходные ножи удалось найти только в древностях тагарской культуры Южной Сибири, где ножи подобного типа, по мнению Н.Л. Членовой, датируются VII–VI вв. до н.э. [Членова 1967: 173, табл. 37. 6, 7]. Скорее всего, к этому же времени можно отнести и иссык-кульский нож.

5. Наконечник стрелы. Трехлопастный, с треугольной, достаточно широкой (до 1,8 см) боевой головкой, лопасти которой под тупым углом сходятся к короткому, круглому в сечении, черешку. Острие наконечника усилено и трехгранное в сечении. Края двух лопастей повреждены. Общая длина наконечника – 5,3 см, из которых на черешок приходится 2,7 см. Диаметр черешка у основания – 0,45 см (рис. I. 5).

Аналогии рассматриваемому наконечнику стрелы представлены в нашем регионе очень ограниченным кругом находок. В частности, сходные наконечники отмечены в составе колчанного набора из кургана 7 могильника Джал-Арык II в Кетмень-Тюбинской долине [Степная полоса... 1992: табл. 32. 6, 7], а также случайными находками с Алая [Табалдиев, Бозер, Москалев, Солтобаев 2000: рис. 3. 1] и из Южного Таджикистана (Балдай-тепе) [Литвинский 1965: 80, рис. 5]. Все они по ряду признаков близки иссык-кульскому наконечнику – это широкая боевая головка и короткий черешок, что предполагает и хронологическую их близость последнему. И, если колчаный набор из Джал-Арыка II по сочетанию бронзовых и железного наконечников стрел и сопутствующей находке в погребении рукояти железного кинжала раннесарматского облика достаточно точно может быть датирован IV–III вв. до н.э. [Ташбаева 1987: 32], то случайные находки едва ли могут претендовать на «узкую» хронологию, хотя Б.А. Литвинский отнес балдай-тепинский наконечник к V–IV вв. до н.э., отметив его морфологическую близость позднейшим железным наконечникам стрел [Литвинский 1965: 80; Литвинский 2001: 90–91].

Рис. II. Топоры-кельты из Чолпон-Атинского музея

По этой причине предлагаю обратиться к более отдаленным аналогиям. Наконечники, типологически сходные с нашим, также отмечены в Лесостепном Алтае [Иванов Г. 1987: 11, рис. 3. 5, 6; Могильников 1997: 55–56, рис. 45. 1–6, 9–10, 14], Минусинской котловине [Членова 1967: табл. 12. 29; Степная полоса... 1992, табл. 84. 9] и Туве [Грач 1980: 33–34, 36–38, рис. 32. 7, 11–12; Степная полоса... 1992: табл. 75. 6–7, 9, 11; Чугунов 2000: 223–227, рис. 4. I. 5, II. 2–3]. В данных регионах значительная часть подобных наконечников происходит из погребальных комплексов и в целом датируется исследователями к V–III вв. до н.э.

Итак, на основе южносибирских аналогий есть все основания датировать трехлопастные наконечники стрел с круглым в сечении черешком V–III вв. до н.э., в отличие от таких же стрел, но с плоским черешком-лопаточкой, являющихся характерными для раннесакского времени. Тем более что местные (среднеазиатские) материалы скорее подтверждают, чем опровергают эту датировку. Кроме того, они очень близки раннесарматским железным черешковым наконечникам стрел IV–III вв. до н.э. [Мошкова 1963: 32–33, табл. 17; Хазанов 1971: 35–37, табл. XIX], что также является косвенным свидетельством их «поздней» датировки. И несомненно, что они являются прототипами среднеазиатских железных черешковых стрел с трехлопастной головкой последних веков до нашей эры – первых веков нашей эры, широко распространенных в это время на территории всего нашего региона [Литвинский 2001: 90–102].

Таким образом, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что наконечники стрел с круглым в сечении черешком, в том чис-

ле и рассматриваемый экземпляр с Иссык-Куля, датируются в Средней (Центральной) Азии V–III вв. до н.э. и являются надежными хроноиндикаторами этого периода.

6. Два бронзовых топора-кельта. Они практически одинаковые – двушковые, имеют трапециевидное, плавно сужающееся от устья втулки к лезвию тулово, подпрямоугольное в разрезе. Края втулки окантованы слабо выраженным рельефным пояском, причем у второго топора он значительно шире, чем у первого. Ушки кельтов округлые, расположены следующим образом: у одного – непосредственно на одном уровне с краями втулки, а у второго – под рельефным пояском. Лезвия кельтов неширокие, слегка округлые (секировидные).

Размеры первого кельта: общая длина – 13,4 см, ширина лезвия – 3,6 см, втулка – 8 x 6,3 см (рис. II. 1).

Размеры второго кельта: общая длина – 10,8 см, максимальная ширина (вместе с ушками) – 7,2; ширина лезвия – 3,2 см (рис. II. 2).

В Центральной (Средней) Азии топоры подобного типа практически не известны. В сводке Е.Е. Кузьминой приведено всего два двушковых кельта, которые она относит к эпохе поздней бронзы, но они достаточно далеки по форме и пропорциям от наших кельтов, что может говорить о различном времени их существования. Впрочем, в то же время Е.Е. Кузьмина не отвергает возможности существования двушковых кельтов и в начале эпохи раннего железа [Кузьмина 1966: 20–23, табл. IV. 10–11].

По форме рассматриваемым кельтам очень близки минусинские кельты, выделенные М.П. Грязновым в IV группу и датированные им временем существования тагарской культуры

раннего железного века, которая датируется в настоящее время VIII–III вв. до н.э. Дата минусинских кельтов этого типа достаточно достоверно определяется изображениями на некоторых из них, а также украшениями ушек, выполненных в типично скифо-сибирском зверином стиле [Грязнов 1941: 264, табл. VI; Членова 1967: 31, табл. 26. 16].

Поэтому рассмотренные выше два кельта с Иссык-Куля можно отнести к раннему железному веку, причем, скорее всего, к его самому началу с учетом процесса распространения железа и смены им бронзы в нашем регионе при производстве орудий труда и оружия. Более точно датировать топоры этого типа в нашем регионе пока не представляется возможным.

Однако важно то, что достаточно достоверно установлено применение в Центральной (Средней) Азии в раннежелезном веке двуушковых кельтов, что ранее считалось только вероятным (Кузьмина 1966: 23). Привлекает внимание также тот факт, что иссык-кульские кельты очень близки южносибирским аналогам, это, вероятно, не случайно и является ярким свидетельством тесных культурных связей между населением Тянь-Шаня и Минусинской котловины. Но было бы неправильно считать, что данные топоры-кельты являются предметами импорта – они, скорее всего, местного производства, так как Иссык-Кульская котловина с

эпохи поздней бронзы являлась мощным центром бронзолитейного производства в древней Средней (Центральной) Азии, о чем говорят как сами многочисленные предметы из бронзы, так и находки литейных форм для их производства.

Итак, сравнительно небольшая коллекция предметов эпохи ранних кочевников из Иссык-Кульского государственного музея в г. Чолпон-Ата расширила наши представления о материальной культуре населения Прииссыккуля в 1-м тыс. до н.э., а также позволила проследить основные направления культурных связей этого периода, которые, в основном, ведут в Южную Сибирь, что было не случайно, так как сам облик культуры Семиречья и Тянь-Шаня находит значительное число параллелей именно в регионе Саяно-Алтая.

Примечания

1. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую благодарность руководству и сотрудникам Иссык-Кульского государственного музея в г. Чолпон-Ата за возможность ознакомиться и опубликовать рассматриваемые материалы.

2. Кроме того, в последние годы на Иссык-Куле несколько бронзовых наконечников копий и их обломков было обнаружено археологической экспедицией КРСУ под руководством В.М. Плоских. По большей части они принадлежат к тому же типу, что и рассматриваемый нами наконечник копья.

Abstract

BRONZE OBJECTS OF ANCIENT NOMADS EPOCH FROM MUSEUM IN CHOLPON-ATA

S.S. Ivanov

This article is relating collection of ancient nomad's bronze objects exhibited in Issyk-Kull state museum in Cholpon-Ata town. The collection consists of two daggers, spearhead, knife, two massive celts and arrowhead. The daggers have typical for early Saka culture feature and belong to the most known type of Eurasian ancient nomad's daggers. The spearhead also is representing general type of spearheads in early iron age of Central Asia, which existed in this region in 700–500 B.C. The arrowheads of this type were spread in Central Asia in late Saka period (500–200 B.C.) So, the most part of these bronze objects have wide circle of parallels in Scythe-Siberian cultural world, except celts and knife, which tell us about closely links with tagar culture in South Siberia. Whole collection could be dated to 800–200 B.C.

Литература

- Акишев 1959 – Акишев К.А. Саки Семиречья // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. – Алма-Ата, 1959.
 Грач 1980 – Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980.
 Грязнов 1941 – Грязнов М.П. Древняя бронза минусинских степей // ТОПК ГЭ. Т. 1. – Л., 1941.
 Иванов Г. 1987 – Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.
 Иванов С. 2005 – Иванов С. Новые находки кинжалов сакского периода в Кыргызстане // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. – СПб., 2005.
 Иванов С. 2007 – Иванов С. Копья саков Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2007.
 Кадырбаев 1984 – Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев реки Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984.

- Кубарев 1981 – *Кубарев В.Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981.
- Кибиров 1959 – *Кибиров А.К.* Археологические работы в Тянь-Шане // ТКАЭЭ, Т. 2. – Фрунзе, 1959.
- Кузьмина 1966 – *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М., 1966.
- Кызласов 1972 – *Кызласов Л.Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. – М., 1972.
- Литвинский 1968 – *Литвинский Б.А.* Оружие начеления Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. – Душанбе, 1968.
- Литвинский 1965 – *Литвинский Б.А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. – 1965. – №2.
- Литвинский 1972 – *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «крыши мира». – М., 1972.
- Литвинский 2001 – *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в ближневосточном и греческом контексте. – М., 2001.
- Медведская 1972 – *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // СА. – 1972. – №3.
- Мелюкова 1964 – *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. – М., 1964.
- Могильников 1997 – *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997.
- Мокрынин, Плоских 1988 – *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988.
- Мокрынин, Плоских 1992 – *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. – Бишкек, 1992.
- Мошкова 1963 – *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. – М., 1963.
- Памятники... 1983 – Памятники искусства и культуры Киргизии. – Фрунзе, 1983.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. – М., 1961. – (МИА, № 101).
- Степи европейской части СССР... 1989 – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989. – (Археология СССР).
- Степная полоса... 1992 – Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – (Археология СССР).
- Табалдиев 2007 – *Табалдиев К.Ш.* Кинжалы и клад бронзовых изделий из Кыргызстана // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 2007.
- Табалдиев, Бозер, Москалев, Солтобаев 2000 – *Табалдиев К.Ш., Бозер Р., Москалев М.И., Солтобаев О.А.* Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 4. – Бишкек, 2000.
- Ташбаева 1987 – *Ташбаева К.И.* О датировке кинжалов ранних кочевников Киргизии // Великий Октябрь и некоторые вопросы исторической науки. – Фрунзе, 1987.
- Хазанов 1971 – *Хазанов М.И.* Очерки военного дела савроматов. – М., 1971.
- Чжун Сук-Бэ 1998 – *Чжун Сук-Бэ.* О связях племен Северного Китая с Южной Сибирью в конце эпохи бронзы и в раннем железном веке (на основе сравнительного анализа ножей и кинжалов): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998.
- Членова 1967 – *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.
- Чугунов 2000 – *Чугунов К.В.* Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мирозрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000.

ИЗУЧЕНИЕ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИИ КАРА-ТОО В 1993 ГОДУ

Ю.С. Худяков, К.Ш. Табалдиев*

Кара-Тоо / петроглифы / различные периоды
Kara-Too / petroglyphs / different periods

В разные годы на территории Кыргызстана было обнаружено и исследовано значительное число памятников наскального искусства. Благодаря усилиям многих исследователей были выявлены, скопированы и проанализированы местонахождения петроглифов на памятниках Саймалы-Таш на Ферганском хребте, Жалтырак-Таш в Таласской долине, Чолпон-Ата на Иссык-Куле и других петроглифических комплексах, расположенных в разных районах Кыргызстана [Акматов 2008: 11–18; Бернштам 1952: 50–68; Винник, Помаскина 1975: 87–102; Помаскина 1976: 5–9; Ташбаева 1999: 72–75; Ташбаева 2004: 101; Шер 1980: 100–101, 103, 105–111; Шер и др. 1987: 70–78]. В последние годы их изучение и сохранение осуществляется кыргызстанскими учеными вместе с зарубежными специалистами в рамках совместных научных проектов.

Среди наскальных рисунков, исследованных в Кыргызстане в 1990-х гг., несомненный интерес представляют петроглифические памятники, обнаруженные К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым на территории Кочкорской долины на Внутреннем Тянь-Шане. Часть этих материалов была введена в научный оборот авторами настоящей статьи в 1999 г. [Худяков, Табалдиев 1999: 14–21]. В последующие годы внимание исследователей, что вполне понятно, было привлечено к изучению редких по выразительности изображений всадников с ловчими птицами, в сопровождении тамговых знаков и древнетюркских рунических надписей, обнаруженных этими исследователями на местонахождении Кок-Сай в этой долине Внутреннего Тянь-Шаня [Табалдиев, Солтобаев 2001: 68–73; Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002: 129–130]. Однако для изучения памятников наскального искусства, обнаруженных в Кочкорской долине, имеют определенное значение не только средневековые рисунки с тамгами и надписями, но и более древние изображения, ранее зафиксирован-

ные на памятнике Кара-Тоо в начале 1990-х гг., которые не были в полном объеме введены в научный оборот [Худяков, Табалдиев 1999: 14–21; Борисенко, Табалдиев, Худяков 2006: 78–79].

Петроглифический комплекс Кара-Тоо расположен на скальных выходах невысокого горного отрога, при выходе из ущелья Беш-Таш-Короо, к северу от с. Кара-Саз. Рисунки нанесены на поверхность скальных выходов точечной выбивкой с помощью каменного инструмента. Некоторые рисунки сильно патинизированы. Часть рисунков повреждена современными надписями. Рисунки, обнаруженные в полевом сезоне 1991 г., были проанализированы и изданы [Худяков, Табалдиев 1999: 14–21]. В 1993 г. были обнаружены и зарисованы еще несколько петроглифических композиций, расположенных в двух пунктах на восточном склоне обследованного горного отрога. На каждом из них было обнаружено по две грани, на поверхности которых выявлены рисунки. Они будут рассмотрены в настоящей статье.

Пункт V. На скальных выходах, расположенных по восточному склону, в северной части горного отрога хребта Кара-Тоо, к северу от с. Кара-Саз. Рисунки выявлены на двух отдельных гранях, расположенных в непосредственной близости друг от друга.

Грань 1. Гладкая, поврежденная трещинами и сколами наклонная поверхность, на которой выбита решетчатая структура и фигуры животных. Вся композиция имеет плотный пустынный загар.

1.1. Изображение решетчатой структуры подпрямоугольной формы, разделенной на два яруса, в каждом из которых по три сектора. Один из них верхний, средний сектор разделен горизонтальной чертой на две неравные части. С правой стороны к прямоугольной конструкции примыкает еще один прямоугольный сектор, над которым находится треугольный сектор. Фигура повреждена. Часть изображения в верхней части сколота.

1.2. Фигура архара, обращенная вправо. У него схематично, одной линией изображен загнутый в спираль рог, голова, шея, туловище, ноги и задранный кверху хвост.

* Худяков Юлий Сергеевич – д-р ист. наук, проф., акад. НАН КР, ИАЭТ СО РАН, НГУ. Россия, Новосибирск, khudjakov@mail.ru
Табалдиев Кубатбек Шакиевич – канд. ист. наук, доц. КТУ «Манас». Кыргызстан, Бишкек, tabaldievk@yahoo.com

1.3. Фигура горного козла, обращенная вправо. Схематично изображен рог, голова, туловище, ноги и хвост.

1.4.–1.8. Фигуры горных козлов, обращенные вправо. Расположены три в линию, одна – позади нее. Все фигуры показаны схематично с прорисовкой круто загнутых рогов, туловища, ног. У одной из них не выделена голова, у другой не показан хвост.

1.7. Незаконченная фигура животного. Показана шея, туловище, ноги и хвост.

1.8. Фигура собаки, обращена вправо. У нее показана голова, шея, туловище, ноги и хвост (рис. I).

Грань 2. Гладкая наклонная поверхность, на которой выбита многофигурная композиция с фигурами животных. Все выбитые изображения покрыты темной патиной.

2.1. Фигуры животных, одна из которой выбита поверх другой. Прослеживается частично сохранившееся изображение горного козла, фигура которого обращена вправо, с загнутым рогом, головой, туловищем и передней ногой. Поверх нее выбита фигура животного, обращенная влево, переданная силуэтным контррельефом, у которой выделена голова, туловище, передние и задние ноги и хвост.

2.2. Фигура верблюда, обращенная вправо. Выделена голова, туловище с двумя горбами, ноги и хвост.

2.3. Фигура животного, обращенная влево. Выделена голова, туловище, ноги и хвост. Некоторые детали изображения непонятны.

2.4. Схематичная фигура козла, обращенная вправо. Изображен рог, голова, ухо, туловище, ноги и хвост.

2.5. Непонятная фигура в виле изогнутой линии. Возможно, что это не до конца выполненное изображение горного козла.

2.6.–2.7. Схематичные фигуры собак, обращенные вверх и вправо. У них показаны головы, уши, шеи, туловища, ноги и загнутые хвосты.

Рис. I. Петроглифы местонахождения Кара-Тоо (1983).
Пункт V, грань 1

Рис. II. Петроглифы местонахождения Кара-Тоо (1983).
Пункт V, грань 2

2.8.–2.13. Изогнутые и прямые линии. Возможно, что это незаконченные фигуры животных.

2.14.–2.16. Схематичные фигуры архаров, обращенные вправо. У них показаны круто загнутые в спираль рога, головы, туловища, ноги и хвосты.

2.17. Схематичная фигура горного козла, обращенная вправо. У него изображен рог, голова, ухо, туловище, ноги и хвост (рис. II).

Пункт VI. Расположен на скальных выходах в южной части восточного склона горного отрога хребта Кара-Тоо, к северу от с. Кара-Саз. Рисунки выявлены также на двух гранях.

Грань 1. Гладкая наклонная плоскость, на которой выбиты фигуры людей и животного. Рисунки в составе композиции покрыты плотным пустынным загаром.

1.1. Многофигурная композиция с изображением фигур двух лучников и фигуры архара между ними. Лучник, изображенный с левой стороны, показан силуэтным контррельефом. У него выделена голова в приостренном верху головном уборе. Правая рука согнута в локте и натягивает тетиву лука.левой рукой лучник держит кибить лука с натянутой тетивой и настороженной стрелой, нацеленной в круп архара. Туловище стрелка слегка наклонено в сторону стрельбы. Ноги расставлены, одна из них выставлена вперед и согнута в колене. Фигура архара показана схематично, слева от первого лучника. У него выделен круто загнутый в спираль рог, голова. Туловище, ноги и задранный кверху хвост. Второй лучник изображен справа от архара. Его фигура выполнена силуэтным контррельефом. У стрелка выделена голова в угловатом, может быть, двурогом головном убо-

Рис. III. Петроглифы местонахождения Кара-Тоо (1983).
Пункт VI, грань 1

ре, прямое туловище и широко расставленные ноги со слегка согнутыми коленями и выделенными ступнями. Вероятно, лучник изображен в движении навстречу архару. Одной рукой лучник держит лук с натянутой тетивой и настороженной стрелой, направленной в сторону архара, другой, согнутой в локте, рукой он натягивает тетиву (рис. III).

Грань 2. Гладкая наклонная поверхность, на которой выбиты изображения человека и животного. Рисунки в составе композиции покрыты плотной пагиной.

2.1. Композиция с изображением фигуры лучника и верблюда. Фигура лучника выполнена силуэтным контррельефом. У него изображен массивный, непропорционально крупный, полукруглый «грибовидный» головной убор. Вытянутой вперед левой рукой стрелок держит лук с натянутой тетивой и настороженной стрелой. Лук изображен с выгнутыми плечами и загнутыми концами, что характерно для сложносоставных луков. Стрела снабжена крупным наконечником с широким пером ромбической формы. Правая рука стрелка отведена в сторону. Тело лучника изображено в вертикальном положении. Туловище широкое, ноги расставлены, выделены ступни. Между ног показан фаллос. На поясе у лучника показан горит с расширяющимся устьем и суженным днищем. В такой горит лук помещался с надетой тетивой. Фигура верблюда изображена схематично. У него выделена голова, шея, туловище, два горба и ноги (рис. IV).

Рисунки людей и животных, обнаруженные в 1993 г. в двух пунктах на петроглифах Кара-Тоо, имеют определенное сходство в репертуаре сюжетов и стилистической манере исполнения персонажей с исследованными ранее изображениями на этом же местонахождении. В то же время среди них есть изображения, отличающиеся своеобразием в передаче отдельных фигур и реалий.

Большая часть рисунков на местонахождении Кара-Тоо передает фигуры диких копытных животных, горных козлов и архаров. Они

выполнены в характерной, очень схематичной, лаконичной манере, при которой одной линией с несколькими ответвлениями передавался весьма упрощенный профиль животного. Иногда на таких рисунках выделялись голова, уши и хвост. Различия между козерогами и архарами можно проследить по степени изогнутости рогов. У козлов они выгнуты дугой, а у архаров закручены в спираль. Подобные рисунки можно считать своего рода знаками, пиктограммами, обозначающими горного козла или барана, за исключением одной композиции, на которой между двумя лучниками-охотниками изображен один архар, на двух других горные козлы и бараны показаны скоплениями по пять-шесть особей, в сопровождении собак. Вероятно, эти две композиции так же, как и третью, можно трактовать как сцену загонной охоты, хотя на них и нет изображений охотников. Сложнее объяснить присутствие на одной из композиций решетчатой структуры. Возможно, создатель рисунка пытался воспроизвести таким образом загон для скота или какую-либо постройку, хотя такая трактовка непосредственно не связана со сценой охоты. Не может иметь однозначной трактовки и изображение лучника в одной сцене с верблюдом с четвертой композиции.

Фигуры людей на петроглифах Кара-Тоо изображены в несколько иной стилистической манере, чем животных. Все три фигуры лучников выполнены силуэтным контррельефом, с выделенными головными уборами, туловищем, конечностями, а в одном случае с признаком пола. У них в руках изображены луки с натянутой тетивой и настороженной стрелой, а у одного стрелка еще и горит.

Определение хронологии схематичных рисунков животных и композиций, в составе

Рис. IV. Петроглифы местонахождения Кара-Тоо (1983).
Пункт VI, грань 2

которых они присутствуют, на четырех гранях двух обследованных в 1993 г. пунктов на петроглифическом местонахождении Кара-Тоо весьма затруднительно, поскольку подобные изображения наносились на поверхности скал и каменных стел в Центральноазиатском историко-культурном регионе в течение длительного исторического периода со времени позднего бронзового века до этнографической современности [Худяков, Табалдиев 1999: 20]. Однако применительно к выявленным в этих двух пунктах рисункам наиболее предпочтительным можно считать отнесение их к эпохам бронзы и раннего железного века, поскольку на двух из четырех изученных композиций архар и верблюды присутствуют в сочетании с фигурами лучников, воинов и охотников. Ни по контексту композиций, которые можно трактовать как сцены охоты на диких копытных, ни по степени патинизации рисунков изображения животных не отличаются от фигур людей.

Реалии, которые могут способствовать определению датировки изображений антропоморфных персонажей, включают головные уборы и оружие. Головные уборы лучников, охотящихся на архара, в хронологическом отношении не показательны, поскольку не находят достаточно точных аналогий среди изображений наголовий древних воинов и охотников на петроглифах Центральноазиатского историко-культурного региона. Определенное сходство можно усмотреть в изображении рогатого головного убора у одного из лучников на петроглифическом местонахождении Кара-Тоо с подобными персонажами на наскальных рисунках из Восточного Казахстана и Горного Алтая. Схожие головные уборы с двумя рогами, направленными в разные стороны от головы, изображены у человека с копьем на памятнике Айрыдаш в Горном Алтае и у нескольких персонажей на петроглифическом памятнике Мойнак в Верхнем Прииртышье [Борисенко, Табалдиев, Худяков, 2006: 78; Дэвлет 1992: 40; Самашев 1992: 78]. Судя по приведенным аналогиям, изображение лучника в рогатом головном уборе и сцена охоты на архара в целом на местонахождении Кара-Тоо должны относиться к эпохе бронзы.

Значительно больший интерес для определения хронологии и культурной принадлежности рисунков, выполненных точечной выбивкой на местонахождении Кара-Тоо, представляет «грибообразный» головной убор лучника, вооруженного сложносоставным луком с налучьем на поясе, изображенного в сцене с верблюдом. Подобные антропоморфные изображения получили очень широкое распространение в наскальном изобразительном искусстве древних

номадов позднего бронзового века в Саяно-Алтае, Восточном Казахстане и Монголии [Дэвлет 1992: 40; Самашев 1992: 78]. Значительно реже воинов и охотников в таких головных уборах изображали создатели наскальных рисунков на Тянь-Шане. Однако, благодаря обнаружению такого рисунка на местонахождении Кара-Тоо, становится очевидным, что Внутренний Тянь-Шань входил в зону расселения древних номадов, для изобразительного творчества которых были характерны подобные персонажи. В археологической литературе высказывались разные предположения о том, что мог представлять собой этот головной убор, который получил условное наименование «грибообразного». Некоторые исследователи склонны трактовать эти детали антропоморфных изображений в качестве широкополых шляп, связанных с культом грибов-мухоморов [Дэвлет 1992: 40–42]. Однако на петроглифах Центральной Азии антропоморфные персонажи в таких головных уборах изображены в самых разных ситуациях, в том числе в составе батальных и охотничьих сцен, что свидетельствует о том, что подобные наголовья могли служить для военных целей или защитных функций в бою и на охоте. Д. Эрдэнэбаатар выдвинул предположение, согласно которому «грибообразные» головные уборы передают бронзовые шлемы, находки которых обнаружены при раскопках плиточных могил позднего бронзового века на территории Монголии [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000: 147]. Подобная интерпретация применительно к изображениям воинов и охотников, изображенных в составе батальных и охотничьих сцен на петроглифах Центральной Азии, представляется достаточно вероятной и заслуживает внимания. Однако на некоторых наскальных рисунках, исследованных на территории Тувы, Монголии и Внутренней Монголии, на «грибообразных» головных уборах древних воинов и охотников показаны высокие ответвления, а внешняя поверхность этих наголовий изображена зубчатой [Дэвлет 1992: рис. 6,5,9]. Эти рисунки дают основание предполагать, что на головах у этих персонажей изображены пышные, раскидистые головные уборы из перьев [Борисенко, Табалдиев, Худяков, 2006: 79]. Трактовка подобных деталей изображений в качестве шлемов важна и для датировки таких рисунков. В Центральноазиатском регионе сферические бронзовые шлемы с наушами были найдены в плиточных могилах позднего бронзового века в Северной Монголии [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000: 146]. Сферический шлем с наушами и назатыльником был обнаружен в Верхнем Прииртышье. Исследователи склонны относить его к раннескифскому времени [Суразаков 1979:

189]. Для среднеазиатских саков были характерны сферические бронзовые шлемы с наушами и гребнем, а также сфероконические шлемы с наушами и назатыльником. Они были на вооружении у сакских кочевых воинов в период существования сакской культуры, которую принято относить к VI–III вв. до н. э. [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2001: 104]. Некоторые реалии рисунка лучника в «грибообразном» головном уборе с местонахождения Кара-Тоо, такие, как сложносоставной лук с загнутыми концами и горит, предназначенный для ношения лука с надетой тетивой, не противоречат этой датировке (рис. IV). Изображения луков у двух других лучников, охотящихся на архара, более схематичны. У одного из них кибить лука показана в виде дугообразной линии, соединенной тетивой, у второго стрелка лук и тетива изображены в виде одной овальной фигуры (рис. III).

Приведенные аналогии позволяют определить хронологический диапазон, в течение которого на поверхность скальных выходов на горном хребте Кара-Тоо в пунктах V и VI могли быть нанесены точечной выбивкой антропоморфные рисунки в пределах позднего бронзового века и раннескифского периода. Общей этнокультурной основой для Центральноазиатского историко-культурного региона в эпоху

поздней бронзы являлась культура херексуров и оленных камней [Худяков 1987: 155–158]. Для региона распространения памятников этой культуры были характерны и петроглифы, выполненные точечной выбивкой и силуэтным контррельефом, с типичным набором сюжетов, включавших изображения колесниц, воинов и охотников в пышных, развесистых головных уборах и горных козлов и архаров, служивших объектом загонной охоты. В отличие от Саяно-Алтая и Монголии, район Внутреннего Тянь-Шаня являлся отдаленной юго-западной окраиной в процессе расселения древних европеоидных номадов – носителей культуры херексуров и оленных камней. На территории Притяньшанья, в окрестностях оз. Сон-Куль, выявлены отдельные курганы с оградами, напоминающие по своей конструкции херексуры, а в Чуйской долине и на побережье оз. Иссык-Куль было обнаружено несколько оленных камней [Мокрынин 1986: 28]. На Внутреннем Тянь-Шане, благодаря исследованиям последних десятилетий, может быть выделен комплекс рисунков позднего бронзового и начального этапа раннего железного века на местонахождении Кара-Тоо, который необходимо соотносить с притяньшаньским локальным вариантом культуры херексуров и оленных камней.

Abstract

THE STUDY OF PETROGLYPS KARA-TOO IN 1993

Yu. S. Khudyakov, K.Sh. Tabaldiev

That article analyzes pictures with hunters, wild and domestic animals, which were found on petroglyphical monument Kara-Too in Central Tian-Shan. Among pictures of archers we can find men with “fungous” hat and compound bow “on-bow” on belt. That pictures were dated by late bronze and beginning of early Middle Ages.

Литература

- Акматов 2008 – Акматов К. Т. Петроглифы Орнока // МИАК. Вып.3. – Бишкек, 2008.
 Бернштам 1952 – Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таша // СЭ. – 1952. – №2.
 Борисенко, Табалдиев, Худяков 2006 – Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Сравнительный анализ изображений лучников на петроглифах Алтая и Тянь-Шаня // ЗВОРАО. Нов. серия. Т. II. – СПб., 2006.
 Винник, Помаскина 1975 – Винник Д.Ф., Помаскина Г.А. К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1975.
 Дэвлет 1992 – Дэвлет М.А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск, 1992.
 Жолдшешев 2005 – Жолдошев Ч.М. Изображения вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
 Мокрынин 1986 – Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе, 1986.
 Помаскина 1976 – Помаскина Г.А. Когда боги были на земле... (Наскальная галерея Саймалы-Таша). – Фрунзе, 1976.
 Самашев 1992 – Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата, 1992.
 Суразаков 1979 – Суразаков А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. – Горно-Алтайск, 1979.
 Табалдиев, Солтобаев, 2001 – Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Изв. НАН КР. – 2001. – №1–2.

- Ташбаева 1999 – *Ташбаева К.И.* Новые исследования Саймалы-Таша // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2. – Бишкек, 1999.
- Ташбаева 2004 – *Ташбаева К.И.* Памятники Кыргызстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. – Алматы, 2004.
- Худяков 1987 – *Худяков Ю.С.* Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.
- Худяков, Табалдиев 1999 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.* Петроглифы Кара-Тоо // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2. – Бишкек, 1999.
- Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2001 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Шлемы, найденные на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №1.
- Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2002 – *Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – №2.
- Шер 1980 – *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.
- Шер и др. 1987 – *Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С.* Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987.
- Эрдэнэбаатар, Худяков 2000 – *Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С.* Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. – 2000. – №2.

ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ В ЧАТКАЛЬСКОЙ ДОЛИНЕ В 2002–2003 гг.

А.Т. Сулайманова*

*Западный Тянь-Шань, Чаткал / археологические памятники
Western Tien Shan, Chatkal / archaeological objects*

В 2002–2003 гг. автором на территории Чаткальского района проводились археологические разведывательные работы¹. Их целью было как ознакомление с уже зарегистрированными, так и выявление новых археологических памятников.

Согласно административного деления Чаткальский район в настоящее время входит в состав Жалал-Абадской области. С севера он ограничен территорией Южного Казахстана, с северо-востока – Кара-Бурунским районом Таласской области, с юго-востока – районами Ала-Бука и Аксы Жалал-Абадской области, с запада – юго-запада и северо-запада – территорией Республики Узбекистан².

Впервые подобные работы в Чаткальской долине были проведены в середине прошлого века под руководством А.К. Кибирова. В 1949 г. Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) и Музей национальной культуры Киргизского ФАН СССР командировал исследователя в Чат-

кал. Им был обследован участок от устья ущелья Каракысмак до с. Янги-Базар (Жаны-Базар) и окрестностей нижнего течения р. Аксу (левый приток р. Чаткал), при этом зафиксировано свыше 400 курганов, около десяти тепе и городище, получившее название Ордо-Кюльбесхана (Кульбесхан) [Кибиров 1959: 5].

В 1950 г. разведывательные работы были расширены. В них, помимо ИЯЛИ, принимали участие сотрудники исторического факультета Киргизского государственного педагогического института (КГПИ). В результате было зарегистрировано свыше 1500 разнотипных курганов, более десяти тепе, три городища, собран подъемный материал. Все это позволило составить довольно четкое представление о характере памятников [Кибиров 1959: 5].

В 1951 г. Чаткальским отрядом осмотрен участок от р. Каракысмак до устья р. Терс. Вдоль притоков р. Чаткал были зарегистрированы разнообразные памятники: 200 курганов, пять тепе, шлаковые кучи, остатки печей для обжига, десятка жерновов, фрагменты средневековой керами-

* Сулайманова Айдай Турдумаматовна – Институт истории и культурного наследия НАН КР. Кыргызстан, Бишкек, aidaysu@mail.ru

ки. Были проведены также раскопочные работы: открыто два катакомбных погребения первых веков нашей эры и 11 курганов, датированных VI–XII вв. Кроме того, было заложено три шурфа на городище Кулбесхан и один на Чандалашском тепе [Кибиров 1959: 6]. На последнем выявлены остатки жилой постройки из сырцового кирпича и получен богатый керамический материал [Кибиров 1959: 23–27]. Затем работы были продолжены в верхнем течении р. Касан, где отмечены жернова, водосливная насыпь, несколько каменных сооружений – муг-хана, следы старых горных разработок [Кибиров 1959: 8]. Зафиксированы тепе в местностях Туз-ашуу (по А.К. Кибирову, Тюзашу) (2), Айгыржал (2), Чаарташ (1), колхоз «Социализм» (1), с. Чукурчак (1), Салык-Булак (5), недалеко от городища Чанчаркан (1), Карангол (2), под мазаром Идирис-Пайгамбара (1) и Чандалаш (2). С перечисленных памятников собран богатый подъемный материал, с некоторых из них сняты топографические планы. Раскопкам подверглись памятники в верхнем и нижнем течении р. Чаткал: земляные курганы с катакомбными захоронениями, датированные пер. пол. 1-го тыс. н.э. (местности Узунбулак (2), Миянкол (1), Чукурчак (2) [Кибиров 1959: 10–15]); курганы, датированные VI–VIII вв. (могильники Чакмаксу (5) и Тюлеберди (1) [Кибиров 1959: 28–36]) и IX–XII вв. (могильник Джергетал (4) [Кибиров 1959: 38–43]).

В 1977 г. Южнокиргизский отряд Института истории АН Киргизской ССР изучал горно-металлургический производственно-бытовой комплекс, расположенный в верховьях ручья Чакмак-суу, правого притока р. Чаткал. Комплекс включал места добычи руды, ее обогащения и плавки. Здесь отмечено пять верхних и нижних частей каменных жерновов диаметром до 1 м. Поселение рудокопов и металлургов располагалось на берегу ручья. Раскопаны постройки в его центральной части. Каждая из них состояла из нескольких помещений. Отмечены следы очагов, обнаружены фрагменты преимущественно белофонных глазурованных сосудов, стекла, обрезки медных листов, черная круглая бусина из пасты, железный гвоздь и каменный дверной подпятник. Авторы раскопок на основе полученных артефактов датировали комплекс Чакмак-суу X–XI вв. [Бубнова, Мокрынин 1977: 567–568].

В 1981 г. археологический отряд Института истории АН Киргизской ССР под руководством И.К. Кожомбердиева провел исследования в долине р. Чаткал. Отрядом отмечены древние могильники у сел Тегирменсай, Кызыл, Котур-Булак, Теше-Арык и в районе Кызыл-Бел (местонахождение городища Чанчархан), в которых

зафиксировано около 500 курганов. Крупные могильники отмечены также близ сел Курулуш, (Асаке-сай, Кулексай, Моголдобо, Торткуль, Арал, Тостопиян и др.), Жаны-Базар (Миян-Кол, Жергетал, Мазарсу, Узунбулак), на правом берегу р. Сандаш, и особенно в окрестностях с. Айгыржал. В результате исследований выявлено более 35 могильников, десять тепе и городищ. В этом же году были произведены и раскопочные работы. Изучались могильники Каракысмак и Арал. Особенно интересным был курган, вскрытый в могильнике Арал. Его диаметр – 17 м, высота – 3,25 м. Земляная насыпь имела кольцевую ограду из речных камней. Под центральной частью насыпи обнаружен склеп юртообразной формы, сложенный из речных камней и плит и углубленный в материк на 0,9 м. На полу склепа в вытянутом положении головой на север выявлены скелеты мужчины и женщины. Погребение сопровождалось четырьмя глиняными лепными сосудами, железными пряжкой и фрагментированным ножом, бронзовыми зеркалом и подвеской, каменной палочкой, куском графита, раковинами каури, бусами из стекла и сердолика и другими предметами. Курган датирован И.К. Кожомбердиевым первыми веками нашей эры и выделен в новый тип погребальных сооружений на территории Киргизии [Кожомбердиев 1983: 500–501].

Наши разведывательные работы 2002–2003 гг. были сконцентрированы на территории сельских управ Каныш-Кыя, Айгыр-Жал, Жаны-Базар, Курулуш, Ак-Таш и государственного заповедника Беш-Арал (рис. I). Зафиксировано несколько могильников разного типа и возраста, три тепе, один торткуль, два местонахождения петроглифов и другие объекты. Также отмечены объекты этнографического времени: кладбища, гумбезы и мазары. Могильники содержат курганы с земляными, каменно-земляными и каменными насыпями.

В настоящем отчете в основном представлены памятники, зафиксированные в нижнем течении р. Чаткал (западная часть долины), – от сельской управы Жаны-Базар до урочища Каркуш (на карте – Харгуш).

Местность **Кароол-чоку** (восточная – юго-восточная часть территории сельской управы Жаны-Базар) находится недалеко от гумбеза Идрис Пайгамбар. Внешне это высокий усеченный холм, с которого виден весь окружающий ландшафт: с. Жаны-Базар, часть поймы рек Чандалаш и Чаткал от их слияния на запад; исходя из этого холм и получил свое название – Кароол-чоку (караульная вышка) (рис. II). Южная сторона ее представляет собой плато. Здесь находится древний могильник, состоящий из более чем 40

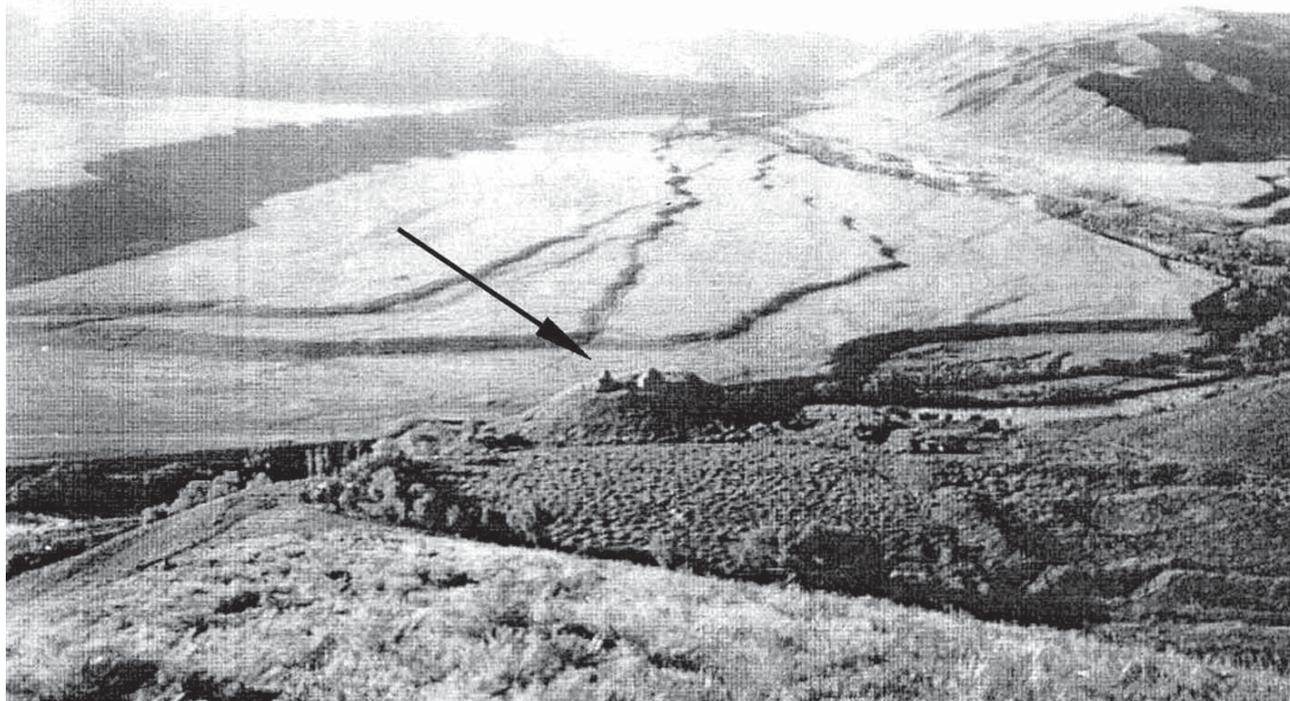

Рис. 11. Мавзолей Идрис Пайгамбара на фоне долины р. Чандалаш. Вид с юга, с Кароол-Чоку

курганов. Курганы с земляными насыпями расположены очень компактно. Диаметр насыпи – 7–12 м, высота – до 1,5 м. Местные жители называют могильник Кырк-чоро – «Сорок джигитов Манаса».

К западу от с. Курулуш, в местности **Тостопиян-Ата** (территория сельской управы Курулуш), вдоль р. Чаткал на протяжении 0,5 км тянется небольшая группа курганов. Курганы с каменными насыпями имеют крепиду из более крупных речных валунов. Диаметр насыпи – 7–11 м, высота – около 0,4 м. Вероятно, эта группа курганов была отмечена И.К. Кожомбердиевым [Кожомбердиев 1981: 500].

В этой же местности, к северу от автодороги Ала-Бука – Каныш-Кыя, расположен мазар Тостопиян-ата – место паломничества местных жителей и приезжих из соседних районов и Узбекистана. Мазар представляет собой своеобразное наземное сооружение. Внешне это небольшой земляной холм, имеющий узкий подпрямоугольный вход с западной стороны. Дверь сделана из деревянных досок. Внутреннее пространство – подквадратная камера размерами около 2,5 x 2,6 м и высотой около 2 м. Стены сооружены из речного камня и земли. Плоское перекрытие с некоторым скатом к задней восточной стенке выполнено из бревен и веток. Пол земляной, заглублен на 0,15–0,17 м ниже порога. В центральной части помещения расположена невысокая сагана, замурованная глиняным рас-

твором. По форме она напоминает детскую колыбель. За мазаром Тостопиян-ата следит местный кожо, живущий в доме, расположенном напротив него через дорогу. Он же принимает и посетителей – зыратцев (почитателей). Внятной информации о мазаре, времени сооружения и его авторе собрать не удалось. Но среди жителей районов Чаткала и Ала-Бука распространена легенда о Тостопиян-ата.

Местность **Жер-Копуро** находится на территории сельской управы Курулуш, в 1,5–2 км от впадения р. Терс в Чаткал, на левом берегу р. Чаткал. Здесь расположен могильник, состоящий из 76 курганов. Курганы с земляными насыпями. Диаметр насыпи – 4,5–24 м, высота – 0,4–2 м. Этот могильник назван А.К. Кибировым по городищу Чанчархан, а И.К. Кожомбердиевым – по расположенной к юго-востоку горе Кызыл-Бел. В местном ландшафте эта гора выделяется как отдельная вершина. На ее восточной подошве расположено городище Чанчархан. На самой же горе находятся остатки старых сооружений – небольшие каменные фундаменты, дорожки и углубленные в землю постройки. Местные жители называют гору Кызыл-Бел «Кароол-чоку (караульная вышка) Чанчархан хана».

На предгорной террасообразной равнине отмечены расположенные бессистемно курганы. Десять из них, расположенные в восточной части могильника, в своё время были раскопаны

отрядом Института истории АН КССР под руководством И.К. Кожомбердиева.

На участке, начиная от местности **Кызыл-Алма** (территория сельской управы Ак-Таш) на запад до с. Ак-Таш, на протяжении 3 км вдоль правого берега р. Чаткал, с левой стороны автодороги зафиксировано пять курганов. Курганы с земляными насыпями расположены цепочкой вдоль р. Чаткал, на расстоянии 400–500 м друг от друга. Насыпи имеют округлую в плане форму. Диаметр насыпи – 1,2 м, высота – до 1,5 м. Один из курганов находится в аварийном состоянии.

Здесь же, на «участке 45», к северу – северо-востоку от местности Кызыл-Алма, примерно в 0,5 км находится могильник, состоящий из 60 курганов. Курганы с земляной насыпью, расположены бессистемно (с некоторым тяготением к краям высокой террасы), но компактно. Диаметр насыпи – 5–14 м, высота – 0,3–1,2 м. Местность получила свое название по пахотному участку в 45 га.

Вблизи с. **Ак-Таш** (0,6 км), с правой стороны автодороги Курулуш – Ак-Таш, на невысокой террасе находится тепе с усеченной макушкой. Высота – около 5 м. По внешним характеристикам, тепе аналогично другим памятникам Чаткала этого типа.

В 1,5 км к северо-востоку от с. Ак-Таш, у подножья гор **Кызыл**, на ровной местности с одноименным названием располагается несколько курганов. Курганы с земляными насыпями вытянуты цепочкой по линии север – юг и находятся на расстоянии 60–100 м друг от друга; протяженность цепочки – около 1,5 км. К западу от цепочки находятся другие курганы, также расположенные бессистемно. Их диаметр – 7–13 м, высота – 0,4–1 м.

Местность на левом берегу р. Чаткал, находящаяся напротив с. **Ак-Таш**, местными жителями также называется **Ак-Таш** (видимо, по р. Ак-Таш, левому притоку Чаткала). Здесь расположен могильник, состоящий из 13 курганов. Курганы с каменными насыпями. Диаметр – от 6,5–11,5 м, высота – до 0,4 м. На момент осмотра один из курганов был раскопан. В нем была видна подпрямоугольная каменная могильная яма, сооруженная из четырех скальных плит.

В местности Маданият, в 1 км к югу от с. Ак-Таш, на левом берегу р. Чаткал зафиксировано десять курганов. Курганы с каменными насыпями. Диаметр – 4–7 м, высота – до 0,3 м. Некоторые из них раскопаны, что указывает на ранее проведенные здесь археологические исследования.

Территория заповедника **Беш-Арал** включает в себя нижнее течение р. Чаткал до границы Узбекистана. В этой части река протекает в

основном между горными хребтами Чаткал и Пскем, к которым приурочены крутые склоны гор и узкие долины. В связи с этим памятники древности здесь встречаются реже. Они концентрируются прежде всего в долинах притоков Чаткала, что было отмечено уже А.К. Кибировым.

В местности **Чон-Сай** (территория заповедника Беш-Арал, левобережье р. Чаткал) нами был осмотрен одиночный вскрытый (?) курган, насыпь которого сооружена из скальных обломков. Диаметр – 16 м, высота – 0,9 м. Под центральной частью насыпи – подпрямоугольный в плане каменный ящик (опустошен), сложенный из четырех плит и ориентированный длинной осью по линии север – юг. Его размеры: ширина – 0,53 м, глубина – 0,55 м; длина ящика не установлена, так как южная его часть находилась под каменной насыпью.

В местности **Капчыгай**, на левобережье р. Чаткал расположено три кургана. Курганы с земляными насыпями. Диаметр – 4–6 м, высота – до 0,4 м.

В местности **Мин-Токум**, также на левобережье р. Чаткал нами зафиксированы хаотично расположенные восемь курганов. Курганы с каменно-земляными насыпями. Диаметр – 4–6 м, высота – до 0,4 м. Здесь же расположено одно подпрямоугольное в плане сооружение из скальных обломков размерами 2 x 1 м, высотой 0,15 м.

В местности **Кокту-Кайын** (левобережье р. Чаткал) расположен двухтеррасный земляной холм – остатки тепе. На его западном склоне найдены мелкие фрагменты керамики, отличающиеся друг от друга по составу теста: некоторые содержат шамот, другие – крупнозернистый песок.

У ручья **Кокту-Кайын**, к северо-западу от вышеуказанного тепе, расположено три кургана, вытянутых в цепочку, ориентированную по линии север – юг (с отклонением на восток). Курганы с земляными насыпями. Диаметр – 7–9 м, высота – до 1,1 м. Один из них, как сообщили местные скотоводы, был раскопан специалистами из Узбекистана примерно 10–12 лет тому назад.

В местности **Кызыл-Бел** (Чеп-Таш) находится могильник, состоящий из шести курганов. Курганы с земляными насыпями. Диаметр – 7–9 м, высота – до 0,6 м.

В местности **Аалам** (левый берег р. Чаткал) зафиксирована небольшая группа курганов. Курганы с каменными насыпями. Диаметр – 1–1,7 м, высота – до 0,3 м. В 100 м к северу от них, за грунтовой дорогой, расположен еще один курган с каменной насыпью. Его диаметр –

6,5 м, высота – 0,4 м. На момент осмотра объект был раскопан.

На возвышенной равнине в местности **Чон-Булак** (левый берег р. Чаткал) зафиксирован могильник Чон-Булак I, включающий свыше 20 курганов. Курганы с земляными насыпями. В 0,7–0,8 км к северу от него, в низине, ближе к левому берегу р. Чон-Булак, находится второй могильник – Чон-Булак II. Он состоит из 40 компактно расположенных курганов. Курганы с земляными насыпями. Диаметр насыпей обоих могильников – 2,5–8 м, высота – 0,3–0,9 м.

На левом берегу р. Баркырак-Суу (левый приток р. Чаткал) расположен могильник. Курганы с каменными и каменно-земляными насыпями. Диаметр насыпи – 5–7,5 м, высота – до 0,6 м.

Могильник в местности **Баркырактын бели** (хребет горы) состоит из 22 курганов. Курганы с земляными насыпями. Диаметр – от 2–7 м, высота – до 0,7 м. Могильник разделен грунтовой дорогой на две части.

У р. Калыбек (правый берег р. Чаткал) зафиксировано три кургана: два – на одном берегу, а один – на противоположном. Курганы с каменными насыпями. Диаметр – 4–6 м, высота – до 0,4 м.

В местности **Майда-Алма** на правом берегу р. Чаткал, напротив впадения р. Араб-Сай (правый приток р. Чаткал), на равнине расположен могильник, называемый местными жителями «кыргызскими могилами». Он состоит из нескольких объектов, имеющих в плане подпрямоугольную форму с округленными углами и ориентированных длинной осью по линии запад – восток (с небольшим отклонением). Размеры: длина – до 1,7 м, ширина – до 1 м, высота – до 0,25 м. Объекты с земляными насыпями. В центральной части насыпи – впадина. Следует отметить, что такие сооружения отмечены нами впервые. Аналогичный могильник зафиксирован несколько восточнее, на противоположном берегу р. Чаткал; местные жители его также считают кыргызским.

В местности **Чок-Камыш** (Чоп-Камыш) расположен могильник, состоящий из нескольких небольших курганов. Курганы с земляными насыпями. Насыпи овальной в плане формы, некоторые по краям снабжены редко поставленными небольшими камнями. Размеры – 1,7 x 2 м, высота – до 0,25 м. Исходя из внешнего вида, в том числе схожести с вышеописанными объектами, можно предположить, что они позднего времени (возможно, XVIII–XIX вв.).

В процессе исследований была обследована пойма р. Кайынды-Сай – правого притока р. Чаткал, имеющей собственную гидросистему.

Между саями – р. Кайынды-Сай и ее правым притоком р. Келте-Сай, несколько ближе ко второму из них, на высоком плато расположен могильник **Келте-Сай**. Он состоит из 95 курганов, расположенных на расстоянии 6–8 м друг от друга. Курганы с земляными насыпями. Диаметр – 8–14 м, высота – 0,5–1,5 м.

Несколько юго-восточнее могильника **Келте-Сай**, в западной части этого же плато, зафиксирован земляной вал. Он имеет неправильную трапециевидную форму и ориентирован углами почти по странам света. Его западный угол не замкнут – отсутствует участок длиной около 40 м. Внутренняя площадь ровная, без визуальных следов построек; в центральной части находятся беспорядочно расположенные крупные камни. Высота неравномерна – 0,6–1,2 м над уровнем внутренней поверхности. Размеры: длина северо-восточной стороны – 33 м, юго-восточной – 70 м, юго-западной – 87 м, северо-западной – 122 м, ширина по основанию – до 2,5 м (рис. III).

В верхней южной части плато на незначительном расстоянии от описанных объектов, на небольшой террасе (видимо, искусственной) расположен усеченный холм – тепе – округлой в плане формы. В его центральной части имеется углубление диаметром 3,5 м и глубиной до 1,5 м.

На левом берегу р. Кайынды-Сай, в т.н. урочище Найза (напротив рек Жолду-Сай и Келте-Сай) на узкой террасе находится могильник. Курганы с земляными насыпями. Диаметр насыпи – 5–10 м, высота – 0,4–0,9 м.

У входа в урочище **Теке-Таш**, у подножья горы, на левом берегу р. Кайынды-Сай находится уплощенная каменная насыпь высотой более 3 м, диаметром около 10 м. Визуально объект напоминает Сан-Таш в Иссык-Кульской котловине, но меньшего размера.

В верховьях р. Кайынды-Суу, в урочище **Теке-Таш**, выявлен могильник с хаотично расположенными курганами. Курганы с небольшими каменно-земляными насыпями. Диаметр – 1,5–2 м, высота – до 0,2 м.

Здесь же зафиксированы четыре каменных выкладки: три располагаются в один ряд с северо-запада на юго-восток; четвертая – перед юго-восточной, т. е. как бы начиная второй ряд. Расстояние между ними – 1–2 м. Оградки вытянутой подтрапециевидной в плане формы; широкие основания трапеций расположены с северо-восточной стороны. Размеры: длина – 8,3–11,1 м; широкая сторона трапеции (основание) – 4,7–5 м, узкая – 1,6–3,1 м. Эти объекты по длине дополнительно разделены на две-три камеры выстроенными в один ряд камнями; трехкамерной является северо-западная ограда, остальные –

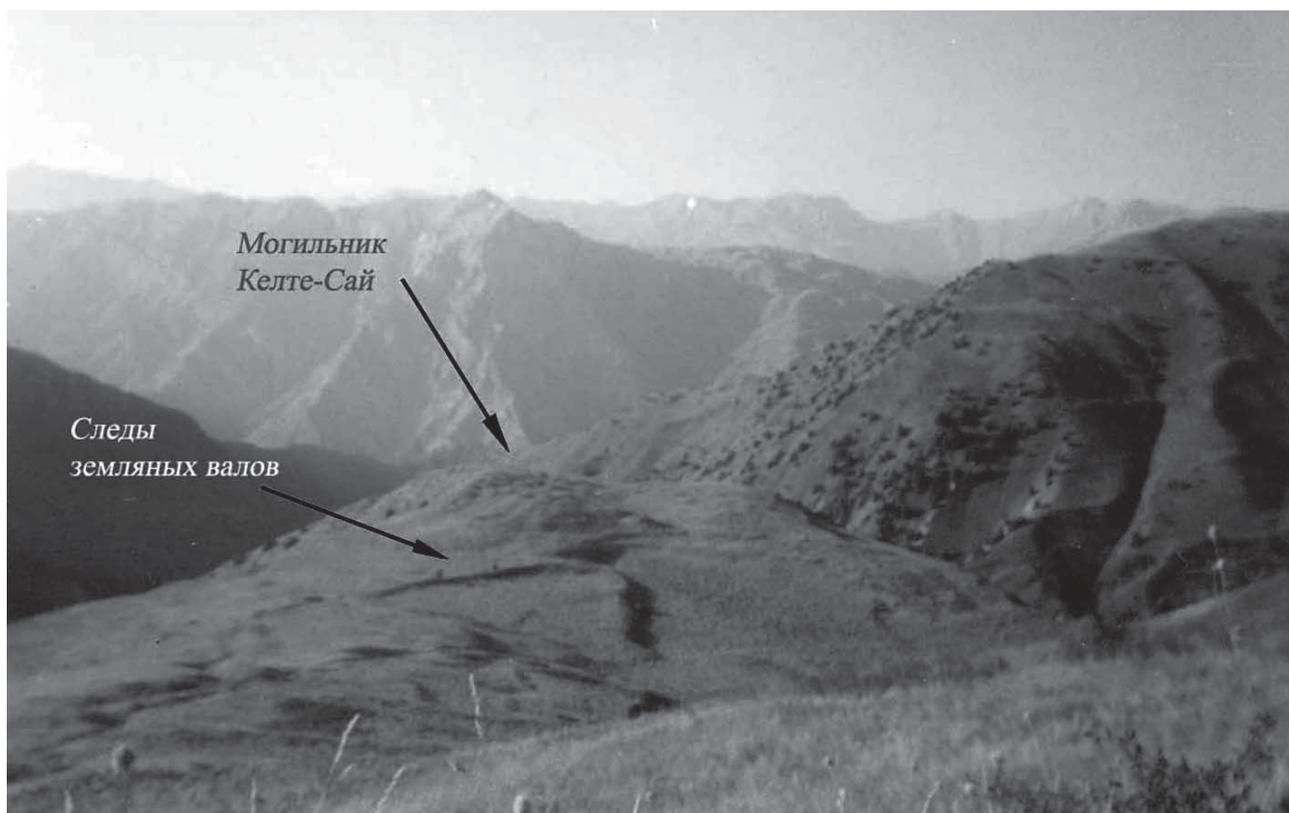

Рис. III. Могильник Келте-Сай и земляные валы.
Вид с юга

двухкамерные (рис. IV). Сооружены они из речных окатанных камней размером 0,1 x 0,1 – 0,5 x 0,7 м. Камни выложены на поверхности земли в один ряд и, видимо, не были укреплены землей, не учитывая отдельные крупные экземпляры: часть камней лежит свободно, некоторые отсутствуют на своих местах. In situ камни сохранились почти целиком у северо-восточной «одиночной» оградки.

Вблизи описанных объектов обнаружены лишь петроглифы.

Выявленные нами сооружения как для Кыргызстана, так и для сопредельных территорий нетипичны, поэтому вопрос об их функциональном назначении и датировке до проведения специальных исследований остается открытым.

В ходе исследования нами было раскопано два кургана, один из которых находится в аварийном состоянии.

В могильнике **Жер-Копуро** раскопан курган №1. Насыпь земляная. Диаметр – 16,5 м, высота – 1,5 м. При визуальном осмотре следы разрушения не отмечены. На поверхности насыпи – отдельные речные камни, вероятно служившие для ее укрепления (рис. V).

Насыпь в процессе раскопок была разделена на четыре сектора. Вскрытие началось с северо-западного сектора. В северной части насыпи до глубины 0,55 м отмечены небольшие речные

камни. В дальнейшем раскоп сужен до участка размером 1,5 x 2 м в центральной части кургана (северо-западный сектор).

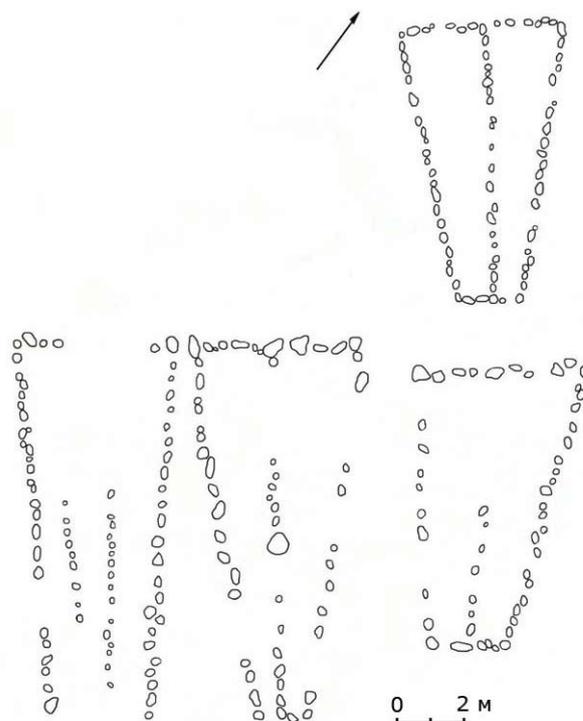

Рис. IV. Урочище Теке-Таш.
Трапециевидные каменные выкладки

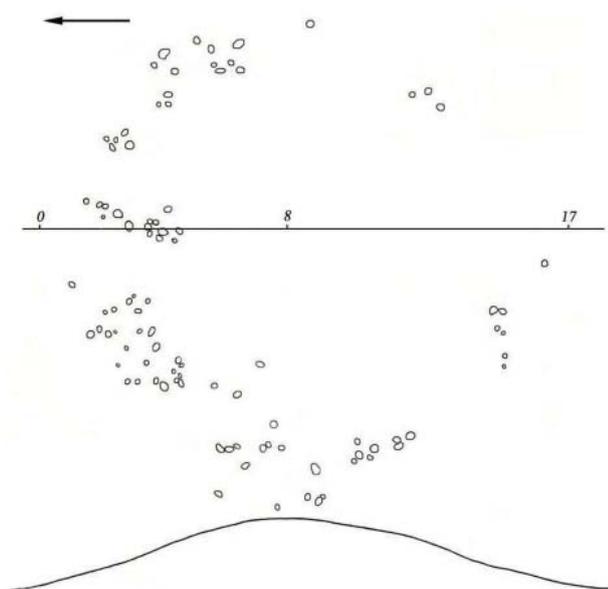

Рис. V. Могильник Жер-Копуро. Курган 1.
Абрис и профиль

В насыпи в разных местах и на разной глубине найдено несколько фрагментов керамического сосуда ручной лепки. Сосуд шаровидной формы, со слегка вытянутым туловом, покатыми плечиками и короткой (2,5 см) горловиной. Закраина отогнута наружу. На ее внешней поверхности имеется след от сколотой ручки. Справа от места крепления ручки нанесено два косых глубоких (до 0,15 см) рубца длиной 1,8 и 1,2 см, шириной до 0,4 см – вероятно, следы декора. Нижняя часть ручки прикреплена к покату плечика. Установить, имел ли сосуд вторую ручку, не удалось. Стенки неравномерной толщины – 0,45–0,65 см. Дно плоское, толщиной до 0,8 см. Тесто с большой примесью мелкозернистого песка, дресвы, кварца, а также слюды. Черепок в изломе тускло-коричневый. Внутренняя и внешняя поверхность закопчена. Общая высота сосуда (в реконструкции) – 26,5 см, диаметр венчика – 13,6 см, диаметр тулова – 23,3 см, диаметр дна – 14,4 см (рис. VII).

На глубине 2,7 м, в рыхлой засыпке, обнаружено скопление небольших глиняных комков, уложенных вплотную к южному, почти вертикальному срезу лессового материка. Входная яма-коридор подпрямоугольная в плане, подтрапезиевидная в сечении; ширина по основанию (у входа) – 0,84 м, по верху – 1,17 м, глубина – 1,7 м. Расчищен на 1,56 м в длину; северная часть осталась недоследованной³. Расстояние между восточной и западной стенками составляет до 1,1 м.

Под слоем глиняных комков выявлено скопление речных камней разной величины. Они закрывали полукруглое входное отверстие в погребальную камеру, вырубленное в отвесной

южной стенке дромоса. Высота входного отверстия – 0,4 м, ширина по основанию – 0,64 м, глубина дромоса – 0,46 м. Дромос перпендикулярно примыкает к погребальной камере с севера.

Погребальная камера имеет почти правильную овальную в плане форму и сферический потолок. Ее размеры (по полу): 2,88 x 1,68 м, высота – до 1,2 м. Пол камеры находится на 0,14 м ниже уровня входного отверстия (рис. VI). В западной – юго-западной стенке камеры устроена неглубокая ниша размером 23 x 28 см.

Камера заполнена рыхлой землей на 4–5 см. В южной ее части – небольшая куча земли. Очевидно, она образовалась через боковое отверстие грабительского лаза ($D = 0,38$ м), находящееся в южной части потолка, в 0,55 м от пола.

Костные останки очень плохой сохранности, выявлены в центральной части камеры. Анатомический порядок костей нарушен; *in situ* отмечены только кости шеи, таза (копчик) и нижние конечности. Обломки черепа и часть зубов (хорошей сохранности) обнаружены в западной части камеры. Остальные кости отсутствуют. Судя по зубам и сопроводительному инвентарю (см. ниже), речь в данном случае идет, скорее всего, о женщине 18–22 лет. Погребенная была уложена в вытянутом положении, на спине, головой на запад.

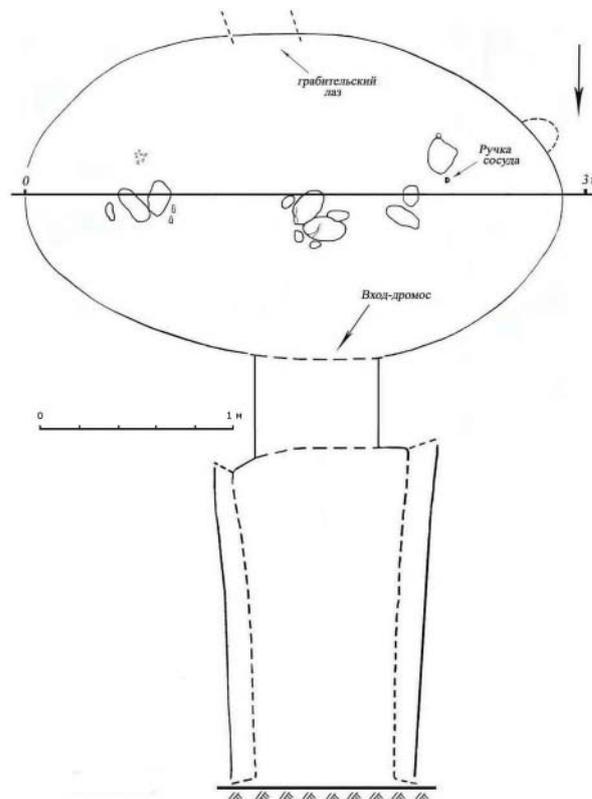

Рис. VI. Могильник Жер-Копуро. Курган 1.
План погребального сооружения

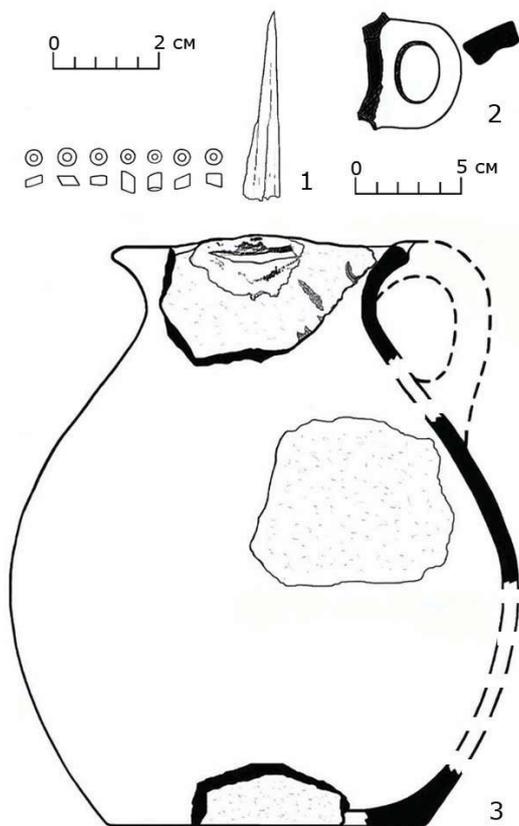

Рис. VII. Могильник Жер-Копуро. Курган 1:
1 – бусины, “проколка”, кость;
2–3 – керамика

Рис. VIII. Могильник Кызыл-Алма.
Вид на курган с юга

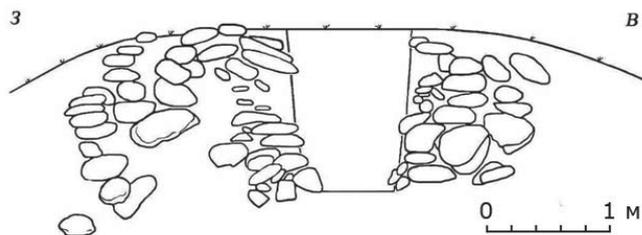

Рис. IX. Могильник Кызыл-Алма.
Разрез кургана по линии С-Ю

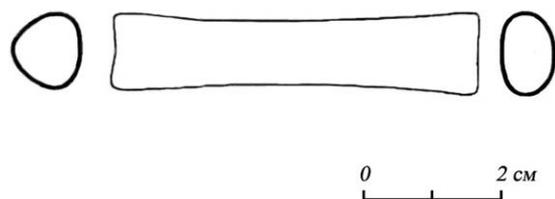

Рис. X. Могильник Кызыл-Алма.
Шлифованная костяная трубка

Рис. XI. Теке-Таш.
Изображения козлов

Под костями скелета в трех местах были зафиксированы крупные плоские речные камни, расположенные парами в одну линию по длине погребальной камеры. В области ног отмечена площадка с галькой площадью 25 x 35 см.

В области шеи найдено семь бусин из трубчатых костей диаметром 3,5–4,6 см, длиной 0,2–0,4 см. Возле таза с правой стороны обнаружен обломок костяного предмета неопределенного назначения (рис. VII). Также с правой стороны от погребенной на полу отмечены мелкие древесные угольки. Здесь же выявлена петлеобразная плоская в сечении ручка керамического сосуда (рис. VII). Ее ширина в средней части – 2,3 см, у оснований – 3,3 и 3,5 см, толщина – до 1,1 см. Тесто слоистое, содержит обильную примесь шамота и дресвы белого и черного цвета и белые включения, скорее всего, кварца. Обжиг равномерный, в изломе коричневатого цвета. Наружная поверхность гладкая, обмазана хорошо отмученной жидкой глиной. Ручка могла попасть в катакомбу через грабительский лаз, поскольку найдена возле указанной кучи земли.

Конструкция погребального сооружения фактически не отличается от ранее изученных катакомб в местности Узунбулак, Миянкол и Чукурчак в Чаткальской долине, поэтому мы, вслед за А.К. Кибировым, относим описанное погребение к пер. пол. 1-го тыс. н. э.

В местности **Кызыл-Алма** (см. выше) проведены аварийные раскопки поврежденного бульдозером при ремонте грунтовой дороги кургана. Его диаметр – 11,5 м, высота – до 1,5 м.

На момент исследования западная часть внешне земляной насыпи была снесена. В срезе были видны валуны, сложенные в несколько рядов; ширина крепиды – до 2,5 м, высота – до 1,4 м (рис. VIII, IX). В центральной части кургана отмечена небольшая западина – грабительский след.

Западная срезанная часть кургана была защищена нами, после чего заложен раскоп раз-

мерами 1,5 x 2 м, пришедшийся на центральную часть объекта.

На глубине 1,2 м от вершины кургана найдено три небольших обломка черепа человека и два обломка трубчатых костей. В южной части ямы, на глубине 1,46 м, почти на уровне древней дневной поверхности расчищены голенные и берцовые кости *in situ*. На этом же уровне в области таза отмечено две фаланги пальцев. Судя по расположению костей, погребенный был уложен в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Это, однако, лишь предположение, так как *in situ* были обнаружены лишь кости ног. Возле правой бедренной кости найден хорошо сохранившийся отшлифованный предмет из трубчатой кости длиной 5,2 см; диаметр одного конца – 0,7,5 см, второго – до 1,1 см (рис. X). Назначение предмета не установлено (возможно, мундштук).

Несмотря на то что объект ограблен и разрушен, интересно само погребальное сооружение. Захоронение было, скорее всего, совершено на древней дневной поверхности, в узкой камере надземной каменно-земляной «усыпальницы», так же, как в курганах могильников Чакмаксу, Тюлеберди (раскопки А.К. Кибирова) и Арал (раскопки И.К. Кожомбердиева) Чаткальской долины, датированных VI–VIII вв. К этому же времени можно отнести и описанный выше объект.

У слияния рек Чаткал и Терс, в урочище Теке-Таш выявлено местонахождение петроглифов. Недалеко от моста на р. Терс находится небольшая каменная глыба, покрытая темно-коричневой патиной. На горизонтальной ее поверхности нанесены рисунки, выполненные неглубокой крупной выбивкой. Степень их загара слабая. Имеются изображения людей, горных козлов, собак, птиц (?) и преимущественно стрелобразных знаков. Размеры изображений: от 5 x 6 см до 9 x 16 см.

В урочище Теке-Таш петроглифы выявлены на небольших отдельных каменных глыбах, расщепленных по подошве горы. Поверхность камней покрыта темно-коричневой патиной, рисунки – светло-коричневой, некоторые из них частично или полностью обновлены. Здесь имеются изображения людей, ладони (один случай), животных (олений, козлов, верблюда, собак, гибридное животное), зигзагообразных линий и букв кириллицы. Фигуры силуэтные, среди них преобладают выполненные в «геометризованном» стиле. Встречаются и незавершенные рисунки. Из композиций можно выделить сюжет «шестивия» козлов. Техника исполнения изображений – точечная выбивка глубиной до 2 мм. В одном случае наблюдается протирочный прием нанесения рисунков. Размеры изображений: от 4 x 7 см до 22 x 38 см. Сохранность петроглифов в целом удовлетворительная, однако имеются участки отслоения загарной корки.

Петроглифы местности **Теке-Таш** представляют традиционный репертуар наскального искусства. По стилю исполнения и степени загара их предварительно можно отнести к эпохе Средневековья (рис. XI). Очевидно, что урочище Теке-Таш (теке – горный козел, таш – камень) названо обитателями этих мест по преобладанию на его территории изображений горных козлов.

По информации местных охотников⁴, существует и другое местонахождение наскальных рисунков, в частности в местности Бугулу-Тор (Бугулуу-Төр), в верховьях долины Чаткала (в направлении перевала Кара-Буура). Изображения оленей на камнях, отмеченные здесь, дали, по их сведениям, соответствующее название этой местности. Один из притоков р. Чат-

кал – ручей Кара-Кысмак – называется Бугулуу-Булак (буквально «олений родник»).

Места добычи металлических руд, уже отмеченные предшествующими специалистами, встречаются почти по всему берегу р. Чаткал, особенно на территории сельской управы Курулуш и Ак-Таш. Также следы древних выработок выявлены вдоль р. Эштенберди по всему ее течению⁵. И в настоящее время здесь ведется добыча золота как местным населением, так и промышленным способом.

Примечания:

1. Автор выражает благодарность за оказанную всестороннюю поддержку главе сельской управы Жаны-Базара Таласбаю уулу Акматбеку, бывшему заместителю Чаткальского райакимата А. Кимсанову, директору местного лесхоза А. Ормонову, директору Беш-Аральского государственного заповедника И. Барпиеву, заведующему кафедрой всеобщей истории исторического факультета Жалал-Абадского государственного университета К. Айдаркулову, а также жителям Чаткальского района.

В наших работах принимала участие Н.С. Мырзабаева – преподаватель-историк Джалал-Абадского государственного университета.

2. Подробное географическое и историческое описание см.: [Кибиров 1959].

3. Этот объект мы намеревались докопать в следующем году, однако обстоятельства не позволили осуществить запланированное.

4. Кочон Райбеков, житель с. Жаны-Базар.

5. Данные археологической разведки 2008 г. вдоль берегов р. Касан-Сай до среднего течения и до верхний р. Ыштан-Берди (левого притока р. Касан-Сай). Разведка проведена совместно с В.А. Кольченко.

Abstract

THE REPORT ON ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION IN THE CHATKAL VALLEY IN 2002-2003

A. T. Sulaimanova

In article materials of archaeological investigations in the bottom part of a valley of river Chatkal are resulted, carried out the author in 2002–2003. During works reveals and plots mainly курганные burial grounds with a different design of an embankment, and also stone calculations, петроглифы, тепе. It is made studies two barrows which have given insignificant material of 1st half I thousand A.D.

Литература

Бубнова, Мокрынин – Бубнова М.А., Мокрынин В.П. Горно-металлургический производственно-бытовой комплекс Чакмак-Суу // АО 1977 года. – М., 1978.

Кибиров 1959 – Кибиров А.К. Археологические памятники Чаткала // ТКАЭЭ. Т. 2. – М., 1959.

Кожомбердиев 1983 – Кожомбердиев И.К. Работы в Чаткальской долине // АО 1981 года. – М., 1983.

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ КЛАДА БЛИЗЬ СЕЛА АК-БЕШИМ

О.П. Башкова*

*Чуйская долина / средневековая материальная культура / монгольские украшения
Chuy valley / Middle age material culture / mongolian*

Осенью 2007 г. северо-западнее с. Ак-Бешим местным жителем на своем поле было найдено несколько серебряных пластинок. Вскоре это место было обследовано с помощью металлодетектора. В результате была выявлена серия ювелирных изделий из серебра, нефрита, перламутра, мрамора, а также монеты¹; часть находок зафиксирована в разрезанном плугом керамическом сосуде, найденном на глубине пахотного слоя. Нахождение этого сосуда с частью изделий и обнаружение остальных находок на небольшом удалении от него позволяют считать все находки единым комплексом. Информация об этом кладе была обнародована на страницах периодической печати [Камышев 2007] и, частично, в интернете [ZENO, Интернет: № 49234 и 62328]. Целью настоящей публикации является введение его в научный оборот и датировка.

Глиняный сосуд, в котором был найден клад, сделан на гончарном круге – с внутренней стороны отчетливо видны следы изготовления на гончарном круге (рис. 1). Он имеет шаровидный корпус с равномерно округлыми стенками. Дно плоское, вставлено между стенок, образуя небольшую канавку. Горловина не сохранилась, что не позволяет воссоздать его первоначальную форму. Размеры: максимальный диаметр туло-

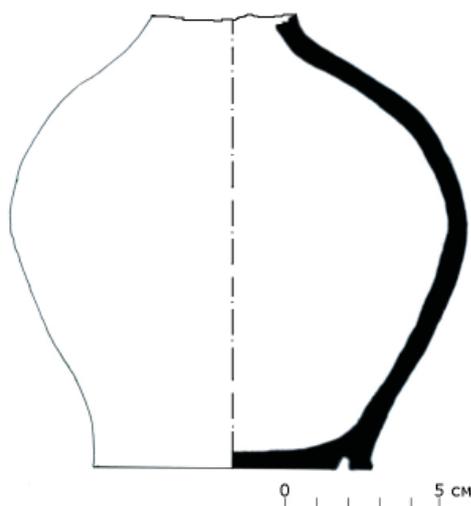

Рис. 1. Сосуд, в котором найден клад

ва – 14 см, диаметр дна – 9 см, сохранившаяся высота – 16 см.

Содержимое клада представлено подвесками – различными по форме, материалу, по времени изготовления и назначению.

Подвеска 1 (рис. II. 1). Плоская, со сложным симметричным контуром. На лицевой стороне – гравированный растительный орнамент, заполняющий всё поле. Обратная сторона имеет гладкую неорнаментированную поверхность. В верхней части пластины припаяно небольшое колечко для подвешивания. Серебро. Длина – 9,1 см, ширина – 4,4 см.

Подвеска 2 (рис. II. 2). Тонкая, плоская, с фестончатым симметричным контуром. Декорирована с двух сторон припаянной витой проволокой, расположенной вдоль контура, а также по полю пластины в виде трилистника. В средней части расположен рельефно выступающий кружок, выполненный из витой проволоки и напаянный на подвеску. По краям – семь небольших ($D=0,5$ см), обрамленных витой проволокой окружностей, четыре из которых имеют отверстия. В нижней части подвески расположено отверстие, окантованное витой проволокой в виде сердечка. Обратная сторона подобна лицевой. Вверху имеется пластинчатая дужка. Серебро. Длина – 7,7 см, ширина – 4,2 см.

Подвеска 3 (рис. II. 3). Плоская, прямоугольной формы. В центре, занимая большую часть пространства, выгравирован стилизованный цветок; фон заполнен точечной насечкой. По краям подвески проходит двойная линейная рамка. Обратная сторона – гладкая. Крепилась на двух пластинчатых дужках круглой формы, располагавшихся на длинной стороне; одна сохранилась, другая обломлена. Серебро. Длина – 3,7 см, ширина – 3,1 см.

Подвеска 4 (рис. II. 4). Литая, грушевидная, с грубо гравированным узором. В верхней части расположена дужка круглой формы. Бронза. Длина – 6,4 см, ширина верхней части – 2,8 см, нижней – 1,3 см.

Подвеска-медальон 5 (рис. II. 5) [ZENO, Интернет: №62328]. Литая, вытянутой каплевидной формы. Поверхность с двух сторон покрыта мелкой изящной гравировкой с растительным орнаментом. В верхней части отлиты три горизонтальных выступающих валика, равноудален-

* Башкова Ольга – антикварный салон «Фельс». Кыргызстан, Бишкек.

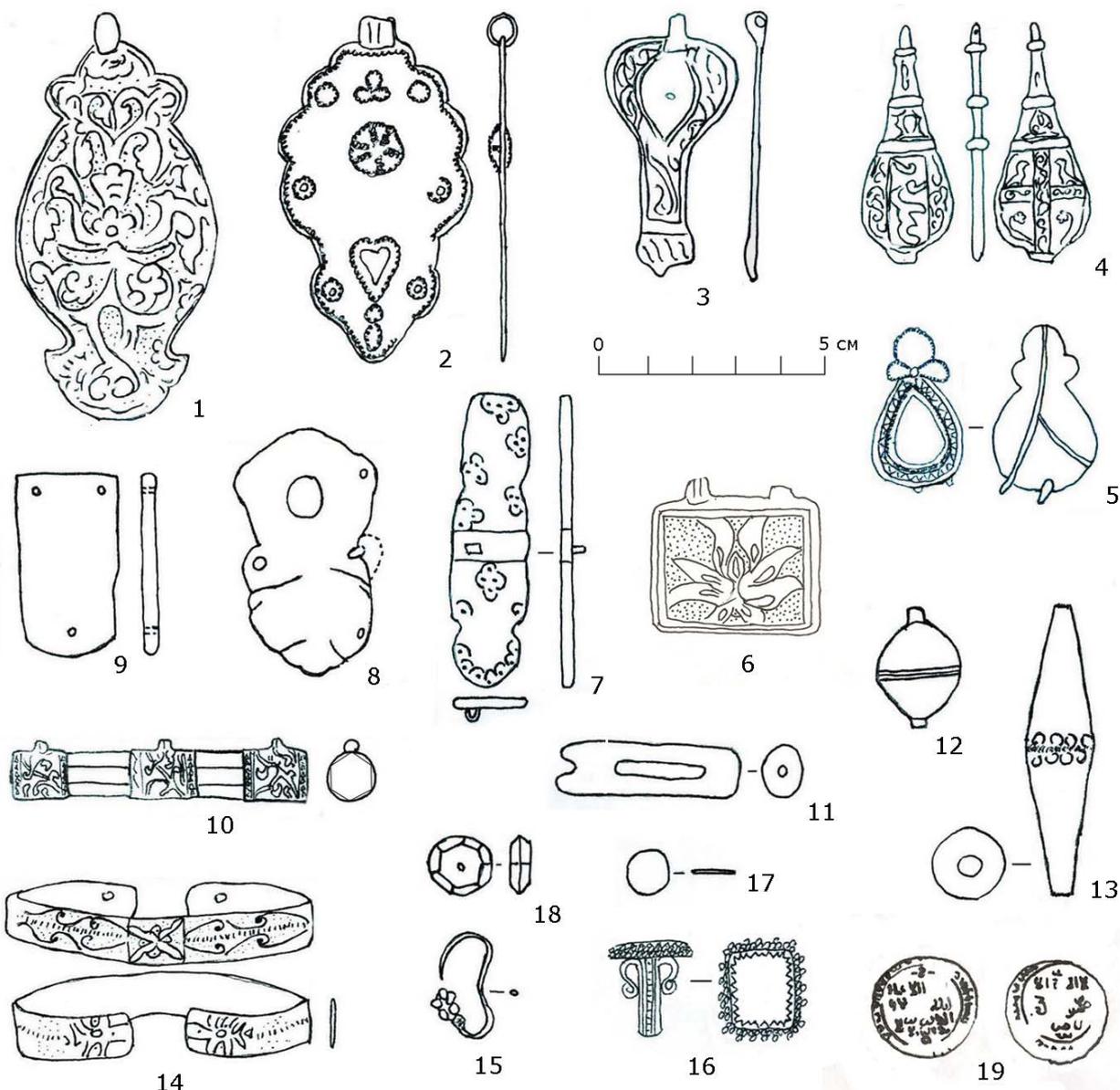

Рис. II. Изделия, входящие в состав клада

ных друг от друга. В нижней части на лицевой стороне в прямоугольной рамке выгравирована арабская надпись – «банда». Слово начертано чётко, но без диакритики, поэтому однозначное чтение и, соответственно, перевод проблематичны. На оборотной стороне медальона выгравированы две пересекающиеся полосы (крест – ?). В верхних сегментах креста изображены птички, напоминающие по облику уток, в нижних – цветы на стеблях. Бронза. Длина – 5,5 см, ширина верхней части – 0,5 см, нижней – 2 см.

Подвеска 6 (рис. II. 6). Плоская, со сложным абрисом. В верхней части крупное отверстие эллипсоидной формы. С одной стороны имеются два функциональных маленьких отверстия, вероятно для крепления украшения к одежде

или головному убору. Еще два орнаментальных отверстия расположены по краям подвески, одно из которых сколото. Нефрит полированный, зеленовато-белого (сального) цвета. Длина – 5,7 см, ширина – 3 см.

Подвеска 7 (рис. II. 7). Вытянутая, шестигранная в сечении. Края и середина окантованы серебряными, с круглыми дужками, пластинами шириной 1,3 см, декорированными рельефным растительным узором. Перламутр. Длина – 6,7 см, диаметр – 1 см.

Подвеска 8 (рис. II. 8). Каплевидной формы с перламутровой вставкой; верхняя часть в форме рельефного трилистника. Рамка подвески обрамлена изящной сканью. На оборотной стороне имеются три напаянных проволоки разной

длины. Биллоновая. Длина – 3,8 см, ширина – 2,3 см.

Браслет (рис. II. 9). Пластинчатый, с прямыми концами. В центре браслета выгравирована четырехлепестковая розетка, а по обе стороны от нее размещен волнистый узор с точечной насечкой. Концы браслета оформлены узором, напоминающим морду животного, а по центру в них пробиты отверстия диаметром 3 мм. Серебро. Размер 6,2×4,7 см, толщина – 1,2 см.

Перстень (рис. II. 10). Массивный, с рельефной дужкой и лирообразными концами, припаянными к прямоугольному щитку. Боковые грани щитка оформлены зернью. Сердоликовая вставка укреплена по всему периметру щитка с помощью зубчиков. Серебро. Размер щитка 2×1,7 см.

Серьга (рис. II. 11). Проволочная, с несоединенными концами, изогнутая в виде буквы 3. На нижнем конце, загнутом петлей, нанизаны 5 мелких жемчужин. Серебро. Толщина проволоки – 0,1 см, длина – 2,3 см.

Конусообразные детали украшений – две целые и одна половинка (рис. II. 12). Детали собраны из двух конусов, скрепленных между собой витой проволокой и украшенных узором по кругу в виде колец. Внутри конусов имеются сквозные отверстия. Серебро. Длина детали – 6,4 см, диаметр в центре – 1,5 см, а на концах – 0,5 см.

Сферические бубенчики – 11 штук (рис. II, 13). Бубенчики составлены из двух половинок, спаянных между собой проволокой. Имеются сквозные отверстия. В одном из бубенчиков сохранилась нить. Серебро. Диаметр – 2 см.

В кладе хранились мелкие детали и обломки украшений.

Бусина (рис. II. 14). Гладкая, биконическая, граненая. Сердолик. Диаметр – 1,3 см.

Вставка (рис. II. 15). Плоская, круглой формы. Серебро. Диаметр – 1 см.

Деталь украшения (рис. II. 16). Прямоугольной формы. В центре её охватывает круглый медный обруч с дужкой, который одевается на деталь отдельно. На перламутровой пластине нанесен примитивный точечный узор. Перламутр. Длина пластины – 6,3 см, ширина – 1,7 см.

Бляшка (рис. II. 17) с отверстием для крепления в верхней части и двумя отверстиями по краям в нижней части. Мрамор. Длина детали – 4 см, ширина – 2,3 см.

Палочка (рис. II. 18). Эллипсоидной формы, напоминающая мундштук, внутри которой имеется сквозное отверстие и сколы в середине и одном из концов. Серый камень. Длина – 4 см, сечение – 1,2×0,9 см.

Подвеска украшения, сделанная из динара (рис. II. 19). Отверстие пробито в верхней части. Легенда на арабском языке: «ал-хакан

ал-а'зам Нусрат ад-дунья ва-д-дин Савинч (?) Арслан-хан» [ZENO, Интернет: № 49234]. Динар отчеканен в караханидское время. Золото. Диаметр – 2,4 см. Вес – 2,5 г.

Отдельные украшения, подобные нашим, имеют достаточно широкий круг аналогий. Известны они и в Чуйской долине. Так, подвески, аналогичные по форме подвескам 2 и 4, были найдены на городище Красная Речка [Байпаков, Терновья, Горячева 2007: 117, 300, рис. 93-5], впрочем без археологического контекста и, как следствие, твердой датировки.

Подвеска 7 напоминает изделия, известные в XIX в. под названием «тумары» – амулет, амулетница [Фахретдинов 1988: 52–53]. В Средние века амулет с заклинаниями называли «битиг». В кладах из Сиджака и Сайрам-су (Узбекистан) найдено много целых тумаров и их детали. Исследователи датируют сиджакские находки первой четвертью XI в. Изделия из Сайрам-су датируются XII – нач. XIII вв. [Фахретдинов 1983: 56]. Можно предположить, что шестигранная палочка из перламутра являлась «тумаром», так как имеет идентичную форму, а перламутровая палочка заменяет серебряный футлярчик. В то же время нельзя исключить, что данная подвеска являлась деталью ювелирного изделия или применялась как украшение одежды.

Подвески, аналогичные по форме подвеске 8, были найдены на Болгарском городище (IX–X вв.) [Поляков 1996:186]. Там же на Болгарском городище еще в 1877 г. были найдены браслеты. В приводимом при публикации описании говорится, что на концах браслетов имеются гравированные изображения львиных морд, а в центре корпуса одного из них изображена четырехлепестковая розетка [Поляков 1996: 180]. Сравнив два браслета с Болгарского городища с нашим браслетом можно предположить трансформацию четко определяемого изображения животного (морда льва) в неопределенный мотив. Это, в конечном счете, привело к смысловой отвлеченности и усилению декоративных начал в структуре художественного образа изделия.

Прототипом серьги, найденной в кладе, можно считать серьги, известные ранее, которые имели несколько иную форму, но аналогичным способом нанизанные бусинами на петельку. На городище Кара-Джигач в окрестностях г. Бишкек, датируемом преимущественно XIII–XIV вв., была найдена золотая серьга, форма которой полностью совпадает с формой и размером серьги из нашего клада. Среди аналогий можно также назвать серьгу такой же формы, что серьга из клада, найденную в своё время фархадской экспедицией (Узбекистан), которая

датируется в публикации IX в. [Фахретдинов 1988: 47]. Таким образом, можно сделать вывод, что традиции изготовления подобных серег сохранились до XIV в.

Миниатюрные сферические бубенчики хорошо известны в комплексах начиная с первых веков новой эры в Средней Азии [Восточный Туркестан 1995: 223–231]. О назначении бубенчиков и конусообразных деталей можно только догадываться. Бубенчики могли использоваться в головных украшениях или нашиваться на одежду. Возможно, бубенчики и конусообразные детали, нанизывались на прочную нить и вплетались в косы. В XIX в. встречаются различные варианты подвесок такого рода, называемые «чач папик», они состоят из черных шнурков с металлическими конусообразными украшениями и колпачками, внутри которых укреплены длинные кисти из черных шелковых шнуров [Антипина, Иванов 1968: 113].

Серебряная вставка из клада не подходит ни к одному из имеющихся украшений. Мраморная деталь, возможно, была частью пояса. Назначение палочки, изготовленной из серого камня, пока не установлено.

Надписи на ювелирных украшениях (подвеска-медальон 5) обозначали или имя ювелира, или место изготовления. Но могли не содержать никакого смысла, а являться только художественным украшением изделия. Схожая с нашей по форме подвеска была найдена в Узбекистане (Мавераннахр) и датируется IX в. Только на мавераннахрской подвеске, в отличие от описанной нами, выгравирована фигура женщины-птицы, образа матери и богини плодородия [Фахретдинов 1988: 47]. Бронзовая подвеска аналогичной формы найдена ранее на территории Краснореченского городища. С одной стороны её изображен грифон с туловищем крылатого льва и головой хищной птицы с заостренным ухом и сомкнутым клювом. На обратной стороне в центре проходят две вертикальные линии. Между ними – фигура человека в позе молитвы. Данная подвеска, по мнению исследователей, изготовлена в период Средневековья, точная дата не известна [Байпаков, Терновая, Горячева 2007: 74–75].

Найденная золотая монета имеет отверстие, что свидетельствует о некоторой длительности использования ее в качестве детали украшения. Хранение среди украшений динара XI в. может послужить основанием для более широких рамок датировки представленных в клада ювелирных изделий. В этой связи примерная датировка подобных мавераннахрских украшений IX–X вв. может являться как основанием для предположения о традиционном консерватизме в облике и назначении ювелирных украшений, так и версии о длительном использовании ювелирных изделий.

Благодаря сведениям на монетах клада установлена примерная дата его сокрытия. По определению нумизмата П.Н. Петрова, серебряные дирхемы и динары были выпущены в период правления чагатайского хана Кепека и его брата Тармаширина. Соответственно время сокрытия клада – не ранее середины XIV в. В то же время необходимо учитывать, что часть украшений, найденных в клада, имеют аналогии как на сопредельных территориях Средней Азии, так и в достаточно удаленных от нас районах России. А обмен товарами и культурными традициями в ювелирном искусстве, как и длительное сохранение их в форме тезаврации, не позволяют уверенно датировать все представленные украшения монгольским временем. С другой стороны, анализируя средневековые украшения из различных археологических комплексов, можно проследить декоративное усложнение композиций, форм и орнаментального оформления украшений, а порой и наоборот.

Украшения, найденные в окрестностях с. Ак-Бешим, изготовлены из разных материалов, имеют всевозможную форму и порой неясное назначение. Для создания более ясного представления о ювелирном искусстве данного периода на территории Кыргызстана необходимо дальнейшее накопление сведений о них.

Примечания

1. Нумизматическая часть клада готовится к публикации Н.П. Петровым.

Abstract**JEWELRY ADORNMENTS FROM THE TREASURE CLOSE TO THE AK-BESHIM VILLAGE**

O.P. Bashkova

The treasure was found in autumn 2007 in the area of Tokmok at the Chu valley. Silver parts of female adornments made of silver, nephritis, nacre and marble have different forms and occasionally incomprehensible predestination. Analogues of such decorations were marked among the artifacts found in the Central Asia and the East of Russia, but in fact, all of them dated IX–X centuries. Silver dirhams and dinars kept in the treasure, minted at the time of Chagatai khan Kepek and his brother Tarmashirin governing, indicate the treasure was received not early than the middle of XIV century.

Gathering of a new finds of adornments and data accumulation is necessary to have a clear idea of that period jewelry art at the territory of the Kyrgyzstan.

Литература

- Антипина, Иванов 1968 – *Антипина К.И., Иванов С.В.* Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. – Фрунзе, 1968.
- Байпаков, Терновоя, Горячева 2007 – *Байпаков К.М., Терновоя Г.А., Горячева В.Д.* Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII в.). – Алматы, 2007.
- Восточный Туркестан 1995 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. – М., 1995.
- Камышев 2007 – *Камышев А.М.* Украшения монгольской модницы XIV века // Вечерний Бишкек. – 2007. – 7 декабря.
- Поляков 1996 – *Поляков Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. – Казань, 1996.
- Фахретдинов 1983 – *Фахретдинов Д.А.* Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии IX–XIII веков. – Ташкент, 1983.
- Фахретдинов 1988 – *Фахретдинов Д.А.* Ювелирное искусство Узбекистана. – Ташкент, 1988.
- ZENO, Интернет – ZENO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zeno.ru>.

**НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ «СОЛНЦЕГОЛОВЫХ» ИЗ ТАМГАЛЫ
В КОНТЕКСТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА
КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ**

А.Е. Рогожинский*

*Тамгалы / Казахстан, Средняя Азия / петроглифы / эпоха бронзы
Tamgaly / Kazakhstan, Middle Asia / rock art / Bronze Age*

Терминами «солнцеголовые/солнцеликие» принято обозначать определенную категорию антропоморфных изображений, известных в петроглифах Тамгалы, Саймалы-Таша и ряда других памятников Казахстана и Средней Азии. Этот чрезвычайно выразительный образ «с лучистым нимбом или концентрическими кругами», казалось бы, исключаящий многозначное толкование [Кузьмина 1995: 38], не раз привлекал внимание специалистов. Между тем попытки истолкования семантики «солнцеголовых» (далее – СГ), как правило, опережают обоснование культурно-хронологической принадлежности петроглифов, а стилистико-иконографический анализ гравюр, искусственно «вырванных» из композиций и общего контекста изобразительного ряда памятников, неизбежно подменяется умозрительными интерпретациями сходств и отличий рисунков. Подобные парадоксы во многом объясняются отсутствием полноценной документации памятников и публикации источников. В особой мере это относится к изображениям СГ из Тамгалы.

Благодаря работам А.Г. Максимовой, А.Н. Марьяшева и других авторов в свое время в научный оборот введена большая серия петроглифов урочища Тамгалы [Максимова 1958; Марьяшев и др. 1979; Марьяшев 1981; Максимова и др. 1985]. Однако старые публикации, основанные на приемах документирования и исследований 70–80-х гг. XX в., отражают уровень изученности памятника того же периода и не дают цельного представления об изобразительном контексте этой группы рисунков, а графическое воспроизведение СГ содержит немало досадных неточностей, повторяющихся и в новейших изданиях [Марьяшев, Горячев 2002].

Такое состояние источников служит почвой для недостоверных суждений о сходстве СГ Тамгалы с подобными изображениями из других памятников Казахстана и Средней Азии, а иные малокомпетентные авторы пытаются строить историко-археологические реконструкции спекулятивного характера [Потапов 2007; Сараев 2007]. Данная статья является первой специальной публикацией, посвященной наскальным изображениям СГ Тамгалы, и основана на новых материалах, подготовленных автором в ходе изучения и документирования петроглифов урочища в 1992 – 2001 гг.; большая часть их вошла в досье номинации «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» и послужила обоснованию исключительной ценности памятника, включенного в 2004 г. в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Базовую документацию современных исследований и консервации наскальных рисунков Тамгалы образует комплект материалов (карт, панорам, фотографий и копий петроглифов), отражающих изменение состояния памятника с момента его открытия в 1957 г. до настоящего времени. К сожалению, некоторые гравюры, в том числе с изображениями СГ, ныне утрачены или сохранились фрагментарно. В таких случаях главными источниками становятся фотоснимки первооткрывателей Тамгалы – А.Г. Максимовой и А.А. Попова, а также публикации, материалы личных архивов и комментарии участников геологических и археологических изысканий 1970-х гг.¹

В разное время исследователями Тамгалы зафиксировано 30 изображений СГ (рис. 1. 2); в настоящее время их сохранилось 26². Все рисунки выполнены техникой пикетажа. Форма следов инструмента во многих случаях заметно отличается. Глубина рисунков варьирует от 0,5–1 мм до 3–5 мм, при этом особенно глубоко и, по-видимому, многократно выбивались наиболее значимые детали фигур – лучи, точки,

* Рогожинский Алексей Евгеньевич – канд. ист. наук. Научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия номадов. Казахстан, Алматы, alexeyro@hotmail.com

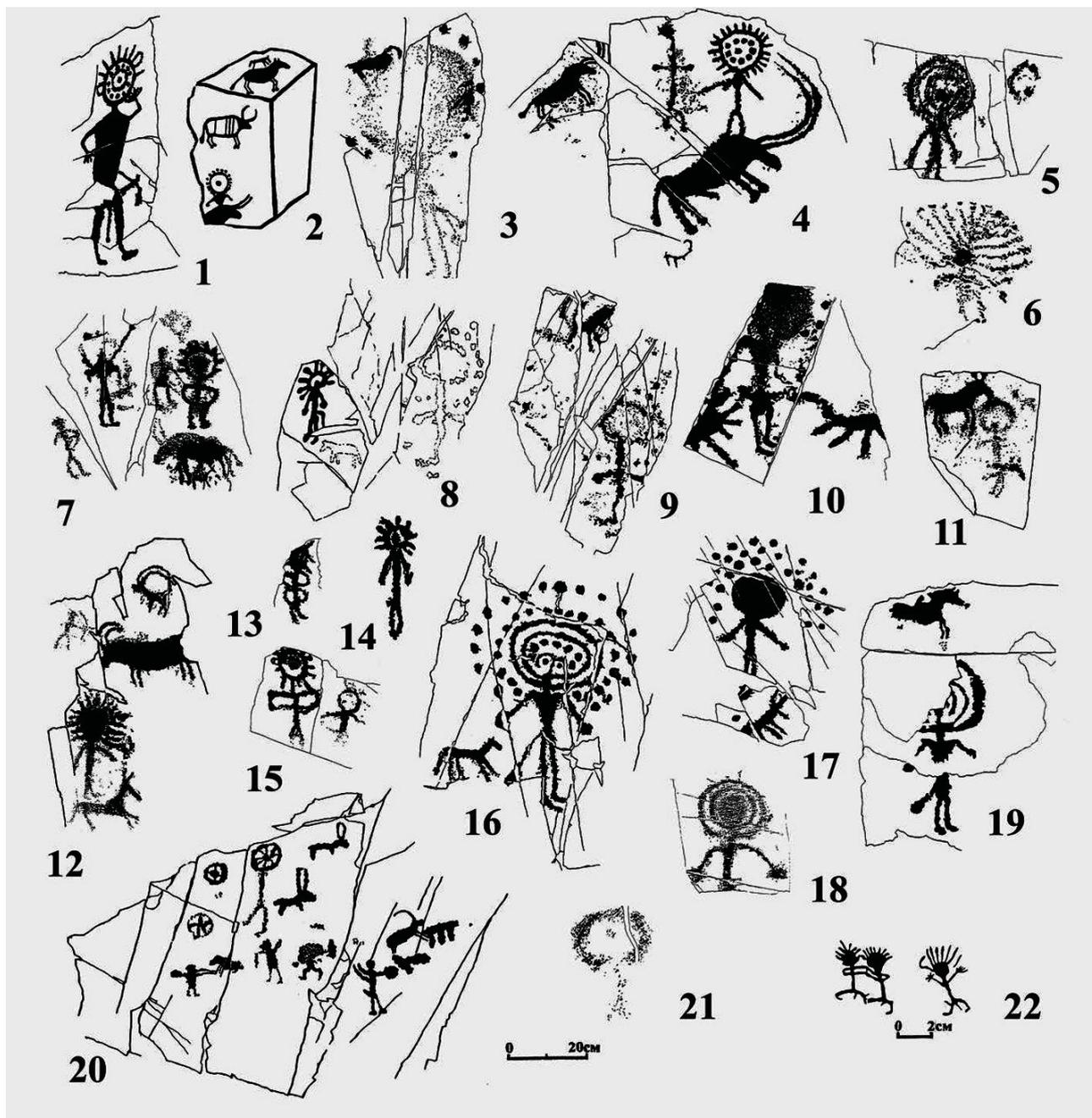

Рис. 1. Изображения «солнцеголовых» из Тамгалы:
 1, 2 – группа II; 3, 4 – группа III; 5, 6 – группа IV; 7–19 – группа V; 20, 22 – периферия каньона;
 21 – мог. Тамгалы II (1, 8, 14 – рисунки автора по фотографиям 1957 г.; 7 – по: Марьяшев и др. 1979: рис. 1;
 остальное – копии автора)

окружности, образующие «нимбы» божественных персонажей. За редким исключением рисунки полностью или частично подновлены, в последнем случае удаление патины также производилось чаще на «нимбах», оставляя без изменений другие части фигур. Некоторые петроглифы являются эскизами или незавершенными изображениями СГ; как и поврежденные рисунки (фрагменты), утратившие те или иные значимые детали, они ограниченно пригодны для анализа стиля и иконографии персонажей.

Можно выделить три варианта изображений, отличающихся способом передачи антропоморфных фигур СГ: *натуралистический* – туловище моделируется в виде равнобедренного треугольника, основание которого передает широкие плечи фигуры, а вершина фиксирует талию (рис. I. 2, 10, 16, 19); ноги и руки выполнены узкими линиями, иногда с четкими изгибами в суставах; на концах рук – шарообразные утолщения или пальцы; *линейный* – туловище показано широкой полосой, конечности – узкими линиями; на руках также шарообразные утолщения (рис. I. 3–5, 17, 18); *схематический* – туловище и конечности переданы узкой линией, изгибы рук закруглены; окончания рук не выделены (рис. I. 7, 8, 12–15).

Для изображений в натуралистической и линейной манере характерно положение рук, сильно отведенных от туловища в стороны или поднятых вверх и изогнутых в суставах; уникально ныне утраченное изображение (рис. I. 1), у которого одна рука поднята вверх, другая – опущена вниз³. Особенностью некоторых персонажей в натуралистической манере является изображение хвоста и фаллоса. На рисунках в схематической манере руки показаны «фертом» или опущенными книзу и слегка разведенными в стороны. Подавляющая часть фигур дана во фронтально-профильной проекции; фронтальные изображения уверенно не выделяются.

Главные иконографические отличия СГ связаны с трактовкой «нимба». Обычно он соединяется с туловищем антропоморфных персонажей короткой линией, обозначающей шею; голова у СГ изображается редко. В конструкции «нимбов» используются четыре элемента: круг, окружность, точка и линия-луч. Облик персонажей определяется набором, комбинацией и числовым соотношением этих элементов.

Для рисунков в натуралистической и линейной манере характерными является сочетание двух, трех или всех четырех элементов «нимба», большое разнообразие их комбинаций (соответственно 6 и 9) и числовое соотношение лучей и точек 10, 12, 14, 17, 19, 20, 21, 29. Рисунки в схематической манере отличаются ограниченным

набором элементов «нимба» (не более трех), небольшим числом их комбинаций (две) и иным соотношением лучей (8, 9, 12, 16) и точек (1, 9). Таким образом, несмотря на некоторые отличия в передаче корпуса, фигуры в натуралистической и линейной манере образуют иконографически однородную группу СГ. Оба варианта изображений присутствуют в составе уникального панно (рис. II), композиционная цельность и одновременность древнейшей части которого не вызывают сомнений. Кроме того, есть примеры, когда выполненные в разной манере (натуралистической или линейной) изображения СГ обладают полным иконографическим сходством. По-видимому, указанные отличия петроглифов в натуралистической и линейной манере следует рассматривать как проявление избирательности формы в рамках устойчивого изобразительного канона.

Изображения СГ отличаются по величине фигур. Петроглифы в натуралистической и линейной манере имеют особенно крупные размеры (40–50–70 см и более); величина изображений в схематической манере не превышает 15–25–30 см, но есть рисунки высотой менее 10 см. Значимость указанных отличий такова, что позволяет выделить три изобразительных варианта СГ персонажей Тамгалы (рис. III).

Изображения варианта А характеризуются натурализмом в стиле, сложностью иконографии и наибольшей величиной фигур. Изображения варианта В отличаются меньшими размерами, схематизмом и ограниченностью набора иконографических элементов. Изображения варианта С обладают отдельными признаками иконографии двух первых вариантов, но выделяются манерой исполнения и очень маленькими размерами фигур.

Стратиграфия и взаиморасположение выделенных вариантов гравюр в контексте изобразительного ряда определяют их относительные хронологические позиции. СГ варианта А всегда занимают на плоскостях центральное положение и не перекрывают другие петроглифы. В то же время сами они часто образуют нижний, «фоновый» слой многофигурных композиций и палимпсестов. В целом рисунки варианта А являются самыми ранними изображениями СГ и относятся к выделенному нами типу петроглифов Тамгалы [Рогожинский 2001: 11–17]. Изображения варианта В появились позже, поскольку создавались уже по принципу дополнения композиций, образованных петроглифами типа Тамгалы, а в отдельных случаях перекрывают последние [см. Максимова и др. 1985: фото 6, 7].

Изображения СГ вариантов А и В зафиксированы только на скалах основных местонахож-

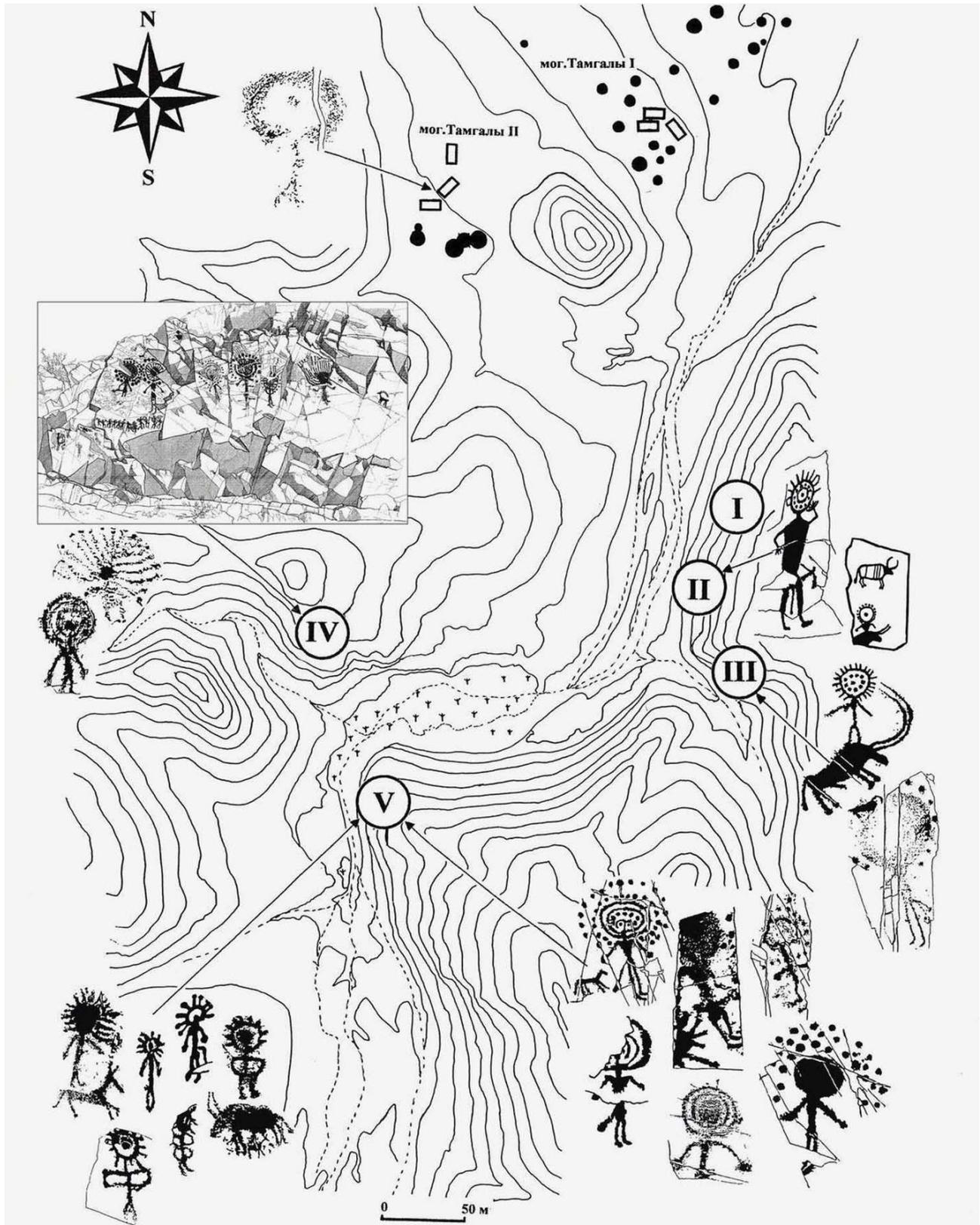

Рис. II. Расположение изображений «солнцеголовых» в каньоне Тамгалы

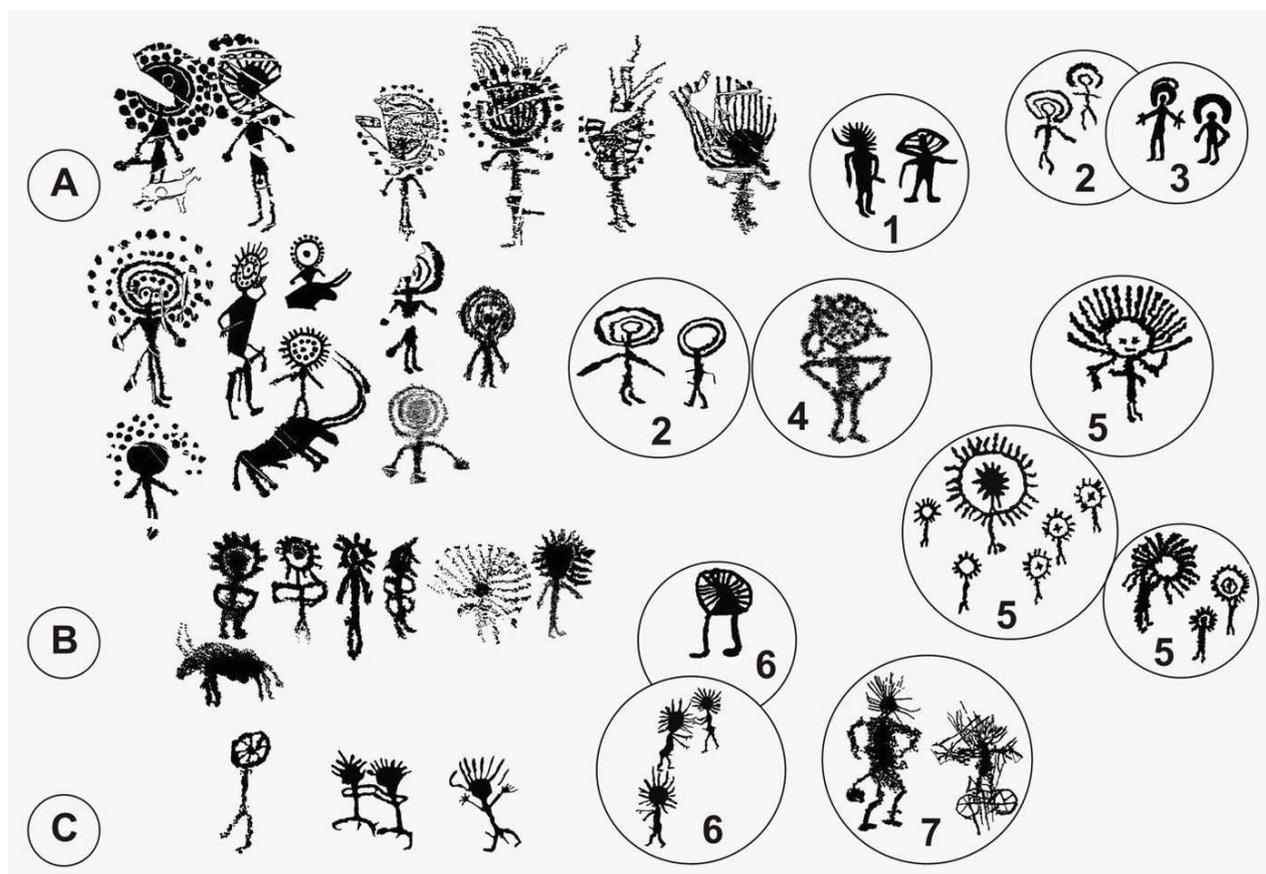

Рис. III. Типология изображений «солнцеголовых» из Казахстана и Средней Азии:

А, В, С – варианты изображений из Тамгалы; 1 – Байконур (по: Новоженев 2002), 2 – Каракыр (по: Потапов 2007), 3 – Аккайнар (копии автора), 4 – Орнок (по: Нурмаматов 2007), 5 – Саймалы-Таи (копии автора), 6 – Кульджабасы (по: Потапов 2007; копия автора), 7 – Ешкиольмес (копии автора)

дений (групп) петроглифов в пределах каньона Тамгалы; они не встречаются среди гравюр многих других скоплений на периферии урочища. В составе изобразительного ряда каньона Тамгалы расположение СГ также характеризуется строгой упорядоченностью (рис. II). Рисунки варианта А сосредоточены только на скалах II–V групп, где древнейшие петроглифы образуют иллюстративно-повествовательную конструкцию и функционально маркируют пространство святилища эпохи бронзы. Петроглифы варианта В сконцентрированы в основном на скалах V группы. Не установленным остается точное местонахождение композиции с тремя «солнцеголовыми», образующими изобразительный вариант С; по свидетельству видевшего их Ю.А. Мотова, рисунки расположены на вершине одной из противоположащих V группе сопки. Еще одна композиция с незавершенным изображением, которое с оговорками можно отнести к СГ, находится на склоне боковой долины к юго-западу от III группы.

Таким образом, подавляющую часть изображений СГ Тамгалы образуют петроглифы двух

изобразительных вариантов – А и В, первый из которых преобладает количественно и хронологически предшествует второму. Для определения возраста СГ варианта А, как и петроглифов типа Тамгалы в целом, важное значение имеют находки строительных камней с рисунками на могильниках Тамгалы II и Каракудук II. Среди них особый интерес представляет незавершенное изображение СГ на стенке цисты 9 могильника Тамгалы II, время образования которого определяется сочетанием типов погребальных конструкций, обряда, вещественных находок, а также имеющимися двумя калиброванными датами по C^{14} и ЭПР-датой не ранее XII в. до н.э. В целом датировка петроглифов типа Тамгалы обосновывается в пределах середины XIV–XIII вв. до н.э. [Рогожинский 2001: 15–17].

Отличительными особенностями петроглифов типа Тамгалы являются крупные размеры изображений, устойчивость стиля и иконографии основных образов и мотивов, организованных в систему чередующихся композиций изобразительного ряда. Величина и экспозиция изображений регулируются условиями оптического

восприятия изобразительного ряда в контексте окружающего ландшафта и «архитектуры» скал. Возможные условия зрительного восприятия петроглифов типа Тамгалы, в том числе изображений СГ, были обоснованы и экспериментально установлены нами в 1992–1993 гг. [Рогожинский 2001: 21–25]. При наблюдении с удаленных позиций, образующих фокус оптимального видения, все нюансы иконографии антропоморфных персонажей варианта А различимы без существенных искажений. В отношении СГ варианта В сделаны следующие наблюдения. Практически все эти изображения нанесены на плоскости, либо занятые петроглифами типа Тамгалы, либо имеющие сходную с ними экспозицию, что обеспечивает зрительное восприятие тех и других в едином контексте изобразительного ряда. В то же время величина СГ варианта В обнаруживает несоответствие их положению на верхних ярусах скал V группы, практически на той же высоте, что и древнейшие изображения: с расстояния 20–40 м такие значимые черты персонажей, как лучистые нимбы, слабо различимы. Означает ли это, что относительно поздние изображения СГ варианта В отличаются по функциональности от аналогичных петроглифов типа Тамгалы? Прояснить ситуацию позволяет анализ иконографии персонажей в составе изобразительного ряда каньона Тамгалы.

Анализ необходимо начать с уникальной композиции на вершине IV группы, изображающей, по-видимому, пантеон эпохи бронзы, представленный СГ варианта А (рис. II. 3) [см. также: Рогожинский 2001: рис. 12]. Поверхность скалы обращена на юг, и божественные персонажи ориентированы соответственно этому обстоятельству. Крайние слева две фигуры обращены на запад, а третья, пятая и шестая – на восток; корпус и ноги четвертого персонажа подновлены, но, возможно, это была одна из немногих фронтальных фигур СГ, и развернута она к югу. Все персонажи различаются по высоте, причем крайние справа – самые маленькие. Они изображены с воздетыми кверху руками. Жест адорации нетипичен для СГ и может указывать на особый, подчиненный статус этих персонажей в данной субординации. Нимбы всех СГ различны; у многих персонажей его обрамляет «ожерелье» из округлых пятен-точек. Заметим, что только два божества – второе и пятое – имеют лучи, радикально отходящие от центра нимба. Крайняя правая фигура, обращенная к востоку, изображена с 17 плавно изогнутыми лучами, поднимающимися от головы кверху подобно пламени огня. Другим специфическим признаком этого же персонажа является широкий, заостренный на конце выступ в нижней части головы, напоминающий

язык. Наконец, седьмой персонаж расположен вверху, над фризом СГ. Торс и голова его выполнены одновременно, и продолжения книзу, по-видимому, фигура не имела; десять слабо выбитых прерывистых линий-лучей, отходящих от головы, сильно отличаются по патине и, вероятно, были дорисованы позже. Таким образом, сонм божественных персонажей включает семь различных фигур, но только к двум из них (второй и пятый) уместно применить термин СГ. Средствами иконографии (облик, величина, ориентировка фигур, занимаемое место) переданы, на наш взгляд, индивидуальные черты разных персонажей языческого пантеона, за которыми следует предполагать также их функционально-семантические отличия в контексте архаической мифологии и культуры.

Сравнение остальных СГ Тамгалы варианта А с персонажами «пантеона» позволяет сделать следующие выводы. Многие из них являются, в сущности, воспроизведениями нескольких персонажей, запечатленных в составе «пантеона». Эти «двойники» занимают определенное положение в составе изобразительного ряда на скалах II, III и V групп, которое соответствует субординации, проявляющейся в ранжированном строе «пантеона». Эскизы и незавершенные изображения не составляют, по-видимому, исключения, хотя их вид и сохранность не позволяют судить об этом однозначно.

Отметим, что среди всех антропоморфных рисунков типа Тамгалы наибольшее сходство с седьмым персонажем «пантеона» имеет фигура палиценосца, занимающего ведущее место в иллюстративно-повествовательной конструкции петроглифов II группы. В панораме изобразительного ряда V группы фигура палиценосца также возвышается над остальными изображениями; наравне с ней находится фигура божества, отождествляемого нами с первым персонажем «пантеона». Примечательно, что здесь среди ранних петроглифов нет СГ с лучистым нимбом, занимающего второе место в ряду божественных персонажей «пантеона». Между тем в III и, возможно, II группе этот образ фигурирует как основной; солярная сущность СГ находит здесь особенно яркое воплощение, а другой специфической чертой его иконографии является связь с образом быка (рис. I. 4). Наконец, третий персонаж «пантеона» дважды изображен в нижнем ярусе скал V группы, снова демонстрируя подчиненное положение относительно других СГ.

Уже отмечалось, что поздние изображения лишь отдаленно напоминают СГ варианта А; их иконография представляется более унифицированной и подчинена иному числовому ритму. Почти все они воспроизводят один и тот же об-

раз божества с лучистым нимбом и являются дериватами второго персонажа «пантеона». Об этом же свидетельствует попытка воспроизведения в V группе мотива «солнцеголовый на быке» (рис. I. 7). Возможно, еще одним прототипом поздних СГ явилось шестое, «пламенноволосяе», божество «пантеона». Так или иначе, изображения СГ варианта В, введенные в V группе в изобразительный ряд петроглифов типа Тамгалы, занимают здесь промежуточное положение в иерархии персонажей, аналогами которых являются первое и третье божества «пантеона».

Таким образом, несмотря на существенное отличие в стиле СГ вариантов А и В, выбор экспозиции и тесная связь поздних рисунков с изобразительным рядом петроглифов типа Тамгалы позволяют считать их тождественными на функциональном и семантическом уровне: те и другие занимают положение, обеспечивающее их восприятие в контексте единого изобразительного ряда; иконография СГ варианта В специфична, но передает образ одного из главных персонажей древнего «пантеона».

С появлением на скалах Тамгалы СГ варианта В связано создание большой серии петроглифов, наилучшим образом представленных в V группе; в меньшем количестве они встречаются на скалах I и III групп. Стилистически эта серия изображений имеет близкое сходство с древнейшими гравюрами Тамгалы; более того, в отдельных случаях речь может идти о подражании им. Отличительные признаки улавливаются в упрощенной манере передачи экстерьера животных, положении ног, форме рогов и др.; та же тенденция характеризует стиль антропоморфных изображений. Размеры фигур редко превышают 15–20 см, заметно уступая по величине петроглифам типа Тамгалы, и это составляет едва ли не основное отличие данной серии гравюр. В репертуаре присутствуют те же образы и мотивы, в том числе столь специфичные, как СГ и «ряженные». Примеры перекрытия незавершенных петроглифов типа Тамгалы, зафиксированные на скалах V группы, документируют их относительно позднее возникновение. Однако, учитывая сходство содержания двух ранних изобразительных традиций, а также преемственный характер второй из них, не разрушающей, а репродуцирующей и дополняющей уже сложившийся изобразительный ряд, следует говорить о единой традиции, в рамках существования и развития которой имели место два этапа создания петроглифов каньона. Временной разрыв, отделявший эти «перформансы», не поддается пока определению, но датировка СГ варианта В и других сопутствующих им изображений, по-видимому, не выходит за хроноло-

гические пределы возникновения петроглифов типа Тамгалы.

Изображения СГ варианта С известны только по старой копии, допуская точность выполнения которой можно указать следующие их отличительные признаки: миниатюрность фигур (около 5 см), динамичность жестов и поз, однотипность «нимбов» (8 или 9 лучей отходят от головы кверху). По стилистическим особенностям они сопоставимы с немногочисленной серией рисунков Тамгалы, выделенных нами ранее как петроглифы поздней бронзы «восточно-семиреченской» традиции [Рогожинский 2001: 11]. В пределах каньона такие рисунки встречаются на периферийных скалах, где обычно образуют самостоятельные композиции, не нарушая изобразительный ряд древнейших петроглифов; есть они и на скалах вблизи разновременных стоянок комплекса Тамгалы. Относительный возраст этой серии рисунков определяется стратиграфией палимпсестов, где они перекрывают эскизы петроглифов типа Тамгалы (I группа, пл. 14) и, в свою очередь, перекрываются гравюрами раннесакского периода (V группа, пл. 61). В составе комплекса памятников урочища позднейшие петроглифы эпохи бронзы могут синхронизироваться с поселением Тамгалы I, а также могильниками Тамгалы VI (ящики 1а, 1б) и VII, материалы которых и радиоуглеродные определения позволяют датировать их XII/XI–X вв. до н.э. [Рогожинский 1999: 38–42; Рогожинский 2001: 15–17; Рогожинский и др. 2004-а: 50–51].

Таким образом, стилистико-иконографический анализ наскальных изображений СГ из Тамгалы выявил неоднородность данной категории петроглифов, и результаты исследования дают возможность заключить следующее.

Ни в художественном, ни в культурно-хронологическом отношении изображения СГ Тамгалы не могут рассматриваться как единое, недифференцированное целое. Среди них выделяются три варианта изображений, отличающихся по стилю, иконографии и занимаемому положению в изобразительном ряде петроглифов эпохи бронзы. В хронологическом плане все они связаны с последовательными этапами формирования изобразительного ряда и отражают воздействие разных художественных традиций в интервале последней трети 2-го тыс. до н.э.

Древнейшая серия изображений СГ представлена определенным числом иконографических вариантов антропоморфных персонажей, тиражирующихся в контексте изобразительного ряда. Иконография СГ отличается устойчивостью и неповторимостью облика персонажей, отражающих высокую степень художественной индивидуализации образов, объединенных в

«пантеон». В строгой упорядоченности изображений отчетливо проступает идея персонификации разных персонажей древней языческой мифологии. Художественные особенности и положение СГ варианта А в системе изобразительного ряда дают дополнительные основания для выделения петроглифов типа Тамгалы как феноменального явления в наскальном искусстве Центральной Азии эпохи бронзы.

Более поздние по времени возникновения СГ варианта В и сопутствующие им петроглифы не искажают сложившийся ранее на скалах Тамгалы изобразительный ряд; они избирательно дополняют его содержание определенными образами, художественная новизна которых проявляется, главным образом, в стиле. Содержанием инновации стало выделение из всего древнего «пантеона» одного или двух персонажей с ярко выраженной солярной символикой. Связанные с этим изменения изобразительного ряда могут расцениваться как результат эволюции первоначальной идеологической концепции или как следствие ее «ревизии» в рамках той же художественной (культурной) традиции. Появление же в Тамгалы СГ варианта С и других петроглифов данной традиции, напротив, не внесло сколько-нибудь значимых изменений в организацию и содержание изобразительного ряда и ясно демонстрирует отсутствие с ним преемственной связи.

Типологическая характеристика изображений СГ из Тамгалы позволяет перейти к их сравнительному анализу с петроглифами других памятников региона. В настоящее время нам известны еще восемь пунктов, где обнаружены подобные или причисляемые к СГ наскальные изображения: Каракыр, Аккайнар, Кульджабасы, Байконур и Ешкиольмес, Баянжурек в Казахстане, а также Саймалы-Таш, Чилисай и Орнок в Кыргызстане. В географическом отношении первые три расположены в юго-восточной части Чу-Илийских гор, образуя здесь вместе с Тамгалы основной район сосредоточения данной категории петроглифов; второй район, где в большом количестве зафиксированы изображения СГ, составляют памятники Ферганы – Саймалы-Таш и Чилисай.

Ущелье Каракыр вместе с группой других смежных урочищ бассейна рек Ащису и Сарыбулак, образующих северо-западную периферию комплекса Тамгалы, расположено в 10 км к северу от его центральной части⁴. Изображения СГ сосредоточены в одном из пунктов ущелья и выбиты на нескольких обособленных плоскостях [Потапов 2007: 39–40, рис. 26: 1–4, 28, фото на с. 88, 89, 94]. В одном случае две сходные фигуры СГ показаны вместе, в остальных – это одиноч-

ные изображения. Все СГ из Каракыр являются незавершенными гравюрами или эскизами, что ограничивает возможности их идентификации. Две фигуры по размерам, стилю и иконографии сопоставимы с СГ варианта А из Тамгалы и могут являться дериватами третьего персонажа «пантеона». Еще одна фигура отдаленно напоминает некоторые изображения СГ варианта В, но отсутствие лучей вокруг «нимба» делает сомнительной саму интерпретацию его как изображения данной категории; то же можно сказать о четвертом изображении. Наконец, два персонажа, выбитые вместе на одной плоскости, представляют антропоморфные изображения, над головой которых «нависает» фигура в виде опрокинутого полумесяца.

Таким образом, среди выявленных в Каракыр изображений только два могут быть сопоставимы с одним из вариантов СГ ранней изобразительной традиции Тамгалы; другие два представляют особый иконографический тип ирреальных персонажей в наскальном искусстве Чу-Илийских гор (см. ниже); остальные – антропоморфные изображения неординарного вида, причисление которых к категории СГ нуждается в обосновании.

Датировка СГ из Каракыр определяется на основе корреляции выделяемых здесь групп изображений и петроглифов комплекса Тамгалы. Самую раннюю и малочисленную группу образуют единичные петроглифы типа Тамгалы, представленные исключительно незаконченными изображениями, в том числе двумя СГ и фигурой «палиценосца» [гр. V, пл. 9 по: Рогожинский и др. 2004-б: рис. 2, 3; фото 14: 5], перекрываемой на плоскости другим антропоморфным рисунком поздней бронзы. Следующая группа уверенно выделяется как аналог петроглифов Тамгалы, сопряженных с СГ варианта В; они составляют значительную часть петроглифов Каракыр, и антропоморфные изображения, интерпретируемые как СГ, по-видимому, хронологически относятся к этой группе.

Пара антропоморфных фигур с нимбами в форме полумесяца находит аналогии среди петроглифов еще одного памятника Чу-Илийских гор – Аккайнар, расположенного в 30 км к югу от Тамгалы. Они выбиты на прибрежных скалах небольшой реки того же названия, напротив впадающего в нее источника. На трех вертикальных плоскостях, обращенных к югу, воспроизведены несколько антропоморфных изображений и между ними две строки надписи. Верхняя строка содержит известную тибетскую молитвенную формулу «Ом-ма-ни пад-ме хум», вторая – то же заклинание, выполненное ойратским письмом⁵. Техника выбивки и цвет вторич-

ной патинизации позволяют считать обе строки одновременными; вероятная датировка подобных текстов, относящихся к периоду джунгарского владычества в Западном Семиречье, не ранее второй половины XVII – первой половины XVIII в. Слева от надписей расположены два сходных по виду антропоморфных изображения высотой 18 и 20 см; над головой каждого персонажа показан нимб в форме полумесяца, фигура справа подновлена, левая является незавершенным изображением. Цвет патины обеих гравюр темнее патины надписей, что говорит о большей древности рисунков. Справа от надписей сохранились еще два аналогичных по облику антропоморфных персонажа, один из которых является незавершенным изображением, а второй имеет подновление того же цвета, что и персонаж на первой плоскости; высота фигур соответственно 23 и 29 см.

Различие в технике и оттенках патины рисунков и надписей свидетельствует об их разновременности; близкими по времени событиями можно предполагать создание молитвенных текстов и выборочное подновление древних изображений. Но изобразительный контекст антропоморфных фигур с нимбами-полумесяцами в Аккайнар, как и в Каракыре, достоверно не устанавливается. Не исключено, что они относятся к эпохе бронзы: здесь выделяется небольшая серия маловыразительных гравюр, а на правом берегу долины выявлен могильник этого времени. В любом случае, петроглифы Аккайнар и Каракыр демонстрируют особый иконографический тип антропоморфных персонажей, отличающихся от всех изображений СГ эпохи бронзы Тамгалы и других известных памятников Чу-Илийских гор. Можно отметить их типологическое сходство с загадочными антропоморфными фигурами из Саймалы-Таша, т.н. «луноподобными» или «стоящими под небосводом» [Марьяшев, Рогожинский 1987: 56–57; Мартынов и др. 1992: 25–27, рис. 64–66; Ташбаева 2004: 99].

Кульджабасы – еще один пункт в Чу-Илийских горах, где зафиксированы изображения СГ. Памятник открыт сравнительно недавно, и ознакомление с ним продолжается; наряду с петроглифами типа Тамгалы здесь впервые выявлена выразительная серия гравюр, предшествующих им хронологически [Рогожинский и др. 2004-а: 60, 68–72, фото 6: 1–4, 7]. Однако среди множества этих рисунков не обнаружены изображения, подобные СГ персонажам Тамгалы. Есть изображение в виде колеса со спицами, антропоморфный облик которому придают круг-«ступица» с радиально отходящими лучами и две линии снизу, напоминающие ноги. Заманчиво видеть здесь начальную ступень эволюции

антропоморфного воплощения солярного образа, но изобразительный контекст петроглифа не определен; предполагается его хронологическая связь с гравюрами эпохи бронзы, аналогом которых выступают петроглифы типа Тамгалы.

Любопытная группа изображений СГ обнаружена на периферийном участке Кульджабасы, но опубликованные в прорисовке и без масштаба эти изображения не идентифицированы в составе петроглифического комплекса [Потапов 2007: 38–39, рис. 26: 9]. Можно лишь отметить, что иконография и стиль трех однотипных фигур наиболее близки СГ варианта С из Тамгалы.

Еще одно изображение СГ недавно обнаружено в Северном Прииссыккулье, на местонахождении петроглифов Орнок – территориально близком названным памятникам Западного Семиречья [Нурмаметов 2007: рис. 6]. Изображение сохранилось без позднейших подновлений, но некоторые детали иконографии плохо различимы и неточно воспроизведены в публикации Р.Г. Нурмаметова; осмотр нами петроглифа на месте позволяет уточнить данное исследование описание. Фигура персонажа моделируется подобно натуралистическим изображениям СГ варианта А из Тамгалы: широкие плечи, зауженная талия, изгибы в суставах конечностей, шарообразные утолщения на концах рук. На выделенной шее – нимб в форме круга с радиальными лучами (11 или 12), охваченными линией окружности; слева и, кажется, справа от нимба выступают маленькие фигуры, напоминающие уши или серьги; высота изображения около 40 см. Ноги персонажа развернуты вправо, т.е. с учетом экспозиции камня – на восток. Совокупность элементов иконографии СГ из Орнок позволяет идентифицировать его как аналог СГ Тамгалы варианта А и отождествить с одним из основных персонажей «пантеона», воспроизведенных во II группе (рис. I. 1).

Петроглифы бронзового века Северного Прииссыккулья, как, впрочем, и другие памятники этого периода, слабо изучены и малоизвестны; но и эти немногие свидетельства ясно указывают на сходство основных типов в наскальном искусстве и материальной культуре населения северного побережья Иссык-Куля и Семиречья в эпоху бронзы [Галочкина 1996; Кузьмина 2008: 64–67]. В частности, среди петроглифов Чолпон-Аты выделяется серия изображений животных, по стилю сопоставимых с древнейшими гравюрами Тамгалы [Миклашевич 1995: 64, рис. 2, 3]. Это дает основание включить район прииссыккульских местонахождений петроглифов в зону вероятного сложения и распространения уникальной изобразительной традиции типа Тамгалы, охватывающую, глав-

ным образом, центральную и южную часть Чу-Илийских гор и предгорную зону Тянь-Шаня в Западном Семиречье.

За пределами указанного ареала находятся отдельные памятники Восточного Семиречья на правобережье р. Или в Джунгарском Алатау. Ешкиольмес – крупнейшее местонахождение петроглифов Казахстана, где среди многих тысяч наскальных гравюр выявлена небольшая серия изображений СГ. Разработанная нами типология и периодизация древних петроглифов этого сложного памятника опирается на анализ стиля, техники и репертуара гравюр, а также их стратиграфию; датировка выделенных серий рисунков обосновывается набором выразительных изображений реалий, сходством с рядом атрибутированных групп петроглифов Южной Сибири и корреляцией с хорошо изученным археологическим комплексом [Рогожинский и др. 2004-а: 77–84, рис. 8]. Изображения СГ относятся в Ешкиольмесе к сравнительно поздним стилистическим группам гравюр бронзового века, которые датируются в интервале X–VIII вв. до н.э. Для этих изображений характерны очень маленькие размеры (5–15 см), неглубокая выбивка в сочетании с широко применявшейся гравировкой. Собственно к категории СГ можно отнести лишь два изображения из Ешкиольмеса, при этом одно из них уникально – персонаж с лучами изображен стоящим на колеснице; причисление к числу СГ других гравюр Ешкиольмеса – лучников с редкими и короткими «лучами», отходящими кверху от головы, – вряд ли правомерно [Марьяшев, Горячев 2002: табл. II. 4]. Иконография СГ чрезвычайно проста, и среди остальных антропоморфных изображений они выделяются лишь благодаря лучистому нимбу: от головы радиально отходят прочерченные тонкими линиями лучи, число которых произвольно. Эти особенности сближают их с изображениями СГ варианта С из Тамгалы и тремя гравюрами из Кульджабасы.

С изображениями СГ иногда пытаются сопоставлять некоторые гравюры еще одного памятника Восточного Семиречья – Баянжурек [Марьяшев, Горячев 2002: табл. II]. Здесь на отдельных плоскостях в разных пунктах обнаружены три одиночных изображения антропоморфных персонажей, тождественные по технике (выбивка с последующей абразивной обработкой деталей), стилю, иконографии и, по-видимому, одновременные. Одно из них неоднократно подправлялось уже в древности и усложнено рядом дополнительных элементов – дугообразной линией над головой персонажа, второй парой рук, точками, «антенной» и еще одним «лучом»; воспринимаемые цельно с основной фигурой эти относительно поздние поправки петроглифа по-

родили уже немало плодотворных идей на тему его семантической интерпретации [Самашев 2006: 170–175].

В действительности все три изображения мультиплицируют один и тот же антропоморфный образ, устойчивыми иконографическими признаками которого являются: согнутые в коленях ноги с 2–3 бахромками; разведенные вперед и назад руки, одна – поднята вверх, другая опущена вниз; шарообразные утолщения на концах рук; равной длины линии, отходящие в определенном порядке от головы, – четыре линии всегда объединены попарно и направлены от головы примерно под углом 45°. Количество линий-лучей у трех персонажей различно – 5, 6 или 7, причем в последнем случае два вертикальных луча выполнены в иной технике и добавлены явно позже. Словом, ограниченное количество линий и их расположение вокруг головы персонажа не образуют «лучистого нимба». В равной мере и другие особенности этих персонажей имеют мало общего с иконографией известных в регионе изображений СГ, и попытки сопоставления с ними рисунков из Баянжурека следует признать некорректными.

В широком репертуаре антропоморфных персонажей эпохи бронзы Центральной Азии иконографическими аналогами рисунков из Баянжурек являются изображения «ряженных»; среди них наиболее близкими по стилю выглядят отдельные изображения, обнаруженные на памятниках, расположенных к северо-востоку от Семиречья [Марьяшев, Горячев 2002: табл. II. 6; Семенов и др. 2000: 49–51, табл. 31]. Датировка рисунков З. Самашевым [Самашев 2006: 171], основанная на оценке «архаичных черт» «ряженных» без учета их изобразительного контекста и анализа всего петроглифического комплекса, является априорной. Следует согласиться с выводом основного исследователя Баянжурек А.Н. Марьяшева о принадлежности изображений «ряженных» к одной из стилистических групп петроглифов эпохи бронзы [Байпаков, Марьяшев 2008: 48–49]. Добавим, что наилучшим образом этот изобразительный пласт представлен в западной части гор Тарбагатай на обследованном нами комплексе Молдажар; здесь датировка этих петроглифов периодом поздней бронзы устанавливается по изображениям реалий, специфическим художественным особенностям гравюр (орнаментальные мотивы на корпусе животных) и документируется стратиграфией разновременных рисунков.

Таким образом, в Восточном Семиречье изображения СГ выявлены лишь на одном памятнике, в Ешкиольмесе, причем ни в типологическом, ни в хронологическом отношении они не могут

выступать как аналоги СГ вариантов А и В из Тамгалы.

Еще одно местонахождение СГ в Казахстане – долина р. Байконур в юго-западной части Сарыарки. Четыре изображения найдены в пункте Байконур III, на одной плоскости в составе сложной композиции. Среди них привлекает внимание только одно [Новоженков 2002: табл. 31: 14.13], наиболее соответствующее, на наш взгляд, образу солярного персонажа: статичная фигура высотой более 20 см, 12 прямых лучей образуют нимб и еще один, более длинный луч, поднимается кверху от нижней части головы. Этими особенностями изображение напоминает «пламенноволосяе», шестое, божество «пантеона» Тамгалы. Два других рисунка из Байконур III отличаются по иконографии друг от друга и от предыдущего изображения [Новоженков 2002: табл. 16: 1.22; 17: 5.5]; особенностью одного из них является «нимб» в виде замкнутой эллипсовидной фигуры с заключенными в него семью линиями-лучами. Все изображения СГ входят в композиции с другими антропоморфными фигурами и животными, перекрывающимися друг друга, различающимися по стилю и, по-видимому, разновременными в рамках предложенной В.А. Новоженковым [2002: 44, 50] широкой датировки: первая половина 2-го тыс. до н.э. Учитывая хронологический приоритет части петроглифов эпохи бронзы Байконур, отметим наибольшее сходство иконографии этих СГ и изображений варианта А из Тамгалы.

Завершая обзор памятников Казахстана, отметим, что наскальные изображения СГ отсутствуют или остаются до сих пор неизвестными среди многих тысяч петроглифов эпохи бронзы Присырдарьинского Каратау, Северного Прибалхашья, Южного Алтая, Тарбагатай, а также Заилийского и Киргизского Алатау. Основным районом сосредоточения данной категории петроглифов выступает сравнительно небольшая географическая территория юго-западной части Семиречья.

Вторым районом распространения в наскальном искусстве Центральной Азии изображений СГ является высокогорная зона Восточной Ферганы и предгорья юго-восточной части этой области. Саймалы-Таш является крупнейшим в регионе местонахождением петроглифов, точное количество которых не установлено. Ниже дана типологическая характеристика СГ, основанная на анализе 23 известных нам изображений.

В Саймалы-Таше выделяются три типа СГ персонажей. К первому относятся схематичные маленькие (10–15 см) антропоморфные фигуры с лучистыми нимбами в виде окружностей с короткими заостренными выступами; как вариант,

чаще встречаются СГ со «звездочкой» в центре окружности (рис. III). Количество лучей у первых обычно 12, у вторых 12, 13 и 14, а в одном известном случае – 28. Голова и руки не изображаются, что составляет общую особенность иконографии антропоморфных фигур этого типа. Оба варианта изображений встречаются в одних композициях или обособленно друг от друга; при этом первые изображаются парой, а вторые, со «звездочкой», – в различных сочетаниях. Однообразные по виду фигуры СГ тиражируются на камнях морены в разном количественном составе – 1, 2, 3 и даже 6 или 7. Эта серия изображений, по-видимому, самая многочисленная на памятнике.

К изображениям СГ второго типа следует отнести уникальную серию фигур с лучистым «диском» в руках; в одной композиции с ними связано изображение СГ, отличающееся от рисунков первого типа тем, что «нимб» показан вокруг головы. По иконографии они близки СГ первого типа: «диск» изображается со «звездочкой» в центре и без нее; количество лучей на «диске» – 12, 14, 16 или 17. Эти рисунки могут рассматриваться как развитый вариант изображений СГ первого типа.

Третий тип СГ в Саймалы-Таше представлен двумя крупными (более 20 см) антропоморфными фигурами с разведенными в стороны руками и лучистым «нимбом» в виде расходящихся радиально или кверху 17 длинных лучей с утолщениями на окончаниях. К ним же, возможно, относится видоизмененная при подновлении фигура с заключенными в окружность 15 лучами и антропоморфным силуэтом. Рисунки этого типа отличаются более сложной иконографией и натуралистичной передачей антропоморфных черт персонажей.

Относительный возраст и хронология выделяемых на Саймалы-Таше древнейших групп петроглифов остаются дискуссионными [Рогожинский 2008: 86–90]. Изображения СГ первого типа сопряжены с гравюрами в битреугольном и прямоугольном стиле и могут относиться к наиболее раннему пласту петроглифов. Изображения второго типа обнаруживают с ними определенное иконографическое сходство, но стиль связанных с ними фигур «адорантов» характеризует иную, по-видимому, более позднюю изобразительную традицию. Для соотнесения гравюр третьего типа с какой-либо группой петроглифов пока нет надежных оснований, но в типологическом ряду СГ Саймалы-Таша они выступают как наиболее поздние.

Датировка древнейших петроглифов Саймалы-Таша концом 3-го – первой половиной 2-го тыс. до н.э. опирается на стилистические сопо-

ставления зооморфных изображений, типологический анализ колесных повозок и на ряд других косвенных оснований [Шер 1980: 208–209; Рогожинский 2008: 86–90]. Древность этих гравюр подтверждается также суперпозицией редких на Саймалы-Таше изображений лошадей с челкой на голове [Tashbayeva et al. 2001: fig. 82], связанных, безусловно, с присутствием на Внутреннем Тянь-Шане андроновских памятников типа могильника Арпа. Изображения «адорантов», сопутствующих СГ второго типа, в иконографии и стиле тождественны гравюрам эпохи поздней бронзы, широко известным в памятниках Сарыарки, Семиречья и юга Казахстана.

Представленная типология СГ из Саймалы-Таша не исчерпывает многообразия петроглифов данной категории, как и не охватывает весь репертуар многочисленных знаков с солярной атрибутикой (свастики, очкообразные фигуры, «колеса» и пр.), важных для выяснения эволюции антропоморфного воплощения солнечного божества в наскальном искусстве Средней Азии и Казахстана. Тем не менее, она позволяет наметить возможные пространственно-временные связи выявленных типов изображений.

Наиболее ранние изображения СГ первого типа не имеют аналогов во всем ареале наскального искусства Средней Азии и Казахстана; они также не могут выступать исходной точкой для формирования более сложной политеистической концепции «пантеона» и иконографии СГ варианта А из Тамгалы. В то же время именно этот тип СГ и, возможно, некоторые гравюры второго могли стать образцом для создания на скалах Тамгалы однообразных по иконографии СГ варианта В. До выяснения датировки СГ третьего типа их сходство с одним из персонажей «пантеона» Тамгалы остается без объяснений.

Чрезвычайный интерес вызывает серия антропоморфных изображений из Чилисая, отличающихся сложным убранством «нимбов» и сопоставимых по ряду характеристик с СГ «пантеона» Тамгалы и СГ третьего типа из Саймалы-Таша. К сожалению, сохранность изображений и отсутствие качественной документации памятника заставляют ограничиться сказанным.

Рассмотрение наскальных изображений СГ Тамгалы в контексте других памятников Казахстана и Средней Азии позволяет прийти к следующим заключениям. Древнейшая серия СГ в составе петроглифов типа Тамгалы выступает как феномен художественной культуры эпохи бронзы Центральной Азии. Географический ареал его ограничен юго-западной территорией Се-

миречья, где Тамгалы занимает место ярко выраженного центра. Генезис данной изобразительной традиции в целом и истоки иконографии языческого «пантеона» пока остаются невыясненными. Несомненным представляется участие в этом процессе во второй половине 2-го тыс. до н.э. степных племен Сарыарки и пока неидентифицируемого археологически субстратного компонента на территории Западного Семиречья. В дальнейшем отчетливо проступает воздействие изобразительной традиции юга, где в маргинальной зоне обитания оседло-земледельческих и пастушеских племен конвергентно и значительно раньше сложилась иконография солярного божества. В конце эпохи бронзы относительное расширение ареала воспроизведения в наскальном искусстве солярных персонажей характеризуется унификацией их иконографии и стилистики; одновременно наблюдается сложение достаточно однородного репертуара сюжетов и тем петроглифов, что находит соответствие в широком распространении однотипных форм предметов материальной культуры (керамика, металл) степных племен Казахстана и Средней Азии.

Примечания

1. Автор выражает признательность доктору геол.-минерал. наук, профессору Б.Ж. Аубекерову и археологу Ю.А. Мотову за предоставленные материалы и сведения о ныне утраченных петроглифах Тамгалы.

2. В том числе, возможно, три опубликованных ранее петроглифа [Марьяшев и др. 1979: 50, рис. 1], отыскать которые на месте не удалось.

3. Местонахождение этого изображения СГ установлено автором при сопоставлении фотоснимков 1957 и 1970-х гг., а также по находкам его фрагментов в осыпи II группы петроглифов Тамгалы в 1992 г.

4. Памятник обнаружен геологом В.И. Волобуевым и указан в 1984 г. автору, обследовавшему его впервые с А.Н. Марьяшевым в 1985 г. Позже поиском петроглифов здесь занимался С.А. Потапов, энтузиазм которого вознагражден открытием шести изображений, ассоциируемых им с СГ.

5. В местонахождении Аккайнар зафиксированы еще две сходные по содержанию тибетские надписи. Автор выражает свою признательность И.В. Ерофеевой, директору Института ППКНН, за предоставленную возможность ознакомиться с предварительным прочтением надписей, выполненным Н.С. Яхонтовой, старшим научным сотрудником Сектора тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского Института востоковедения РАН.

Abstract

“SUN-HEAD” REPRESENTATIONS FROM TAMGALY WITHIN THE ROCK ART TRADITIONS OF KAZAKHSTAN AND MIDDLE ASIA

A. E. Rogozhinskiy

For the first time, in the article all known rock art images from Tamgaly so called “sun-heads” are published. The suggested typology based on style and iconography of representations. A comparative analysis of three definite types of the Tamgaly “sun-heads” and the solar images from other rock art sites in Kazakhstan and Middle Asia is under implementation. An anthropomorphic solar image of the Bronze Age rock art has arisen convergent in two areas: South-West Semirechie (Chu-Ili mountains) and East Fergana.

Литература

- Байпаков, Марьяшев 2008 – *Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.* Петроглифы Баян-Журека. – Алматы, 2008.
- Галочкина 1996 – *Галочкина Н.Г.* Связь памятников эпохи бронзы Кыргызстана с памятниками сопредельных территорий Средней Азии и Казахстана // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек, 1996.
- Кузьмина 1995 – *Кузьмина Е.Е.* Методы раскрытия информационного потенциала наскальных изображений // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. – Кемерово, 1995.
- Кузьмина 2008 – *Кузьмина Е.Е.* Арии – путь на юг. – М.; СПб., 2008.
- Максимова 1958 – *Максимова А.Г.* Наскальные изображения урочища Тамгалы // ВАН КазССР. – 1958. – №9.
- Максимова и др. 1985 – *Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата, 1985.
- Мартынов и др. 1992 – *Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетекоев А.К.* Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Алма-Ата, 1992.
- Марьяшев, Горячев 2002 – *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. – Алматы, 2002.
- Марьяшев и др. 1979 – *Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С., Мотов Ю.А.* Новые петроглифы урочища Тамгалы // ВАН Каз.ССР. – 1979. – №8.
- Марьяшев 1981 – *Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С.* Исследования в урочище Тамгалы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981.
- Марьяшев, Рогожинский 1987 – *Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е.* Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987.
- Миклашевич 1995 – *Миклашевич Е.А.* Петроглифы Чолпон-Аты (Киргизия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995.
- Новоженков 2002 – *Новоженков В.А.* Петроглифы Сары-Арки. – Алматы, 2002.
- Нурмаметов 2007 – *Нурмаметов Р.Г.* Лунарно-солянный персонаж в наскальном искусстве Иссык-Куля // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2006. – №1.
- Потапов 2007 – *Потапов С.А.* Древнее святилище Каракыр. – Алматы, 2007.
- Рогожинский 1999 – *Рогожинский А.Е.* Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 1. – Алматы, 1999.
- Рогожинский 2001 – *Рогожинский А.Е.* Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 2. – Алматы, 2001.
- Рогожинский и др. 2004-а – *Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р.* Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004.
- Рогожинский и др. 2004-б – *Рогожинский А.Е., Хорош Е.Х., Чарлина Л.Ф.* О стандарте документации памятников наскального искусства Центральной Азии // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004.
- Рогожинский 2008 – *Рогожинский А.Е.* О современных задачах археологии наскального искусства Казахстана и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №4.
- Самашев 2006 – *Самашев З.* Петроглифы Казахстана. – Алматы, 2006.
- Сараев 2007 – *Сараев В.В.* Феномен Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 3. – Алматы, 2007.
- Семенов и др. 2000 – *Семенов В.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В.* Петроглифы Каратага и горы Кедровой. – СПб., 2000.
- Ташбаева 2004 – *Ташбаева К.И.* Памятники Кыргызстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация – Алматы, 2004.
- Шер 1980 – *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.
- Tashbayeva et al. 2001 – *Tashbayeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z.* Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek, 2001.

БОЕВЫЕ ПОЯСА РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.С. Иванов*

Центральная Азия / эпоха ранних кочевников / боевые пояса
Central Asia / ancient nomads epoch / military belts

В древних обществах, особенно кочевых, мужские боевые пояса имели особую семантическую нагрузку. В первую очередь это было связано с тем, что только свободные люди имели право носить и использовать оружие, поэтому пояса, помимо своего практического значения – для фиксации поясной одежды и подвешивания оружия, со временем стали своеобразным показателем социального статуса человека. Кроме того, боевые пояса, несомненно, занимали очень важное место в снаряжении древнего воина, поскольку служили не только для подвешивания к ним оружия и футляров для него (колчана, ножен и др.), но также различных украшений или подвесок, носивших, скорее всего, защитный магический характер. Это также придавало поясу в целом особое значение в древнем костюме [Горелик 2003: 119–120].

Боевые пояса, вследствие того что они изготавливались из кожи, сравнительно редко встречаются в погребальных комплексах эпохи ранних кочевников в Центральной Азии. Единственным свидетельством их существования у древнего кочевого населения нашего региона выступают металлические и костяные обоймы, накладные бляшки и пряжки.

Остатки кожаного боевого пояса, имеющего достаточно хорошую сохранность, известны из кургана 4 могильника Можуташ II на Восточном Памире. Он был изготовлен из сложенной вдвое кожаной полосы, не сшитой, а закрепленной небольшими бронзовыми обоймами, расположенными на расстоянии 4,5–5 см друг от друга. На поясе имеются две ременные петли, служившие, скорее всего, для подвешивания предметов вооружения. К этим петлям и самому поясу прикреплялись дополнительные ремешки, также использовавшиеся для подвешивания оружия и предметов быта и украшений. Ширина сохранившейся части памирского пояса – 2 см, длина – 32 см (рис. 1. 4). Датируется данный боевой пояс VII–VI вв. до н.э. [Литвинский 1972: 53, 129, табл. 45; Горелик 1987: 127, рис. 8. 4]. Следует отметить, что очень сходную конструкцию имел боевой пояс из Лесостепного Алтая (Гилево-10, могила 9) [Шульга 2007: 28–29].

Металлические обоймы от боевых поясов по конструкции можно подразделить на два основных типа: простые и прорезные.

Простые наременные обоймы чаще всего подпрямоугольной формы, с гладкой или декорированной поперечным рифлением или петельками внешней поверхностью. Обоймы первого типа известны из памятников Памира и Семиречья, а также Центрального Казахстана.

Простейшие бронзовые обоймы с гладкими внешними сторонами известны из уже упоминавшегося памирского погребения в могильнике Можуташ II, курган 4. Длина их – до 3,5 см, ширина – 1 см (рис. I. 4). Сходные обоймы, но имеющие поперечное рифление на одной из внешних сторон были обнаружены в другом памирском погребальном комплексе – кургане 7 могильника Тегермансу I. Каждая из пяти найденных здесь обойм, кроме того, имела по две петельки на рифленной стороне (рис. III. 1). Данное погребение было датировано Б.А. Литвинским VI в. до н.э. [Литвинский 1972: 62, табл. 21. 7–8, 10–11].

В Семиречье пока известна только одна простая поясная обойма в кургане 25 могильника Бешшатыр, аналогичная обоймам из Можуташа II [Акишев 1959: 202–203, рис. 1; Акишев, Кушаев, 1963: 69–72, рис. 65] (рис. III. 3). Комплекс этого кургана по сопутствующим бронзовым наконечникам стрел датируется VI в. до н.э. [Медведская 1972: 68].

Одна простая бронзовая поясная обойма с волнистыми краями была найдена в кургане 42 могильника Тагискен в Восточном Приаралье. Датируется она, судя по найденному вместе с ней бронзовому наконечнику стрелы, VII–VI вв. до н.э. [Итина, Яблонский 1997: рис. 25. 7].

В качестве поясных обойм, скорее всего, служили подпрямоугольные пластинки с волнистыми краями и загнутыми узкими концами, сходные с приаральской обоймой, из могильника Истык на Памире [Литвинский 1972: табл. 24. 32].

Простые обоймы с Восточного Памира и Семиречья имеют ближайшие территориальные аналогии в Центральном Казахстане, где была обнаружена целая серия наборных боевых поясов [Чотбаев 2001: 285–287]. Бронзовые обоймы с гладкими внешними сторонами известны из

* *Иванов Сергей Сергеевич* – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, Бишкек, sak@yandex.ru

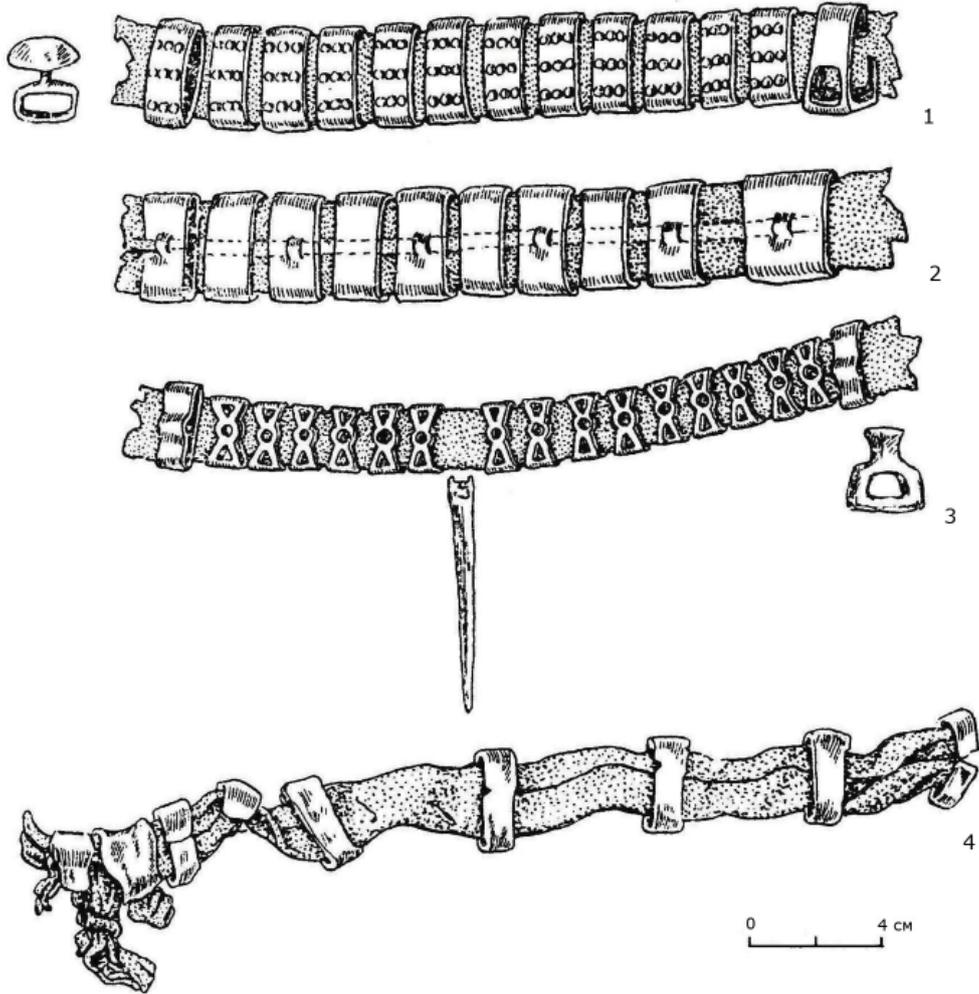

Рис. I. Боевые пояса раннесакского времени (по М.В. Горелику):
1-3 – Центральный Казахстан; 4 – Восточный Памир

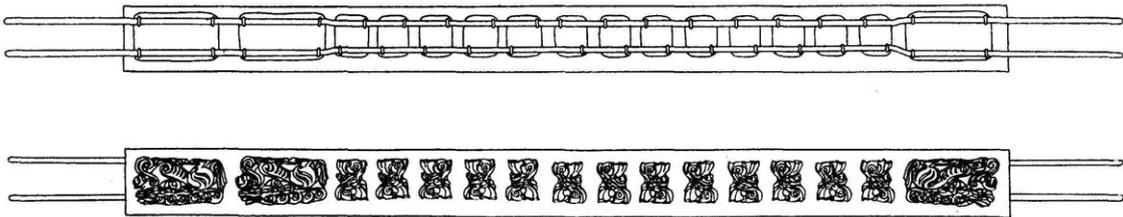

Рис. II. Парадный пояс из кургана Иссык (по К.А. Акишеву)

кургана 1 могильника Нурманбет IV, найденные, кстати, там с обоймами, имеющими посередине одну петельку (рис. I. 2). Последние в значительной мере сходны с памирскими двупетельчатыми обоймами, о которых упоминалось выше. Кроме того, простые обоймы с гладкими внешними сторонами в могильнике Николаевка II в Южном Зауралье [Таиров 1988: 29, рис. 2. 6–10, 12–15; 2004, рис. 1. 4]. Здесь же, на Южном Урале, в Бобровском и Иртышском 14 могильниках, а также в Варненской курганной группе встречены однопетельчатые обоймы, очень сходные с найденными в Нурманбет IV [Матвеева 1964: 213, рис. 1. 5; Таиров 2004: 140, рис. 1. 1, 3, 6]. Идентичные обоймы также отмечены в могильнике Гилево-10 в Лесостепном Алтае [Шульга 2007: 27, рис. 2].

Высказывалось мнение, что петельки на центральноказахстанских обоймах служили для продевания через них тонкого ремешка, концы которого служили завязками пояса [Горелик 1987: 128]. В последние годы это предположение получило дополнительные доказательства – в уже упомянутом могильнике Гилево-10 (могила 9) на поясе был зафиксирован тонкий продольный ремешок, продетый через две из шести обойм [Шульга 2007: 27, рис. 2]. Возможно, для продевания тонких шнурков были предназначены небольшие выступы-петельки на памирских обоймах. Впрочем, подобные ремешки могли служить не только в качестве завязок пояса, но и для подвешивания мелкой поясной фурнитуры типа подвесок, широко распространенной в скифское время в степях Евразии.

Но наиболее близки памирским рифленным обоймам бронзовые обоймы из могильника Майкубень 3 в Центральном Казахстане, датирующиеся рубежом VI и V в. до н.э. [Бейсенов, Чотбаев 2001: 290–292, рис. 1. 1].

Обоймы из могильника Николаевка II датируются VII–VI вв. до н.э. [Таиров 1988: 30]. Этим же временем, скорее всего, датируется и петельчатая обойма из Бобровского могильника, в пользу чего говорят бронзовые трехгранные наконечники стрел с плоским черешком, найденные вместе с ней [Матвеева 1964: 213–214].

Несколько обособленное положение занимают бронзовые обоймы из кургана 14 могильника Уйгарак в Приаралье. Первая имеет рифленные поверхности, а в нижней части снабжена массивной петлей. Размеры обоймы 3,8 x 2,2 см [Вишневецкая 1973, табл. III. 1, 2]. Вторая обойма была вдвое уже, но вместо петли в нижней части она имела выступ-кнопку (рис. III. 8–9). О.А. Вишневецкая датировала курган 14 VI в. до н.э. [Вишневецкая 1973: 103]. Хотя, возможно, они были составной частью конской упряжи, но нам

пока не известны сходные обоймы с петлей или кнопкой в таком качестве. Очень сходная обойма с петлей была найдена в кургане 42 могильника Тагискен, отлична она от предыдущей тем, что имеет более узкие пропорции. Ее сопровождала, как упоминалось выше, простая обойма с волнистыми краями [Итина, Яблонский 1997: рис. 25. 3]. Датируется она, судя по найденному вместе с ней бронзовому наконечнику стрелы, VII–VI вв. до н.э. Наконец, достаточно сходные с тагискенским экземпляром обоймы имеются в уже упоминавшемся могильнике Майкубень 3 в Центральном Казахстане [Бейсенов, Чотбаев 2001: рис. 1. 1].

Интерес вызывают также бронзовые поясные обоймы из Уйгарака, особенно в свете выдвинутого недавно П.И. Шульгой предположения о широком распространении в среде азиатских кочевников раннескифского времени поясов, полностью или частично состоящих из нескольких ремешков. Материальным свидетельством этого являются поясные обоймы, состоящие из нескольких сомкнутых или с частичным зазором коротких трубочек, сквозь которые и продевался комбинированный ремень. Уйгаракские обоймы в разрезе имели по три расположенных в ряд несомкнутых кольца, отверстия которых были недостаточны для пропуска сквозь них цельного ремня, вследствие чего он соответственно был разделен на три части. Сходные ремни отмечены в Центральном и Северном Казахстане, а также в Южной Сибири. По мнению П.И. Шульги, ремешковые пояса существовали ограниченный период времени – на завершающем этапе раннескифского периода. Что послужило причиной появления поясов такого облика не совсем ясно. Возможно, отдельные ремешки пояса использовались для регуляции длины пояса, что было очень удобно, потому как в зависимости от времени года и используемой одежды его длина могла значительно варьировать [Шульга 2007: 33–37, рис. 5. 3, 5–7, 9].

Однако, если судить по сравнительно немногочисленным находкам специфических обойм, маркирующим эти пояса, то они были в среде ранних кочевников редкой их разновидностью и, просуществовав относительно короткий промежуток времени вышли из употребления, оказав, по-видимому, минимальное влияние на последующее развитие боевых поясов и их фурнитуры.

Итак, боевые наборные пояса с обоймами первого типа датируются раннесакским временем, и их датировка в целом не выходит за пределы VII–VI вв. до н.э. Территория их распространения в Центральной Азии пока ограни-

Рис. III. Поясные обоймы и пряжки сакского времени (даны не в масштабе):
 1 – Тегермансу I, курган 7; 2 – Кадырбай III, курган 14; 3–4 – Бесшатыр, курган 25;
 5, 6, 10 – Актамский могильник; 7 – Капчагай III, курган 24; 8, 9 – Уйгарак, курган 14;
 11 – Джал-Арыка II, курган 2; 12 – Аличур II, курган 3; 13 – Берккара

чивается Центральным Казахстаном, Памиром и Семиречьем. Скорее всего, обоймы первого типа имели общий источник происхождения, о чем говорит их значительное сходство, вплоть до отдельных деталей, незначительно варьирувавших в зависимости от региона находки. Но установить место их генезиса пока что не представляется возможным.

Однако уже в VII–VI вв. до н.э. определяется основное функциональное назначение боевых поясов в нашем регионе – они использовались преимущественно для подвешивания к ним предметов вооружения и воинского снаряжения, а также предметов быта (ножей, оселков и др.). Кроме того, боевые пояса частично могли выполнять защитную функцию, но в раннесакское время она, видимо, была минимальной, о чем свидетельствуют сравнительно небольшие размеры обойм, которые показывают, что ширина боевого пояса в это время была около 3 см.

Обоймы второго типа – *прорезные* – имели прямоугольную или квадратную форму. Большая их часть имела небольшой поперечный вырез на внешней стороне, а с внутренней стороны – большой прямоугольный. Обоймы рассматриваемого типа известны в Центральной Азии – в Семиречье (2 шт.) и на Тянь-Шане (3 шт.).

Первая семиреченская прорезная обойма была найдена в кургане 24 могильника Капчагай III в Илийской долине. Она имела квадратную форму, ее размеры 3,7 x 3,7 см [Акишев, Кушаев 1963: табл. 2. 12] (рис. II. 7). Практически аналогична ей бронзовая обойма, происходящая из кургана 34 Джал-Арыка II в Кетмень-Тюбинской долине (ее размеры: 4 x 3,6 см). Очень сходна с описанными выше обойма из другого западнотяньшаньского могильника (Кок-Бель, курган 25), отличающаяся только более удлиненными пропорциями (4,9 x 3,3 см) [Кожомбердиев 1975: 171]. Возможно, остатки железной обоймы

второго типа происходят из кургана 25 Бесшатыра (рис. III. 4). Как говорилось выше, данное погребение по сопутствующему инвентарю датируется VI в. до н.э. [Акишев, Кушаев 1963: 69–72, рис. 65].

Особым вариантом поясных обоейм второго типа является массивная квадратная обоейма, снабженная в нижней части не вырезом, а петлей, происходящая из кургана 2 Джал-Арыка II с Западного Тянь-Шаня. Размеры обоеймы 5,5 x 5,5 см; размеры петли: 1 x 2,6 см [Степная полоса... 1992, табл. 32. 24] (рис. III. 11).

Чрезвычайно близка к поясным обоеймам рассматриваемого типа двойная зооморфная бляха-накладка из кургана 14 могильника Кадырбай III в Семиречье. На обеих квадратных половинках накладки изображен хищник, терзающий оленя. В нижней части каждая из них имеет овальной вырез, аналогичный поперечному вырезу обоейм второго типа [Агеева 1959: 84–85, рис. 2. 14] (рис. III. 2). Несомненно, что бляхи-накладки подобного типа могли только появиться под прямым влиянием прорезных поясных обоейм.

С некоторыми оговорками ко второму типу поясных обоейм можно отнести массивную железную бляху с загнутыми краями, инкрустированную золотыми стилизованными фигурками птичек из Кетмень-Тюбинской долины (могильник Джал-Арык II, курган 7). В нижней части она имеет узкую горизонтальную прорезь. Размеры бляхи: 7,5 x 6,2 см¹.

Ко второму типу обоейм условно можно отнести подквадратную бронзовую бляху из могильника Аличур II на Памире. Она так же, как и другие обоеймы рассматриваемого типа, имела отверстие в нижней части и крепилась к поясу при помощи шпеньков, расклепанных на концах. Размеры бляхи: 4,1 x 4,2 см [Литвинский 1972: 54, табл. 18. 7] (рис. III. 12). Датируется она III в. до н.э. по сопутствующим зажимно-черешковым железным наконечникам стрел [Иванов 2007: 66, рис. 2].

Датировка обоейм второго типа в Центральной Азии различными исследователями сильно варьирует. Г.А. Кушаев датировал обоейму из Капчагай III III–II вв. до н.э. Но в целом дата этого кургана может быть и более ранней, чему не противоречит погребальный инвентарь кургана, в котором она была найдена [Акишев, Кушаев 1963: 69–72]. Тяньшаньские обоеймы К.И. Ташбаева датировала VI–V вв. до н.э. [Ташбаева 1987-а: 9].

Таким образом, в Центральной Азии прорезные обоеймы суммарно датируются VI–II вв. до н.э. Эта датировка практически полностью подтверждается широким кругом аналогий та-

ких обоейм из Алтая, Тувы, Хакассии и Западной Монголии, где они, помимо квадратной и прямоугольной формы, могут также иметь трапецевидную. Отдельные экземпляры второго типа обоейм встречаются у ранних кочевников Южного Урала [Смирнов 1977: 26, рис. 11. 22; Смирнов 1981: рис. 7. 3, 9, 8], а единичная находка отмечена даже в Нижнем Поволжье [Клепиков 2002: 81, рис. 28. 10], но в последнем случае там она имеет явное восточное происхождение, так как для савроматских памятников этого региона прорезные поясные обоеймы не характерны. Впрочем, раннее происхождение, видимо, имеет несколько необычная прорезная прямоугольная обоейма из кургана 2 могильника Иртыш 14 в Южном Зауралье, снабженная на внешней стороне дополнительной петелькой, такой же, как у некоторых обоейм первого типа из этого же региона, которые также были найдены в данном погребении, как упоминалось выше [Таиров 2004: рис. 1. 6].

В Лесостепном и Горном Алтае они также датируются VI–III (II) вв. до н.э. [Киселев 1949: 170–174, табл. XXXVIII. 12, XXXIX. 17; Добжанский 1990: 21–22, табл. IX. 7; Могильников 1997: 71–72]. В Туве аналогичные обоеймы были найдены в памятниках VI–III вв. до н.э. [Мандельштам 1983: 31–33, рис. 2. 8; Степная полоса... 1992: табл. 77. 72–73]. Хакасские экземпляры подобных обоейм Н.Л. Членова отнесла к V–IV вв. до н.э. [Членова 1967: 64, табл. 15. 15–16]. В Западной Монголии обоеймы второго типа происходят из погребений V–III вв. до н.э. [Новгородова 1989: 267, 278]. На Южном Урале и в Нижнем Поволжье находки таких обоейм датируются концом VI – началом IV в. до н.э. [Клепиков 2002: 81]. Но в памятниках самого конца III–II вв. до н.э. прорезные обоеймы практически не известны, за редким исключением, поэтому, скорее всего, бронзовые прорезные обоеймы могут датироваться только VI–III вв. до н.э. Впрочем, можно выделить раннюю группу (VI–V вв. до н.э.) прорезных обоейм, которые имеют одинаковые отверстия с обеих сторон (такие обоеймы, в частности, известны из Нурманбет IV, Николаевки II, Вавилонки), в то время как более поздние – более крупный прямоугольный вырез с внутренней стороны.

Отдельного внимания заслуживает датировка особых вариантов обоейм второго типа или же блях-накладок, связанных своим происхождением с последними, что также может косвенно указывать на время появления и распространения прорезных обоейм.

Двусоставную бляху-накладку, напрямую имитирующую обоеймы второго типа, Е.И. Агеева датировала IV–III вв. до н.э. Эта датировка

не вызывает никаких возражений, так как сцена терзаний и сами позы животных на бляхе в значительной мере стилизованы и переданы нечетко, что может говорить о позднем этапе развития скифо-сибирского звериного стиля, но, с другой стороны, композиция передана реалистично и не наполнена фантастическими чертами, как в гунно-сарматское время.

Массивная обойма с петлей в нижней части из Кетмень-Тюбинской долины не имеет прямых аналогий в нашем регионе, хотя в некотором отношении ей близки более ранние по времени рифленые обоймы с петлей из Приаралья, которые упоминались выше. По погребальному инвентарю кургана, в котором она была обнаружена, наиболее информативные вещи из которого – это железный кинжал и круглая бляха с изображением крылатых коней, может датироваться V–IV вв. до н.э. [Кожомбердиев 1975-б: 179; Ташбаева 1987-б: 32]. Хотя мы склоняемся к датировке только IV в. до н.э. Наиболее близкой аналогией ей может считаться обойма с изображением оленя с вывернутой задней частью из кургана 3 Бийского могильника в Лесостепном Алтае. М.П. Завитухина датировала ее самым концом скифского периода [Завитухина 1961: 101, 106–107, рис. 4. 7], но эта датировка в настоящее время не может считаться бесспорной.

Железная массивная бляха из кургана 7 Джал-Арыка II не имеет прямых аналогий и по своему уникальна. Но она достаточно однозначно датирована по сопутствующему ей комплексу наконечников стрел и рукояти кинжала – IV в. до н.э. [Кожомбердиев 1977: рис. 3; Ташбаева 1987-б: 32].

Бронзовая бляха-накладка из могильника Аличур II на Восточном Памире, как упоминалось выше, может датироваться III в. до н.э. по железным наконечникам стрел особого типа.

Получается, таким образом, что подражания прорезным обоймам существовали в IV–III вв. до н.э., т.е. позднее времени появления самих прорезных обойм в Центральной Азии; возникли они, несомненно, под влиянием последних и сосуществовали с ними до конца сакского периода в регионе.

Итак, центральноазиатские прорезные обоймы и подражания им в целом существовали параллельно с южносибирскими и монгольскими в VI–III вв. до н.э.

Что же касается происхождения или появления прорезных обойм в нашем регионе, то этот вопрос практически невыяснен. Впервые в Центральной Азии обойма, очень сходная с обоймами второго типа, встречена на наборном поясе вместе с простыми обоймами в могильнике Нурманбет IV, курган 3 в Центральном Казах-

стане (рис. 1. 1), который датируется, как упоминалось выше, VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев 1966: 344, рис. 39. 1]. Эта обойма имела узкую трапециевидную форму и сквозной крупный вырез на обеих сторонах. В Южном Зауралье сходная трапециевидная прорезная обойма сопутствовала простым гладким обоймам в погребении кургана могильника Николаевка II, также датирующемся VII–VI вв. до н.э. [Таиров 1988: 29–30, рис. 2. 5]. Здесь же, в Зауралье, в Варненской курганной группе были найдены остатки железной прорезной обоймы, которым сопутствовали простые ременные обоймы [Таиров 2004: рис. 1. 3]. В связи с этим логично предположить, что прорезные обоймы ведут свое происхождение от простых обойм первого типа. Предполагать, что они были привнесены в Центральную Азию извне, например из Южной Сибири, не приходится, так как там они также появляются в VI в. до н.э. Генетическая связь обойм первого и второго типов подтверждается неизменностью внешней формы, дополнившейся только внутренним и внешним вырезами. Это свидетельствует о том, что примерно в VI в. до н.э. происходит дальнейшее определение функций поясных обойм – теперь они предназначались преимущественно для подвешивания оружия и другого воинского снаряжения, а число обойм на боевых поясах уменьшается до одной-двух [Добжанский 1990: 21; Могильников 1997: 71]. Но, с другой стороны, происходит увеличение ширины самого боевого пояса в последующие века, о чем свидетельствует массивность обойм и блях-накладок VI–III вв. до н.э. Если в раннесакское время – VII–VI вв. до н.э. – металлические поясные обоймы были 3–3,5 см в длину и 1–2 см в ширину, то позднее обоймы второго типа достигают 4–6 см в длину и ширину, т.е. пояса становятся шире, а значит, повышается их защитная функция.

Как же фиксировались боевые портупейные пояса с металлическими обоймами на торсе воина? Ответ на этот вопрос не совсем ясен. Металлическая пряжка со шпеньком всего один раз найдена вместе с обоймой второго типа в могильнике Кок-Бель на Западном Тянь-Шане (Кетмень-Тюбинская долина). В других случаях никаких намеков на пряжки в погребениях нет. Аналогичная ситуация отмечена в Лесостепном Алтае. По подсчетам В.А. Могильникова, только в единичном случае массивная пряжка сопутствовала прорезной обойме [Могильников 1997: 71]. Скорее всего, боевые пояса, снабженные обоймами, как и в раннескифское время, продолжали завязываться ремешками, хотя не исключена возможность, что использовали деревянные пряжки. К примеру, достаточно широкое

распространение подобных пряжек зафиксировано в конце пазырыкского времени в Горном Алтае [Кубарев 1992: 77–85].

Впрочем, в качестве застежек поясов могли использоваться пряжки из могильника Тагискен, найденные в курганах 31 и 54 [Итина, Яблонский 1997: рис. 12. 1; 45. 7], а также из могильника Уйгарак – курган 27 [Вишневецкая 1973: табл. IX. 5].

По мнению М.А. Итиной и Л.Т. Яблонского, подобные пряжки из Восточного Приаралья могли служить для крепления чумбурного блока, то есть в качестве части конской упряжи [Итина, Яблонский 1997: 61]. Впрочем, с другой стороны, нельзя не отметить значительную близость этих пряжек, особенно тагискенских, к поясным застежкам, известным в раннескифское время в Центральном Казахстане, на Алтае и в Туве [Шульга 2007: 34–35, 37, рис. 6. 2–4, 7, 8]. Но то обстоятельство, что все пряжки были найдены в ограбленных погребениях, затрудняет их точную функциональную идентификацию. К тому же на раннем этапе развития скифоидных культур для крепления подпружных ремней седла использовали преимущественно парные пряжки, в то время как во всех перечисленных погребениях они одиночные. Рассмотрим внимательнее остальной погребальный инвентарь, сопровождавший эти захоронения.

К примеру, в кургане 31 Тагискена не было найдено ни одного предмета, связанного с конским убором, зато там имелась застежка от колчана. А в кургане 54 был найден наконечник стрелы. Все эти обстоятельства в совокупности могут указывать на наличие боевых поясов, к которым был подвешен, по крайней мере, колчан. В Уйгараке пряжка была найдена среди скопления предметов, связанных с конской упряжью, поэтому вполне вероятно, что она могла относиться к ней, но не исключается ее принадлежность и к поясной гарнитуре. Итак, в двух из трех случаев предпочтение можно отдать предположению, что пряжки были именно застежками от поясов, от которых, Впрочем, ничего не сохранилось, кроме них самих.

Отдельным видом боевых поясов ранних кочевников Центральной Азии были пояса, покрытые с внешней стороны фигурными бляшками. Единственный хорошо сохранившийся пояс этого типа представлен в знаменитом кургане Иссык. Несмотря на то что он парадный, несомненно, что он имитирует собой настоящий боевой пояс. Он был украшен с одного конца массивной подпрямоугольной зооморфной бляхой в виде оленя, две таких же бляхи украшали другой конец пояса; между ними располагались еще 13 зооморфных блях, имеющих очертания

песочных часов. Получалось, таким образом, что массивные бляхи в виде оленей прикрывали живот воина. Но кроме явных защитных функций эти бляхи имели и практическое значение: между ногами оленей имелись отверстия, которые, как и прорезы обойм второго типа, служили для подвешивания оружия, в частности меча и кинжала, найденных в Иссыке. Ширина пояса достигала 4,8–5 см (рис. 2). Как считал К.А. Акишев, иссыкский пояс завязывался специальными ремешками на животе [Акишев 1978: 68–70]. Датируется данный пояс, как и курган Иссык в целом, IV в. до н.э.

То, что иссыкский пояс не является чисто ритуальным, а копирует реальные боевые пояса, подтверждается находками металлических блях-накладок сходной формы (южносибирские исследователи обычно их называют «бабочковидными»), но лишенных зооморфных мотивов и близких по времени иссыкским [Могильников 1997: 71, рис. 54. 10, 55].

С поясной гарнитурой, предназначенной для подвешивания к поясу оружия и других предметов, могли также быть связаны зооморфные бляхи с Восточного Памира и Тянь-Шаня.

На Памире, в частности, это массивная фигура фантастического животного (7,8 x 5,6 см) и бляха в виде оленя (4,6 x 3,7 см) из кургана 7 Тегермансу I [Литвинский 1972: 63–64, табл. 22. 1, 3] (рис. IV. 1, 2). Тем более вероятна связь этой бляхи с боевыми поясами, что в этом кургане были обнаружены остатки кожаного ремня, а сами бляхи находились на тазу погребенного. Здесь же был найден железный акинак [Литвинский 1972: 23]. Впрочем, одна из блях служила, скорее всего, поясной пряжкой. Датируется данный курган VI в. до н.э.

На Западном Тянь-Шане с боевыми поясами могла быть связана золотая фигурка тигра, найденная в могильнике Акчий-Карасу, курган 7 [Степная полоса... 1992: табл. 32. 27].

Третью группу сакских боевых поясов составляют пояса, от которых в погребениях сохранились только массивные костяные или металлические пряжки.

Костяные пряжки в Центральной Азии зафиксированы пока только в Ферганской долине и на Западном Тянь-Шане (Кетмень-Тюбинская долина)². Они имели форму двух видов: полуовальные и трапециевидные.

Полуовальные костяные пряжки были найдены в могильниках Актам и Кунгай в Фергане. Актамская пряжка имела с округлой стороны поперечную прорезь и железный шпенек, а с противоположной, прямой стороны – пять сквозных отверстий для крепления к ремню. Размеры пряжки: 4,6 x 3,9 см. [Гамбург, Горбуно-

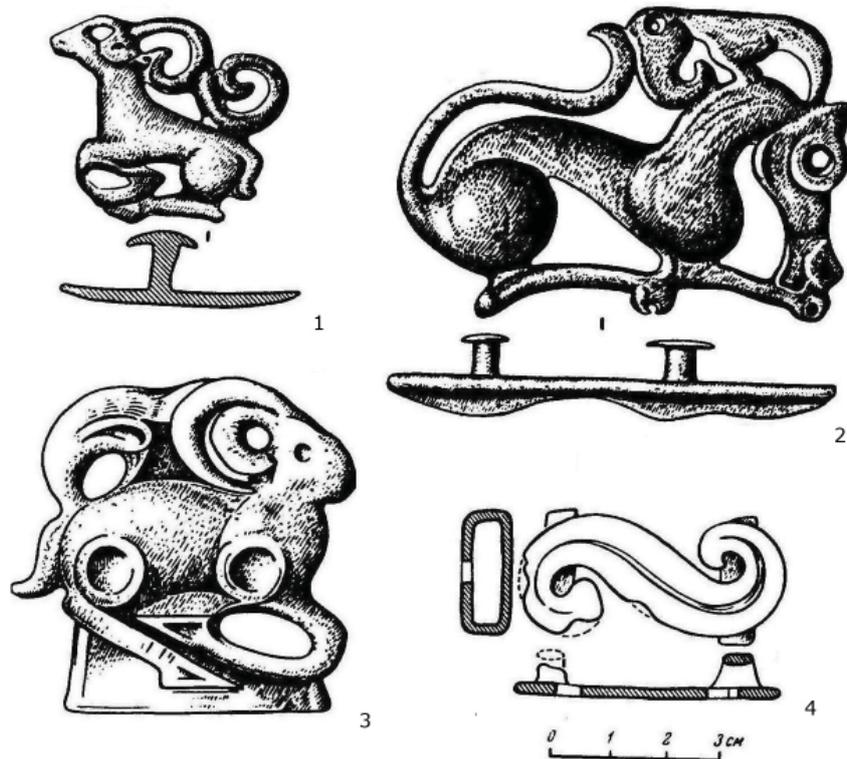

Рис. IV. Предметы, связанные с поясной гарнитурой с Памира (по Б.А. Литвинскому):
1–2 – Тегермансу I, курган 7; 3–4 – Памирская I

ва 1957: 86, рис. 29. 13] (рис. III. 6). Пряжка из Кунгая почти аналогична ей, но не имеет шпенька и прорези и обладает небольшими уступами с прямой стороны. Размеры пряжки: 2,9 x 3 см [Горбунова 1961: 179, рис. 12. 10]. Не совсем ясно, как она застегивалась. Возможно, она была наконечником ремня, о чем говорят небольшие уступы с той стороны, которой она крепилась к поясу. Датируются обе пряжки суммарно VI–IV вв. до н.э. по общей дате погребальных памятников эйлатано-актамского типа [Горбунова 1962: 103–106].

Трапецевидные пряжки были найдены в памятниках Ферганы (Актамский могильник) и Кетмень-Тюбинской долины (могильник Акчий-Карасу). Ферганская пряжка имела удлиненно-трапецевидную форму. По краям она была украшена циркульным орнаментом. На узкой стороне она имела четыре отверстия. Ее длина – 6,6 см, ширина – 3,2–4 см [Гамбург, Горбунова 1957: 82, рис. 29. 12] (рис. III. 10). Тяньшаньская пряжка – парная и имеет более крупные размеры, на ее узких концах сохранилось по три отверстия [Ташбаева 1987-а: 9].

Ферганская трапецевидная пряжка датируется VI–IV вв. до н.э. по общей дате Актамского могильника. Тяньшаньская пряжка, скорее всего, датируется III–II вв. до н.э., так как именно в это время появляются пояса с крупными пар-

ными пряжками, распространение которых связывается с восточным культурным импульсом [Добжанский 1990: 22].

Примечательно, что костяные пряжки полуовальной формы в сакское время известны только в Ферганской долине и нигде более в Центральной Азии. Впрочем, схожие пряжки известны в Орлатском могильнике гораздо позже – в первой половине 1-го тыс. н.э. В рассматриваемый период пряжки такой формы известны в памятниках V–III вв. до н.э. Горного и Лесостепного Алтая [Киселев 1949: табл. XXXII. 14; Горбунов 1999: 47–51, рис. 1. 10], Тувы [Грач 1980: 35. 10, 61. 6]. Что же касается трапецевидных пряжек, то они известны в Ташкурганском могильнике в Восточном Туркестане [Восточный Туркестан... 1988: рис. 26. 5], а также в Туве, в могильнике Аймырлыг [Мандельштам 1983: 33, рис. 2. 9; Степная полоса... 1992: табл. 77. 80–83], причем в последнем случае они все были парными.

Металлические пряжки представлены двумя основными видами: простые и зооморфные.

К первому виду относится одна железная пряжка из Актамского могильника. Она имела овальную форму с овальным же отверстием с одной стороны. По ее бокам местами сохранились небольшие сквозные отверстия для крепления к ремню. Размеры пряжки – 7,4 x 4 см

[Гамбург, Горбунова 1957: 86, рис. 29. 13] (рис. III. 5). Датировка – VI–IV вв. до н.э.

Несомненно, что актамская пряжка имитировала собой костяные образцы. Об этом говорят отверстия на ней, расположенные аналогично костяным пряжкам. Кроме того, как упоминалось выше, в Кочкорской долине известна очень сходная костяная пряжка из раскопок А.К. Абетекова [Абетеков 1988].

Ко второму виду – зооморфным пряжкам – относится массивный бронзовый экземпляр из Берккаринского могильника в Западном Семиречье. На пряжке изображена львиная голова, держащая в пасти птицу, которая образует стилизованный выступ-крючок, предназначенный для застегивания пояса. Со стороны гривы льва пряжка имеет поперечную прорезь для крепления к поясу. Второе отверстие расположено между челюстями хищника. Размеры пряжки: 4,5 x 8 см [Бернштам 1947: 9–11, рис. 5–6; Степная полоса... 1992: табл. 37. 20] (рис. III. 13). Возможно, первоначально она была парной, но установить это достоверно невозможно, так как погребение, в котором она была обнаружена, было ограблено [Бабанская 1956: 202]. А.Н. Бернштам датировал данную пряжку III–II вв. до н.э., основываясь на аналогиях из Шибге в Горном Алтае, ранее датировавшегося II–I вв. до н.э., но в настоящее время последний памятник относится исследователями к концу собственно пазырыкского периода [Степная полоса... 1992: 170–171, примечания 2 и 3]. Поэтому есть все основания датировать рассматриваемую зооморфную пряжку IV–III вв. до н.э.

В Центральной Азии пряжка из Берккары не имеет даже отдаленных аналогий. Примечательно, что стилистически сходные бляшки известны в скифских древностях Восточной Европы, причем использовались они не только в качестве поясных пряжек, но и для бронирования внешней поверхности пояса. Некоторые из этих пряжек были парными [Черненко 1968: 64–68, рис. 36–37].

Таким образом, кожаные боевые пояса с металлическими и костяными пряжками существовали у ранних кочевников Центральной Азии в VI–III вв. до н.э. В первую очередь, видимо, они были предназначены для защиты торса воина, о чем говорит их ширина – не менее 4 см.

Возможно, они предназначались и для ношения оружия, для этого в самом поясе могли проделывать сквозные отверстия (ширина пояса это позволяла) или привязывали дополнительные ремешки. К примеру, пояса саков на персепольских рельефах практически на всех изображениях лишены накладок или обойм и снабжены только пряжками, но, тем не менее, к ним подвешено оружие. Причем, насколько можно судить по изображениям, оно привешивалось при помощи простых отверстий в поясе.

Исходя из всего изложенного выше, можно констатировать, что в эпоху ранних кочевников в Центральной Азии существовало три основных группы боевых поясов, частично совпадающие с четырьмя основными типами поясов, выделенных В.Н. Добжанским для кочевников азиатских степей в скифское время [Добжанский 1990: 21–24]:

- 1) пояса с металлическими обоймами,
- 2) пояса с накладными металлическими бляхами, часто выполненными в зооморфном стиле,
- 3) пояса с массивными костяными или металлическими пряжками, в некоторых случаях – парными.

Хронологически все три группы поясов существовали в Центральной Азии практически одновременно. Хотя, самыми ранними пока что могут считаться пояса с металлическими обоймами, появляющиеся около VII в. до н.э., которые позднее – в середине I-го тыс. до н.э. – видоизменяются: простые поясные обоймы сменяются прорезными и их число сокращается до одной-двух. Примерно в это же время распространяются пояса с различными бляшками-накладками и поясными пряжками и сосуществуют с поясами с обоймами до конца сакского периода в Центральной Азии.

Примечания

1. Экспонируется в Кыргызском государственном историческом музее (КГИМ). Раскопки И.К. Кожомбердиева.
2. Одна овальная костяная пряжка эпохи ранних кочевников известна в одном из могильников, изученных А.К. Абетековым в Кочкорской долине [Абетеков 1988: рис. 22. 14].

Abstract

MILITARY BELTS OF ANCIENT NOMADS IN CENTRAL ASIA

S.S. Ivanov

Belts were a very important part not only ancient clothes, but one of the general part ancient nomad's military equipment. Military belts protected stomach and all vitals of ancient warriors and also served for hanging weapon and different decorations. There were three types of military belts in early iron age of Central Asia: 1) belts armored with bronze (seldom – iron) hoops. 2) belts armored with metal sheets. Some of them were made in Scythe-Saka zoomorphic style. 3) belts with massive metal or bone buckles. The first type of military belts is existed in early Saka period (700–500 B.C.) and the last two types – in 500–200 B.C.

Литература

- Абетеков 1988 – *Абетеков А.К.* Полевой отчет Шамшинского археологического отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции за 1987–1988 гг. – Фрунзе, 1988.
- Агеева 1959 – *Агеева Е.И.* Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области // Изв. АН Каз.ССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. 3. – Алма-Ата, 1959.
- Акишев 1959 – *Акишев К.А.* Саки Семиречья // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. – Алма-Ата, 1959.
- Акишев 1978 – *Акишев К.А.* Курган Иссык. – М., 1978.
- Бабанская 1956 – *Бабанская Г.Г.* Берккаринский могильник // ТИИАЭ АН КазССР. Сер. археологии. Т. 1. – Алма-Ата, 1956.
- Акишев, Кушаев 1963 – *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963.
- Бейсенов, Чотбаев 2001 – *Бейсенов А.З., Чотбаев А.Е.* Погребение воина сакского времени из могильника Майкубень 3 в Центральном Казахстане // Историко-культурное наследие Северной Азии. Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001.
- Бернштам 1947 – *Бернштам А.Н.* Берккаринская пряжка // КСИИМК. Вып. 27. – 1947.
- Вишневская 1973 – *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи (по материалам Уйгарака). – М., 1973.
- Восточный Туркестан ... 1988 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Очерки истории. – М., 1988.
- Гамбург, Горбунова 1957 – *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Ак-Тамский могильник // КСИИМК. Вып. 69. – 1957.
- Горбунов 1999 – *Горбунов ВВ.* Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999.
- Горбунова 1961 – *Горбунова Н.Г.* Кунгайский могильник // АСГЭ. Вып. 3. – Л., 1961.
- Горбунова 1962 – *Горбунова Н.Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5. – Л., 1962.
- Горелик 1987 – *Горелик М.В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987.
- Горелик 2003 – *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. IV тыс. – IV в. до н.э. – М., 2003.
- Грач 1980 – *Грач А.Д.* Древние кочевники в Центре Азии. – М., 1980.
- Добжанский 1990 – *Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск, 1990.
- Завитухина 1961 – *Завитухина М.П.* Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3. – Л., 1961.
- Иванов 2007 – *Иванов С.С.* Бронзовые зажимные наконечники стрел // МИАК. Вып. 2. – Бишкек, 2007.
- Итина, Яблонский 1997 – *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М., 1997.
- Кадырбаев 1966 – *Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
- Киселев 1949 – *Киселев СВ.* Древняя история Южной Сибири. – М.; Л., 1949. – (МИА СССР, №9).
- Клепиков 2002 – *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. – Волгоград, 2002.
- Кожомбердиев 1975-а – *Кожомбердиев И.К.* Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975.
- Кожомбердиев 1975-б – *Кожомбердиев И.К.* Искусство саков Тянь-Шаня // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975.
- Кожомбердиев 1977 – *Кожомбердиев И.К.* Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. – Фрунзе, 1977.
- Кубарев 1992 – *Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992.
- Литвинский 1972 – *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «крыши мира». – М., 1972.

- Мандельштам 1983 – *Мандельштам А.М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры евразийских степей. – Л., 1983.
- Матвеева 1964 – *Матвеева Г.И.* Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // Археология и этнография Башкирии. Т. 2. – Уфа, 1964.
- Медведская 1972 – *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // СА. – 1972. – №3.
- Могильников 1997 – *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997.
- Новгородова 1989 – *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. – М., 1989.
- Семенов 1998 – *Семенов Вл. А.* Хронология памятников озен-ола-белигского этапа // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб., 1998.
- Смирнов 1977 – *Смирнов К.Ф.* Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа, 1977.
- Смирнов 1981 – *Смирнов К.Ф.* Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа, 1981.
- Степная полоса... 1992 – Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – (Археология СССР).
- Таиров 1988 – *Таиров А.Д.* Новые памятники раннего железного века из Южного Приуралья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1988.
- Таиров 2004 – *Таиров А.Д.* Раннесакские боевые пояса // РА. – 2004. – №1.
- Ташбаева 1987а – *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. АКД. – Л., 1987.
- Ташбаева 1987б – *Ташбаева К.И.* О датировке кинжалов ранних кочевников Киргизии // Великий Октябрь и некоторые вопросы исторической науки. – Фрунзе, 1987.
- Фролов 2000 – *Фролов Я.В.* Некоторые параллели предметам поясной гарнитуры скифского времени Верхнего Приобья и Центральной Азии // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. 1. – Новосибирск, 2000.
- Цэвэндорж 1978 – *Цэвэндорж Д.* Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск, 1978.
- Членова 1967 – *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.
- Чотбаев 2001 – *Чотбаев А.Е.* Воинские пояса тасмолинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии. Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001.
- Шульга 2007 – *Шульга П.И.* О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территорий // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. – Новосибирск, 2007.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ г. БИШКЕК: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В.А. Кольченко*

Археологические памятники / Чуйская долина, г. Бишкек
Archaeological monuments / the Chuy valley, Bishkek

Изучение памятников археологии на территории современного г. Бишкек и его пригородов началось в XIX в. с открытия средневекового христианского кладбища у с. Кара-Джигач в 1886 г. За прошедшие годы было накоплено большое количество информации об археоло-

гических объектах «Большого Бишкека». Для удобства восприятия их можно разделить на три группы: 1) памятники эпохи бронзы; 2) памятники оседлого населения эпохи Средневековья; 3) погребальные сооружения времени ранних кочевников и переселения народов.

I. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Поселение Карагачевая роща (эпоха поздней бронзы – XIV–IX вв. до н.э.). Располагалось

* *Кольченко Валерий Анатольевич* – Институт истории и культурного наследия НАН КР. Кыргызстан, Бишкек, archak@gmail.com

в северной части г. Бишкек, на правом берегу р. Аламедин у северного края Карагачевой рощи, примерно в 2,5 км от кожзавода. Визуально на современной поверхности ничем не выделялось и было открыто благодаря осмотру обреза канавы, некогда располагавшейся в этой части города.

Открыто в 1929 г. А.И. Тереножкиным, который выполнил археологический шурф, позволивший выявить культурный слой мощностью в 30–50 см, залегавший под 30 см дернового слоя. На основании найденных фрагментов керамики поселение связано им с андроновской культурной общностью и датировано временем «поздней поры палеометаллической эпохи» [Тереножкин 1935: 139].

В 1930 г. несколько более крупные раскопки были проведены сотрудником Палеоэтнологической экспедиции АИМК А. Виноградовой, на поселении был выявлен культурный слой мощностью до 1,8 м (материал не опубликован; см.: [Виноградова 1930-а; Кольченко 2002: 44]).

В ходе исследований каких-либо строительных конструкций обнаружено не было. Но значительные по площади и мощности зольные пятна, угольки, многочисленные кости домашних животных, фрагменты керамики зафиксированы были.

После исследований в 1930 г. и составления соответствующего отчета мер к охране памятника как такового принято не было. В результате в настоящее время его точное местоположение не сможет определить никто, в том числе и потому, что указанная территория была полностью застроена, а рельеф преобразован. Иными словами, памятник археологии – часть историко-культурного наследия Кыргызстана – был потерян для потомков.

Поселение (?). Отмечено В.Д. Горячевой на карте археологических памятников Бишкека. Соответствующий значок указывает на северо-западную окраину современного Бишкека [Горячева, Деев, Перегудова 1996: карта]. Однако нам не известно о памятнике в этом районе ни по публикациям, ни по архивным отчетам о полевых работах на территории Кыргызстана. Предпринятый нами в 2001 г. осмотр указанной местности также не принёс положительных результатов. К сожалению, автор публикации в описаниях не сообщает дополнительных сведений об этом поселении, чем ставит под сомнение сам факт наличия такового.

Погребение у совхоза Пригородный (XV–XIII вв. до н.э.). Открыто случайно в 1958 г. в ходе сельхозработ (на карте В.Д. Горячевой значок рядом с вышеназванным поселением [Горячева, Деев, Перегудова 1996]). По внешним признакам на современной поверхности не

выделялось. При проведении дообследования П.Н. Кожемяко были зафиксированы отдельные элементы погребального обряда – трупоположение на боку с сопроводительным инвентарем.

Захороненный лежал в скорченной позе головой на запад в грунтовой яме на глубине около 1 м. Из сопроводительного инвентаря были найдены орнаментированный горшок, бронзовые бусы-обоймочки, незамкнутые бронзовые кольца и просверленная для подвешивания раковина [Кожемяко 1960: 103–105].

Случайные находки

1. Кругловтульчатый кельт с широкой лопастью лезвия. Опубликовано А.И. Тереножкиным. Согласно приведенной легенде кельт был найден при строительстве дороги «на церковной площади» с. Лебединовка, т.е. на восточной окраине Бишкека [Тереножкин 1935: 139, рис. 7].

2. Бронзовый топор. Обнаружен несколько лет назад местными жителями в районе с. Военно-Антоновка, являющегося, по существу, западной окраиной города. В настоящее время хранится в археологическом музее Кыргызского национального университета (информация О.А. Солтобаева).

На карте В.Д. Горячевой указаны еще два пункта обнаружения случайных находок, расположенные в западной части города, а в текстовой части, со ссылкой на статью Е.Е. Кузьминой [Кузьмина 1966], называются кельт-лопатка, тесло с уступом и кельт с лобным ушком [Горячева, Деев, Перегудова 1996: 13, карта].

Датировка и атрибуция памятников эпохи бронзы, как принадлежащих к кругу андроновских культур, проведена А.И. Тереножкиным еще после работ 1929 г., и в настоящее время никем не оспаривается. Из этого следует, что местное население в то далекое время, подобно другим носителям андроновских культур, занималось отгонным скотоводством и вело относительно оседлый образ жизни. Знали они и земледелие. Судя по плотности обнаружения находок район современного Бишкека в XIV–IX вв. до н.э. был уже хорошо освоен и заселен.

II. ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Городище Кузнечная Крепость (VII–XIII вв.). Включено в Государственный список памятников историко-культурного наследия КР (№22).

Расположено в северо-восточной части г. Бишкек. Центральная часть ограничена: ул. Куренкеева (на севере), пер. Авангардным (на востоке), пр. Жибек Жолу (на юге) и ул. Усенбаева (на западе). Она состоит из большого, подквадратного в плане холма высотой до 4–4,5 м

с длиной стороны в 120–150 м, расположенного с юга от него малого холма (высотой до 3 м, размерами ~ 10 x 15 м) и завалованной крепостной стены (?), обрамляющей развалины с юга, запада и частично с севера. Последняя идет от юго-восточного угла большого холма на юг; затем, немногим не доходя до пр. Жибек Жолу, поворачивает на запад и тянется почти до ул. Усенбаева, где поворачивает на север, постепенно изгибаясь к северо-востоку. По последнему участку проходит основная часть ул. Кузнечная Крепость.

В XIX в. на этих развалинах была сооружена кокандская крепость. После занятия в 1862 г. Пишпека русскими войсками кокандская крепость была полностью срыта [Плоских, Джунушалиев, Галицкий 2003: 48–57].

Городище, вероятно, впервые упомянуто у В.В. Бартольда под названием Пишпек-Ата и датировано «новейшим временем» [Бартольд 1996: 395].

В 20-х гг. прошлого века оно более обстоятельно было осмотрено П.П. Ивановым. Однако, дав описание внешнего вида центральных развалин, он датировал их, вслед за В.В. Бартольдом, кокандским временем и отрицал возможность наличия средневековых слоев [Иванов 1957: 100–102].

В связи с локализацией средневекового топонима «Джунль» Кузнечная Крепость с описательным названием «развалины в г. Фрунзе» отмечается А.Н. Бернштамом, который относит его, как и предшественники, к кокандскому времени [Чуйская долина 1950: 24].

В начале 50-х гг. XX в. городище исследовал П.Н. Кожемяко, который предложил иную его датировку – VIII–X (XII) вв. – предположил наличие связи Кузнечной Крепости с «сельскими поселениями», вскрытыми в 1940 г. (см. ниже), как центра и поселений округа [Кожемяко 1959: 153].

На протяжении 1950–1970-х гг. наблюдения за городищем и сбор подъемного материала вели школьные краеведческие кружки под руководством М.К. Синусова и Н.Д. Черкасова. Их сборы во многом стали основанием датировки, предложенной П.Н. Кожемяко. Наше знакомство с собранными ими материалами позволяет утверждать, что городище Кузнечная Крепость является одним из древнейших раннесредневековых городищ Чуйской долины (с VII–VIII вв.), а жизнь на нем продолжалась вплоть до чагатайского времени (XIV в.). В настоящее время собранные школьниками коллекции хранятся в Государственном историческом музее КР.

В 1986 г., при работе по проекту «Свод памятников Киргизской ССР», археологом В.Д. Горячевой с помощью геологической буровой установки был выполнен шурф-зонд, выявив-

ший культурный слой значительной мощности (до 3–5 м) [Горячева, Деев, Перегудова 1996].

В 2000 г. в южной части центральных развалин городища, на малом бугре, были проведены раскопочные работы и получена коллекция керамики XI в. – первый комплекс артефактов с этого городища, полученный непосредственно в ходе специальных работ с фиксацией контекста обнаружения находок [Кольченко 2005-а].

Для уточнения датировки жизни этого средневекового города, выявления этапов его развития, фиксации особенностей архитектурных и других культурных остатков необходимо проведение широкомасштабных археологических работ с консервацией и музеефикацией полученных результатов. Большую работу по научному обоснованию такого проекта в середине 1980-х гг. выполнила археолог Л.М. Ведутова. Тогда же, по решению Фрунзенского горсовета, была начата подготовка к раскопочным работам. С территории городища была отселена часть жителей, а их дома снесены и тем самым подготовлено место для производства раскопок. Развал СССР и резкое сокращение бюджета города не позволили реализовать этот проект в полной мере – он был заморожен на подготовительной стадии.

Окрестности центральной части средневекового городища, т.е. самой Кузнечной Крепости, ограниченные руслом БЧК (С), ул. Суюнбаева или даже Курманджан датки (В), Иваницина (Ю) и Байтик Батыра (быв. Советской) или даже Орозбекова (З), также содержат следы обживания. Часть из них приведена в соответствующем разделе книги, написанной на материалах работы по программе «Свод памятников Киргизской ССР» [Горячева, Деев, Перегудова 1996: 11–12].

Но первые такие сведения приводит П.П. Иванов, работавший в Чуйской долине во второй половине 20-х гг. XX в. Им отмечаются находки средневековых изделий на улице Бульварной (совр. Эрикиндик) [Иванов 1957: 101–102].

В 1941 г. на пересечении ул. Алма-Атинской и Карпинского (совр. Суюнбева) с руслом БЧК IV отрядом экспедиции археологического надзора на строительстве БЧК были вскрыты «сельские поселения», т.е., надо полагать, небольшие по площади усадьбы. Их планы, описания, материалы опубликованы не были, и они не связывались с городищем Кузнечная Крепость как своим центром [Чуйская долина 1950: 91–92].

1960–1970-е гг. В.Д. Горячевой и Т.К. Кулматовым, действовавшими по линии Общества охраны памятников, отмечается ряд археологических находок, в том числе при рытье котлована для строительства городской телевышки [Горячева, Деев, Перегудова 1996: 12].

Последними по времени обнаружения являются находки 2002 г. (фрагменты хума и до-стархана), сделанные при рытье котлована под емкость для хранения нефтепродуктов на строящейся тогда бензозаправке на пересечении ул. Жибек Жолу и Ибраимова.

На этой территории, надо полагать, располагался рабад городища с усадебной застройкой, ограниченный длинными стенами.

Городище Ключевское (VII–XII вв.). Включено в Государственный список памятников историко-культурного наследия КР (№21).

Расположено в западной части г. Бишкек. Центральная часть ограничена улицами: А. Волковой (на севере), Владимирской (на востоке), 9-го января (на юге) и Кустанайской (на западе). Ул. Кустанайская является крайней западной улицей г. Бишкек по современному административному делению, а ее противоположная (западная) сторона называется Восточной, но с. Ново-Павловка.

Центральная часть городища в настоящее время застроена жилыми домами и покрыта сложной сетью улиц и переулков: ул. Брестская, пер. Кустанайский, пер. А. Волковой; в юго-восточной части расположен пустырь, образовавшийся на месте чеченского кладбища, функционировавшего в 1950-е гг., от которого осталось несколько надгробий в самой юго-восточной части.

В настоящее время остатки центральных развалин состоят из двух больших возвышенностей, имеющих в ряде мест вертикальные срезы высотой до 4 м, соединенных относительно высокой перемычкой, и серии более мелких холмов, прослеживаемых отдельными отрезками на улицах и переулках, являвшихся, по всей видимости, остатками фортификационных сооружений.

Одними из первых городище отметили В.В. Бартольд и С.М. Дудин, дав словесное описание центральных развалин [Бартольд 1996: 395].

В 1927–1928 гг. оно исследовалось П.П. Ивановым, который называет его Пишпекским и сообщает, что местное население именует его Турткуль. Исследователь отметил наличие вокруг центральных развалин «длинных стен», образующих почти правильный квадрат с длиной сторон по 4 км. Им же опубликован первый план городища [Иванов 1957: 102–105, рис. 13].

В 1929 г. описание его центральной части выполняет А.И. Тереножкин и наносит на карту археологических памятников Чуйской долины с маркировкой «Турткуль» близ Бишкека [Тереножкин 1935: рис. 21].

В 1940 г. городище изучалось А.Н. Бернштамом. Он называет его то Чола-Казак, то Ново-Павловским, отождествляет с известным из

средневековых письменных источников городом Джуль и датирует эпохой Средневековья. Исследователем приводятся фотография и план центральных развалин [Бернштам 1941: 72; Чуйская долина 1950: 24, табл. II. 2, табл. III. 2]. В 1941 г. при строительстве БЧК к северо-востоку от с. Ново-Павловка были снесены два торткуля, умозрительно связанные экспедицией археологического надзора (V отряд) с комплексом Ключевского городища [Чуйская долина 1950: 92–93].

В 1954 г. Ключевское городище исследовалось П.Н. Кожемяко. Им был снят план городища, включая сохранившиеся с западной и южной сторон участки «длинных стен», выполнено три шурфа в пределах центральных развалин и два разреза городских стен. Этими работами было выявлено, что мощность культурного слоя городища – до 4 м, а по полученным вещественным материалам оно датируется VII–XII вв.

В 1950–1980-х гг. наблюдение за городищем и сбор подъемного материала осуществлялся членами археологических кружков г. Фрунзе под руководством Н.Д. Черкасова и М.К. Синусова. В настоящее время собранные коллекции хранятся в Государственном историческом музее КР.

Городище Кызыл-Аскерское (VII–XII вв.). Включено в Государственный список памятников историко-культурного наследия КР (№23).

Расположено в западной части г. Бишкек: в западной части Кызыл-Аскерского (Братского) кладбища (закрыто в кон. 1950-х гг.), непосредственно за воинским мемориалом, и под прилегающими жилыми домами. Ограничено улицами Нарвской с севера, Бородина (Каракумской) с запада, Якутской с юга.

В настоящее время представляет собой серию холмов, наибольший из которых высотой до 2–2,5 м, вытянут в меридиональном направлении на 120–150 м. Его современный рельеф сильно искажен: западная часть скрыта при строительстве гаражного кооператива, как и верхняя часть, по словам местных старожилов, первоначально она была примерно в полтора раза выше.

К востоку от большого холма расположена группа более мелких холмов.

Специальных археологических исследований на городище не производилось. Но в 1960–1980-х гг. наблюдение за городищем и сбор подъемного материала осуществлялся членами археологического кружка под руководством М.К. Синусова. Собранные ими материалы позволяют датировать городище VII–XII вв. В настоящее время коллекция хранится в Государственном историческом музее КР.

В 1999 г. в окрестностях городища, на ул. Каракумской, в 300 м южнее ул. Дэн Сяопина при производстве строительного-земляных работ (прокладка траншеи для электрического кабеля) был обнаружен крупный сосуд – хум. При осмотре нами срезом траншеи строительных конструкций и иных признаков культурного слоя не выявлено.

Городище Маевское (VIII–X вв.). Было расположено в северо-западной части г. Бишкек, в 4–4,5 км от Ключевского городища, между двумя логами. Более точное местонахождение не устанавливается.

Зафиксировано в 1950-х гг. П.Н. Кожемяко, который дал его описание, составил план и датировал [Кожемяко 1959: 150–151].

В настоящее время завалованные конструкции городища, возвышавшиеся над современной дневной поверхностью, уничтожены при возведении жилых домов. Однако, так как культурный слой городища, по исследованиям П.Н. Кожемяко, составлял до 1,5 м, он не мог быть полностью уничтожен.

Городища Токольдошское I и II (X–XII вв.). Были расположены в юго-восточной части г. Бишкек, в 3–4,5 км к юго-востоку от с. Токольдош (ныне вошло в состав г. Бишкек – р-н к востоку от ул. Алма-Атинской, между линией ж/дороги и ул. Горького). Более точное местонахождение не устанавливается.

Зафиксированы в 1950-х гг. П.Н. Кожемяко, который дал их описание, составил планы и датировал. На Токольдошском I городище им выполнен археологический шурф [Кожемяко 1959: 149–150].

В настоящее время завалованные конструкции городища, возвышавшиеся над современной дневной поверхностью, уничтожены при возведении жилых домов. Однако, так как культурный слой городища по исследованиям П.Н. Кожемяко составлял до 1,2 м, он не мог быть полностью уничтожен.

Городище Западно-Бишкекское (?) (эпоха Средневековья). Расположено в северо-западной части г. Бишкек: восточнее киностудии «Кыргызфильм», севернее Ошского рынка и СШ №31, южнее Западного автовокзала, в восточной части старого мусульманского кладбища (закрыто в нач. 1960-х гг.), территория которого ограничена ул. Иваницина (с севера), Акмуз (с востока) и Рыскулова (с юга).

В настоящее время представляет собой компактную группу холмов, наибольший из которых, высотой до 2–2,5 м, вытянут в меридиональном направлении на 70–100 м. К западу от него располагаются более мелкие всхолмления.

Археологического изучения не производилось. Выделено по топографическим признакам в 1999 г. Л.М. Ведутовой.

Городище Кара-Джигач (XI–XIV вв.). Расположено к югу от микрорайона Тунгуч, на северо-западной окраине с. Кара-Джигач (/винсовхоз Ала-Тоо), на полях у радиоретрансляционной станции (бывш. «Орбита»). В настоящее время по топографическим признакам практически не прослеживается.

Открыто в 1886 г. Н.Н. Пантусовым вместе со знаменитым христианским некрополем (/кладбищем XII–XIV вв.), примыкавшим к нему с юга. Следов фортификационных сооружений не имело. Посещалось и описывалось В.В. Бартольд и С.М. Дудиным в 1893–1894 гг. [Бартольд 1996: 395–396], А.И. Тереножкиным в 1929 г. [Тереножкин 1938: 148], П.Н. Кожемяко в 1952–1955 гг. [Кожемяко 1959: 161–162], В.Д. Горячевой и Л.М. Ведутовой в 1980-х гг., В. Кляйном в 1996 г., В.А. Кольченко в 2000 г.

В конце XIX в. Н.Н. Пантусовым и А.М. Фетисовым производились раскопки погребений христианского кладбища и отдельных объектов в других частях городища, а также сбор надгробных камней [Пантусов 1887].

В 1970–1980-х гг. несколько надгробий было найдено Д.Ф. Винником, В.Д. Горячевой и Ч.Д. Джумагуловым [Джумагулов 1987: 42–56].

На протяжении 1960–1980 гг. являлось одним из основных мест сбора подъемного материала для школьных кружков Н.Д. Черкасова и М.К. Синусова, которыми были собраны значительные керамические коллекции, в том числе отделочных строительных кирпичей с глазурованием двумя-тремя цветами. Школьниками также собрана интересная коллекция ювелирных украшений из серебра, бронзы и отделочных камней. Эти коллекции в середине 1980-х гг. были переданы нами в Государственный исторический музей.

В наше время местными жителями и коллекционерами с применением металлодетекторов производятся регулярные поиски нумизматических и иных металлических материалов, часть которых публикуется [Мокрынин, Плоских 1992: 78, 173; Федоров 1994; Петров, Кошевар 2004: 226–234; Петров, Камышев 2005: 209].

Датировано XI–XIV вв. по подъемному материалу, собранному в местном школьном музее и археологическими кружками Н.Д. Черкасова и М.К. Синусова, а также по датам на надгробных камнях (кайраках), собранным с прилегающего кладбища, и монетным находкам.

Городище Новопокровское I (VIII–XII вв.). Расположено на северной окраине с. Новопо-

кровка, в 1,5–2 км к северу от 10-километровой автотрассы Бишкек – Токмак (по ул. Шевченко), в 1–1,5 км от современной городской черты, идущей по руслу БЧК.

Впервые отмечено в 1929 г. А.И. Тереножкиным. В 1930 г. краткое описание его центральной части было составлено М.В. Воеводским и А. Виноградовой [Кольченко 2002: 44–45; Кольченко, Ротт 2005: 77]. В 1954 г. П.Н. Кожемяко выявил т.н. «длинные стены» вокруг центральной части, дал новое описание и составил план. На городище им выполнено три шурфа, позволившие датировать объект [Кожемяко 1959: 107–111]. Небольшие раскопные работы были выполнены в 2000–2001 гг. В.А. Кольченко.

В настоящее время на его территории расположена войсковая часть, строения которой нанесли значительный урон сохранности центральной части городища. Проводившимися сельхозработами фактически уничтожены длинные стены и всхолмленности рельефа, отмечавшиеся к северу от центральных развалин.

Городище Новопокровское II (VIII–XII вв.). Расположено в центре с. Новопокровка, на 11 км автотрассы Бишкек – Токмак к югу от последней.

В настоящее время на территории городища расположены развалины Дома культуры, функционировавшего в 1960–1980 гг., бытовой и строительный мусор. В 2001 г. его территория сдана в бессрочную аренду с правом производства строительных работ.

Впервые зафиксировано в 1929 г. А.И. Тереножкиным, давшим его краткое описание и составившим схематический план [Тереножкин 1935: 144–145]. В 1954 г. П.Н. Кожемяко дал его новое описание и составил план. На городище им выполнен археологический шурф, выявивший культурный слой мощностью 5,6 м, позволивший датировать городище [Кожемяко 1959: 141–142]. С 2004 г. Институтом истории НАН КР при содействии швейцарского «Фонда изучения Евразии» на городище производятся стационарные раскопки под руководством В.А. Кольченко и Ф.Г. Ротт.

Городище Новопокровское III (X–XII вв.). Располагалось на полях в 0,8–1 км к северу от с. Новопокровка и в 1,5–2 км к западу от городища Новопокровское I.

Впервые зафиксировано в 1930 г. М.В. Воеводским и А. Виноградовой, давшими его краткое описание и составившими схематический план [Кольченко, Ротт 2005: 77–78]. В 1954 г. П.Н. Кожемяко вновь его обнаружил, описал, составил план и датировал. На городище им выполнено два археологических шурфа и произведе-

ден сбор подъемного материала, что позволило датировать объект [Кожемяко 1959: 143].

По нашим исследованиям 2000 г., наземные конструкции городища уничтожены и оно топографически никак не выделяется на местности. Однако, по П.Н. Кожемяко, его культурный слой составлял до 1 м, вследствие чего теоретически должен частично сохраниться.

Городище Новопокровское IV (X–XII вв.). Располагалось на полях в 0,4–0,6 км к северу от с. Новопокровка, в 1,5–2 км к западу от городища Новопокровское I и 0,4–0,5 км к югу от городища Новопокровское III.

Впервые зафиксировано в 1930 г. М.В. Воеводским и А. Виноградовой, давшими его краткое описание и составившими схематический план [Кольченко, Ротт 2005: 78]. В 1954 г. П.Н. Кожемяко вновь его обнаружил, описал, составил план и датировал. На городище им выполнен археологический шурф и произведен сбор подъемного материала, что позволило датировать городище [Кожемяко 1959: 143–144].

Его современное состояние аналогично Новопокровскому III городищу.

Городище Новопокровское V (X–XII вв.). Располагалось в 3–3,5 км к северу от с. Новопокровка и городища Новопокровское I.

Зафиксировано в 1954 г. П.Н. Кожемяко, который дал его описание, составил план и датировал. На городище им выполнен археологический шурф, выявивший культурный слой мощностью в 1,4 м [Кожемяко 1959: 144].

В настоящее время наземные конструкции городища уничтожены.

Новопокровский некрополь. Располагался к югу от центра одноименного села, в 50–100 м от железнодорожного полотна. Был выявлен и исследовался в 1930 г. А. Виноградовой и М.В. Воеводским. Состоял из девяти насыпей, из которых две было раскопано. Под ними оказались разнотипные погребения, в том числе наземные конструкции типа склепов и наусов, и относимые к «зороастрийским» погребения кучками костей и в сосудах-хумчах [Виноградова 1930-6; Кольченко 2005-6]. Наша попытка выявить на местности этот некрополь в 2001–2002 гг. не увенчалась успехом. Следует предположить, что он был полностью уничтожен.

Городище Ворошиловское (эпоха раннего Средневековья). Отмечено А.Н. Бернштамом и в Отчете IV отряда археологического надзора на строительстве БЧК [Бернштам 1943: 25; Чуйская долина 1950: 91–92] с крайне нечеткой локализацией: «у с. Лебединовки» в одном случае и «в центре с. Ворошиловское» – в другом. Приведенная в указанных публикациях информация о городище весьма ограничена – указывается

лишь, что оно было ориентировано сторонами по странам света, имело размеры 400 x 200 м и его поверхность сильно всхолмлена. Исследователи не приводят ни плана городища, ни фотографий его вида, ни одного рисунка находки с его поверхности. Даже бронзовая статуэтка Будды, найденная также в центре с. Ворошиловское, не связывается с городищем [Чуйская долина 1950: 91; Памятники ... 1983: 63–64].

Проведенный нами осмотр территории по внешним рельефным признакам не позволил определить его местоположение. Вероятно, уже к моменту фиксации оно было застроено, а к настоящему времени полностью уничтожено.

Холм Шош-Тобе (VIII–X вв.). Включен в Государственный список памятников историко-культурного наследия КР (№ 24).

Расположен в западной части г. Бишкек, в районе Кызыл-Аскера, к югу от автотрассы Бишкек – Тараз, среди жилой частной застройки; с запада к нему примыкает ул. Шоштобе (/Шиш-Тюбе), а с севера и востока – пер. Почтовый.

Впервые отмечен П.П. Ивановым в 1927–1928 гг. как «курган Шиш-Тюбе» [Иванов 1957: 105–106]. Археологическому и топографическому изучению не подвергался.

В настоящее время он активно разбирается местными жителями на глину. Уничтожено более половины кургана.

В срезах отчетливо видна сплошная кладка из сырцового кирпича; керамики и других находок в срезах не видно, как не было их, со слов рабочих, и при разборке холма. В свое время П.П. Иванов отмечал, что на его склонах «довольно значительное количество осколков обожженного кирпича» [Иванов 1957: 106], вероятно, от наружной облицовки. Указанные факты позволяют, на наш взгляд, датировать объект VIII–X вв. и типологически соотнести с т.н. Храмом огня Краснореченского городища.

III. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Могильник курганный (V–III вв. до н.э.). Включен в Государственный список памятников историко-культурного наследия КР (№ 80).

Расположен в юго-западной части г. Бишкек, в районе 4-й городской больницы, на ул. Муромской, на территории старого заброшенного кладбища (функционировало до 1960–1970 гг.)

Зафиксирован В.П. Мокрыниным в 1970-х гг. [Горячева, Деев, Перегудова 1996: 11]. Археологических раскопочных и топографических работ не проводилось. Датирован по аналогии с другими памятниками.

В настоящее время сохранилось два кургана с полусферическими насыпями, расположенных по линии север – юг. Насыпи, судя по выбросам из современных могильных ям, земляные со значительной примесью гравия и щебенки. Северный из них высотой 2–2,5 м, диаметром несколько более 20 м. Южный – высотой до 4 м и диаметром 25–30 м. Третий курган, располагавшийся еще южнее, за дорогой, уничтожен при возведении жилых домов массива Арча-Бешик.

Могильник курганный (V–III вв. до н.э.). Включен в Государственный список памятников историко-культурного наследия КР (№ 81).

Был расположен в юго-западной части г. Бишкек, к востоку от ул. Баха и к югу от микрорайона Джал.

Зафиксирован В.П. Мокрыниным в 1970-х гг. Археологических раскопочных и топографических работ не проводилось. Датирован по аналогии с другими памятниками. Впрочем, возможно, именно в этом могильнике в 1897 г. Ф.П. Поярков раскопал четыре кургана, а А.И. Тереножкин в 1929 г. датировал его VII–V вв. до н.э. [Горячева, Деев, Перегудова 1996: 11].

В настоящее время утрачен – уничтожен при возведении жилых домов массива Арча-Бешик.

Могильник курганный «Красный строитель» (I–V вв. н.э.). Расположен в северной части г. Бишкек, к северу от объездной дороги, на территории карьера кирпичного завода «Красный строитель», городской свалки мусора и прилегающего к ним с юго-запада поля.

Зафиксирован в 1985 г. после случайной находки комплекса погребального инвентаря – серии изделий из золота, серебра, бронзы и железа, происходящего из этого погребения [Табалдиев, 2003; Плоских, Джунушалиев, Галицкий 2003: 27–32]. Проведенное археологическое доисследование случайно обнаруженного погребения выявило катакомбный (/подбойный) характер подкурганной конструкции. Наземные конструкции – лессовые курганы диаметром до 15–20 м в оплыве и высотой до 0,3–0,6 м. При осмотре местности на прилегающем поле было выявлено восемь курганов, но, вероятно, их было больше, т.к. на момент осмотра поле было занято сельхозпосевами, что затрудняло осмотр, а значительная потенциальная территория могильника уничтожена карьером завода.

Курган (V–III вв. до н.э.). Расположен на правой надпойменной террасе р. Аламедин, на территории Ботанического сада НАН КР.

Зафиксирован в 1970-х гг. В.П. Мокрыниным, датировавшим его методом аналогий по внешним признакам. Специальных археоло-

гических и топографических исследований не проводилось.

В самом центре города при строительстве ресторана «Сейил» на бул. Дзержинского (совр. Эркиндик) было найдено **тюркское каменное изваяние** (VI–IX вв.). Оно до сих пор стоит во внутреннем дворе ресторана.

В 1897 г. Ф.В. Поярковым, в 1927–1928 гг. П.П. Ивановым, в 1929 г. А.И. Тереножкиным, в 1941 г. экспедицией археологического надзора на строительстве БЧК в окрестностях города были отмечены курганные могильники и тюркские погребения с конем. Их современное местонахождение установить крайне сложно, практически невозможно. Тем не менее, мы считаем необходимым указать на эти объекты.

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным в 0,5 км¹ к северу от г. Фрунзе на правом берегу р. Ала-Арча (должно быть р. Аламедин. – К.В.). На его карте археологических памятников Чуйской долины и в его картотеке памятников указан под №3. С юга к могильнику примыкало мусульманское кладбище.

Состоял из 35–36 расположенных беспорядочно курганов. Курганы полусферической формы, диаметром 15–26 м и высотой – 0,3–1,1 м [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным в 2 км к северу от г. Фрунзе на левом (? – К.В.) берегу р. Аламедин, не доходя до с. Молдовановка. На его карте археологических памятников Чуйской долины указан под №13; соответственно в картотеке памятников листы №13–14.

Состоял из 16 курганов, расположенных скученно в 15–25 м друг от друга. Три кургана были высотой более 3 м при диаметре более 60 м, а остальные – диаметром 15–25 м и высотой 0,3–0,6 м [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным в 2,5 км к северу от г. Фрунзе на левом берегу р. Аламедин, не доходя до с. Молдовановка. На его карте археологических памятников Чуйской долины указан под №15; соответственно в картотеке памятников листы №15–16.

Состоял из 20 курганов, расположенных тремя цепочками в меридиональном направлении. Курганы были высотой от 0,2 до 1 м при диаметре от 10 до 24 м. Первый курган в восточной цепочке выделяется своими размерами – диаметр 31 м, высота – 2,3 м [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным в 2,5 км к северу от г. Фрунзе на левом берегу р. Аламедин, в 300 м к ССЗ от могильника курганного №15. На его карте археологических памятников Чуйской долины указан под № 17; соответственно в картотеке памятников лист №17.

Состоял из 10 курганов. Курганы были высотой от 0,4 до 1,5 м [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Могильник курганный. Располагался «около с. Лебединка». В 1897 г. Ф.В. Поярков раскопал в нем четыре кургана с подбойными захоронениями. Вход в подбой был заложен сырцовым кирпичом. Инвентарь не обнаружен [ОАК 1900: 56–57].

Количество курганов в могильнике и их размеры не сообщаются.

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным на восточном конце с. Лебединка, в его южной части «между избами». На его карте археологических памятников Чуйской долины указан под № 84; соответственно в картотеке памятников лист № 84.

На момент фиксации состоял из двух курганов, срывававшихся на глину для кирпичей. Один из них был диаметром до 60 м и высотой до 4 м, а второй – высотой до 1 м [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Могильник курганный (VI–IX вв.). Был зафиксирован экспедицией археологического надзора на строительстве БЧК в 1941 г. к югу от с. Новопокровка.

Количество курганов не сообщается. Указана высота лишь одного из них – 1,3 м.

Под курганами находились типичные для тюрков погребения с конем [Чуйская долина 1950: 90].

Могильник курганный (II в. до н.э. – III в. н.э.). Был зафиксирован экспедицией археологического надзора на строительстве БЧК в 1941 г. в 2,5 км к западу от «сая р. Норус».

Количество курганов не сообщается. Указана высота лишь одного из них – 2 м.

Под курганом найдено погребение, относящееся, судя по описанному инвентарю [Чуйская долина 1950: 90], к усуньской культуре.

Могильник курганный. В 1928–1929 гг. был отмечен П.П. Ивановым при описании Пишпекского городища. Располагался по обе стоны внешней («длинной») стены в восточном углу городища, в районе водокачки ст. Пишпек, к югу от железнодорожного полотна.

На момент фиксации состоял из восьми курганов, расположенных цепочкой в меридиональном направлении. Один из них был срыт, и от него остались лишь крайние части пол.

Курганы были высотой до 4 м и «около 140 шагов в окружности» [Иванов 1957: 105].

Могильник курганный. В 1928–1929 гг. был отмечен П.П. Ивановым при описании Пишпекского городища. Располагался к северу от железнодорожного полотна, вблизи от упомянутого выше.

Курганы расположены в беспорядке. Точное количество не сообщается. По размерам «выше первых» [Иванов 1957: 105].

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным к западу от ст. Пишпек, южнее железнодорожного полотна. На его карте археологических памятников Чуйской долины указан под № 87; соответственно в картотеке памятников лист №87–90. (Вероятно, идентичен вышеупомянутому могильнику, отмеченному П.П. Ивановым.)

На момент фиксации состоял из восьми курганов, расположенных цепочкой в меридиональном направлении.

Курганы были сегментовидной формы от 1 до 2 м высотой [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным. Располагался в 0,5 км к западу от зафиксированной им группы № 87. На его карте археологических памятников Чуйской долины указан под № 88; соответственно в картотеке памятников лист №87–90.

На момент фиксации состоял из двух курганов высотой 0,5–0,8 м [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Могильник курганный. Был зафиксирован в 1929 г. А.И. Тереножкиным. Располагался в 0,3 км к западу от зафиксированной им группы №88. На его карте археологических памятников Чуйской долины указан под №89; соответственно в картотеке памятников лист №87–90.

На момент фиксации состоял из пяти «разбросанных» курганов высотой 0,3–0,8 м [Тереножкин 1935: рис. 21; Тереножкин 1930].

Приведенная информация показывает многочисленность памятников археологии в границах «Большого Бишкека». Более того, это не полный перечень памятников. К примеру, при осмотре территории в районе новостроек жил-массива Ак-Ордо нами были зафиксированы на поверхности крупный каменный жернов (D ~ 1,8 м) и керамика караханидского облика, а весной 2008 г. местными жителями был найден кайрак с надписью арабской графикой (передан в археологический музей КРСУ – ?). Подобные примеры, думаем, будут множиться.

С другой стороны, лишь на отдельных памятниках проводились целенаправленные археологические раскопочные работы – на христианском кладбище и городище Кара-Джигач (1886, 1893), курганах у с. Лебединовка (1897), городище Кузнечная Крепость (2000) и ряде объектов вдоль трассы БЧК (1941). Да и по этим объектам основная часть материалов не опубликована; сами находки с указанных объектов находятся в разных музеях Кыргызстана и России, не всегда четко устанавливаемых. Полевая документация в виде рукописных отчетов хранится также в разных архивах. Поэтому для создания более детализированных представлений о глубоком прошлом Бишкека нужны многолетние целенаправленные действия по проведению раскопочных работ, с одной стороны, а также выявлению и публикации архивных материалов – с другой.

Примечания

1. Здесь и далее данные приводятся на момент исследования, без учета современных административных границ и наименований топонимов.

Abstract

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF BISHKEK: HISTORY OF STUDYING AND THE MODERN CONDITION

V.A. Kolchenko

Article tells about archaeological objects in territory of the city of Bishkek. These objects are divided into three groups: objects of an epoch of bronze; monuments of settled population of an epoch of the Middle Ages and funeral constructions of time of early nomads and resettlement of the people. For each object the history of its studying is resulted and the modern condition is described.

Литература

- Бартольд 1996 – *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996.
- Бернштам 1941 – *Бернштам А.Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941.
- Бернштам 1943 – *Бернштам А.Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. – Фрунзе, 1943.
- Виноградова 1930-а – *Виноградова А.* План местности и стоянки палеометаллической эпохи близ г. Фрунзе. – РФ ЦМХК НАН КР. Инв. № 110. – Фрунзе, 1930.
- Виноградова 1930-б – *Виноградова А.* Черновые материалы археологических исследований в р-не с. Покровка Фрунзенского кантона КССР. – РФ ЦМХК НАН КР. Инв. №9. – Фрунзе, 1930.
- Горячева, Деев, Перегудова 1996 – *Горячева В.Д., Деев В.И., Перегудова С.Я.* Памятники истории и культуры города Бишкека. – Бишкек, 1996.
- Джумагулов 1987 – *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. – Фрунзе, 1987.
- Иванов 1957 – *Иванов П.П.* Заметки о древностях в районе Пишпека (Фрунзе) // ТИИ АН Кирг.ССР. Вып. 3. – Фрунзе, 1957.
- Кожемяко 1959 – *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.
- Кожемяко, 1960 – *Кожемяко П.Н.* Погребения эпохи бронзы в Киргизии // ИАН Кирг.ССР. Сер. общественных наук. Т. 2. Вып. 3. – Фрунзе, 1960.
- Кольченко 2002 – *Кольченко В.А.* Археологические исследования в Кыргызстане в 1928–1930 гг. (работы М.П. Грязнова, М.В. Воеводского, А.И. Тереножкина и Палеоэтнологической экспедиции ГАИМК) // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 1. – СПб., 2002.
- Кольченко 2005-а – *Кольченко В.А.* Комплекс керамики с городища Кузнечная Крепость в Чуйской долине // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
- Кольченко 2005-б – *Кольченко В.А.* Новопокровский средневековый некрополь (по материалам раскопок 1930 г.) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. – СПб., 2005.
- Кольченко, Ротт 2005 – *Кольченко В.А., Ротт Ф.Г.* О Новопокровских городищах // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
- Кузьмина 1966 – *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. В-4-9. – М., 1966.
- Мокрынин, Плоских 1992 – *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. – Бишкек, 1992.
- ОАК 1900 – Производство археологических раскопок и разведок в Семиреченской области // Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 год. – СПб., 1900.
- Памятники ... 1983 – Памятники культуры и истории Киргизии: Древность и средневековье. Каталог выставки. – Л., 1983.
- Пантусов 1887 – *Пантусов Н.Н.* Христианское кладбище близ Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // ЗВОРАО. Т. 1. – СПб., 1887.
- Петров, Камышев 2005 – *Петров П.Н., Камышев А.М.* Чуйская долина по нумизматическим данным (XIII – первая половина XIV вв.) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. – СПб., 2005.
- Петров, Кошевара 2004 – *Петров П.Н., Кошевара В.Г.* Клад № 4 из Киргизии (монетные фракции реформы Мас'удбека) // ДПДР. Вып. 5. Т. 4. – Нижний Новгород, 2004.
- Плоских, Джунушалиев, Галицкий 2003 – *Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д., Галицкий В.Я.* Пишпек – Фрунзе – Бишкек: этапы исторического развития (1978–2003). – Бишкек, 2003.
- Табалдиев 2003 – *Табалдиев Б.* Новые данные о «кладе» хуннского времени, найденном на северо-восточной окраине г. Бишкек // Кыргызская государственность в системе государственности тюркоязычных государств и степной зоны в целом: ТД Международного форума студентов и молодых ученых. Ош, 22–23 апреля 2003 г. – Ош, 2003.
- Тереножкин 1930 – *Тереножкин А.И.* <Картотека> // Археологические разведки сотрудника Средне-Азиатской экспедиции Антропологического научно-исследовательского института в Москве летом 1929 г. в Киргизской АССР. – РФ ЦМХК НАН КР. Инв. № 7. – Фрунзе, 1930.
- Тереножкин 1935 – *Тереножкин А.И.* Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. // ПИДО. – 1935. – №7–8.
- Федоров 1994 – *Федоров М.Н.* Новый клад джагатаидских серебряных монет из Кыргызстана // Хасановские чтения. Вып. 2. – Бишкек, 1994.
- Чуйская долина 1950 – Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. – М.; Л., 1950. – (МИА, №14).

АЛАМЕДИНСКИЙ ОССУАРИЙ

Г.И. Богомолов*

Чуйская долина / зороастризм / раннее Средневековье
Chuy valley / zoroastrianism / The early Middle Ages

Раннесредневековый период – важный этап в истории народов Средней Азии. Свообразие раннесредневековой эпохи и процессов, происходивших в материальной и духовной культуре для регионов Средней Азии, в том числе Средней Сырдарьи, Семиречья, Чуйской долины, во многом было обусловлено этническими перемещениями, выходом новых этносов на политическую арену в конце античной – начале новой эпохи. И как следствие – установление новых этнокультурных связей, вовлечение этих регионов в сферу трансрегионального торгово-экономического партнерства. В свою очередь, последнее способствовало появлению и распространению в этих районах с традиционным кочевническим укладом городских центров, где не только концентрировались ремесло и торговля, но и происходило взаимодействие местных верований с учениями других религий (зороастризма, христианства, манихейства и буддизма).

В Чуйской долине отражением полиэтнической и поликонфессиональной «пестроты», поиска новых религиозных форм [Аманбаева 2003: 5] являлось сосуществование на одной территории разных типов погребальной обрядности. Отсюда происходит более 30 оссуариев и их фрагментов [Кольченко 1999: 49]. Показательно, что в количественном отношении они почти в четыре раза превышают аналогичные находки в Ферганской долине [Матбабаев 2003: 83]. Конечно, это не единственное свидетельство присутствия зороастрийцев в регионе. Однако оссуарии традиционно считаются характерным компонентом погребальной обрядности по зороастрийским (маздеистским) установлениям. Сам обряд состоял из двух этапов. На первом – трупы умерших людей выставлялись в особом месте. Затем, на втором этапе, когда плоть истлевала, очищенные кости собирались в специальные емкости – сосуды, которые, в свою очередь, помещались в наусы или просто хоронились в земле.

Именно так в земле на глубине 0,7 м от поверхности при строительстве Аламединской ГЭС вблизи современного Бишкека был обнаружен один из первых оссуариев в Кыргызстане. Обстоятельства находки и археологический контекст аламединского оссуария остались не-

известны. Сам оссуарий вскоре был передан в Ташкент в Туркестанский музей, ныне Государственный исторический музей республики Узбекистан, где и сейчас это один из интереснейших экспонатов его экспозиции. Краткие сведения о нем и фотографии, сделанные хранителем музея Ф. Аугустом, приводятся в статье В.В. Бартольда [Бартольд 1960: 257–259]. Значительно позже еще одно краткое описание дается в Истории Киргизии [История 1984: 363]. Однако собственно анализ оссуария не проводился, хотя по своей композиции аламединский оссуарий уникален. В то же время это, безусловно, образец не штучной, а массовой ремесленной продукции с хорошо отработанными приемами – формовки материала, самого сосуда и нанесения декора. Массивность и в известной мере хрупкость изделия (толщина стенок всего 1 см) делают очень проблематичной его перевозку (как товар) на большие расстояния. Что вкупе с находками других оссуариев из этого района в последние годы однозначно указывает на то, что это была продукция местных мастеров, направленная на обеспечение нужд местной религиозной общины.

Типологически аламединский оссуарий относится к ящичным оссуариям прямоугольной в плане формы, к подгруппе шатровых оссуариев, со съемной четырехскатной пирамидальной формы крышкой. Тулово оссуария чуть заметно сужается кверху и имеет не острые, а немного скругленные углы. Размеры ящика оссуария: днище – 56 (55) x 29 (27,8) см, устье – 52 x 28 (26,5) см, высота – 28 см, толщина стенок – 1 см. Крышка – 52 x 26,5 см; высота – 18 см; длина ребер не одинакова и колеблется от 32 до 34 см. Общая высота оссуария – 46 см.

Техника изготовления. Изделие имеет плотный черепок, розовато-серого цвета с небольшой примесью мелкого песка. Несмотря на массивность предмета, обжиг нормальный. С внешней стороны оссуарий был покрыт жидким ангобом серого цвета. Резервуар (ящик) и крышка формовались отдельно. Каждый из них монтировался из отдельных, достаточно тонко раскатанных плоских пластин соответственно прямоугольной (для ящика) и треугольной для крышки формы. Все они с одной стороны покрыты барельефным орнаментом, т.к. перед сборкой были откатаны на крупной глиняной

* *Богомолов Геннадий Иванович* – канд. ист. наук. Узбекистан, Ташкент.

Рис. I. Аламединский оссуарий (по В.В. Бартольд)

или деревянной форме – матрице (калыбе) – с вырезанной в ней композицией. Таких форм-матриц было три. Одна – крупная – использована для оформления тулова ящика, две других – для крышки.

Технически первоначально на песчаную подсыпку выкладывалась прямоугольная плоская пластина будущего дна резервуара. На ее края вертикально крепились стенки ящика. Места стыка укреплялись тонкими валиками изнутри и снаружи. Причем валики с внешней стороны маскировали шов стыка пластин и были украшены крупными редкими (горизонтальными) защипами. Внутри резервуара вдоль верхушки его стенок наклепной лентой была устроена полочка для крышки, шириной 2–3,5 см.

Затем придонная часть резервуара была выровнена подрезкой ножом или плоско срезанной палочкой. Крышка формовалась из пластин треугольной формы, стянутых в пирамиду. Места стыка с внешней стороны скрыты под налетными валиками, которые образуют ребра крышки, также украшенные защипами. Верхушка крышки – ручка – отбита и утрачена. Можно предположить, что наверху было грибовидной формы с проточенным через центр сквозным, вертикальным отверстием.

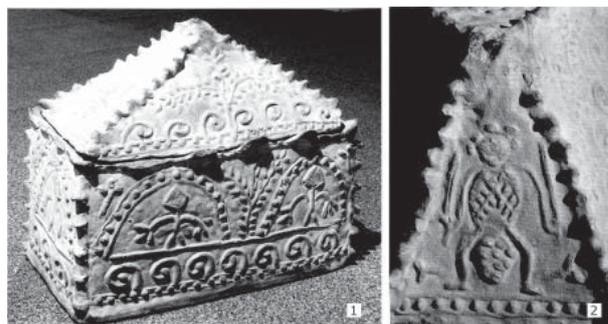
Любопытен еще один момент, когда крышка была поставлена на резервуар, место стыка тоже закрыли наклепной лентой, которую украсили крупными почти горизонтальными полуовальными зубцами, а затем прорезали ее по всему периметру, освобождая стык иногда прямо по ребру зубцов. Возможно, это было связано с идеей передачи общей композиции, где лента с защипами была призвана маркировать один ярус от другого. Не исключено и то, что этим приемом мастер стремился устранить дефект неполного перекрытия устья крышкой резервуара.

Декор и вопросы его символики и значения. Еще В.В. Бартольд подчеркивал наличие на аламединском оссуарии необычных и крайне

грубых изображений [Бартольд 1960: 257]. Действительно вся поверхность оссуария, со всех сторон, покрыта декором, для которого характерны сильная схематизация и условность (даже примитивность) рисунка.

На длинных сторонах тулова оссуария представлена двухъярусная композиция. Нижний придонный ярус – это линия из крупных округлых налепов (перлов). От некоторых из них вверх отходят закрученные влево спиралевидные завитки. Всего по 7 на каждой стороне (рис. I; рис. II. 1). Второй средний ярус, видимо, центральный и отсечен от нижнего прямой горизонтальной линией, на которой стоят две арки полусферической формы (в виде двух параллельных линий с перлами между ними). Под каждой аркой помещено по одной очень стилизованной антропоморфной фигурке. Туловище и ноги персонажа переданы короткими черточками. Руки раскинуты в стороны, полудугой опущены вниз и заканчиваются трехпалой ладонью или трилистниками, которые держит персонаж (рис. III). Голова крупная ромбовидной формы без проработки лица. Традиционно считается, что головы такой формы передают одетый на них конический шлем или головной убор в виде островерхого колпака (правда, на одном из ташкентских оссуариев из Тойтепа крупным штампом оттиснута сцена из двух персонажей – мистов, у которых лысые (бритые?) головы со следами лобно-теменной (башенной) деформации). Между арками помещено изображение древа жизни, ветки которого раскинуты в стороны, а на вершине древа – побег с круглым плодом. По краям композиции над арками изображена какая-то неясная фигура – звезда или растение в виде длинного прямого стебля, на верхушке которого помещены два листика и круглый плод между ними. Боковые (торцевые) стенки оссуария представляют собой оттиски половины штампа (т.е. по одной арке с фигурой).

Верхний ярус – это крышка. От предыдущего яруса она отделена, во-первых, полосой из полуовальных зубцов, во-вторых, горизон-

Рис. II. Аламединский оссуарий (фото):
1 – общий вид; 2 – торцевая сторона крышки

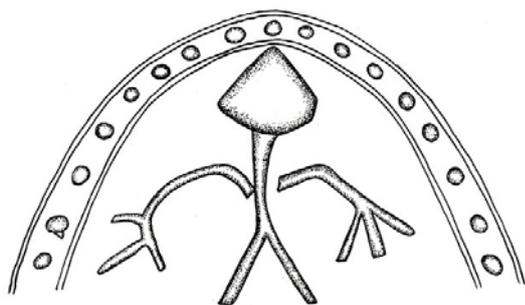

Рис. III. Прорисовка схематической фигуры под аркой на тулове оссуария

тальным поясом из перлов с отходящими вверх округлыми завитками, только закрученными вправо. Их тоже семь, а в центре между ними помещено трехветочное дерево, вершиной вытянутое к ручке. Торцы крышки занимает иная композиция. В нижней части поля – горизонтальный пояс из двух параллельных прямых линий и кружков перлов между ними. Выше центр композиции сфокусирован на крупной сильно схематизированной антропоморфной фигуре (рис. II. 2). У персонажа крупная круглая голова. Черты лица смазаны и едва видны в слабом рельефе, толстый большой нос, миндалевидные глаза (с невыделанным зрачком), брови, полные сжатые губы и тонкие усики над ними. Вокруг головы пять выпуклых кружков, расположенных дугой (рис. IV. 1). Туловище персонажа вытянутой овальной формы с какой-то «сеткой» из перекрещивающихся на груди длинных линий и отходящих от них в противоположные стороны короткими линиями (напоминает перекрещенные ветки с обрезанной верхушкой). Ноги персонажа широко расставлены и слегка полусогнуты. Руки его опущены вниз вдоль тела, и каждая из них держит по мечу с обнаженным прямым клинком, который отделен от рукоятки коротким прямым перекрестьем. Между ног персонажа изображен какой-то непонятный предмет в виде шестигранника. Верхушкой он почти касается нижней части его туловища. Вся поверхность шестигранника покрыта рядами округлых шишечек. Этот предмет делает персонаж похожим на насекомое. В нижней части поля по сторонам от ног персонажа изображены небольшие трехлучевые фигуры (звезды?).

Персонажи на торцах почти идентичны и лишь немного разнятся из-за качества оттиска.

Таким образом, в целом орнаментальная композиция аламединого оссуария имеет трехъярусную схему и призвана выразить основную идею – будущее возрождение. Как уже отмечалось, нижний ярус из перлов и завитков символизирует подошву здания (земной уро-

вень), момент, когда из зерен прорастают растения (травы), т.е. возрождение к новой жизни.

Второй ярус – это здание с аркадами. Внутри арок, т.е. внутри здания, показаны одинаковые фигуры, они неясны, очень схематичны. У них головы странной, треугольной, формы и необычно длинные руки с трехпальными кистями. Но, может быть, это не кисти рук, а ветки, которые персонажи держат в руках. Известно, что ветки и цветы были важным элементом весенней обрядности в культовых церемониях умирающей и воскресающей природы. Вероятно, и здесь они могли символизировать возрождение. Кто же эти персонажи?

По мнению некоторых исследователей, изображенные на оссуариях ритуальные сцены и здания с аркадами – это храмы с происходившими в них обрядами, например жертвоприношениями огню или ритуальными танцами с актерами, играющими богов [Маршак, Распопова 1991: 164].

Все это маловероятно. Зачем необходимо было изображать храм, да еще актеров в виде богов? Не правильнее было бы видеть здесь изображение мистического места и мистического действия? Иными словами, мастер рисовал типичную картину загробного мира, ожидающую умершего, – «сверкающую обитель Арты» – рай, или точнее «небеса», где обитают души праведников и происходит их возрождение. Причем образ рая уже в Гатах прямо связывается со зданием и носит название «Гара-дмана» – «Дом Хвалы», или «дом вознаграждения». В Видевдате говорится, что получившие воздаяние души праведников достигают золоченых лож Ахура Мазды и Амеша Спентас (Бессмертных святых), Дома Хвалы, обители Ахура Мазды, обители Бессмертных святых, обители прочих праведников (цит. по: [Крюкова 2005: 91]). В Яштах картина рая немного более развернута:

У каждого протока
Дом высится прекрасный,
Сверкая сотней окон
И тысячью колонн...
А в каждом этом доме
Поставленные лежа
С красивыми подушками
Все на местах стоят (Яшт 5, 101–102) [Авеста 1990: 42].

Конечно, сотня окон и тысяча колонн – это гипербола, призванная показать, как прекрасна эта обитель, как она величественна и огромна. На аламедином оссуарии мастер стремился изобразить тоже необыкновенное, красивое, по его мнению, здание. Отсюда здание с арками, изображенное на оссуарии, – это райская обитель, а фигуры, стоящие под арками, – это души

Рис. IV. Антропоморфная фигура с мечами Аламединского оссуария и аналогии к ней в сасанидской торевтике:
 1 – прорисовка фигуры с мечами на крышке Аламединского оссуария; 2 – прорисовка фигуры правителя на серебряном сасанидском блюде из Британского музея (по Ю.А. Рапопорту); 3 – прорисовка фигуры правителя на серебряном сасанидском блюде из Национальной библиотеки в Париже (по Ю.А. Рапопорту); 4 – прорисовка фигуры правителя на троне. Серебряное блюдо. V в.; 5 – Хосров I. Золотой динар (531–579 гг.); 6 – Пероз на охоте. Серебряное блюдо. VI в.

Рис. V. Изображения воинов из Приобья и Приуралья:
 1 – серебряное блюдо из с. Слудки (Пермь, Приуралье); 2 – район Березова (Шайтанский мыс); 3 – серебряное блюдо из с. Слудки. Фрагмент с процарапанной фигурой (Пермь, Приуралье); 4 – серебряное блюдо из с. Слудки с процарапанной мужской фигурой поверх сцены кормления змеи (Пермь); 5 – серебряный ковш. Коцкий городок; 6 – гравировка на костяной панцирной пластине (Приобье); 7 – подвеска из кургана 3 Ишимбаевского могильника. Южный Урал

праведников. Неслучайно и то, что между арками помещено изображение дерева, это мировое древо. Оно принадлежит к числу общечеловеческих образов и совпадает с осью мира так же, как и мировая гора (в большинстве верований древо и растет в центре мира на мировой горе). В.Ю. Крюкова обоснованно проводит здесь параллели с христианскими образами, связанными с погребением и будущим возрождением, райское древо и распятие – мировое древо, Голгофа – мировая гора, место погребения первого человека – Адама [Крюкова 2005: 90]. Видимо, именно с этим образом связана символика верхнего яруса аламединского оссуария – с крышкой, которая имела четырехскатную форму и была отделена от тулова лентой с зубцами. Последние могли символизировать вершины земных гор, а крышка – гипертрофированный образ мировой горы. В центре ее длинных скатов – все то же древо жизни (мировое древо) и символы возрождения.

На торцах крышки помещена крупная антропоморфная фигура с обнаженными мечами в руках. Вокруг головы ее странный полукруг из пяти кружков. Возможно, таким способом передана прическа персонажа (завитки-кудри) или какой-то головной убор с прикрепленными к нему кружками. Необычно и одеяние персонажа; его туловище пересечено крест-накрест двумя ремнями или лентами с отходящими от них пластинками. В последних можно видеть один из древнейших типов оборонительного доспеха – портупейные ремни с нашитыми на них пластинками. Традиция ношения защитного пояса и портупейных ремней в Месопотамии известна уже с 3–2-го тыс. до н. э. Усиленные бляшками широкие кожаные пояса использовались и как портупея, и как защитное прикрытие тела. Едва ли не ближайшей аналогией, правда отдаленной территориально и хронологически, является изображение сирийского воина на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV (XV в. до н. э.). Его торс перехвачен широкими портупейными ремнями, усиленными бляшками [Горелик 1993: табл. XLVII. 27]. Интересно также изображение на греческой вазе (V в. до н.э.) персидского или малоазийского воина, одежда которого усилена защитными рядами ремней с пластинами, только нашитыми горизонтально [Горелик 1993: табл. XLVII. 23]. Видимо, в скифском и сакском защитном вооружении такие защитно-портупейные пояса тоже имели хождение и носились как с панцирем, так и без него. К эпохе аламединского оссуария это уже глубокая архаика, но как рудимент некогда бытовавшей воинской традиции мог использоваться в культовой иконографии.

К сожалению, из-за сильной схематичности изображения нельзя полностью исключать и другие возможные варианты. Прежде всего, это могла быть не очень удачная передача рубахи или халата, с нашитыми на него защитными пластинами и стянутого портупейными ремнями. С другой стороны, это могло быть изображение вообще фантастического существа (духа) с обнаженными костями грудной клетки (скелет), подобно фигуркам с мечами на рисунках-палимпсестах на серебряном ковше из Коцкого городка [Гемуев, Сагалов, Соловьев 1989: 92] (рис. V. 5).

Кстати, изображены они почти в той же позе (с широко расставленными ногами, немного согнутыми в коленях), что и фигуры с крышки оссуария. Конечно, нельзя исключать, что здесь передана стойка фехтовальщика, готового к атаке или обороне. Но чаще эти персонажи относят к обширной серии «танцующих» изображений в «трехрогих» головных уборах с саблями в руках [Соловьев 1987: рис. 7; Плотников 1987: рис. 2]. Причем в литературе они устойчиво связываются с шаманской атрибутикой. Действительно, это предположение очень плодотворно, так как согласуется с известными описаниями воинских плясок с мечами во время камлания или поклонения идолу среди сибирских народов (ханты, манси) и кыргызов. При этом использовались и другие воинские атрибуты (копья, стрелы, кинжалы) и доспехи [Гемуев, Сагалаев, Соловьев 1989: 105–107; Худяков 1987: 67].

В оставленных очевидцами описаниях таких камланий отмечается, что, исполняя ритуал, сам шаман облачался в воинский доспех (панцирь или кольчугу), брал в руки две сабли и крутился, плясал перед идолом. Кстати, к идолу тоже могла крепиться кольчуга. Позже, обычно на следующий день, в ритуал вовлекались присутствующие мужчины. Им раздавалось оружие, затем по знаку шамана они выстраивались рядами и, раскачиваясь на ногах из стороны в сторону, громко и в ритм кричали «хай» [Плотников 1987: 128]. Интересно также сообщение Моисея Каганкатваца (X в.) о савирах Северного Кавказа, у которых танцы с мечами тоже носили культовый характер. Вероятно, танцы с мечами (и вообще с оружием) были связаны с военной магией: верой в сверхъестественное могущество оружия, способного даровать победу, помощь местных божеств и предков, защиту от какой-либо напасти. Все это, в свою очередь, пересекается с любопытными выводами некоторых современных исследователей о наличии шаманских черт в зороастризме [Gignoux 1979: 57]. Возможно, этот архаический пласт зороастризма находил отклик в верованиях населения Чуй-

ской долины, что способствовало его адаптации в местную культуру. Такие корректировки могли касаться и погребальной обрядности¹.

Но интерпретация персонажа с мечами на аламединском оссуарии может быть связана не только с семантикой воинского танца или камлания. Более того, фигуры на крышке только на первый взгляд кажутся танцующими, на самом деле они изображены сидящими на каком-то возвышении, тахте или троне, подобно грозному воителю, духу-охранителю. Так схематическое изображение персонажа с мечами в руках процарапано на подвеске из погребения 2 Кургана 3 в Ишимбаевском могильнике на Южном Урале [Мажитов 1981: рис. 46, 29]. Не исключено, что она попала на Южный Урал из Средней Азии и была оставлена одной из кочевых групп во время сезонных откочевок из низовий Сырдарьи.

Именно в такой позе – со слегка согнутыми в коленях ногами и носками врозь – показаны сидящие на троне правители на серебряных сасанидских блюдах из Британского музея и Национальной библиотеки в Париже (рис. IV. 2–4). Если учитывать, что на оссуарии эти фигуры помещены в верхнем, небесном ярусе, вооружены мечами (а это признак высокого социального статуса), то это мог быть Митра. В авестийской мифологии он, прежде всего, божество-посредник между миром божественного и человеческого. В Яштах Митра описывается как воинственный бог, разящий врагов. Поэтому и на оссуариях он не раз изображался с воинскими атрибутами – мечом, дубинкой, стрелой. Однако в глазах верующих, что и объясняет помещение на оссуарий изображения Митры, не менее важной была его функция судьи над душами умерших. Именно он определяет наказание и воздаст праведным. В этом плане очень показательна сцена на оссуарии из Сиваза, где душа умершего отчитывается перед сидящим Митрой. Причем правая рука божества поднята в жесте адорации, а другая – держит дубинку [Крашенникова 1993: Pl. IV, fig. 6]. Вместе с тем изображение Митры на аламединском оссуарии в виде грозного воителя с обнаженными мечами в руках могло быть обусловлено с еще одной его функцией – защитника и охранителя. Об этом ярко говорят строки из Михрешта (Яшт. 10):

Его создал хранителем

Творец Ахура Мазда.

Всего благого мира

Он страж и охранитель [Авеста 1990: 79].

Конечно, в качестве защиты и охраны на оссуарий могли поместить и какого-нибудь другого популярного в местной среде духа-охранителя. В любом случае функционально это напоминает лубочные картинки в Китае или Ко-

рее с изображением военного чиновника (Паньгуаня или Чаньгуна), которые были призваны отгонять злых духов. Любопытной параллелью этому является архаичный элемент в церемониальном ритуале венгерских королей. Когда король, вступая на престол, совершал символический жест – отмахку мечом на четыре стороны, подчеркивая этим распространение окрест своей власти [Плотников 1987: 129].

Интересно, что на золотых монетах Сасанидских правителей Ирана, Кавада (488–531) и Хосрова II (591–628): фигура шахиншаха передана стоящей (носки врозь) и опирающейся на меч. Причем в легендах этих монет приводится необычная титулатура шахиншаха: «увеличивающий славу мира», «избавляющий мир от страха» и т.д. Но еще ближе к фигуре на аламединском оссуарии изображение сидящего сасанидского правителя (Хосрова II) на троне в окружении вельмож [Тревер, Луконин 1987: 109].

Вопросы датировки. Хронологическая атрибуция аламединского оссуария очень не проста. Так как сопровождавшая его археологическая свита неизвестна и утрачена, то подразумевается лишь его общая датировка доисламским периодом. Тем не менее, определенное значение в уточнении датировки может иметь сама форма оссуария. Так, аналогичные шатровые оссуарии из Койкрылганкалы 2 и Калалыгьра в Хорезме при схожей форме были также декорированы наклепными валиками и лентами с защипами (нарезкой) по ребрам и датируются IV–V вв. Причем предполагается, что они восходят или имитируют погребальное сооружение с шатровым перекрытием [Рапопорт 1971: 63, 93]. Шатровые оссуарии Джизака и Ташкентского оазиса датируются V–VI вв. и также декорированы лентами, валиками с защипами. Впрочем, ленты с защипами, как элемент декора, широко встречаются в составе орнамента почти всех известных оссуариев Ташкентского оазиса. В целом же шатровые оссуарии входят в группу ранних типов и отражают процесс поиска форм, становления семантики оссуариев, когда в IV–VI вв. в историко-культурных регионах Средней Азии сосуществуют разнотипные оссуарии. Но уже с VI в. вырабатываются основные типы, которые начинают преобладать в определенных регионах (ящичные – в Хорезме, прямоугольные и в меньшей мере овальные в плане (юртообразные) – в Согде, овальные и в меньшей степени прямоугольные – в Чаче и Семиречье).

Но такой датировке (V–VI вв.) аламединского оссуария противоречит ряд факторов: техника его изготовления (монтаж из отдельных плиток), тонкостенность изделия, наличие полочки для крышки и декор, нанесенный штам-

пом, где отпечаток матрицы охватывает почти всю поверхность плитки. Это, скорее, аргументы в пользу поздней датировки (не ранее VII в.). Например, Л.В. Павчинская относит появление полочек для крышки и штампованный орнамент к явлениям (признакам) второй половины VII – первой половины VIII в. [Павчинская 1990: 13–15]. Однако, это не совсем так – наличие полочки не может служить абсолютным хронологическим индикатором, т.к. полочку, упор для крышки, часто заменял косой срез верхушки стенок тулова, направленный вовнутрь резервуара. Полочки могут встречаться на оссуариях более раннего времени, но в то же время необязательно присутствовать на более поздних. Наглядным примером могут служить оссуарии из Ходжа Фархон в Ташкенте [Филанович 1990: рис. 1. 1–3]. То же относится и к орнаментации штампом. Следует различать применение мелких штампов (для оттиска головок или отдельных фигур) и применение крупных матриц с вырезанными на них сценами. Что касается тех штампованных оссуариев, на которые указывает Л.В. Павчинская, то они вполне обоснованно датируются анализировавшими их исследователями VI–VII вв. [Krašeninikova 1993: p. 54; Пугаченкова 1989: 162; Дресвянская 1983: 46].

В пользу более ранней даты аламедиинского оссуария говорит и тот факт, что орнаментация покрывает изделие со всех сторон. Тогда как на более поздних экземплярах декорировалась лишь одна из сторон (часть семантики, которая в глазах современников легко ассоциировалась в целостную картину). Все это позволяет относить аламедиинский оссуарий к концу VI–VII в.

При этом вовсе не следует видеть в Чуйской долине некую периферийную окраину. Происходившие здесь процессы и явления в экономической и культурной жизни были практически синхронны аналогичным процессам в других районах Средней Азии. Соответственно и бытование различных типов оссуариев синхронно оссуариям Согда и Чача. Кстати, к ведущим типам Чача (Ташкентского оазиса) и тяготеет основная масса оссуариев Чуйской долины (см. обзор: [Кольченко 1999: 50]). Видимо, как и в Ташкентском оазисе, оссуарный обряд заметно трансформируется к концу VIII в., когда практически исчезают специальные керамические оссуарии. В этом качестве в IX в., как показывают материалы краснореченского некрополя, используются крупные бытовые сосуды либо кучки костей помещаются в грунтовые ямы, обложенные сырцовым кирпичом [Горячева 1989: 88–92].

Особую актуальность получает вопрос связи оссуариев с основной концепцией погребальной обрядности. Было ли помещение костей в

оссуарий конечной целью погребальных церемоний или судьба очищенных костей не имела особого значения?

Совершенно очевидно, основной задачей погребального обряда зороастрийцев было очищение костей. Одни исследователи солидарны с мнением Джаванджи Модии, что кости необходимы для будущего воскрешения. Другие считают, что теоретическим обоснованием этого обряда было стремление предохранить священные стихии – землю, воду и огонь – от осквернения мертвым телом, которое после смерти человека становилось нечистым («насай» – «мертвечинной») и потенциально опасным [Рапопорт 1971]. Однако в реальности, как и в основе других погребальных обрядов, так и всего круга связанных с ними похоронных, поминальных и очистительных церемоний, лежит общая концепция жизни и смерти, забота о посмертном существовании умершего и его воскрешении. В зороастризме жизнь и смерть, эти два противоположных начала, воспринимались в неразрывном единстве. Во-первых, потому что мир людей, материальный мир («гетиг») – это арена борьбы Добра и Зла, смешения благих, светлых и темных элементов [Бойс 1987: 3]. Причем благие создания постоянно подвергаются нападению темных сил, последние стараются проникнуть в них и разрушить. Соответственно человек при жизни составляет союз тела и души (точнее душ). Дэвы пытаются проникнуть в тело человека и разрушить его (например, в виде болезни или старости). Предполагалось, что некоторые из них присутствуют в людях от рождения. Например, таковы демон старения Зарман (авест. Заурва) или демон Насу, который стремится захватить тело сразу после смерти. Они отнимают у умирающего саму жизнь, его жизненную силу. Другие демоны – Асто Видат и Визиреша – нападают на только что отлетевшую душу.

Во-вторых, согласно зороастрийским представлениям, избежать старения и смерти невозможно. Даже Заратуштре, просившему бессмертия у Ахура Мазды, было отказано в этой просьбе [Хисматуллин, Крюкова 1997: 202].

Отчасти это объясняется тем, что каждый уходит из мира, кроме тех, кто создан бессмертным (т.е. богом). С другой стороны, смерть – это начало новой, другой жизни, поэтому сама жизнь индивидуума рассматривалась как подготовка к достойному будущему посмертному существованию.

Обряд выставления трупов не был единственным в погребальной обрядности зороастрийцев. Лишь к эпохе раннего Средневековья он становится предпочтительным. Но в отдельных регионах он сочетался с ингумацией.

Так было в Ташкентском оазисе и в его северо-восточном соседе, Чуйской долине, где погребальная обрядность, как показывают материалы некрополя Красной Речки, представляла собой сплав зороастрийских установлений и наследие бытовавших здесь в разное время правил и традиций. Впрочем, и в самом зороастризме причудливо соединялись элементы и представления, иногда восходившие к примитивным первобытным верованиям. Так, собственной жизнью – душами – наделялись живые и неживые предметы и даже отдельные части тела человека. Следы таких представлений до сих пор сохранились у отдельных групп среднеазиатского населения. Считалось, что одна из этих душ – «жон» – после смерти безвозвратно покидает тело человека и отлетает к божьему престолу, т.е. на небо, другая – «Рух» – какое-то время остается на земле и поддерживает связь с родственниками [Сухарева 1960: 31; Андреев 1953: 207].

Ту же картину наделения человека несколькими душами дают зороастрийские сочинения. Но и здесь это, скорее, наследие народной традиции, сохранившейся в старых текстах, и явно сглаженное ортодоксальным жречеством, отвергавшим или пытавшимся приспособить его в своих целях в более поздних сочинениях. Современные исследователи обычно затрагивают эту тему вскользь [Фрай 1967; Рапопорт 1971: 31, 81; Бойс 1987: 24–25; Рак 1998: 509–510]. Исключение составляет работа В.Ю. Крюковой, где подробно рассматривается этот вопрос и подчеркивается его сложность и запутанность [Хисматуллин, Крюкова 1997: 188–210]. Тем не менее, для понимания погребальной обрядности зороастрийцев он имеет первостепенное значение. Сама смерть индивидуума рассматривалась как разделение [Gignoux 1979: 47] ранее слитых воедино элементов. Тело – *tan*, после смерти оно соединяется с землей; *джан* – жизненность, она соединяется с воздухом; *Адвенак* или *karp* – форма, она сливается с солнцем; *руван*, главная душа, соединяется с *fravahr* (духом предков), находящимся подле Ормазда [Рапопорт 1971: 31]. Таким образом, одна из них, и возможно главная, *ruvan* или *урван* – бессмертная душа, которая согласно зороастрийским представлениям существует и до рождения человека и после его смерти. Причем именно она три дня сидит в изголовье рядом с телом и в момент отделения от тела подобна только что родившемуся ребенку. Как всякий новорожденный, она слаба и беспомощна и нуждается в защите и кормлении. Для этого необходимы службы божеству *Сраоше* (*Срошу*), защитнику живых и мертвых, одному из трех судей над умершими и, соответственно, их проводнику к царству мертвых.

В более поздних персидских ривайатах говорится, что сразу после смерти человека душа похожа на только что родившегося ребенка, на второй день она уже похожа на 7-летнего, на третий – на 15-летнего [Persian rivayats 1932: 166]. Представления об этом, видимо, уже существовали в эпоху раннего Средневековья. Так, на оссуарии из Ташкентского государственного исторического музея *Срош* за руку переводит фигуру-душу через мост *Чинват*. Несколько иной сюжет представлен на оссуарии из *Сиваза*, район *Китаба*, под *Шахрисабзом* (*Кашкадарья*). Здесь *Срош* – проводник. Он поддерживает за шарф нагую фигуру (душу) перед сидящим божеством с дубинкой, которое то ли допрашивает, то ли благословляет ее [Grenet 1996: fig. 14; Krašeninikova, 1993: 53–54, pl. IV].

Другая душа – «*джан*» (*juan*) – жизненная сила. Ее союз с телом (*tan*) существует, пока только жив человек. После его смерти судьба ее неопределенна. Возможно, она угасает вместе с ним, другие считают, что она отлетает и растворяется в эфире, третьи – что она переходит к потомкам. Показательно, что у каракалпаков Хорезма ближайший родственник покойного именуется «*суйек йеси*» – «хозяин кости» (данные Х. Есбергенова см.: [Рапопорт 1971: 34]).

Очень запутанны и неопределенны представления о душе или душах, связанных с костями. Ф. Жинью отмечает такие термины, связанные с человеком, как *astvand* – «костный» и *ahv i astomand* – «костная душа». Причем последнее переводится им как «жизнь при жизни» или «живое существо». Оба они противопоставляются еще одной паре понятий, выявленных в наскальных надписях верховного жреца *Кадира* (III в. н.э.), много сделавшего для устройства зороастрийской церкви при первых *Сасанидах*. Это *astvand tan* – буквально «костное тело» и *astvand ruvan* – «костная душа» [Gignoux 1979: 57–58]. Все это демонстрирует обратную связь: костная жизнь (душа) посредством костного тела и соединения с *джан* (жизненной силой) образует живое существо, куда, в свою очередь, вкладывается *уран* – бессмертная душа.

Считается, что еще к индоиранской общности восходит представление, по которому в будущей небесной реинкарнации кости нужны для восстановления тела. В индийской традиции сохранилось представление, что в течение первого года после смерти кости тленного тела восстанут и, одевшись бессмертной плотью, соединятся с душой на небе [Бойс 1987: 23]. Точно так же у зороастрийцев воскрешение мертвых мыслилось как восстановление единства тела и жизни. И одним из условий было сохранение костного тела (пусть даже не полностью). Кста-

ти, в ортодоксальном зороастризме плоть в отличие от костей не выделяется как элемент человека. Предполагается, что это связано с тем, как объясняет автор «Дадестан-и дениг», что после смерти человека кости сохраняются, так как они состоят из твердого вещества, не подвергающегося разложению, а плоть (букв. «жир») распадается и гниет, когда из тела уходит «воодушевляющая жизнь» [Хисматулин, Крюкова 1997: 190]. Но, видимо, это объяснение вторично. Важнее то, что костная душа была непосредственно связана с костями и, сохраняясь в них подобно зерну, в нужный час могла возродиться к новой жизни.

Любопытно, что следы этой идеи сохранились до недавнего времени. В Хорезме верили, что в день Страшного Суда все мертвые прорастут из костей подобно зернам пшеницы. Указанием на широкое бытование в древности подобных представлений служат изображения на ряде оссуариев из Согда и Ташкентского оазиса, где маленькие человеческие фигурки (без признаков пола) помещены на верхушку прорастающих веток растений (пшеницы).

Наконец, в Авесте, в Яштах и Видевдате, в Бундахишне и Меног-и Храд, встречается еще один термин – фраваша (*среднеперс.* фраварти) – олицетворение души праведного маздаяснийца. Фравашам даже посвящался один из месяцев в зороастрийском календаре. Хотя представления о функциональной сущности фравашей крайне расплывчаты и неопределенны. В отдельных местах источников они описываются как прямая параллель урван. Например, в Фарвардиняште Авесты говорится, что зарождение ребенка в чреве матери происходит благодаря фраваше (Яшт XIII. 11, 15, 22, 28). В других – что они существуют изначально, до рождения человека, и отлетают от его тела после смерти, когда тело захватывают Насу и Асто Видат, как о том сообщает Меног-и Храд (22, 23, 49) [Зороастрийские тексты 1997]. Прекрасные, священные, благие фраваша обитают на небесах.

Предполагается, что представления о фравашах восходят еще к протоиндоиранской традиции. С одной стороны, они осмысливались как души-духи предков. Причем сама этимология слова фраваша выводится из корня «вар», единого со словом «хам-варэти» – «доблесть», «отвага», и первоначально обозначала душу героя [Бойс 1987: 24]. В то же время они представлялись женскими крылатыми существами в доспехах и с оружием в руках. Они старались обеспечить каждый год землю дождями, слетались на помощь людям, следили, чтобы в их семьях рождались дети, а во время войны они невидимо сражались рядом со своими потомками.

Поэтому, с другой стороны, в поздних сочинениях фраваша все более осмысливались как своего рода ангелы-хранители. В Бундахишне говорится, что их, окруженных лазурным сиянием, еще в начале творения создал Ахура Мазда. Фравашами наделены все сотворенные существа, включая самого Ахура Мазду. Правда, о фравашах неправедных в зороастрийской литературе не упоминается.

Предполагается, что на каком-то этапе культ фравашей был отвергнут Заратуштрой, но сохранился в западных областях иранского мира и в народной традиции Средней Азии, и уже вскоре вернул свои позиции в официальной церкви [Рак 1998: 510]. Вероятно, какое-то особое значение имело то обстоятельство, что в текстах упоминаются только фраваша праведных. В среднеперсидской литературе это объяснялось тем, что фраварти были созданы Ормуздом в начале творения как грядущее праведное человечество [Рак 1998: 80–90, 510]. В начале времен, когда Ангро Майнью напал на небо, они встали на защиту творения Ахура Мазды и покрыли небо, «как волосы на голове» [Зороастрийские тексты 1997: 273]. Они каким-то образом связаны со звездами. В Меног-и Храд вообще прямо утверждается, что звезды, кружащиеся по небу, бесчисленные и неисчислимы – это фраваша земных существ.

В то же время исследователи отмечают тенденцию отождествления «урван» с «фравашами». Так, Мэри Бойс приводит фразу из зороастрийского сочинения: «Мы поклоняемся душам (урван) умерших, которые являются фраваша праведных» [Бойс 1987: 25]. Больше того, с молитвой обращаются к фравашам, но для души урван. И в праздник Хамаспатмаэда в честь умерших делают приношения фравашам. Хотя какое-то неясное различие все же осознается зороастрийцами. Возможно, это воспринимается как дань традиции без сформулированного обоснования, которое в древности все же имело какие-то критерии. Нельзя исключить и такой вариант – урван, бессмертная душа конкретной личности, чьи прижизненные деяния влияют на ее судьбу. Но в представлениях зороастрийцев после смерти человека она растет, взрослеет. Вспомним и обычай делать ей ежегодные приношения в течение 30 лет. По истечении этого срока, т.е. через 30 лет, урван (безусловно, при условии ее праведности) окончательно присоединяется к фравашам, духам предков.

Таким образом, культовая иконография аламединосского оссуария была призвана посредством образов и элементов композиции передать соединение двух начал, двух сфер – жизни и смерти, и как следствие этого состояния – до-

стижение преобразования умершего. Картина, развернутая на оссуарии, прямо указывает на его новый статус жителя Райской обители. В этом плане аламединский оссуарий подобен другим оссуариям из Согда (Иштыхана, Биянаймана, Дурмотепа, Сиваза, Хирмантепа) и Ташкентского оазиса, но уникален по решению передачи этой идеи. Здесь отразилось своеобразное выражение этих представлений.

Показательно, что если не образ, то идея рая присутствует в сопроводительных надписях на оссуариях из Токкалы и Миздахкана в Хорезме. Они содержат дату, обозначение самого костехранилища, имени покойного, иногда еще его родителей и формулу благопожелания его душе. Например, надпись на одном из Токклинских оссуариев гласит: «Год 706. Месяц *rawasina*, день *rawasina* этот оссуарий (тапанкук) *Srywk-a* (сына) *Tusy'n-a*, душа (его) (обладает) кавийским фарном. Пусть душа (его) будет препровождена в прекрасный рай» [Рапопорт 1971: 102].

Практически ту же религиозную формулу дают надписи сасанидской эпохи, сопровождавшие вырезанные в скалах ниши-остотеки и цисты-остотеки в горах Ирана. Так, в Истахре одна из таких надписей сообщает, что «эта могила (дахмак) заказана от РН, для его души, и рай желаю ему вознаграждением» [Trumpelmann 1984: 320]. В надписи из Танг-и гело говорится, что «эта могила – собственность Анусруванапанаха, сына Махдад-ашо, и высший рай пусть будет для него» [Trumpelmann 1984: 322].

Общность ряда идей в верованиях населения Чуйской долины и маздеизма (зороастризма), увеличение прямых контактов с Согдом и Ташкентским оазисом способствовало распространению зороастрийских идей среди местного населения. Этнографические параллели показывают, что взаимоотношения новых религиозных систем не всегда характеризуются не-

примиримостью со старыми обрядовыми традициями. Эти традиции вполне могли сохраняться в рамках народной религии и сосуществовать с официальной или более развитой религиозной системой.

Оссуарий, как предмет погребальной обрядности, служил не просто контейнером-хранилищем для сохранения костей, в нем сохранялась его *astvand ruvand* – костная душа до момента грядущего воскрешения в «день обновления мира». Поэтому он наделялся определенной магической символикой. Передача рая и символов возрождения это общее животворное начало, соответствующее великому мировому порядку. Отсюда весь декор аламединского оссуария – это набор благовещих, благих символов.

Кроме того, аламединский оссуарий – свидетельство того, что культовая иконография не всегда являлась следствием переноса схем согдийских оссуариев, а проходила свой путь поиска выражения этих представлений.

Примечания

1. Известно, например, что кыргызы в V–VIII вв. сжигали умерших. Согласно хронике Синь-Таншу кыргызы обертывают тело покойного в три ряда и плачут, а потом сжигают его, собранные же кости погребают через год [Бичурин 1950: 353]. Считается, что огонь здесь выступал в качестве очистительной священной стихии, но умерших детей и подростков не сжигали, а хоронили в могильной яме в сопровождении сосудов с жидкой, как предполагается, молочной пищей и мясом овцы. Вероятным объяснением этого было то, что дети и подростки считались чистыми, безгреховными и для них не требовался обряд очищения огнем. Иначе говоря, достичь загробного мира можно было лишь после совершения очистительного обряда [Худяков 1987: 69–70]. По сути, та же идея лежала в погребальной обрядности зороастрийцев, только огонь заменялся животными и птицами.

Abstract

ALAMEDINSKY OSSUARY

G.I. Bogomolov

The early medieval time was important stage in history of peoples of Central Asia. At this time in Chuy valley derived searches of new religious forms and various funeral rites. Appearance of special ceramic boxes for burial of purified men's bones after exposure of dead was one of its reflections. Ossuary of Alamedin was first find of them in Kirghisia. Accidentally it was found during building of Alamedinsky H.P.S. near to modern Bishkek. Ossuary respect to rectangular shape box type with four slopes pyramidal lid. It was fitted from separate thick flat plates, which were covered by stamp decoration. In article in detail is considered a symbolism and semantic of painting motifs and images. Ossuary of Alamedin as subject of funeral rites was using not only as a receptacle for preservation bones, its main aim was conservation "astvand ruvand" – "bone soul" of dead man there to the moment of future resurrection. Therefore it was endowed by particular magical symbols. The cult iconography of ossuary of Alamedin is unique, and it by means images and elements of decoration is show a new status of dead as an inhabitant of Paradise and must assist to him in his future resurrection.

Литература

- Авеста 1990 – Авеста. Избранные гимны / Пер. с авестийского и комментарии И.М. Стеблин-Каменского. – Душанбе, 1990.
- Аманбаева 2003 – Аманбаева Б.Э. О религиозной ситуации в средневековом Кыргызстане // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. – Бишкек, 2003.
- Андреев 1953 – Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. – Сталинабад, 1953.
- Бартольд 1960 – Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан // Сочинения. Т. 4. – М., 1960.
- Бичурин 1950 – Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. – М.; Л., 1950.
- Бойс 1987 – Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи / Пер. с англ. И.М. Стеблин-Каменского. – М., 1987.
- Гемуев, Сагалиев, Соловьев 1989 – Гемуев И.Н., Сагалиев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск, 1989.
- Горелик 1993 – Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н.э.). – М., 1993.
- Горячева 1989 – Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Дресвянская 1983 – Дресвянская Г.Я. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // ОНУ. – 1983. – №3.
- Зороастрийские тексты 1997 – Зороастрийские тексты. Суждение Духа разума (Дадастан-и меног и храд). Сотворение основы (Бундахишн) / Пер., исслед., коммент. О.М. Чунаковой. – М., 1997.
- История 1984 – История Киргизской ССР: В 5 т. Т. 1. – Фрунзе, 1984.
- Кольченко 1999 – Кольченко В.А. К типологии оссуариев Чуйской долины // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2. – Бишкек, 1999.
- Крюкова 2005 – Крюкова В.Ю. Зороастризм. – СПб., 2005.
- Мажитов 1981 – Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала. VIII–XII вв. – М., 1981.
- Маршак, Распопова 1991 – Маршак Б.И., Распопова В.И. Адоранты из северной капеллы и храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М., 1991.
- Матбабаев 2003 – Матбабаев Б.Х. Доисламские традиции в религии Ферганы (по археологическим данным) // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. – Бишкек, 2003.
- Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. АҚД. – Самарканд, 1990.
- Плотников 1987 – Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.
- Пугаченкова 1989 – Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. – Ташкент, 1989.
- Рак 1998 – Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана – СПб.; М., 1998.
- Рапопорт 1971 – Рапопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии). – М., 1971.
- Соловьев 1987 – Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск, 1987.
- Сухарева 1960 – Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. – Ташкент, 1960.
- Тревер, Луконин 1987 – Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. – М., 1987.
- Филанович 1990 – Филанович М.И. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте // Древняя и средневековая археология Средней Азии. (К проблеме истории и культуры). – Ташкент, 1990.
- Фрай 1967 – Фрай Р.Н. Зороастрийские представления о бессмертии души // НАА. – 1967. – №3.
- Хисматуллин, Крюкова 1997 – Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – СПб., 1997.
- Худяков 1987 – Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск, 1987.
- Gignoux 1979 – Gignoux Ph. Corps osseux et âme osseuse: essai sur le chamanisme dans l'Iran ancien // Journal Asiatique. Т. 267. – P., 1979.
- Grenet 1996 – Grenet, F. Grise et sortie de crise en Bactriane – Sogdiane aux IVe – Ve siècles: de L'Heritage antique a l'adoption de modeles Sassanides // Atti dei convegni Lincei, 127. (Convegno internazionale – La Parsia e L'Asia Centrale da Alessandro al X secolo). – Roma, 1996.
- Krašeninikova 1993 – Krašeninikova N.I. Deux ossuaries a décor moule trouves aux environs du village de Sivaz, district de Kitab, Sogdiane meridionale // Studia Iranica. – 1993. – №22. – fascicule I.
- Persian rivayats 1932 – The Persian rivayats of Hormazyar Framars and others. Their version with introduction and notes. Т. 1. Bombay, 1932.
- Trumpelmann 1984 – Trumpelmann Leo. Sasanian graves and burial customs // Arabic orientale Mesopotamie et Iran Meridional de l'age du fer debut de la Periode Islamique «memeire» №37 / Ed. Recherche sur les Civilisations. – P., 1984.

ПОХОДЫ АРАБОВ В РАЙОНЫ ФЕРГАНЫ, ЧАЧА И СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ В VIII ВЕКЕ

М. Кожа*

*Фергана, Чач, Средняя Сырдарья / арабы / VII–VIII вв.
Fergana valley, Chach, Middle Syrdaria / Arabs / VII–VIII cc.*

Для изучения начального этапа распространения ислама на территории Южного Киргизстана и Южного Казахстана особый интерес представляют письменные родословные (насаб-нама) ходжа – части современного населения региона, которые считают себя потомками арабов. Семантика и сфера применения термина «ходжа» с течением времени претерпели значительные изменения. Есть предположение, что первоначально, в VII–VIII вв., этот термин в Средней Азии обозначал буддийского монаха, что слово проникло в регион из Индии. В Средневековье во всех случаях, включая и упоминания в нарративных и актовых документах, этот термин прилагался исключительно к людям грамотным, образованным независимо от их общественного ранга (впрочем, всегда довольно высокого). А так как грамотность здесь в первые века ислама, естественно, ассоциировалась, прежде всего, с арабским языком и умением читать Коран, то со временем слово «ходжа» стало осмысляться и как «потомок арабов» [Настич 1989: 174–175].

В период господства коммунистической идеологии историческая наука игнорировала местные исторические документы, имевшие какой-либо религиозный оттенок. В первые годы Советской власти на территории Киргизии и Казахстана тотальному преследованию подвергались мусульманские священнослужители и ходжа, связанные корнями со средневековой мусульманской образованностью. Сейчас трудно определить, сколько бесценных исторических реликвий было сожжено или сгнило в тайниках, куда их прятали от воинствующих атеистов. Провозглашение независимости центральноазиатских республик дало возможность начать публикацию родословных и других письменных памятников местного происхождения. Ниже мы представляем некоторые результаты сопоставления данных родословных ходжа – «Насаб-нама», введенных в научный оборот востоковедами А. Муминовым и З. Жандарбековым, с данными археологических исследований [Сафи ад-дин Орын Қойлақы 1992].

Согласно данным «Насаб-нама» Сафи ад-дина Койлаки, в 150 г. хижры / 766–767 г. был создан совет, в ходе которого было решено распространить ислам в Фергане, Шаше и в других прилегающих к ним областях [Сафи ад-дин Орын Қойлақы 1992]. Более достоверным нам кажется указанное в других родословных время совещания – 100 г. хижры / 718–719 год [Муминов 2003: 119]. По «Насаб-нама», мусульманские отряды общей численностью 150 тысяч воинов, следуя по маршруту Шам – Исфахан – Тебриз – Мазендаран – Серакс – Балх – Термез – Бухара – Самарканд, прибывают в Фергану. В «Насаб-нама» (редакция «Арқуқ») дальнейший маршрут движения войск описан следующим образом: «Три падишаха все вместе явились в Бухару. Оттуда – в Узганд-и Фаргану. После доехали до стран Баб-у Касан. Ислам распространился, и мусульманство утвердилось. В стране Узганд-и Фаргана были два падишаха-мага. Имя одного было Карван-Баст, а другого – Ихшит-Кафир. Они сразились с ними и убили обоих (падишахов). 40 тысяч магов умерли, и 20 (тысяч) мусульман погибли мучениками. Захватили бесчисленное количество добычи. Ислам утвердился. Все (страны) – Узганд-и Фаргана, Касан, Уш – стали мусульманскими. В Узганд-и Фаргане они назначили одного человека, чтобы следил (за выполнением норм) шариата. После этого они назначили (другого) человека в Касан и Уш, чтобы тот следил (там за выполнением норм) шариата» [Исламизация 2008:106–107]. Причем, судя по тексту «Насаб-нама», до упомянутого похода в Фергану были неоднократные вторжения арабов, которые не привели к подчинению Ферганы: «Однажды, когда Абд ар-Рахман-баб молился вместе с 12 тысячами сподвижников в Сафид-Буланде, Ихшит-Кафир предал всех мусульман мученической смерти. Затем эта весть дошла до Мекки, Медины, Шама, Шамата, Йамана, Египта и Рума» [Исламизация 2008: 105]. Сохранилось схожее предание о мавзолее Шах-Фазиль, что располагается в кишлаке Сафид-Буленд Алабукинского района Джалал-Абадской области Киргизстана [Бернштам 1950: 94–95]. В «Насаб-нама» рассказывается еще об одном походе арабов в этот регион: «Однажды Кусам ибн Аббас и Мухаммад ибн Джалил во

* Кожа Мухтар – канд. ист. наук. Международный Казахско-Турецкий университет им. Ясауи. Казахстан, Туркестан, mukhtar_kozha@mail.ru

главе 30 тыс. сподвижников прибыли в Узганд-и Фаргану, сразились против магов и христиан и также погибли мученической смертью» [Исламизация 2008: 105]. Современные исследования свидетельствуют об упорной борьбе населения Ферганы с арабами [Средняя Азия и Дальний Восток 1999: 97].

После мусульманизации Ферганы арабские отряды вторгаются в область Чач-Шаш, правителя которого звали Набтдар (его имя и титул встречаются в различной форме: Байтдар, Нахиб-дар, Найб-дар, Куркуз, Куркут, Куркур) [Муминов 2003: 119-150]. Археолог Д.Г. Зильпер, изучавший городище Минг-Урюк – «мадина Чача» арабских источников, пожар и разгром его связывает с арабским завоеванием: «Гибель нашего городища, совпадающая по времени с серединой VIII в., вероятно, связана с антиарабской борьбой, с опустошениями и пожарами, сопровождавшими все карательные экспедиции арабов» [Зильпер 1973: 29, 52]. Исследовавшая городища Ташкентского оазиса М.И. Филанович отметила присутствие следов мощных пожаров и разрушений, приходящихся на вторую четверть VIII в., и связала их также с приходом арабов: «На первую треть VIII в. н.э. приходятся события, результатом которых стал разгром, пожар и последующее обрушение крепости Актепа. Монеты указывают на время арабских походов в Чач и не только датируют гибель цитадели Актепа, но и подтверждают связь с последствиями арабских походов – слоев пожара и разрушений, установленных на других объектах в Ташкенте: Кугаиттепа, Мингуюке, Ханабаде» [Филанович 1983: 114, 117–189].

В связи с отступлением Набтдара в Сайрам мусульманские войска разделились на отдельные группировки. Часть войск под предводительством Абд ал-Джалила, двигаясь вниз по течению Сырдарьи, захватывает Сюткент и Зарнух, городские центры на левобережье области Фараб. Сообщение «Насаб-нама» о продолжении похода арабов после захвата Чача вниз по течению Сырдарьи находит отражение в археологическом материале Южного Казахстана. Район Сюткента по «Своду памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область» относился к Чардаринскому району ЮКО, где выявлено шесть городищ [Свод 1994: 328–334]. Примечательно, что в двух городищах (Шаушукумтобе, Байркум) жизнь приостановилась в VIII в. Причем в раскопе 1 на цитадели городища Шаушукумтобе выявлены следы пожара: «На остальной площади раскопа имелись следы от пожара в виде прослойки перегоревшего и частично истлевшего камыша и небольших кусков древесного угля. Этот слой

достигал 15 см... В трех метрах от юго-западной и юго-восточной стен на глубине 0,4–0,6 м обнаружены остатки полуобгоревших и полуистлевших деревянных стоек толщиной от 6–7 до 10–12 см» [Максимова и др. 1968: 83, 90]. В культурных слоях городища Актобе I в промежутке между первой половиной VIII в. и IX в. прослежен хронологический разрыв, который, по мнению исследователя, возник «в результате прервавшейся жизни города». «Из характеристики видно, что находки этого горизонта близки к материалам предшествующего слоя. Однако сходства между ними намного меньше, чем между материалами первого и второго периодов. Это может быть объяснено значительным хронологическим разрывом между вторым и третьим периодами, возникшим в результате прервавшейся жизни города. Жизнь возобновилась лишь тогда, когда в материальной и духовной культуре произошли значительные сдвиги, которые обусловили различия в облике материальной культуры этих горизонтов» [Максимова и др. 1968: 165]. Датировка этих слоев определена с помощью чисто археологических методов, и примечательна ее синхронность по времени с походом арабов по письменным родословным. На оставшихся трех городищах не производились раскопки. Наличие пожара и следы опустошений на трёх из шести городищ – показатель, который нельзя не учитывать. Согласно родословным, отряды мусульман переправляются на правый берег Сырдарьи и захватывают Отрар. На правом берегу Сырдарьи экспедиция А.Н. Бернштама еще в середине XX в. выявила городище Шогурли (Чунгурли), караван-сарай Шогурли (Чунгурли). В последнее время на правом берегу Сырдарьи от городища Шогурли, что располагается вблизи сюткентской переправы, до Отрара выявлены новые укрепленные пункты: Баусексеул I, II, Жакыпаулие, Колегенаулие, Торткульяулие, которые указывают на наличие оживленной караванной дороги на правобережье [Кожа 2008: 42].

Отрарский оазис, расположенный на месте впадения Арыси в Сырдарью, по «Своду памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область», входил большей частью в Кызылкумский район ЮКО, где выявлено 49 городищ и поселений. Из них на 16 памятниках жизнь остановилась в VIII в. [Свод 1994: 117–151]. Причем при раскопках в цитаделях двух других городищ – Куйруктобе и Куюкмардан – выявлены следы мощного пожара. Таким образом, по крайней мере, треть поселений испытали на себе последствия арабского нашествия. Выявленные в сгоревшей цитадели Куйруктобе керамика и монеты твердо дати-

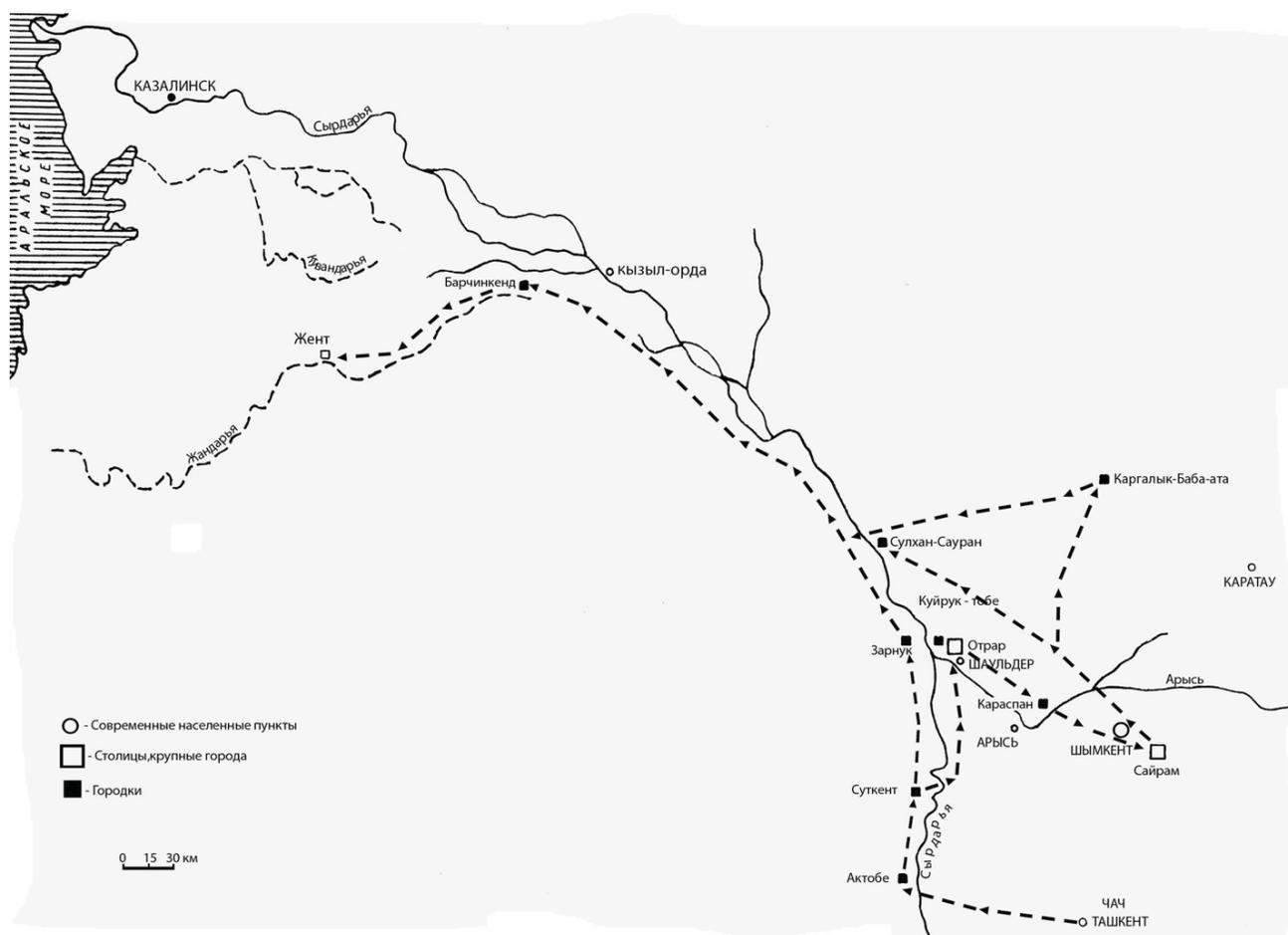

Рис. 1. Походы арабов по Средней Сырдарье

руются VII–VIII вв. [Байпаков 1986: 56]. Первые пожары на Куйруктобе, Куюкмардане и на ряде городищ соседнего Туркестанского оазиса с арабским завоеванием связал Е.А. Смагулов, который посвятил данной теме специальную статью [Смагулов 2004]. Мы солидарны с Е.А. Смагуловым, считающим, что находки только местных литых бронзовых монет со львом и отсутствие тюркешских монет, или омеядских или саманидских фельсов, которые были бы уместны в слое пожара, если бы дворец существовал в конце VIII – пер. пол. IX в., говорят о предпочтительности датировки пожара на цитадели Куйруктобе ближе к середине VIII в., и что его можно синхронизовать с мощным пожаром во втором строительном горизонте на цитадели городища Куюкмардан [Смагулов 2004: 109].

Названные выше события вряд ли могли обойти столичный город оазиса – Отрар. В связи с этим мы обратили внимание на данные, полученные в 1969 г. при исследовании культурных слоев на стратиграфическом шурфе, заложенном на шахристане городища Отрар. Примечательно, что на стратиграфическом разрезе выделены и детально описаны слои X–XI вв. и VII–VIII вв. При этом отсутствует слой IX в.

К X–XI вв. отнесен девятый строительный горизонт, пол 13. По находкам монет и керамике десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый строительные горизонты датированы VII–VIII вв. Пол 13 был устроен на очень рыхлом лессе (слой 30–40 см), заполнившем остатки строительных конструкций нижележащего более раннего горизонта. Исследователи отметили также стерильные натечные слои у стен помещения этого горизонта, связанного с полом 14. Заполнение между полами 13 и 14 свидетельствует о том, что началу строительства предшествовало запустение помещений. Примечательно, что в дальнейшем на хронологический разрыв между указанными выше слоями будет также указывать иной принцип планировки помещений, строительных приемов, новый формат сырцового кирпича нижележащих культурных слоев [Акишев и др. 1972: 66–73]. На уровне пола 15 был найден фрагмент монеты, первоначально интерпретированной как «тюркешско-согдийская монета» VIII в. Несколько позднее Р.З. Бурнашева определила эту монету и аналогичные ей монеты как чекан местного правителя конца VII или первой половины VIII в. [Бурнашева 1973: 65]. В слое отсутствуют тюркешские монеты,

которые были чеканены позднее, что позволяет считать верхней границей девятого строительного горизонта первую половину VIII в. Таким образом, время запустения на шахристане Отрара синхронно времени пожара на цитадели Куйруктобе и Куюкмардана. Интересно, что в стене одного из помещений, появившегося после запустения нового (девятого) строительного горизонта, обнаружено коллективное погребение, где обнаружено 18 черепов в два яруса. Судя по публикации, в погребении отсутствовали мелкие кости, за исключением трех тазовых и одной нижней челюсти. На некоторых черепках остались следы от боевых травм. По мнению исследователей, «состав погребения и характер захоронения говорят о том, что в нишу положили части уже разложившихся трупов, вероятно, собранные недалеко от их места нахождения» [Акишев и др. 1972: 70]. Таким образом, время запустения и следы боевых действий на шахристане Отрара, синхронное пожару на цитадели Куйруктобе и Куюкмардана, скорее всего, также связано с военными походами арабов VIII в.

Далее, по сообщению родословных, узнав, что правитель Сайрама Набтдар, собрав стотысячное войско, стоит на берегу реки Бадам, предводитель части войск мусульман Абд ар-Рахим выступает вверх по реке Арысь (в «Насабнама» река Арысь обозначена как Раис). На берегу реки мусульманские отряды строят крепость, которую называли Калаш. В данную крепость переселяют 3 тысячи новообращенных мусульман. Двигаясь далее вверх по течению Арысь, мусульмане основывают новую крепость, куда переселяют 10 тысяч обращенных в ислам тюрок, назвав их туркменами. В этот момент приходит известие о присоединении к Набтдару мугов-тарса (т.е. огнепоклонников и христиан) Аргу, Тараза, Жетикента, в связи с чем мусульмане выводят канал из Арыси и строят крепость с двумя стенами. Вблизи этой крепости происходит сражение с подошедшим 100-тысячным войском мугов. Далее мусульмане временно отказываются от активных военных действий и выводят канал уже от реки Бадам. Необходимость проведения воды из Бадама обосновывается нехваткой воды из Арыси для трех крепостей. Крепость, куда был выведен арык, была названа Караспан [Жандарбек 2002: 56–57].

Описываемые в родословной действия происходят на территории, которая соответствует бывшему Арысскому району «Свода памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область». Здесь располагаются 38 средневековых городищ и поселений. Из них, согласно «Своду...», в девяти памятниках жизнь остановилась в VIII в. [Свод 1994: 94–115]. Со-

общение родословной о постройке трех крепостей и переселении туда новообращенных мусульман находит соответствие в археологических данных. Примечательно, что VIII в. является начальной датой функционирования 15 поселений [Свод 1994: 94–115]. Возможно, в район Средней Арыси была переселена часть жителей Отрарского оазиса, располагавшегося в районе Нижней Арыси. Здесь налицо синхронность данных родословных с данными археологических исследований.

Данные «Насабама», автором которого является близкий родственник Ходжи Ахмеда Ясави – Сафи ад-дин Орын Койлаки, позволяют предполагать существование Сайрама еще в VIII в. В письменных родословных изложена история завоевания Южного Казахстана войсками мусульман. Для нас большой интерес представляет описание захвата Сайрама: «... в Сайраме был один правитель. Его звали Коркоз, прозвище Нахидбар. В Сайрамском княжестве было 160 тысяч семей христиан, 300 селений. Все-все они были христиане. Исхак баб склонял Нахидбара к принятию ислама. На это Нахидбар ответил: «70 поколений моих предков были христиане, моя вера истинная. Я буду сражаться с тобой». Три дня и ночи шли сражения. Десять тысяч христиан было убито, пять тысяч мусульман стали шахидами». По другой версии, «двадцать тысяч войска из неверных христиан были уничтожены и отправлены в геенну. А тысяча человек из войска ислама стали мучениками» [Муминов 2003: 139].

Среди погибших за веру самым известным был и тубба табиин, знаменосец Исхак баба – Абд ал-Азиз. Он имел 70 ранений. Он стал шахидом на земле Сайрама. В Сайраме был оставлен тубба табиин. Его звали Хийалық ата. Он в Сайраме 45 лет проповедовал истинную веру». Могила Абд ал-Азиза сохранилась и располагается в северной части села на обширном кладбище. Мавзолей Абдель Азиз баб – одна из монументальных построек позднесредневекового Сайрама. С учетом того что до середины IX в. запрещалось возведение любых надмогильных построек, можно предположить, что первоначальный мавзолей над могилой Абд ал-Азиз баба мог появиться в эпоху караханидов. В Сайрамском районе, основываясь на данных «Свода», мы насчитали 36 городищ и поселений, из которых в VIII в. жизнь остановилась в девяти объектах. В то же время в VIII в. начали функционировать 13 других городищ и поселений [Свод 1994: 190–216]. Судя по тому что стратегические шурфы на шахристане Сайрама не обнаружили слоев ранее IX в. [Байтанаев 2007], можно по аналогии со столицей Шаша – городищем Мингурюк – предполагать гибель домусульманского

Сайрама и возрождение города столетие спустя на новом месте.

Правитель Сайрама убегает, судя по тексту, в Туркестанский оазис – район Шавгара: «После этого Туббат-Дар падишах в сторону Сулхана, который теперь племена тюрков называют Сауран, бежал. ... После этого Искак-баб, осадив город Сулхан и несколько суток провоевав, сорок тысяч неверных христиан убил. Семь тысяч мусульман стали мучениками. Туббат-дар падишаха с двумя падишахами из народа христиан убил... После этого [он] три крепости (стены), которые стоят одна вокруг другой, то есть опоясывая друг друга, воздвиг...» [Муминов 2003: 140]. Согласно родословной, древнее название Саурана – Сулхан. Ранний город Сауран располагался на месте городища Каратобе, в 3 км от развалин позднесредневекового Саурана. Особенностью топографии данного городища является наличие трех рядов крепостных стен, почти строго концентрически вписанных друг в друга [Смагулов 2007:128]. Видимо, Сауран становится форпостом в распространении ислама в районах Средней и Нижней Сырдарьи. Необходимо отметить, что существует и версия отождествления Сулхана с городищем Саудагент в Байкадаме, что основывается на маршрутике Гетума I, в котором упоминаются и Сулхан, и Сауран как различные города, через которые проехало посольство [Агеева, Пацевич 1958: 209]. Раскопки на одном из крупнейших городищ Туркестанского района – Сидаке показали, что жизнь на поселении прекратилась после сильного пожара в VIII в., который, по мнению исследователей памятника, связан с арабским завоеванием региона [Смагулов 2005: 178]. На городище Культобе также зафиксирован длительный период запустения, который приходится на VIII в. [Смагулов 1994: 271].

Третий отряд во главе с Абд ал-Джалилом продолжал следовать вниз по течению Сырдарьи. Однако он встретил упорное сопротивление: «...в область Барчинлиг уйдя, воевал. Сто пятьдесят тысяч войска неверных христиан были вырезаны и девять тысяч человек из мусульман стали мучениками» [Муминов 2003: 140]. В другой версии «Насаб-нама» поход отряда во главе с Абд ал-Джалилом описывается более подробно: «Он прибывает в район Барчинкенда, Жаркенда, Жалтарсака, где был падишах Кылыч-хан. Христианское имя которого Йашмут. У Кылыч-хана было двое детей. Одного звали Сагртонлук Утемиш-хан. Он один мог противостоять тысячам воинов. Он был правителем Женда. Йашмут отказался принять ислам. Сражения шли день и ночь. Погибло бесчисленное множество христиан и часть мусульман стали шахидами. Осталось 30 тысяч войска. Абд ал-Джалил стал мучеником

во владениях Утемиша. ... Весть об этом дошла до Исхак баба. С 30-тысячным войском отправился в Женд. Он убил Кылыч-хана. 12 тысяч христиан были убиты, 4 тысячи мусульман стали шахидами. Кылыч-хана сына Утемиш взяли в плен и привезли в Каргалык. Он, привязанный, был заточен в крепости, где и был убит» [Сафи ад-дин Орын Қойлақы 1992: 23]. Упомянутый в родословной Барчинкенд, видимо, соответствует взятому штурмом монголами городу Барчынлыгкенду (Барчкенду), который отождествляют с городищем Кыз-Кала, отмеченному между Кызыл-Ордой и Чиили. Город Женд, правитель которого оказал упорное сопротивление, отождествляется с городищем Джан-Кала, что в 115 км юго-западнее Кызыл-Орды, на правом берегу сухого русла Жанадарьи [Байпаков 1977: 90–91].

Большую роль в начальном распространении ислама на юге Казахстана сыграл Исхак-баб. Его могила располагается в с. Баба-ата Сузакского района ЮКО. На месте разрушившегося средневекового надгробного сооружения в 1893 г. был воздвигнут новый мавзолей. «Баба-ата» – так называли погребенного здесь предводителя мусульманских войск Исхак-баба. Его деяния описываются в родословных рода кожа: «...Исхак-баб земли Туркистана, [как то] Йаси, и Суйри, и Карнак, и Икан, и Темир-Куфкан, и Багистан, и Йетти-канд, Алтмыш, и Отрар, и Сыгнак, и других областей и селений, и всех людей, расселившихся от моря до [другого] моря, которое тюркские племена называют Тенгиз, – всё и вся обратил в ислам. После этого [он] ... семь соборных мечетей построил, и восемьдесят лет с неверными магами воевал» [Муминов 2003: 140]. По родословной казахов кожа, Исхак-баб является дальним предком Ходжи Ахмеда Ясави. Согласно легенде, Исхак-баб, утомленный невзгодами боевой жизни, посвятил остаток ее мирным трудам. Выбрав в Каратауских горах живописное урочище, покрытое лесом, он построил себе замок на берегу светлой речки и еще долго царствовал там, мудро управляя вновь покоренными народами [Колосовский 1901].

По легенде, развалины древней крепости, рядом с которыми погребен Исхак-баб, и являются остатками построенного им замка. Археологические исследования городища Баба-ата показали, что в VI–VII вв. на месте цитадели стояло доисламское культовое сооружение, обнесенное стеной. В VIII в. на высокой платформе, образованной в результате забутовки раннего сооружения, возводится замок. Около его стен в каких-то легкого типа жилищах жили люди. Через некоторое время здание замка и прилегающая территория шахристана обносятся мощной глинобитной стеной. Одновременно застраи-

ваются и территория рабада, также обнесенная пахсово-блоковыми стенами с восьмигранными башнями, резко выступающими за пределы валов. В целом городище Баба-ата представляло мощное фортификационное сооружение – крепость. В нем все было приспособлено для обороны: мощные монументальные стены и башни высотой более 7 м, цитадель с монолитными угловыми башнями, ров, заполняемый водой. Вскрытая археологами хлебопекарня, размещенная вблизи цитадели, водосборная система, колодцы также рассчитаны на долговременную оборону [Агеева 1960; Агеева, Сенигова 1962]. Таким образом, данные родословных и результаты археологического исследования городища Баба-ата совпадают, что делает весьма вероятным считать городище Баба-ата упоминаемым в источниках городом-крепостью Каргалык – резиденцией Исхак-баба, предводителя арабских войск, захвативших юг Казахстана во второй половине VIII в.

Данные родословных и археологии свидетельствуют, что ранняя исламизация Южного Кыргызстана и Южного Казахстана началась в

VIII в., с вторжения арабских войск, и сопровождалось упорным сопротивлением местного населения, в первую очередь христиан-тарса. Археологические свидетельства – следы пожаров и запустений, коллективное погребение – подтверждают данные родословных о значительных разрушениях и перемещениях большой массы людей. Для закрепления на новых территориях мусульмане строили крепости и мечети, каналы и длинные стены вокруг городов. О полном утверждении ислама на территории Южного Казахстана говорит отсутствие каменных изваяний кипчакского облика. Опубликованные и известные автору древнетюркские изваяния датируются в пределах VII – VIII вв. Арабское завоевание юга Казахстана должно было привести к миграции населения в другие районы. Скорее всего, причиной движения были не экологические проблемы, а военные действия, связанные с распространением ислама, которые заставили часть населения, в том числе и огузов, проживавших на Средней и Нижней Сырдарье, переселиться в более западные районы, на Устюрт и далее в низовья Волги.

Abstract

ARAB WARRIORS TO FERGANA, SHASH, AND MIDDLE CURRENT OF SYRDARIA IN THE 8TH CENTURY.

M. Kozha

In this article is shown the history of Arab warriors' invasion to the Southern part of Kazakhstan and Kirghizia according to the archaeological resources and chronicle of kodjas. There were described in "Nasab-Nama" the invasion of Arab warriors to Fergana, Shash, and middle current of Syrdaria in the 8th century. The results of archaeological resources are compared. Remains of fire, devastated towns, and the fights of local inhabitants against the enemy are shown in written sources. According to the empty houses, shared 18 human's skeleton and collected in one place founded during stratigraphic archaeological excavation are shown the great struggle. To locate in conquered territories Arabs began to build the new fortresses and mosques, channels and long walls surround the territory. The invasion draws part of local inhabitants to leave their homeland.

Литература

- Агеева 1960 – Агеева Е.И. Из истории развития городской культуры Казахстана // Изв.АН Каз.ССР. Сер. археол. и этногр. Вып. 2. – Алма-Ата, 1960.
- Агеева, Сенигова 1962 – Агеева Е.И., Сенигова Т.Н. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата). – ТИИАЭ. Т. 14. – Алма-Ата, 1962.
- Агеева, Пацевич 1958 – Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана – ТИИАЭ. Т. 5. – Алма-Ата, 1958.
- Акишев и др. 1972 – Акишев К.А, Байпаков К.М, Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. – Алма-Ата, 1972.
- Байпаков, 1977 – Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977.
- Байпаков, 1986 – Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986.
- Байтанаев 2007 – Байтанаев Б.А. К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Изв.НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2007. – №1.
- Бердияр, Кожа 2007 – Бердияр К., Кожа М. Отырар мен Арыс аудандарының байырғы ескерткіштері – Шымкент, 2007. – (на казах. яз.).
- Бернштам 1950 – Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. – М., 1950.

- Бурнашева 1973 – *Бурнашева Р.З.* Монеты с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973.
- Жандарбек 1973 – *Жандарбек З.* «Насаб-нама» нұсқалары және түркі тарихы. – Алматы, 2002. – (на казах. яз.).
- Зильпер 1973 – *Зильпер Д.Г.* Ташкент в древности и в средние века // Древний Ташкент. – Ташкент, 1973.
- Кожа 2008 – *Кожа М.* Средневековые караванные пути Отрарского оазиса // Археология степной Евразии: международный сборник научных трудов. – Кемерово, 2008.
- Колосовский 1901 – *Колосовский В.* В Каратавских горах Чимкентского уезда (археологическая заметка) // ПТКЛА, год 6. – 1901.
- Максимова и др. 1968 – *Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968.
- Муминов 2003 – *Муминов А.К.* Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники Ислама. – М., 2003.
- Настич 1989 – *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна: анализ изданных надписей и новые находки // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Исламизация 2008 – *Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях.* – Алматы–Берн–Ташкент–Блумингтон, 2008.
- Сафи ад-дин Орын Қойлақы 1992 – *Сафи ад-дин Орын Қойлақы.* Насаб–нама. Қолжазбаны транскрипциялаған және кіріспе мен көрсеткіштерді дайындағандар Ә.Қ. Муминов, З.З.Жандарбек. – Түркістан, 1992. – (на казах. яз.).
- Свод 1994 – *Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область.* – Алматы, 1994.
- Смагулов 1994 – *Смагулов Е.А.* Городище Культобе // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. – Алматы, 1994.
- Смагулов 2004 – *Смагулов Е.* Арабское нашествие на Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. – Астана, 2004.
- Смагулов 2005 – *Смагулов Е.* Исследования на городище Сидак // Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2005. – (на казах. яз.).
- Смагулов 2007 – *Смагулов Е.А.* Сауранский археологический комплекс: дефиниции, содержание, границы // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2007. – №1.
- Средняя Азия и Дальний Восток 1999 – *Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья.* – М., 1999.
- Филанович 1983 – *Филанович М.И.* Ташкент. Зарождение и развитие городской культуры. – Ташкент, 1983.

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ МЕЖДУ САМАНИДАМИ И КАРАХАНИДАМИ В КОНЦЕ X в.¹

Б.Д. Кочнев*

*Династия Саманидов / Династия Караханидов / кон. X в.
The Samanid Dynasty / The Qarakhanid Dynasty / Late tenth century*

Как отметил еще В.В. Бартольд, исторические известия о Караханидах «крайне скудны» [Бартольд 1964б: 520]; особенно справедливо это в отношении ранних этапов караханидской истории. Очень неполно и отрывочно освещен в рукописных источниках, в частности, ход завоеваний Караханидами саманидских владений.

Известно, что первый караханидский завоеватель Мавераннахра Бугра-хан Харун в 380/990 г. занял Испиджаб, а в раби¹ I 382/мае-июне 992 г. – даже столицу государства Саманидов Бухару. Вскоре он вынужден был покинуть этот город, куда 15 джумада II 382/17 августа 992 г. вернулся саманидский государь Нух б. Мансур. Сам Бугра-хан, тяжело заболевший в Бухаре, в том же 382/992 г. скончался по дороге в Кашгар [Бартольд 1963б: 320–321; Бартольд 1964а: 506–507]. В 386/996 г. произошло новое караханидское нашествие. Чтобы отразить его, Нух обратился к помощи наиболее могущественного из своих вассалов – основателя династии Газнавидов Себук-тегина. Тот сумел заключить с Караханидами мир, по условиям которого границей между саманидскими и караханидскими владениями была признана Катванская степь; таким образом, весь бассейн Сырдарьи остался во власти Караханидов [Бартольд 1963б: 325].

В целом нумизматические материалы вполне подтверждают показания рукописных источников, проанализированных В.В. Бартольдом, который, в частности, заключил, что дата завоевания Бухары, приведенная у Ибн ал-Асира (383/993–94 г.), неверна и «опровергается полностью согласующимися друг с другом рассказами Гардизи <...> и Байхаки» [Бартольд 1964а: 507]. Как показывают монеты Бугра-хана, битые в Бухаре в 382/992 г. [Ишанханов, Кочнев 1979: 143–144], В.В. Бартольд был совершенно прав.

Кое в чем монеты существенно дополняют и уточняют письменные известия. Так, ферганский дирхам Бугра-хана Харуна 381/991–92 г. свидетельствует, что Фергана была занята им раньше

Бухары и что наместником (الخليفة) области был поставлен караханидский князь Арслан-тегин б. Улуг-тегин [Ишанханов, Кочнев 1979: 142–143, 147–148]. Судя по фалсам Илака 382/992 г., после захвата области Бугра-хан утвердил ее правителем дихкана Мансура б. Ахмада, происходившего из старинной местной династии [Федоров 1965: 51; Давидович 1978: 95–96].

Долгое время оставалась неясной судьба северо-восточных областей Мавераннахра после ухода оттуда Бугра-хана и его смерти. Не располагая конкретными данными, В.В. Бартольд высказался достаточно осторожно: «...власть Саманидов была восстановлена, по крайней мере, в бассейне Зеравшана» [Бартольд 1963б: 321].

М.Н. Федоров, основываясь на отсутствии караханидского чекана Илака между 382/992 и 387/997 гг., заключил, что «Илак перешел в сферу влияния Караханидов» после заключения мира 386/996 г. [Федоров 1975: 114–115]; принадлежала ли эта область непосредственно перед тем Саманидам, определенно не сказано, но, очевидно, именно в таком смысле следует понимать приведенную цитату. Пишущему эти строки ослабление Саманидского государства к исходу X в. казалось столь значительным, что уже само прекращение саманидского чекана Шаша после 380/990–91 г. на фоне регулярного выпуска дирхамов в предшествующее время представлялось достаточным основанием для предположения о том, что и после 382/992 г. Ташкентский оазис остался во власти Караханидов [Кочнев 1979: 112, 129]. Чтобы выяснить, как же обстояло дело в действительности, обратимся к некоторым неизданным саманидским и караханидским медным монетам – фалсам.

1–2. Худжанда (Ходженд), 383/993–94 г.²

Об. ст., поле – Бахрам; круг. лег. – ал-амир ас-сайид Нух б. Мансур.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Кругом, между двумя линейными ободками:

* Кочнев Борис Дмитриевич (1940–2002) – д-р ист. наук.

بسم الله ضربهذا الفلّس بخجندة سنة ثلث وثمانين
وثلث مئة

Об. ст. В поле:

لله
محمد
رسول
الله
بهرام

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейными ободками:

مما امر به الامير السيد نوح بن منصور ايده الله
(вариант: у № 2 в конце *نه الله*, *ا اعزه الله*).

3–4. Худжанда, 384/994–95 г.³

Об. ст., поле – Бахрам; круг. лег. – *ал-амир ас-сайид* Нух б. Мансур.

Л. ст. Как № 1–2, но другая дата с разными вариантами начертания:

№ 3 – *اربع وثمانين وثلثمائة*;

№ 4 – *اربع وثمانين* (так!)

Об. ст. Как № 1.

5–7. Худжанда, 384/994–95 г.⁴

Об. ст., поле – *тегин*; круг. лег. – *ал-амир ал-джалил* Наср б. Али.

Л. ст. Как № 3, но у № 7 слово «триста» передано иначе: *ثلثمائة*.

Об. ст. В поле – как № 1–2, но в нижней строке не *بهرام*, а *تكوين*.

Кругом, в обрамлении как у № 1–2 – *ايده الله* (у № 5 предпоследнее слово с ошибкой: *ايد*).

8. Сапиджаб (Испиджаб), 385/995 г.⁵

Л. ст., поле – *Матт*; об. ст., поле – Нух б. Мансур <...>, круг. лег. – *ал-амир ад-джалил* Абу Мансур Мухаммад б. ал-Хусайн.

Л. ст. В поле, в линейном ободке – *مت*.

Кругом:

لا اله الا الله وحده لا شريك له

Кругом, между двумя линейными ободками:

بسم الله ضربهذا الفلّس بسبيجاب سنة خمس
وثمانين

Об. ст. В поле:

لله
محمد
رسول الله
نوح بن منصور

Внизу неясное слово из трех знаков. Кругом, между двумя линейными ободками:

مما امر به الامير الجليل ابو منصور محمد بن
حسين

9. Сапиджаб, 385/995 г.⁶

Л. ст., поле – *Матт*; круг. лег. – *Абу-л-Фатх*; об. ст., поле – Нух б. Мансур; круг. лег. – *ал-амир* <...>

Л. ст. В поле, в точечном ободке: По сторонам – легенда, размещенная квадратом: *ابوالفتح لا اله الا / الله وحده / لا شريك له* /

Кругом, между двумя ободками (внутренним из точек и внешним линейным) – как № 8, но наименование монетного двора сохранилось частично: ... *بسم*.

Об. ст. В поле:

لله
محمد
رسول الله
نوح بن منصور

Кругом, между внутренним тройным (колечки между линейными ободками) и внешним однолинейным ободками – ... *مما امر به الامير* .

Как показывают описанные монеты, саманидский амир Нух б. Мансур, после ухода из Бухары Караханида Бугра-хана Харуна, смог вернуть не только столицу и долину Зарафшана в целом, но также Ходженд и даже Испиджаб. Последний нельзя завоевать, минуя Ташкентский оазис, а значит, перерыв в караханидском чекане Илака (382/992–93 г., затем систематический выпуск фалсов с 387/997 г. [Давидович 1978: 86, табл. 3; Кочнев 1979: 116]) связан с временным возвращением Илака (и Шаша) под власть Саманидов. Несколько сложнее с Ферганой, поскольку саманидские монеты, битые здесь после 380/990–91 г., не известны, а географическое положение области таково, что она могла остаться в руках Караханидов и после утраты ими Ходженда и Ташкентского оазиса. Но чрезвычайно показательным, что после выпуска ферганских дирхамов Бугра-хана 381/991–92 г. регулярный (а в 384–391/994–1001 гг. даже ежегодный) ферганский чекан Караханида Насра б. Али начинается в том самом 384/994–95 г. [Кочнев 1983: 18; Кочнев 1984: 202–205], когда он, судя по описанным фалсам, отобрал у Нуха б. Мансура соседний Ходженд. В этой связи стоит напомнить слова Ибн ал-Асира о том, как саманидский амир (Нух б. Мансур) «усилился, взяв верх над Харуном, и вернул обратно то, что тот взял было у него» [МИТТ 1939: 365]. Уже на основании этого свидетельства можно было бы предположительно включить Фергану, «взятую» у Саманидов Бугра-ханом, в число областей, возвращенных потом Нухом б. Мансуром, перерыв же в караханидском чекане Ферганы, особенно на фоне теперь несомненных документированных монетами весьма значительных успехов Нуха, превращает такое предположение в уверенность.

Чем же объяснить эти успехи? О. Караев причиной отступления Бугра-хана считает не столько его болезнь, сколько враждебное отношение к Караханидам населения Мавераннахра [Караев

1983: 118]. Заболевание Харуна и в самом деле не было единственной причиной его ухода, а бухарцы действительно принимали участие в преследовании отступавшего караханидского войска. Но, во-первых, не следует преувеличивать значение этой неорганизованной силы, во-вторых, не стоило замалчивать точку зрения В.В. Бартольда, полагавшего, что, помимо болезни, «отступление хана было вызвано также нападениями туркмен, которых Нуху удалось привлечь на свою сторону; во всяком случае, туркмены теперь вместе с жителями Бухары преследовали отступавших, истребляли отставшие отряды и разграбляли обозы» [Бартольд 1963б: 312]. В.В. Бартольд опирался, в частности, на свидетельство Ибн ал-Асира, который сообщает следующее: «Потом Харун ибн Илек-хан захватил окраины владений одного из саманидских амиров. Последний обратился к Сельджуку, прося у него помощи. Тот послал ему на помощь сына своего Арслана с отрядом из своих людей. Благодаря им Саманид усилился, взял верх над Харуном и вернул обратно то, что тот было взял от него. Тогда Арслан вернулся к отцу своему» [МИТТ 1939: 365]. Подчеркивая, что рассказ о помощи, оказанной Арсланом Саманидам, «не подтверждается другими источниками» [Бартольд 1963а: 567], В.В. Бартольд, похоже, несколько сомневался в его достоверности. С.Г. Агаджанов, напротив, считает этот рассказ вполне заслуживающим доверия. По его мнению, упомянутые у Утби гузы, нападавшие на войско Харуна при его отступлении, это «сельджукские ополчения, прибывшие из Джендской области на помощь саманиду Нуху ибн Мансуру» [Агаджанов 1969: 180]. Очевидно, С.Г. Агаджанов прав. После того как Бугра-хан в ходе нашествия на Мавераннахр разгромил Аяча и Фаика, военачальников Нуха, последний не располагал сколько-нибудь значительными собственными силами; в сравнении с многочисленным войском Себук-тегина его отряд выглядел «жалким» [Бартольд 1963б: 324]. Насколько серьезной могла быть поддержка гузов, видно на примере последнего саманидского амира Исмаџила (Мунтасира) б. Нуха, который в 393–394/1002–1004 гг. с помощью туркмен, возглавлявшихся все тем же Арсланом (Исраилом) б. Сельджуком, нанес несколько поражений Караханиду Насру б. ђАли [Бартольд 1963б: 332–333; Агаджанов 1969: 180–181]. Наконец, монеты вполне подтверждают свидетельство Ибн ал-Асира о том, что Нух смог вернуть отобранное Харуном. Поэтому нет оснований сомневаться и в том, что сделать это удалось с помощью туркменского войска во главе с Исраилом б. Сельджуком.

Несмотря на столь существенную поддержку, ни одной из отвоеванных областей Исраил, однако, не получил, а вернулся к отцу. Надо ду-

мать, он и не стремился к приобретению владений, но преследовал такие же цели, как и в случае с Мунтасиром, к которому присоединился, «рассчитывая на богатую добычу» [Бартольд 1963-б: 331]. Очевидно, удовлетворившись ею, Исраил и возвратился в Дженд.

Рассматриваемые монеты подсказывают, что Исраил б. Сельджук не был единственным участником событий, последовавших за отступлением Бугра-хана. В число их следует, вероятно, включить Бахрама, упомянутого на саманидских фалсах Ходженда. Как показала на большом нумизматическом материале Е.А. Давидович, появление на саманидских медных монетах (фалсах) имен, не принадлежавших главам династии, в большинстве случаев (когда это не чиновники, ведавшие деятельностью монетного двора) связано с феодальными пожалованиями за службу [Давидович 1972: 129–130]. Поскольку такие чиновники всегда упоминаются в надписях на *л. ст.*, нельзя относить к их числу Бахрама, чье имя стоит на очень «почетном» месте – в поле *об. ст.*, где обычно помещалось имя главы династии. Следовательно, есть все основания считать, что Бахрам – не просто наместник саманидского государя Нуха б. Мансура, фигурирующего в круговой легенде *об. ст.* в качестве владельца монетной регалии, но именно жалованный владетель Ходженда. В условиях тогдашней военно-политической ситуации наиболее вероятной причиной пожалования Бахраму Ходженда представляется его участие в борьбе с Караханидами, конкретно же – в отвоевании у них этого города.

Обратимся к фалсам Сапиджаба (Испиджаба). В центре поля *л.ст.* монет №8–9 стоит одно и то же слово – *مت*, в котором мы видим имя *Матт*⁷. Имя это достаточно прочно связывается с Испиджабом (что позволяет уверенно говорить об испиджабском происхождении и фалса №9, хотя от наименования монетного двора на нем сохранился только начальный *син*). Так, Е.А. Давидович опубликовала и детальнейшим образом объяснила древнейший испиджабский фалс 307/919–20 г. с упоминанием Саманида Насра б. Ахмада и владетеля Испиджаба Ахмада б. Матта, происходившего из старинной местной династии [Давидович 1954: 94–98]⁸. Брат Ахмада, Хусайн б. Матт, военачальник отца Насра, Ахмада б. Исмаџила, упомянут под 298/911 г. [Та'рих-и Ситан 1974: 280, 455, прим. 831]. Сын Хусайна, Мухаммад б. Хусайн б. Матт, тоже военачальник, в 310/922–23 г. принимал активное участие в восстании Саманида Илйаса б. Исхака против центральной власти, после подавления мятежа бежал в Испиджаб, затем в Тараз, где был убит [МИКК 1973: 53–54]. В 387/997 г. Абу Мансур Мухаммад б. Хусайн б. Матт Исфиджаби

восстал против саманидского амира Мансура б. Нуха и призвал на помощь Караханида Насра б. Али, который, подойдя к Самарканду, приказал схватить мятежника [Бартольд 1963б: 326]. Очевидно, кроме Матта, жившего в IX в., около середины X в. в Испиджабе был еще один правитель с таким же именем, но, как показывает несложный хронологический расчет, скорее всего, не идентичный тому Матту, который упомянут на испиджабских фалсах 385/995 г. В этом убеждают и следующие соображения. Фигурирующий в круговой легенде *об. ст.* монеты № 8 Абу Мансур Мухаммад б. ал-Хусайн, несомненно, тождествен Абу Мансуру Мухаммаду б. Хусайну б. Матту Испиджаби, поднявшему восстание в 387/997 г. Место его на иерархической лестнице определяется вполне надежно: проанализировав надписи многих саманидских медных монет X в., Е.А. Давидович установила, что, когда они отражают трехступенчатую иерархию, «глава династии в качестве верховного сюзерена обозначен в поле *об. ст.*; его непосредственный вассал, которому пожаловано владение, – в круговой легенде *об. ст.*, а следующий вассал, также обладающий какой-то частью прав на владение – в поле *л. ст.*» [Давидович 1978: 92]. Как ясно из надписей фалса №8, Мухаммад б. ал-Хусайн (б. Матт) на иерархической лестнице стоит выше Матта, но такое едва ли могло бы быть, если бы он приходился последнему внуком. Наконец, то же самое имя – *مت مатт* мы видим на многих раннекараханидских дирхамах Испиджаба, битых в 389/998–99 [Массон 1968: 240]⁹, 392/1001–02¹⁰, 394/1003–04(?)¹¹, 395/1004–05(?) [Марков 1896: 974: № 193а]¹², 396/1005–06 [Федоров 1964: 97]¹³, 397/1006–07¹⁴, 398/1007–08¹⁵, 399/1008–09 [Марков 1896: 220, № 199], 400/1009–10 [Марков 1896: 221, № 200], 401/1010–11 [Марков 1896: 221, № 202], 402/1011–12¹⁶ и 404/1013–14 гг. [Федоров 1964: 103]¹⁷. Это, несомненно, тот же Матт, что упомянут на монете № 8: хотя должители встречались и в Средневековье, трудно представить, чтобы в 404/1013–14 г. непосредственным владельцем Испиджаба оставался правитель, еще в 385/995 г. имевший взрослого внука. Иными словами, фигурирующие в надписях испиджабского фалса 385/995 г. (№8) Матт и Абу Мансур Мухаммад б. ал-Хусайн (б. Матт) находились в безусловном родстве, будучи членами местной испиджабской династии, но степень их родства пока не ясна; во всяком случае, первый, наверняка, не был дедом второго.

Надпись, обрамляющая центральную часть поля *л. ст.* монеты №9, включает кунью Абу-л-Фатх. Коль скоро Мухаммад б. ал-Хусайн назван Абу Мансуром, то Абу-л-Фатхом следует считать Матта. На одном из дирхамов 401/1010–

11 г., не сохранившем наименование монетного двора, но, очевидно, тоже испиджабском, нижнюю строку поля *об. ст.* составляют три мелко начертанных слова *معز الدولة مت*, из коих последнее – имя *Матт*, а два предшествующих – относящийся к нему лакаб *МуХизз ад-давла*¹⁸. Вероятно, это почетное прозвание Матт получил еще при Саманидах, которые, по свидетельству Бируни, сами награждали лакабами своих сановников [Абу Рейхан Бируни 1957: 150].

Как известно, многие из последних вознаграждались и более «материальным» образом. Так, Е.А. Давидович выявила многочисленные случаи, когда в роли жалованных владельцев на монетах выступают крупнейшие саманидские вельможи [Давидович 1972: 131 и сл.]. Таким же наместничеством от центральной власти выглядит и упоминание на фалсах Испиджаба 307/919–20 г. Ахмада б. Матта, но здесь, как подчеркнула Е.А. Давидович, «Саманиды лишь “юридически оформили” существовавшее фактически положение вещей» [Давидович 1954: 110]. Есть все основания этот вывод, касающийся Ахмада б. Матта, который на монетах 307/919–20 г. упомянут в поле *л.ст.*, распространить на Матта, упомянутого в той же позиции на фалсах 385/995 г. Иначе говоря, наследственное право Матта (как прежде Ахмада б. Матта) на Испиджаб в монетных надписях лишь оформлено как пожалование. В том, что это право принадлежало именно Матту, убеждают испиджабские дирхамы, битые при Караханидах, при которых, несмотря на неоднократные перемены на верхних ступенях иерархической лестницы, непосредственная власть над областью оставалась в его руках более полутора десятилетий.

Иным представляется положение Мухаммада б. ал-Хусайна. Едва ли можно сомневаться, что упомянутый на фалсах Бухары 385–388/995–998 гг. [Марков 1896: 168, №1245, 1246, 1249]¹⁹ ал-Хусайн ал-Испиджаби (иначе *ал-Хусайн Сапиджаби*, *Хусайн Сапиджаби*, просто *Сапиджаби*)²⁰ – это его отец; подобно известному вельможе позднесаманидского времени хаджибу Бегтузуну²¹, фигурирующему в надписях бухарских серебряных и медных монет 378–380/988–991 [Марков 1896: 166–167, №1223, 1224, 1234] и 385/995 гг. [Марков 1896: 168, №1245, 1246], ал-Хусайн принадлежал, судя по монетам, к числу крупных сановников и за службу был пожалован какими-то правами на Бухару (считать саманидскую столицу его владением, конечно, не приходится). В отличие от Матта, ал-Хусайн, да и некоторые другие представители правящего испиджабского рода (например, Кара-тегин, Мансур б. Кара-тегин) не были прочно связаны с Испиджабом и могли служить Саманидам где угодно: Кара-тегин стал наместником Балха, его

сын – даже сипахсаларом Хорасана [Бартольд 1963б: 233, 287, 308, 809]²². К той же категории служилой знати принадлежал, очевидно, и Мухаммад б. ал-Хусайн, который не мог быть наследственным владельцем Испиджаба одновременно с Маттом. Мухаммада следует считать наместником, назначенным центральной властью и получившим часть прав на Испиджаб, включая монетную регалию. Иными словами, если наследственная власть Матта была лишь оформлена как пожалование, то наместничество Мухаммада б. ал-Хусайна можно определить как действительное пожалование за службу. Монеты, естественно, не открывают, за какие именно заслуги был вознагражден Мухаммад, но с учетом общей военно-политической ситуации правдоподобно предположить, что он принимал участие в отвоевании у Караханидов Испиджаба после ухода Бугра-хана Харуна из Бухары. Этим-то, возможно, и объясняется, во-первых, его более высокое положение на иерархической лестнице и, соответственно, больший объем прав в сравнении с непосредственным владельцем области, Маттом, во-вторых, необходимость покинуть Испиджаб при новых успехах Караханидов. Оставить это владение Мухаммаду пришлось не позже 386/996 г., когда Караханиды заняли весь бассейн Сырдарьи; уже в 387/997 г. мы застаем его в долине Зарафшана.

Матт, как лицо, вероятно, более нейтральное, остался непосредственным владельцем Испиджаба и при Караханидах – по крайней мере, до 404/1013–14 г. Случай с Маттом не был единственным в своем роде. Так, илакский дихкан Мансур б. Ахмад, в 382/991–92 г. правивший областью в качестве вассала Бугра-хана, не только пережил временное возвращение Саманидов, но и остался после этого непосредственным владельцем Илака, где чеканил монету, по крайней мере, до 389/998–99 г. [Кочнев 1979: 114]. Как показывают примеры Испиджаба и Илака, и Саманиды, и в особенности Караханиды очень нуждались в сотрудничестве с местными наследственными династиями, имевшими давние корни и прочные позиции в своих родных областях, почему и оставляли их у власти, несмотря на все перипетии политической борьбы и серьезные перемены на самых разных уровнях.

Лишившись поддержки Исраила б. Сельджука, Нух б. Мансур через некоторое время вновь потерял возвращенные было северо-восточные владения. Произошло это, однако, не сразу. Очевидно, требовалось время, чтобы после смерти Бугра-хана его преемники утвердились и укрепились в своих владениях, смогли собрать необходимые военные силы для нового наступления.

Внутренняя история Караханидского каганата того времени почти не известна. По мнению

О. Прицака, к 382/991–92 г. главою династии считался Арслан-хан 'Али, а его двоюродный брат Бугра-хан Харун был только его «со-каганом» [Prizak 1953: страницы не указаны. – Прим. ред.]. Тем не менее, Харуну принадлежали обе караханидские столицы – Кашгар и Баласагун [МИКК 1973: 55], тогда как владения Арслан-хана были, очевидно, меньше и находились в Восточном Туркестане, где он и погиб в 388/998 г. в борьбе с неверными, в руках которых еще оставался, в частности, Хотан [ссылка отсутствует. – Прим. ред.]. По данным Хилала ас-Саби, Бугра-хану наследовал Ахмад б. 'Али [Бартольд 1963б: 336, прим. 3], в чьей власти позднее мы видим Баласагун, но не Кашгар, где сидел Кадыр-хан Йусуф б. Харун. Наместником Харуна в Фергане был некий Арслантегин б. Улуг-тегин, определенно не идентичный Насру б. 'Али [Ишанханов, Кочнев 1979: 147], исконным уделом которого Фергана стала, следовательно, позже – судя по монетам, с 384/994–95 г. Совершенно не известно, где он находился прежде; можно лишь предполагать, что Насру принадлежали какие-то территории на Тянь-Шане и в прилегающих районах Восточного Туркестана – иначе говоря, земли, соседние с Ферганой.

Наср первым после Бугра-хана возобновил караханидское наступление на государство Саманидов, заняв в 384/994–95 г. Фергану и Ходженд. Ходжендские монеты этого года несут его имя плюс помещенный изолированно титул *тегин*, который уже в силу своей неуточненности не может относиться ни к кому, кроме самого Насра [Кочнев 1984: 46; Кочнев 1989: 259, 264]. На ферганских фалсах 384/994–95 г. упомянут также старший брат и сюзерен Насра, «хакан победоносный Ахмад б. 'Али», но и здесь, как на ходжендских фалсах, Наср б. 'Али, будучи упомянут в круговой легенде *об.ст.*, выступает владельцем монетной регалии, т. е. важнейшего из прав. Подходя формально, разницу между ходжендским и ферганским чеканом следовало бы истолковать в том смысле, что Ходженд завоеван лично Насром, тогда как Фергана – с помощью «победоносного» Ахмада. Между тем в более широком нумизматическом контексте чекан 384/994–95 г. выглядит иначе: оставаясь до конца жизни на менее высокой ступени иерархической лестницы, нежели Ахмад б. 'Али, Наср в ряде случаев считал необходимым демонстрировать признание сюзеренитета старшего брата, но в монетных надписях это делалось достаточно формально (на ферганских фалсах 385–389/995–999 гг. тот назван анонимно «ханом»), и то не всегда, как, например, на некоторых фалсах Ферганы 385/995 г.²³; с другой стороны, титулатура Ахмада помещена на фалсе Ходженда 390/999–1000 г.²⁴ Таким образом, упоминание

Ахмада на ранних монетах Насра было нерегулярным и формальным и не может считаться ни свидетельством распространения реальной власти первого на владения второго, ни показателем прямого участия Ахмада в военных действиях против Саманидов на территории Ферганы. Весьма существенно, что Наср б. 'Али, во-первых, владлец монетной регалии; во-вторых, очень самостоятельный правитель уже на самых ранних этапах своей среднеазиатской карьеры, позволявший себе вовсе не упоминать сюзерена на некоторых монетах. Наконец, Наср предстает наиболее активным из Караханидов: он захватил Фергану и Ходженд в 384/994–95 г., тогда как Испиджаб, а значит, и Шаш с Илаком оставались во власти Саманидов еще в 385/995 г.

Завоевание этих областей, скорее всего, было осуществлено в 386/996 г., во время засвидетельствованного рукописными источниками караханидского нашествия. На выпущенных после него монетах Шаша, Илака и Испиджаба упомянут, в частности, Ахмад б. 'Али, причем на илакских фалсах 386–399/996–1009 гг. – в круговой легенде *об. ст.*: это означает, что в Илаке Ахмад выступает не просто в роли верховного сюзерена, но в качестве обладателя важнейшего из феодальных прав – монетной регалии. Этот весьма существенный момент позволяет считать Ахмада б. 'Али непосредственным участником нашествия 386/996 г. на владения Саманидов. Не менее (если не более) важную роль в тех же событиях должен был играть его брат Мухаммад б. 'Али, упомянутый на дирхамах Испиджаба 389/998–99 г. и фалсах Илака 387/997 г. (на последних – даже в круговой легенде *об. ст.*!). На них же названо еще одно лицо – Аба Салих, о происхождении которого не известно ничего, кроме принадлежности к Караханидам: на илакских фалсах 388/998 г. он именуется тегинем. Наконец, титулатура Насра б. 'Али помещена на монетах Шаша 388/998 г. (*му'аййид ал-'адл*) [Массон 1968: 239–240] и Илака 389/998–99 г. (*илиг ал-'адил*) [Кочнев 1979: 114]. Перечисленные монеты, очевидно, свидетельствуют об участии Насра в завоевании Ташкентского оазиса, а Аба Салиха – в захвате Илака.

Как бы то ни было, к моменту победоносного нашествия Караханидов на Мавераннахр, завершившегося в зу-л-ка'да 389/октябре 999 г. вступлением Насра в Бухару²⁵, он располагал солидной материальной базой для борьбы с Саманидами, распространяя свою власть не только на Фергану с Ходжендом, но и на богатый урбанизированный Ташкентский оазис; поскольку по договору 366/996 г. границей между Саманидами и Караханидами была признана Катванская степь, Насру б. 'Али принадлежала также

Усрушана. Словом, Саманидов победил отнюдь не мелкий удельный князь²⁶; даже в официальной караханидской иерархии Наср занимал достаточно высокое место: получив в 388/998 г. титул илига²⁷, он формально стал вторым лицом (после Ахмада б. 'Али) в среднеазиатских владениях Караханидов и третьим (после Ахмада и Кадыр-хана Йусуфа) – во всем каганате.

Подведем итоги. После того как первый караханидский завоеватель Мавераннахра Бугра-хан Харун в 382/992 г. покинул Бухару, саманидский государь Нух б. Мансур с помощью туркменского войска, возглавлявшегося Исраилом б. Сельджуком, смог вернуть все завоеванные Буграханом области – не только Центральный Мавераннахр, но также Усрушану, Ходженд, Фергану, Илак, Шаш и Испиджаб. Наместником Ходженда Нух поставил Бахрама, наместником Испиджаба – Абу Мансура Мухаммада б. ал-Хусайна б. Матта Испиджаби, происходившего из старинного местного правящего рода; вероятно, Бахрам и Мухаммад принимали непосредственное участие в отвоевании пожалованных им владений. Непосредственным владельцем Испиджаба был оставлен другой представитель того же рода – Му'изз ад-давла Абу-л-Фатх Матт.

После смерти Харуна, хотя и не сразу, наступление на Саманидское государство возобновил Караханид Наср б. 'Али, который в 384/994–95 г. занял Фергану и Ходженд, а в 386/996 г., вероятно, участвовал в завоевании Илака и Шаша. В нашествии 386/996 г., очевидно, принимали участие также его братья Ахмад и Мухаммад, и еще один Караханид – тегин Аба Салих. Каждый из названных четырех Караханидов получил определенные права на завоеванные области или одну из них, но непосредственными владельцами Испиджаба и Илака остались местные династии – соответственно Матт и Мансур б. Ахмад. Накануне второго захвата Бухары (389/999 г.) Наср б. 'Али был наиболее активным и сильным из караханидских правителей и распространял свою власть на Фергану, Ходженд, Шаш, Илак и Усрушану.

Примечания

1. Статья является частью научного наследия исследователя, которая по разным причинам не была издана при жизни автора. Предоставлена для публикации В.Н. Настичем в электронном виде с первичной редактурой. – *Прим. ред.*

Настоящая работа написана в конце 1980-х гг. для предполагавшегося нумизматического сборника МАИКЦА. В машинописном оригинале остались пропущенными несколько ссылок на публикации нумизматического материала и зарубежные издания, которые Борис Дмитриевич, очевидно, намеревался восстановить при вычитке материала перед сдачей в печать, но

издание сборника не состоялось, и впоследствии автор к статье не обращался. – Прим. В.Н. Настича.

2. Первый экземпляр хранится в собрании Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ), инв. №17955; второй происходит из небольшого (получено 11 экз.) клада саманидских и раннекараханидских фалсов, найденного в 1985 г. на городище Шахрухия в Ташкентской области.

3. Фалс №3, ГЭ, инв. № 6148; № 4 происходит из частной коллекции Г.И. Величко (г. Фрунзе), найден в 1979 г. близ с. Исфана Ошской области Киргизской ССР (т.е. на территории средневековой Уструшаны); сведениями о нем я обязан алмаатинскому коллеге В.Н. Настичу и, пользуясь случаем, выражаю ему искреннюю признательность.

4. Монета №5 происходит из клада раннекараханидских фалсов (48 экз.), найденного в 1976 г. на городище Кульгата в Ташкентской области; №6 – из частной коллекции Е.В. Мордковича (г. Самарканд); №7 – из частного собрания В. Махова (г. Каттакурган); ознакомлением с последним экземпляром я обязан любезному содействию ташкентского нумизмата А. Мусакаевой.

5. Найден в 1985 г. на городище древнего Пайкенда в Бухарской области (центральный раскоп, помещение 6, на полу).

6. Собрание Института археологии АН УзССР, инв. №1138 (из числа монет, найденных в 1951–1954 гг. на городище Варахша и в его окрестностях); пробит дважды: в центре и у края.

7. В машинописном оригинале статьи это имя всюду приведено в форме *Мут*, которой автор придерживался первоначально; впоследствии он отказался от такого чтения в пользу более состоятельного *Матт*; см.: [Кочнев 2006: 256]. – Прим. ред.

8. В собрании Государственного музея истории культуры и искусства УзССР (г. Самарканд) оказался еще один такой же фалс (инв. № 9389), похоже битый другой парой штемпелей и сохранивший окончание круговой легенды *об.см. اعزه الله*, не уцелевшей на экземпляре, изданном Е.А. Давидович.

9. Публикатор видел в слове *مت* «монетный знак».

10. ГИМ, инв. № 499146, 499147.

11. Музей истории народов Узбекистана (далее – МИУз), инв. № 391/99–102, 104 (дирхамы из Чимкентского клада).

12. Публикатор вместо *مت* читал *ملك*.

13. Публикатор читал *مله* или *ملك*, но ясно видно, что в данном слове не три, а два знака.

14. МИУз, инв. № 391/45, 46, 48, 50–55 (Чимкентский клад).

15. МИУз, инв. № 391/71–72 (тот же клад).

16. МИУз, инв. № 892/550, 552, 552а, 552б (из Тойтубинского клада 1968 г.).

17. Правда, публикатор прочел дату как 391 г. х., но на самой монете (МИКИ, инв. №7701) дата, безусловно, иная – 401 г. х.

18. М.Н. Федоров приписал этот лакаб Мухаммаду б. 'Али на том основании, что на монетах Испиджаба 400 г.х. он якобы «непосредственно связан с куньей Мухаммада – Абу Мансур» [Федоров 1964: 106], но порядок расположения куньи и лакаба (*Абу Мансур Му'изз ад-давла*) как раз свидетельствует о принадлежности их разным лицам.

19. В публикации А.К. Маркова описаны только монеты 385 и 387 гг. Несомненно, Б.Д. Кочневу были известны сведения о монетах 386 и 388 гг., ссылки на публикацию которых он не успел вставить. В подтверждение эмиссии монет Бухары в эти годы свидетельствует интернет-сайт <http://www.zeno.ru>, где представлены монеты обоих указанных годов чеканки; см.: zeno.ru, №30060 и №№23397, 52022 соответственно. – Прим. ред.

20. Публикаторы читали эту нисбу как *Синджани* или *Саниджани*; правильное чтение предложил Э. фон Цамбаур [Zambaur 1927: страницы не указаны. – Прим. ред.].

21. О нем см. [Бартольд 1963б: 324, 326–329].

22. Редактор первого тома «Сочинений» В.В. Бартольда И.П. Петрушевский заключил, что «Балх» – явная описка автора вместо «Испиджаб» [233, прим. 1], однако Кара-тегин действительно был балхским наместником, см. [Бартольд 1965а: 344].

23. Чекан Ферганы 380-х гг. х. хорошо представлен в упомянутом выше Шахрухийском клада.

24. Из того же клада.

25. Абу-л-Фазл Байхаки называет датой этого события 1 зу-л-ка'да/14 октября [Абу-л-Фазл Байхаки 1969: 779], у других же авторов (Гардизи, 'Утби) иная дата – 10 зу-л-ка'да/23 октября [Бартольд 1963б: 329, прим. 3; Бартольд 1965б, 386]. В.В. Бартольд не сомневался в правильности последней даты, тогда как О. Караев остановился на первой [Караев 1983: 121], не объяснив причину такого выбора.

26. Ср.: «караханидский владетель восточной Ферганы Наср ибн 'Али <...> положил конец господству династии Саманидов» [Караев 1983: 124].

27. На одних фалсах Ферганы 388/996 г. он *тегин ал-джалил*, на других – *илиг ал-джалил* (монеты из упомянутого Шахрухийского клада и с городища Канка в Ташкентской области).

Abstract

ON THE HISTORY OF THE RIVALRY BETWEEN THE SAMANIDS AND THE QARAKHANIDS AT THE END OF THE TENTH CENTURY

B.D. Kochnev

Based on new numismatic evidence, details of the written sources of the conquest of the Samanid domains by the Qarakhanids in the late tenth century, were defined more precisely.

Литература

- Абу Рейхан Бируни 1957 – *Абу Рейхан Бируни*. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. 1. – Ташкент, 1957.
- Абу-л-Фазл Байхаки 1969 – *Абу-л-Фазл Байхаки* (История Мас'уда (1030–1041) / Пер. с перс., введ., коммент. и прилож. А.К. Арендса. 2-е изд. доп. – М., 1969.
- Агаджанов 1969 – *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. – Ашхабад, 1969.
- Бартольд 1963а – *Бартольд В.В.* Очерк истории туркменского народа // Соч. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963.
- Бартольд 1963б – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. 1. – М., 1963.
- Бартольд 1964а – *Бартольд В.В.* Богра-хан // Соч. Т. 2. Ч. 2. – М., 1964.
- Бартольд 1964б – *Бартольд В.В.* Илек-ханы // Соч. Т. 2. Ч. 2. – М., 1964.
- Бартольд 1965а – *Бартольд В.В.* Бадахшан // Соч. Т. 3. – М., 1965.
- Бартольд 1965б – *Бартольд В.В.* Бухара // Соч. Т. 3. – М., 1965.
- Давидович 1954 – *Давидович Е.А.* Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах // ТАН ТаджССР. Т. 17. – Сталинабад, 1954.
- Давидович 1972 – *Давидович Е.А.* Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии // ППВ. 1969. – М., 1972.
- Давидович 1978 – *Давидович Е.А.* О монетах дихканов Илака конца X – начала XI в. (и методе их интерпретации М.Н. Федоровым) // Древность и средневековые народы Средней Азии (история и культура). – М., 1978.
- Ишанханов, Кочнев 1979 – *Ишанханов С., Кочнев Б.* Древнейшие караханидские монеты // ИМКУ. Вып. 15. – Ташкент, 1979.
- Караев 1983 – *Караев О.* История Караханидского каганата (X – начало XIII в.) – Фрунзе, 1983.
- Кочнев 1983 – *Кочнев Б.Д.* Чеканка монет на территории Киргизии в конце X – начале XIII в. // Культура и искусство Киргизии: ТД ВНК. – Л., 1983.
- Кочнев 1984 – *Кочнев Б.Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 6. Раннее Средневековье. Саманиды. Караханиды // ИМКУ. Вып. 19. – Ташкент, 1984.
- Кочнев 2006 – *Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. 1: Нумизматическое исследование. – М., 2006.
- Кочнев 1979 – *Кочнев Б.Д.* Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным) // Древняя и средневековая культура Чача. – Ташкент, 1979.
- Кочнев 1984 – *Кочнев Б.Д.* Вопросы атрибуции раннекараханидских монет // Бартольдовские чтения 1984: Тезисы докладов и сообщений. – М., 1984.
- Кочнев 1989 – *Кочнев Б.Д.* Вопросы атрибуции раннекараханидских монет // ВИИСИД. Вып. 1. – М., 1989.
- Марков 1896 – *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. – СПб., 1896.
- Массон 1968 – *Массон М.Е.* Кладик дирхемов конца X – начала XI в. из города Янги-Юль Ташкентской области // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С.П. Толстова. – М., 1968.
- МИКК 1973 – Материалы по истории киргизов и Киргизстана. Вып. 1. – М., 1973.
- МИТТ 1939 – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. – М.; Л., 1939. – (Труды Института востоковедения. Т. XIX)
- Та'рих-и Систан 1974 – *Та'рих-и Систан* (История Систана) / Пер., введ. и коммент. Л.П. Смирновой. – М., 1974.
- Федоров 1964 – *Федоров М.Н.* Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента // ИМКУ. Вып. 5. – Ташкент, 1964.
- Федоров 1965 – *Федоров М.Н.* Новые данные к политической истории государства Караханидов. (Опыт историко-нумизматического исследования) // ОНУ. – 1965. – №11.
- Федоров 1975 – *Федоров М.Н.* К вопросу об исторических судьбах дихканства при Караханидах. (По данным караханидской нумизматики) // СА. – 1975. – №1.
- Pritsak 1953 – *Pritsak O.* Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31/1. – Berlin, 1953.
- Zambaur 1927 – *Zambaur, E. de.* Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam. – Hanovre, 1927.

КЛАД КАРАХАНИДСКИХ ДИРХАМОВ 2-й ПОЛ. XI в. С ГОРОДИЩА САДЫР-КУРГАН

В.Г. Кошев, А.Т. Абасбеков*

Таласская долина / Садыр-Курган / Караханидские монеты / Средневековье
Talass valley / Sadir-Kurgan / Qarakhanid coins / Middle ages

В 2008 г. на территории городища Садыр-Курган, отождествляемого с раннесредневековым городом Шельджи (شلجي), местными жителями¹ был случайно найден миниатюрный керамический сосуд (рис. I)², закрытый, по словам находчиков, глиняной крышкой с боковой ручкой в виде небольшого выступа.

Рис. I. Керамический сосуд, в котором был найден клад

Внутри сосуда находились монеты. Их точное количество, к сожалению, не известно, поскольку часть была роздана находчиками клада и их пока не удалось собрать и просмотреть³. Всего в экспертную службу частного предприятия «Алвиан» для определения было передано 42 целые монеты и 86 фрагментов различного размера. Все монеты и их фрагменты отчеканены из серебра, визуально различной пробы. Общий вес всех переданных на определение монет и их фрагментов составляет около 290 г.

Среди монет пять типов оказались ранее не известными. Приведем их описание и изображение.

Тип 1 (в/к №1–2, рис. II). Дирхам, серебро. Монетный двор – [Тараз], год – ? (до 471/1078–79 г.).

Л. ст. В поле – لا شريك له / لا اله الا / الله وحده / (далее везде К-1). Выше украшение ۞, под ним عمر, ниже калимы صفى امير المومنين.

* Кошев Вадим Григорьевич – частное предприятие «АЛВИАН». Кыргызстан, Бишкек, alwian@mail.ru
Абасбеков Алмазбек Табалдиевич – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, Бишкек.

Поле обрамлено вводной формулой الدرهم بهذا / بسم الله ضر (далее везде В-1) и выпускными сведениями, расположенными квадратом:

بسم الله ضر / بهذا الدرهم / ... / ... / ...

Об. ст. В поле:

عز الدين
محمد رسول الله
المقتدى بامر الله
Тогрыл
кара-хакан

Титул *Тогрыл кара-хакан* передан уйгурскими буквами.

Поле обрамлено круговым линейным ободком, за которым читаются отдельные слова из аята 33 суры 9: ... ليظهر... كله و...

Внешнее обрамление не сохранилось.

Таких монет выявлено два экземпляра, их метрологические параметры приведены в табл. 1.

Фрагменты монет, тип 1 (в/к №43–47). [Дирхам], серебро. [Т]араз, [46]9/1076–77 г.

Читаемые фрагменты титулатуры на фрагментах монет идентичны по содержанию и расположению титулатуры в поле на *л.* и *об. ст.* монет типа 1.

Фрагментов таких монет выявлено пять экземпляров, их метрологические параметры приведены в табл. 2.

Эмитентами монет этого типа являются сюзерен *Тогрыл кара-хакан* (Йусуф б. Сулайман) и вассал 'Изз ад-дин Сафи амир ал-му'минин 'Умар (б. Йусуф).

Эти монеты продолжают ряд опубликованных ранее дирхамов Тараза 467–468/1074–1076 гг. [Кочнев 1997: 288/1340]. Отличием в титулатуре изучаемых монет является расположенный в верхней части поля на *об. ст.* монеты лакаб عز الدين, вместо زين الدين на ранее известных монетах предыдущих годов.

Тип 2 (в/к № 3–5, рис. III). Дирхам, серебро. Тараз, 471–472/1078–1080 г.

Л. ст. В поле – К-1. Вокруг квадратом:

عدل / شرف الدولة / صفى امير المومنين
عز الدين /

Поле обрамлено вводной формулой (В-1) и выпускными сведениями, расположенными квадратом:

для 471/1078–79 г.

بِسْمِ اللّٰهِ ضَرُّ / بِهَذَا الدَّرْهَمِ / بِطَرَاذِ سَنَةِ اَحَدٍ /
/ و سَبْعِينَ اَرْبَعًا م (!)

для 4[7]2/1079–80 г.

... / ... / بِطَرَاذِ سَنَةِ اثْنَا وَاثْنَيْ عَشَرَ اَرْبَعًا م ... /

Все в линейном ободке.

Об. ст. В поле:

لله
محمد رسول الله
المقتدى بأمر الله
طغرل قرأ خاقان
عمن

Поле обрамлено круговым линейным ободком, за которым читается фрагмент из аята 33 суры 9: ... الحق ليظهره على الدين كله و...

Внешнее обрамление не сохранилось.

Таких монет выявлено три экземпляра, их метрологические параметры приведены в табл. 1.

Тип 3 (в/к № 6–7, рис. IV). Дирхам, серебро. [Тараз], [471–472/1078–1080] гг.

Монеты этого типа по оформлению идентичны монетам типа 2, но на л. ст. исследуемых монет, справа от калимы, проставлено *الدولة* вместо *عِين* (?). (рис. VII, VIII).

Таких монет выявлено два экземпляра, их метрологические параметры приведены в табл. 1.

Тип 4 (в/к № 8–10, рис. V). Дирхам, серебро. Тараз, 472/1079–80 г.

Монеты этого типа по оформлению идентичны монетам типа 2, но на л. ст. исследуемых монет, слева от калимы проставлено *الدولة* вместо *سيف* (?). (рис. IX, X).

Таких монет выявлено три экземпляра, их метрологические параметры приведены в табл. 1.

Монеты типов 2–4 (в/к № 11–29). Дирхам, серебро. Тараз, [471–472/1078–1080] гг.

На монетах, отнесенных к этой группе, на л. ст. не может быть уверенно прочитано начало лакабов *شرف* / *سيف* или же *عز* / *عِين*. Расположение остальных надписей и оформление соответствует монетам типов 2–4.

Таких монет выявлено 19 экземпляров, их метрологические параметры приведены в табл. 1.

Фрагменты монет, типы 2–4 (в/к № 48–72). [Дирхам], серебро. Тараз, [471–472/1078–1080] гг.

Читаемые фрагменты титулатуры идентичны по содержанию и расположению в поле на л. и об. ст. титулатуры монет типов 2–4.

Фрагментов таких монет выявлено 25 экземпляров, их метрологические параметры приведены в табл. 2.

Тип 5 (в/к № 30–42, рис. VI). Дирхам, серебро. [Тараз], [471]/1078–79 г.

Л. ст. В поле – К-1. Вокруг квадратом:

عدل / عز الدين / صفى امير المومنين /
شرف الدولة

Поле обрамлено вводной формулой (В-1) и выпускными сведениями, расположенными квадратом:

بِسْمِ اللّٰهِ ضَرُّ / بِهَذَا الدَّرْهَمِ / بِطَرَاذِ سَنَةِ اَحَدٍ /
/ و سَبْعِينَ اَرْبَعًا م (!)

Все в линейном ободке.

Об. ст. В поле:

لله
محمد رسول الله
المقتدى بأمر الله
طغرل قرأ خاقان
عمن

Поле обрамлено круговым двойным линейным ободком, за которым читается фрагмент из аята 33 суры 9:

ارسله بالهدى ... ليظهره على الدين كله و...

Внешнее обрамление не сохранилось.

Таких монет выявлено 13 экземпляров, их метрологические параметры приведены в табл. 1.

Фрагменты монет, тип 5 (в/к № 73, 74). [Дирхам], серебро. Тараз, [471]/1078–79 г.

Читаемые фрагменты титулатуры идентичны по содержанию и расположению в поле на л. и об. ст. титулатуры монет типа 5.

Фрагментов таких монет выявлено два экземпляра, их метрологические параметры приведены в табл. 2.

Фрагменты монет, типы 2–5 (в/к № 75–102). [Дирхам], серебро. Тараз, [471–472/1078–80] гг.

Читаемые фрагменты титулатуры идентичны по содержанию и расположению в поле на л. и об. ст. титулатуры монет типов 2–5.

Фрагментов таких монет выявлено 28 экземпляров, их метрологические параметры приведены в табл. 2.

При исследовании монет типов 2–5 отмечено три основных варианта каллиграфического исполнения лакаба *عز الدين* (рис. VII, XI, XII) и три основных варианта исполнения названия монетного двора *طراز* (рис. XIII–XV).

Известно, что «на караханидских монетах второй половины XI – начала XII в. личное имя государя не отрывается от титула, помещаясь с ним в поле о.с. (Арслан хан Ибрахим, Тафгач ха-

кан Хасан ... и т.д.)» [Кочнев 1996: 213], т.е. расположенное на об. ст. исследуемых монет ниже титула *Тогрыл кара-хакан* имя `Умар является уточняющим титул. Из чего можно заключить, что в 471/1078–79 г. носителем этого титула уже был `Умар б. Йусуф. Несомненно, что ранее известные по монетам иных типов лакабы `Изд ад-дин Шараф ад-давла Сафи амир ал-му`минин, размещенные на л. ст. исследуемых монет, также относятся к `Умару. Кроме того, на исследуемых монетах проставляются новые лакабы (если не считать их за ошибку резчиков штампов) *Айн ад-дин* и *Сайф ад-давла*, также, несомненно, относящиеся к титулатуре `Умара. Следовательно, единственным эмитентом монет типов 2–5 является `Умар б. Йусуф.

Несколько изменилась метрология монет 471–472/1078–1080 гг. по сравнению с монетами 469/1076–77 г. Так, их средний диаметр увеличивается до 27–28 мм (диаграмма I), а средний вес до 3,8–4,0 г (диаграмма II).

Также заметно меняется тип оформления монет.

Анализ надписей на караханидских монетах позволяет сделать вывод, что важные политические события в каганате, связанные с получением правителями новой титулатуры, захватом или получением ими права на новые территории, города и т.п., как правило, незамедлительно отмечались эмиссией новых монет⁴. Так, появление в 471–472/1078–1080 гг. сразу на четырех типах дирхамов Тараза имени `Умара, несомненно связанного с титулом *Тогрыл кара-хакан*, вместе с изменением метрологии монет и их оформления, пожалуй, может свидетельствовать о синхронных изменениях в верховной власти Восточного каганата.

Таким образом, можно полагать, что засвидетельствованный Ибн ал-Асиром шестнадцатилетний срок правления *Тогрыл кара-хакана* Йусуфа б. Сулаймана [МИКК 2002: 68], закончился в 470–471/1077–1079 гг.

Эта дата прекрасно согласовывается со сведениями из перевода китайского источника, что «уже в 1063 г. правителем Караханидов был «Токэлуэр», т. е. *Тогрыл (-хан)*» [Кочнев 2006: 203].

Кроме того, выявленные дирхамы Тараза 471/1078–79 г. с титулатурой *Тогрыл кара-хакана* `Умара и ранее известные сведения об `Умаре, относящиеся к 473/1080–81 г. [Буниятов 1981: 7], корректируют сообщение Ибн ал-Асира о двухмесячном правлении `Умара б. Йусуфа [МИКК 2002: 68].

Составляющие основуклада многочисленные монеты Тараза 471–472/1078–1080 гг. (40 экз.) типов 2–5 и их фрагменты (55 экз.) ста-

вят под сомнение опубликованное ранее определение дирхама Тараза 472/1079–80 г. [Кочнев 1988: 61; Кочнев 1997: 288/1342], который был известен только в одном экземпляре. Судя по многочисленным знакам вопроса и пропускам в опубликованном чтении легенд, состояние монеты было плохим, что не дало возможности уверенного определения монеты. К сожалению, повторно просмотреть надписи на этой монете более не представляется возможным.

Присутствующие в кладе фрагменты монет других нижеописанных типов указывают на вероятное направление торговых связей.

Фрагменты монет, тип 6 (в/к № 103–104). [Дирхам], серебро. Самарканд, 470/1077–78 г.

Л. ст. В поле – К-1. Выше не сохранилось, ниже *شمس الملك*.

Вокруг квадратом:

... [ب]سمرقند سنة / [س]ببعين ... /

Об. ст. В поле:

لله
محمد رسول الله

...

Поле обрамлено круговым двойным линейным ободком. Круговая надпись не сохранилась. Внешнее обрамление не сохранилось.

Возможно, соответствует ранее известному типу монет [Кочнев 1997: 256/962].

Фрагментов таких монет выявлено два экземпляра, их метрологические параметры приведены в табл. 3.

Фрагмент монеты, тип 7 (в/к № 105–106). [Дирхам], серебро. Монетный двор – ?, дата – ? (по правлению халифа ал-Муктади 467–487/1075–1094 гг.).

Л. ст. В поле – К-1. Выше не сохранилось, ниже *شمس الملك*.

Поле обрамлено круговым двойным линейным ободком. Круговая надпись не сохранилась. Внешнее обрамление не сохранилось.

Об. ст. В поле:

لله
محمد رسول الله
المقتدى ...

...

Поле обрамлено круговым линейно-точечно-линейным ободком. Круговая надпись не сохранилась. Внешнее обрамление не сохранилось.

Возможно, соответствует ранее известному типу монет [Кочнев 1997: 256/962].

Выявлено два фрагмента, которые вместе составляют половину одной монеты. Метрологические параметры приведены в табл. 3.

Рис. II. Тип 1. Дирхам, [Тараз], [469/1076–77 г.].
(в/к № 1)

Рис. VII. (в/к № 3). عز الدين (вариант 1)

Рис. III. Тип 2. Дирхам, Тараз, 471/1078–79 г.
(в/к № 3)

Рис. VIII. (в/к № 6). عين (?) الدين

Рис. IV. Тип 3. Дирхам, [Тараз],
[471–472]/1078–1080 г. (в/к № 6)

Рис. IX. (в/к № 12). شرف الدولة

Рис. V. Тип 4. Дирхам, Тараз, 472/1079–80 г.
(в/к № 9)

Рис. X. (в/к № 9). سيف (?) الدولة

Рис. VI. Тип 5. Дирхам, Тараз, 471/1078–79 г.
(в/к № 30)

Рис. XI. (в/к № 8). عز الدين (вариант 2)

Рис. XII. (в/к № 16). عز الدين (вариант 3)

Рис. XIV. (в/к № 73). Тараз (вариант 2)

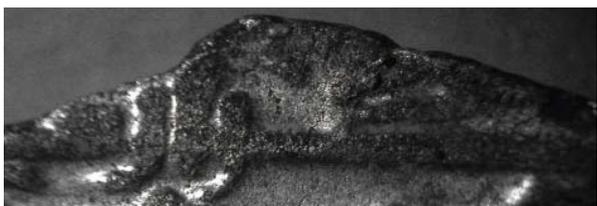

Рис. XIII. (в/к № 12). Тараз (вариант 1)

Рис. XV. (в/к № 11). Тараз (вариант 3)

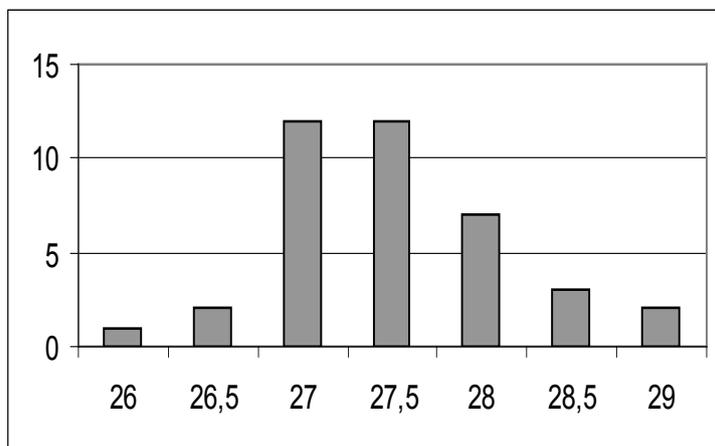

Диаграмма I. Максимальный диаметр дирхамов Тараза 471–472/1078–1080 гг.

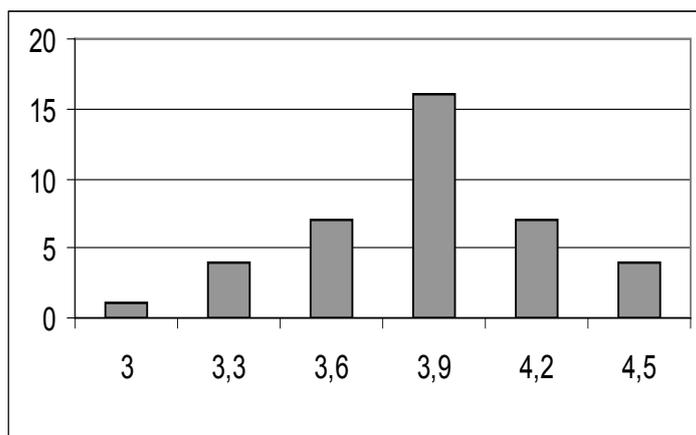

Диаграмма II. Вес дирхамов Тараза 471–472/1078–1080 гг.

Таблица 1

Метрологические характеристики монет типов 1–5

№ п/п / № В/К	Тип	Монетный двор	Дата	Диаметр макс., мм	Вес, г	№ п/п / № В/К	Тип	Монетный двор	Дата	Диаметр макс., мм	Вес, г	№ п/п / № В/К	Тип	Монетный двор	Дата	Диаметр макс., мм	Вес, г
1/1	1	[Тараз]	до 471	26,25	3,3	15/15	2–4	Тараз	–	27,45	4,16	29/29*	2–4	[Тараз]	–	27,6	3,39
2/2	1	[Тараз]	до 471	27,15	2,95	16/16	2–4	Тараз	–	28,0	3,28	30/30	5	[Тараз]	47[x]	28,8	4,4
3/3	2	Тараз	471	27,8	3,96	17/17	2–4	Тараз	–	27,6	3,76	31/31	5	[Тараз]	[471]	26,75	4,25
4/4	2	Тараз	472	27,45	3,76	18/18	2–4	Тараз	–	26,9	4,51	32/32	5	[Тараз]	[471]	27,3	3,8
5/5	2	[Тараз]	–	26,6	4,33	19/19	2–4	Тараз	–	27,6	3,97	33/33	5	[Тараз]	[471]	27,2	3,55
6/6	3	[Тараз]	–	28,3	4,17	20/20	2–4	[Тараз]	–	27,0	4,21	34/34	5	[Тараз]	[471]	27,0	3,73
7/7	3	[Тараз]	–	27,9	3,77	21/21	2–4	[Тараз]	–	26,6	3,47	35/35	5	[Тараз]	[471]	27,1	3,75
8/8	4	Тараз	472	29,15	3,6	22/22	2–4	[Тараз]	–	27,9	3,94	36/36	5	[Тараз]	[471]	26,95	3,94
9/9	4	Тараз	[472]	26,4	4,03	23/23	2–4	[Тараз]	–	27,35	3,57	37/37	5	[Тараз]	[471]	27,45	3,8
10/10	4	[Тараз]	[472]	25,95	4,18	24/24	2–4	[Тараз]	–	27,65	3,82	38/38	5	[Тараз]	[471]	27,15	3,43
11/11	2–4	Тараз	–	27,55	3,07	25/25	2–4	[Тараз]	–	28,55	3,82	39/39	5	[Тараз]	[471]	27,8	3,48
12/12	2–4	Тараз	–	27,2	3,42	26/26	2–4	[Тараз]	–	26,75	4,04	40/40	5	[Тараз]	[471]	27,3	4,51
13/13	2–4	Тараз	–	28,4	3,87	27/27	2–4	[Тараз]	–	27,8	3,95	41/41	5	[Тараз]	[471]	26,85	3,34
14/14	2–4	Тараз	–	27,45	4,57	28/28	2–4	[Тараз]	–	27,85	3,98	42/42	5	[Тараз]	[471]	27,0	4,13

* Край монеты обломлен.

Таблица 2

Метрологические характеристики фрагментов монет типов 1–5

№ п/п / № в/к	Тип	Монетный двор	Дата	Диаметр макс., мм	Вес, г	Примечание	№ п/п / № в/к	Тип	Монетный двор	Дата	Диаметр макс., мм	Вес, г	Примечание
1/43	1	[Т]араз	[46]9	25,4	2,61	более ½ монеты	31/73	5	Тараз	[47]1	27,05	2,39	более ½ монеты
2/44	1	[Т]араз	[46]9	25,25	2,33	более ½ монеты	32/74	5	[Тара]з	-	-	1,85	более 1/3 монеты
3/45	1	-	-	25,7	2,38	более ½ монеты	33/75	2-5	-	-	27,15	3,72	обломлен край
4/46	1	-	-	-	1,25	более ¼ монеты	34/76	2-5	Тараз	-	28,4	2,44	ок. 2/3 монеты
5/47	1	-	-	-	1,14	ок. ¼ монеты	35/77	2-5	Тараз	[47]2	27,2	2,4	более ½ монеты
6/48	2-4	-	-	26,8	2,22	более 2/3 монеты	36/78	2-5	-	-	26,65	2,53	более ½ монеты
7/49	2-4	-	-	27,05	2,79	более ½ монеты	37/79	2-5	-	-	26,05	2,97	более ½ монеты
8/50	2-4	-	-	26,75	2,79	более ½ монеты	38/80	2-5	-	-	25,8	2,74	более ½ монеты
9/51	2-4	Тараз	-	24,45	2,37	более ½ монеты	39/81	2-5	-	-	26,2	2,23	ок. ½ монеты
10/52	2-4	-	-	26,7	1,89	ок. ½ монеты	40/82	2-5	-	-	27,2	1,46	менее ½ монеты
11/53	2-4	-	-	27,0	2,14	более ½ монеты	41/83	2-5	-	-	-	2,15	более 1/3 монеты
12/54	2-4	Тараз	-	-	1,9	более 1/3 монеты	42/84	2-5	-	-	-	1,98	более 1/3 монеты
13/55	2-4	Тараз	[47]1	-	2,1	более 1/3 монеты	43/85	2-5	-	-	-	1,92	ок. 1/3 монеты
14/56	2-4	-	-	-	1,74	более 1/3 монеты	44/86	2-5	-	-	-	1,92	ок. 1/3 монеты
15/57	2-4	-	-	-	2,43	более 1/3 монеты	45/87	2-5	-	-	-	1,78	менее 1/3 монеты
16/58	2-4	-	-	-	1,68	более ¼ монеты	46/88	2-5	-	-	-	1,87	ок. 1/3 монеты
17/59	2-4	-	-	-	1,96	более ¼ монеты	47/89	2-5	-	-	-	1,79	менее 1/3 монеты
18/60	2-4	-	-	-	1,38	более ¼ монеты	48/90	2-5	-	-	-	1,59	менее 1/3 монеты
19/61	2-4	-	-	-	1,38	ок. ¼ монеты	49/91	2-5	-	-	-	1,64	менее 1/3 монеты
20/62	2-4	-	-	-	1,44	ок. ¼ монеты	50/92	2-5	-	-	-	1,38	более ¼ монеты
21/63	2-4	[Т]араз	-	-	1,44	более ¼ монеты	51/93	2-5	-	-	-	1,08	ок. ¼ монеты
22/64	2-4	-	-	-	1,63	-	52/94	2-5	-	-	-	1,0	ок. ¼ монеты
23/65	2-4	-	-	-	1,76	-	53/95	2-5	-	-	-	0,97	ок. ¼ монеты
24/66	2-4	-	-	-	1,78	-	54/96	2-5	-	-	-	1,15	ок. ¼ монеты
25/67	2-4	-	-	-	1,31	менее ¼ монеты	55/97	2-5	-	-	-	1,05	ок. ¼ монеты
26/68	2-4	Тараз	-	-	1,6	-	56/98	2-5	-	-	-	1,0	ок. ¼ монеты
27/69	2-4	-	-	-	0,94	-	57/99	2-5	-	-	-	0,78	менее ¼ монеты
28/70	2-4	-	-	-	1,1	-	58/100	2-5	-	-	-	0,85	менее ¼ монеты
29/71	2-4	-	-	-	1,05	-	59/101	2-5	-	-	-	0,52	-
30/72	2-4	-	-	-	0,87	-	60/102	2-5	-	-	-	0,39	-

Таблица 3

Метрологические характеристики фрагментов монет типов 6–9

№ п/п / № в/к	Тип	Монетный двор	Дата	Диаметр макс., мм	Вес, г	Примечание
1/103	6	Самарканд	470	?	1,86	более 1/3 монеты
2/104	6	Самарканд	?	?	1,57	1/3 монеты
3/105–106	7	?	с 467	25,35	1,75	ок. ½ монеты
4/107	8	?	до 461	26,1	2,42	более ½ монеты
5/108	9	Узканд	до 468	25,2	1,95	ок. ½ монеты

Таблица 4

Метрологические характеристики фрагментов монет неопределяемых типов

№ п/п / № в/к	Диаметр, мм	Вес, г	Примечание	№ п/п / № в/к	Диаметр, мм	Вес, г	Примечание
1/109	26,1	2,0	ок. ½ монеты	11/119	–	0,7	–
2/110	–	1,3	–	12/120	–	0,7	–
3/111	–	1,4	–	13/121	–	0,58	–
4/112	–	1,05	ок. ¼ монеты	14/122	–	0,73	–
5/113	–	1,27	ок. ¼ монеты	15/123	–	0,51	–
6/114	–	1,0	ок. ¼ монеты	16/124	–	0,51	–
7/115	–	0,89	менее ¼ монеты	17/125	–	0,44	–
8/116	–	0,87	менее ¼ монеты	18/126	–	0,4	–
9/117	–	0,8	менее ¼ монеты	19/127	–	0,35	–
10/118	–	0,78	–	20/128	–	0,19	–

Фрагмент монеты, тип 8 (в/к № 107). [Дирхам], серебро. Монетный двор – ?, дата – ? (по времени правления *Тафгач-хана* Ибрахима до 461/1068–69 г.).

Л. ст. В поле – *К-1*. Выше *عدل / ملك* (?), ниже не сохранилось.

Вокруг квадратом:

بسم الله ضر / ... / ... / سببين اربح ملة.
Внешнее обрамление не сохранилось.

Об. ст. В поле:

لله
محمد رسول الله
... [تاج] الملة
...
طفغاچ خان
ابرهيم

Поле обрамлено круговым двойным линейным ободком. Круговая надпись не сохранилась. Внешнее обрамление не сохранилось.

Фрагментов таких монет выявлен один экземпляр, его метрологические параметры приведены в табл. 3.

Фрагмент монеты, тип 9 (в/к № 108). Дирхам, серебро. Узканд, год – ? (по времени правления халифа ал-Ка`има 422–467/1031–1075 гг.).

Л. ст. В поле – *К-1*. Выше не сохранилось, ниже *الدولة* (?).

Вокруг квадратом:

... / باوزكند سنة / ... /

Внешнее обрамление не сохранилось.

Об. ст. В поле:

لله
محمد رسول الله القائم
خان...

Поле обрамлено круговым двойным линейным ободком. Круговая надпись не сохранилась. Внешнее обрамление не сохранилось.

Фрагментов таких монет выявлен один экземпляр, его метрологические параметры приведены в табл. 3.

Фрагменты монет, неопределяемые типы (в/к № 109–128). [Дирхам], серебро.

Фрагментов таких монет выявлено двадцать экземпляров, их метрологические параметры приведены в табл. 4.

Присутствие в просмотренной части клада 86 экз. (более 67 %) различного размера (веса) фрагментов монет косвенно указывает на весьма высокую ценность серебряных дирхамов. Из них 60 экз. (ок. 70 %) уверенно определяются как фрагменты от целых монет, аналогичных тем, из которых состоит исследуемый клад. При отсутствии сведений о хронологически одновременной чеканке фалсов в этом регионе фрагменты дирхамов различного веса, несомненно, являлись удобным платежным средством при мелких расчетах.

Большинство фрагментов можно разделить на группы из фрагментов, визуально составляющих ок. 2/3, 1/2, 1/3, 1/4 и 1/6 целой монеты⁵. Такое разделение предполагает использование двенадцатиричной системы счета.

Примечания

1. Городище находится в зоне затопления Кировского водохранилища. Клад на дне водохранилища после спуска воды нашли жители близлежащего с. Кызыл-Адыр (Кара-Бууринский район Таласской области) Ш.К. Молдошев и М.М. Темирбеков. Для изучения предоставлен нам А.Т. Абасбековым при непосредственном участии Л.М. Ведутовой (ИИИиКН НАН КР).

2. Высота сосуда – 8 см, диаметр дна – около 4 см, максимальный наружный диаметр 9,2 см, наружный диаметр венчика – 6 см, внутренний диаметр венчика – 4,5 см.

3. Благодаря разъяснительной работе, проведенной А.Т. Абасбековым среди местных жителей, ему удалось собрать еще 50 монет из этого клада. Сведения об этих монетах будут опубликованы в следующем выпуске сборника.

4. Так, на монетах 403/1012–13 г. Мухаммад б. `Али сначала титулуется как *Арслан-тегин*, затем *Йинал-тегин* и, наконец, *Илиг* [Кочнев 2006: 133], а в 454/1062 г. в Куз Орду сначала чеканит монеты Восточный Караханид Аййуб б. Сулайман, затем Западный Ибрахим б. Наср и т. д.

5. При среднем весе дирхамов Тараза 471–472/1078–1080 гг. в 3,8–4,0 г средний вес фрагмента 1/4 целой монеты должен быть 0,95–1,0 г, 1/3 целой монеты 1,27–1,33 г, 1/2 целой монеты 1,9–2,0 г, 2/3 целой монеты 2,53–2,67 г. Однако при построении для них графика обнаружить предпочтительный вес, к которому стремились бы фрагменты, не удалось. Отклонения от расчетной величины вызваны как различиями в весе исходных монет, так и в размерах фрагментов монет в каждой группе.

Abstract

TREASURE OF KARAHANIDS COINS SECOND HALF XI CENTURY FROM SADYR-KURGAN SITE

V.G. Koshevar, A.T. Abasbekov

Synthesis of new numismatic sources, with the detailed accounts of historian Ibn al-Asir and publications of other researchers allowed clarification in the reconstructed chronology of the reign of the Khans of the Eastern Qarakhanids, in the second half of the eleventh century.

Литература

Буниятов 1981 – Буниятов З.М. Гарс ан-Ни`ма ас-Саби и Камал ад-Дин ибн Фувати об истории Караханидов // ППВ. 1974. – М., 1981.

- Кочнев 1988 – Кочнев Б.Д. Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин (Нумизматические данные к истории Восточных Караханидов во второй половине XI в.) // ЭВ. Вып. 21. – М., 1988.
- Кочнев 1996 – Кочнев Б.Д. О датировке Акшыйракского сосуда // РА. – 1996. – №3.
- Кочнев 1997 – Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура. Ч. 2 // ВИИСИД, Вып. 5. – М., 1997.
- Кочнев 2006 – Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. 1. Источниковедческое исследование. – М., 2006.
- МИКК 2002 – Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. – Бишкек, 2002.

О ХРОНОЛОГИИ ПРАВЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ КАРАХАНИДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XI в.

В.Г. Кошеввар*

Восточные Караханиды / 2-я пол. XI в.
Eastern Qarakhanid / 2nd half XI c.

Хронология правления Восточных Караханидов во второй пол. XI в. в средневековых арабских источниках наиболее подробно описана Ибн ал-Асиром [МИКК 2002: 68]. Отдельные сведения об этом периоде есть у Джемалю Кураши (Карши) [Бартольд 1968: 420], Мухаммада ал-Ауфи [Бартольд 1963а: 45] и Мухаммада Наршахи (точнее у Ахмада Кубави, который перевел на персидский и дополнил сведения Наршахи) [Бартольд 1963а: 45; Наршахи 1897: 22]. В.В. Бартольд, основываясь на доступных ему сведениях, предложил свое видение хронологии правления Восточных Караханидов в этот период [Бартольд 1963а: 44–45; Бартольд 1968: 419–420]. Все последующие исследователи истории династии Караханидов – О. Прицак [Pritsak 1953], М.Н. Федоров [Федоров 1980: 54; Федоров 1983: 124–126, 129–131; Федоров, Мокеев 1995: 171–173], О. Караев [Караев 1983: 155, 163–164] – поддержали эту точку зрения. Несколько иную хронологию, основанную на новых нумизматических сведениях, предложил Б.Д. Кочнев [Кочнев 1988: 57–67; Кочнев 1996: 211–215; Кочнев 2006: 203–204]. Его версия представляется наиболее непротиворечивой, и именно она и ставшие известными новые сведения легли в основу нашего исследования.

Вопрос о распределении власти в этом регионе в 449–454/1057–1062 гг. ранее уже был подробно рассмотрен [Кочнев 2006: 205–206] и

несколько дополнен [Кошеввар 2007: 130–133]. Как было отмечено, гибель в 454/1062 г. верховного правителя Восточных Караханидов Арслан-хана Ибрахима б. Мухаммада (بن محمد ابراهيم ارسلان خان), видимо последнего из прямых наследников Богра-хана Мухаммада б. Йусуфа (بغرا خان محمد بن يوسف), привела к естественным подвижкам в иерархии Восточного каганата. К власти, судя по титулатуре на известных монетах, пришли наследники Арслан-хана Сулаймана б. Йусуфа (ارسلان خان سليمان بن يوسف).

Так, на монетах Куз Орду в 454/1062 г. является титулатура ранее не известных правителей: Аййуба б. Сулаймана (ايوب بن سليمان) с княжеской титулатурой Бурхан ад-давла Арслан-тегин (برهان الدولة ارسلان تگين) и пока не идентифицированного вассала с княжеской титулатурой более низкого ранга Джамал ад-давла Тонга-тегин (جمال الدولة طنغا تگين) [Кочнев 1997: 286/1320, 1322–1325; Кочнев 2004: 279/1324]. Они же являются правителями Куз Орду какое-то время и в 455/1063 г. [Zeno, Интернет: № 70857].

После завоевания Чуйской долины Западным Караханидом Тафгач-ханом Ибрахимом б. Насром (طغچاخان ابراهيم بن نصر) на монетах Куз Орду проставляется титулатура «не известного ближе Восточного Караханида» [Кочнев 2006: 206] Арслан кара-хакана `Абд ал-Халика (ارسلان قرا خاقان عبد الخالق). Титул последнего предполагает его верховную власть, но, судя по расположению на монете его титулатуры, он

* Кошеввар Вадим Григорьевич – частное предприятие «АЛВИАН». Кыргызстан, Бишкек, alwian@mail.ru

являлся вассалом Ибрахима б. Насра [Кочнев 2004: 276/898а, 898б; Zeno, Интернет: №18758]. Монеты с титулатурой `Абд ал-Халика пока известны чеканенными только в Куз Орду и только с датами 454–455/1062–1063 гг.¹ Последующее исчезновение его титулатуры из монетных надписей, по всей видимости, не привело к подвижкам в иерархии правителей Восточного каганата, находящихся под сюзеренитетом Западных Караханидов, по крайней мере, на княжеских ее ступенях. Об этом свидетельствуют монеты Куз Орду 456/1063–64 г. с титулатурой Аййуба [Кочнев 2004: 276/903а; Zeno, Интернет: №534], признавшего сюзеренитет Ибрахима б. Насра, на которых он, как и в 454–455/1062–1063 гг., по-прежнему титулуется – *Арслан-тегин*.

Из числа наследников Сулаймана наиболее известен *Имад ад-давла* Йусуф б. Сулайман²⁰ (عماد الدولة يوسف بن سليمان). На медно-свинцовых дирхамах Кубы 445/1053–54 г., 447(?) / 1055–56 г. он обозначен в качестве вассала *Арслан-хана* Сулаймана [Кочнев 1997: 280/1228]. Представляется, что вскоре после 447/1056–57 г., но не позже 451/1059–60 г., Йусуф покинул Ферганскую долину, переместившись сначала, скорее всего, в Кашгар, столицу своего отца, а затем в Иссык-Кульский Барсхан [Кошевара 2007: 130–131; Кошевара 2008а: 88; Zeno, Интернет: №18333]. По сведениям Ибн ал-Асира, *Арслан-хан* Ибрахим погибает в сражении с владельцем Барсхана титулованным *Иинал-тегином* (اينال تگين), как представляется, соотносимым с *Имад ад-давла* Йусуфу б. Сулайману. В пользу последующего получения Йусуфом ханского титула указывают монеты [Барсхана] с титулатурой *Имад(?) ад-давла хан(?)*, чеканенные не ранее 454/1062 г. [Кошевара 2008а: 88; Zeno, Интернет: №12462, 12463]. Такую датировку предполагают известные исторические факты и сведения из перевода китайского источника, в котором указано, что «в 1063 г. (455–456 г. х.) правителем Караханидов был «Токэлуэр» (сообщение Н. Рахимбабаевой), т.е. *Тогрыл³-хан*» (طغرل / طغريل خان) [Кочнев 2006: 203]. Событием для подвижек в иерархии Восточного каганата могло стать исчезновение после 455/1063 г. титулатуры *Арслан кара-хакана* `Абд ал-Халика с монет Куз Орду. Принимая такое обоснование, следует полагать признание интитуляции Восточных караханидов, признавших сюзеренитет Западного караханида Ибрахима б. Насра, со стороны Восточных Караханидов, не признавших его сюзеренитет. В ином же случае таким событием являлась гибель *Арслан-хана* Ибрахима б. Мухаммада в 454/1062 г.

Еще один сын Сулаймана известен по «Кутадгу билик» в 462/1069–70 г. правящим в Кашгаре с титулатурой *Тафгач/Табгач Богра*

кара-хакан (طغفاج / طغفاج بغرا قرا خاقان), уточненной в 474/1081–82 г.⁴ именем Аби Али ал-Хасан б. Сулайман (ابى على الحسن بن سليمان), который являлся «соправителем своего брата» [Бартольд 1968: 420], он же, по сообщению Ибн ал-Асира [МИКК 2002: 68], Харун *Богра-хан* (هارون بغرا خان). Представляется, что Хасан/Харун, как и все иные известные наследники Сулаймана, в 454–455/1062–1063 гг. продвинулся в иерархии, получил ханский титул и стал соправителем брата Йусуфа.

Б.Д. Кочнев указывал, что «*Тафгач-хан* – один из самых высоких» [Кочнев 1993: 17]. Это предполагает, что верхнюю ступень иерархии Восточного каганата мог занимать *Тафгач Богра-хан* Хасан (Харун). Представляется, что в пользу первенства во власти может указывать его обширная титулатура, приведенная в «Кутадгу билик», и в частности – «... *ханлархани*» (хан ханов) и «*Ордукенд хани бег*» (хан столичного города) [Бартольд 1968: 419]. Однако до 476/1083–84 г. его титулатура за пределами Восточного Туркестана пока не отмечена, и на известных дирхамах Тараза ни в 467–468/1074–1076 гг. [Кочнев 1997: 288/1340], ни в 472/1079–80 г. [Кочнев 1997: 288/1342] он не упоминается. Дирхамы Тараза 469/1076–77 г. и 471–472/1078–1080 гг. также не содержат его титулатуры [Кошевара, Абасбеков 2009: 112–113]. И только на недавно выявленной монете Куз Орду 476/1083–84 г.⁵ проставляется титулатура *Богра-хана*.

Йа`куб (يعقوب), последний из известных пока сыновей Сулаймана, правил в городе Атбаш (городище Кошой-Коргон, Внутренний Тянь-Шань) с титулом *тегин* [МИКК 2002: 70–71] или *Буга-тегин* [Кочнев 2006: 215]. Монеты с его титулатурой пока не известны.

По всей видимости, в 454/1062 г., после гибели Ибрахима б. Мухаммада, произошло «мирное» разделение власти над территориями Восточного каганата представителями одного поколения, прямыми наследниками *Арслан-хана* Сулаймана б. Йусуфа.

Представляется, что к концу 454/1062 г. распределение власти над территориями Восточного каганата выглядело следующим образом: Таласскую и Чуйскую долины захватил Западный Караханид Ибрахим б. Наср, поставив в качестве непосредственного правителя в Куз Орду вассала из числа Восточных Караханидов *Арслан-хана* `Абд ал-Халика, затем в 456/1063–64 г. Аййуба б. Сулаймана и не позже 460/1067–68 г. сына последнего Йусуфа б. *Бурхан ал-давла* (يوسف بن برهان الدولة); в Иссык-Кульской котловине (Барсхан) правил *Тогрыл кара-хакан* Йусуф б. Сулайман; *Богра кара-хакан* Хасан (Харун) б. Сулайман правил в Восточном Туркеста-

не (Кашгар, Йаркенд); Йа`куб б. Сулайман – во Внутреннем Тянь-Шане (Атбаш).

Ибн ал-Асир указывал, что *Тогрыл-хан* «овладел царской властью и царствовал в Баласагуне» [МИКК 2002: 68]. Следует заметить, что еще в 460/1067–68 г. Куз Орду (=Баласагун) [Кочнев 1997: 253/929], Узканд [Кочнев 1997: 253/930], Шаш [Кочнев 1997: 253/931] и, вероятно, лежащие между Куз Орду и Шашем Тараз [Кочнев 1997: 254/935] и Испиджаб были под сюзеренитетом Западного Караханида Ибрахи́ма б. Насра и его вассалов.

После смерти Ибрахи́ма б. Насра в 461/1068–69 г. [Кочнев 2006: 210] военные действия Восточных Караханидов против Западных Караханидов завершились скорым возвратом власти почти всех утраченных ими ранее территорий, в том числе и Баласагуна.

Уже в 462/1069–70 г. *Тогрыл-хан* Йусуф расширил свое влияние на Тараз, Испиджаб, Шаш, Ферганскую долину (последняя была вновь им утрачена не позднее 465/1072–73 г.; судьба Шаша и Испиджаба пока не ясна [Кочнев 2006: 207]).

По нумизматическим данным ни Шаш, ни Тараз не являлись столичными городами Йусуфа. Непосредственное управление в них было отдано его сыну `Умару (عمیر). Правда, дирхам Маргинана 461/1068–69 г. был выпущен Йусуфом без указания вассалов [Кочнев 1997: 287/1328], но Ибн ал-Асир называет его столицей Баласагуна [МИКК 2002: 68]. Таким образом, начать царствовать в Баласагуне *Тогрыл-хан* не мог ранее, чем в 461/1068–69 г., т.е., как представляется нам, у Ибн ал-Асира в одном предложении речь идет о двух одновременных событиях: об овладении *Тогрыл-ханом* Йусуфом царской властью в 454–455/1062–1063 гг. и о начале его царствования в Баласагуне не ранее 461/1068–69 г.

В переводах письменных источников указано, что в войне против Западных Караханидов участвовали *Тогрыл-хан* Йусуф и *Богра-хан* Хасан (Харун) [Бартольд 1963а: 44; Бартольд 1968: 420]. И, если присутствие первого (вместе с сыном `Умаром) отмечено по надписям на монетах, выпущенных на возвращенных ими территориях, то о втором нумизматические данные пока умалчивают.

В 462/1069–70 г. на монетах Шаша `Умар упоминается с невысоким «княжеским не ранговым титулом» [Кочнев 1993: 16] *Чагры-тегин* (چغریتکین) [Кочнев 1997: 287/1338], являясь вассалом отца. В этом же году он продвинулся в иерархии и на монетах Тараза [Кочнев 1997: 287/1334] также в качестве вассала *Тогрыл-хана* Йусуфа, и на монетах Бенакета [Кочнев 1997: 287/1329–1332], Парака? [Кочнев 1997: 287/1339], Тункета [Кочнев 1997: 287/1335] и Чинанчикета

[Кочнев 1997: 287/1336–1337] в качестве сюзерена иных правителей, причем он упоминается уже с более высоким титулом *Тогрыл-тегин* (طغرل تکین / طغرلتکین).

По сведениям Ибн ал-Асира, царствование *Тогрыл-хана* Йусуфа продолжалось 16 лет [МИКК 2002: 68], т.е. его правление закончилось в 470–471/1077–1079 гг. В подтверждение этой даты на дирхамах Тараза 469/1076–77 г. еще фигурируют Йусуф б. Сулайман с `Умаром, а 471/1078–79 г. один `Умар [Кошевар, Абасбеков 2009: 112–113].

Анализ монетных надписей на караханидских (да и не только караханидских) монетах позволяет сделать вывод о том, что важные политические события в каганате – получение правителями новой титулатуры, права на новые территории, города и т.п. отмечались эмиссией новых монет с измененными данными. Причем, отражалось это, как правило, незамедлительно, поскольку, несомненно, являлось важным политическим событием⁶.

Так, появление в 471–472/1078–1080 гг. сразу на четырех типах дирхамов Тараза имени `Умара, несомненно связанного с титулом *Тогрыл кара-хакан*, пожалуй, могут свидетельствовать о хронологически одновременных изменениях в верховной власти Восточного Каганата.

После смерти *Тогрыл-хана* Йусуфа «воцарился его сын *Тогрыл-тегин*; пребывал [царем] два месяца» [МИКК 2002: 68]. Очевидно, что `Умар после смерти отца должен был продвигаться в иерархии, получив новый, более высокий титул, но указываемое получение им ханского титула требует некоторых комментариев.

«И у каждого предводителя тюрок, царя или декхана, есть Йинал, т. е. наследник» [МИТТ 1939: 219]. Так называли сыновей верховного правителя, имевших царское происхождение по материнской линии. Наследник престола назначался еще при жизни властвующего хана, но менял ли при этом он свой титул на *Йинал-тегин*, пока остается неясным. «Затем *Богра-хан* [Мухаммад. – В.К.]⁷ поручил царство своему старшему сыну по имени Хусайн *Чагры-тегин* и сделал его своим объявленным наследником» [МИКК 2002: 68]. Б.Д. Кочнев указывал, что преимущественное право на получение высшего титула имел «старший из братьев или представитель старшего поколения» [Кочнев 2006: 76]. Однако уже в 423/1031–32 г. *Арслан-хан* Сулайман занял высшую ступень в Восточном Каганате, еще при жизни дяди, а в 431/1039–40 г. вне всякой «очереди» Западный Караханид Ибрахи́м б. Наср присвоил себе ханский титул [Кочнев 1991: 79]. В интересующий нас период, после смерти *Богра-хана* Мухаммада и гибели назначенного им наследника, верховным правителем становится оставший-

ся единственным прямым наследником малолетний младший сын первого *Арслан-хан* Ибрахим [МИКК 2002: 68]. Затем, после гибели последнего, при предполагаемом отсутствии у него прямых наследников, к власти приходят наследники «второй очереди», т.е. сыновья *Арслана-хана Сулаймана*. Возможна была и иная очередность во власти. Так, неизвестный ранее `Абд ал-Халик с неизвестной пока генеалогией был сразу возведен в верховные каганы, оттеснив наследников, сыновей Сулаймана. Но произошло это, как представляется, не без авторитетного участия в назначении Ибрахима б. Насра.

Таким образом, бесспорным является то, что у восточно-караханидских правителей в сер. XI в. были приемники из числа прямых наследников, назначаемые ими еще при жизни правителя, а это указывает на приоритет в передаче власти в этот период по наследству, а не по старшинству. Получение по праву наследства `Умаром ханского титула вполне могло вызвать недовольство со стороны старшего поколения [Кочнев 1988: 67] и в частности Хасана, поскольку `Умар, хотя и являлся прямым наследником верховного правителя, но был представителем более младшего поколения, в отличие от других правителей, являвшихся прямыми потомками Сулаймана б. Йусуфа.

М.Н. Федоров утверждает, что `Умар становится «*Тогрыл кара-хаканом*» [Федоров, Мокеев 1995: 173]. Это допустимое с точки зрения преемственности титулатуры мнение, в силу своего обоснования, вызывало полемику [Кочнев 1996: 213–214]. Однако недавно выявленные четыре типа монет Тараза 471–472/1078–1080 гг. с титулом `Умара *Тогрыл кара-хакан* ставят точку в этом споре [Кошевар, Абасбеков 2009: 112–113].

В 473/1080–81 г. `Умар упомянут как «`Умар *Тогрыл-тегин* – один из ханов (*мин ал-ханийя*)» [Буниятов 1981: 7]. Представляется, что титул *хан* здесь указывает только на принадлежность `Умара к караханидам, именуемым «в персидских исторических сочинениях ... «*ханы Туркестана*»» [Бартольд 1964: 519]. «Страна Туркестан ... была в руках царей – ханов, тюрков..., а «*хан*» – прозвище тюркских царей» [МИКК 2002: 73–74].

Вполне допустимо, что `Умар получил ханский титул на курултае, подтверждающем тюркскую легитимность его светской власти, и начал проставлять его на монетах. Но получить, как полагалось в таких случаях, свидетельство от халифа, подтверждающее духовную легитимность его власти в исламском мире [Агаджанов 1973: 65; Бартольд 1963б: 282–283; МИКК 2002: 68], он, видимо, не успел. Вполне очевидно, что между фактическим и юридическим вступле-

нием во власть нового верховного правителя должно пройти некоторое время, необходимое, по крайней мере, на путешествие посольства с прошением к халифу и обратно с почетным облачением и грамотой на владение [Гусейнов 1969: 130–132; Бартольд 1963б: 283]. Так, *Арслан-хан* Ахмад, пришедший к власти в 496/1102–03 г. [МИКК 2002: 68], только «в 1105 г. ... известил халифа о своем вступлении на престол и испросил у него инвеституру» [Федоров 1983: 131]. Видимо, `Умар не выполнил все необходимые формальности юридического оформления легитимности нового титула. Пожалуй, этим можно объяснить упоминание в арабских исторических хрониках не заявленного им (и теперь доподлинно известного нам по монетам) ханского титула, а только старого, княжеского. Представляется, что Ауфи, указывая титул `Умара *кара-хан* (قرا خان) [Бартольд 1963а: 45], показывает только его «верховность», но конкретный титул не определяет. Изложенное предполагает значительное внимание к вопросу подтверждения исламской легитимности власти как у самих караханидов, так и у мусульманских авторов исторических сочинений. Впрочем, условия обязательности такой процедуры нам пока не известны⁸.

Таким образом, для `Умара нам достоверно известны даты 471/1078–79 г. и 473/1080–81 г., которые пока определяют срок его верховного правления. Из этого следует, что правил он более года, а не два месяца, как на то указывал Ибн ал-Асир. Логично предположить, что срок его правления может определяться как «год и два месяца», но слово «год» впоследствии потерялось переписчиками труда Ибн ал-Асира. Следует заметить, что все без исключения продолжительные сроки правления указаны Ибн ал-Асиром с «точностью до года». Возможно, что время окончания правления (= гибель?) `Умара следует связывать с военными действиями против Хызра, который «разгромил его и захватил все, что было в его войске» [Буниятов 1981: 7]. Предполагаемые за этим событием подвижки в иерархии Восточного каганата допускают, что новым верховным каганом, на вполне законных основаниях (по старшинству), мог стать Хасан б. Сулайман⁹.

Следующей известной нам датой является 476/1083–84 г. В этом году на монете Куз Орду проставляется титулатура *Богра-хана*, т.е. указываемое Ибн ал-Асиром «потом [в Семиречье] пришел Харун *Богра-хан*» [МИКК 2002: 68] вполне соответствует действительности.

Если принять 476/1083–84 г. как начальную дату расширения сюзеренитета Хасана на Семиречье, то период между предполагаемым окончанием правления `Умара в 473/1080–81 г. и этой

датой становится годами пока неизвестных правителей и дат их правления в Семиречье. Впрочем, также вполне допустимо, что расширение сюзеренитета Хасана на эти территории произошло сразу после смерти `Умара, а нам пока не известны переводы письменных источников и монеты, отражающие эти изменения.

Я осмелюсь сделать предположение. Особо оговорюсь, что никаких веских оснований в переводах письменных источников и по нумизматическим данным к этому пока нет. Однако обращает на себя внимание близкое совпадение периода неясного правления в Семиречье с периодом правления Западного караханида Хызра б. Ибрахима (خضر بن ابراهيم), которому, как следует заметить, «и Туркестан¹⁰ повиновался» [Самарканди 1963: 77–79]. В 473/1080–81 г. ему, судя по нумизматическим данным, принадлежала даже восточная часть Ферганской долины (Узканд) [Федоров 1978: 173–176], причем контроль над Ферганой он, видимо, сохранял и в 479/1086–87 г. [Федоров 1985: 151; Fedorov 1999: 13, 14]. В том же 473/1080–81 г. он, несомненно, одержал победу над `Умаром [Буниятов 1981: 7], и территория его сюзеренитета вполне могла расшириться еще на одну часть Туркестана, на Западное Семиречье (Тараз).

Следующей известной нумизматической датой является 481/1088–89 г. В этом году на дирхамах Тараза [Кочнев 1997: 288/1343–1344] проставляется титулатура *Богра-хана*. На этих же монетах отражено изменение княжеского титула пока не идентифицированного *Богра-тегина* (بغرا تگين) на *Богра Илиг*¹¹ (بغرا ايلك), являвшегося, видимо, непосредственным правителем Тараза. Вполне допустимо, что расширение сюзеренитета Харуна *Богра-хана* на Западное Семиречье (Тараз) произошло только после смерти Хызра б. Ибрахима в 479/1086–87 г.

Следующее сообщение Ибн ал-Асира, согласно логике построения текста, описывает событие, произошедшее уже после расширения сюзеренитета Харуна на Семиречье (Тараз, Баласагун) [Кочнев 1996: 214]. Попробуем разобраться в этих сведениях еще раз. Некто «перешел в Кашгар и схватил Харуна. Войско его повиновалось ему, и он завладел Кашгаром, Хотаном и тем, что примыкает к нему до Баласагуна, и оставался царем 29 лет. Он умер в 496 г., и стал править его сын Ахмад бин *Арслан-хан*» [МИКК 2002: 68].

Предложенная В.В. Бартольдом и безапелляционно принятая большинством исследователей истории Караханидов трактовка этого фрагмента представляется спорной. По версии В.В. Бартольда, «перешедшим в Кашгар» становится Харун *Богра-хан*. «Харун *Богра-хан* зашел за

(`абара) Кашгар и взял в плен Харуна (? ошибка, вместо *Тогрыл-тегина*); войско этого последнего подчинилось ему, и он захватил Кашгар, Хотан и соседние области до Баласагуна, где он и царствовал 29 лет и умер в 496 году» [Бартольд 1968: 419]. При такой трактовке этих событий не ясно: почему Харун *Богра-хан* (=Хасан б. Сулайман), известный по нумизматическим данным и переводам письменных источников как правитель Восточного Туркестана, правивший в Кашгаре, захватывает Кашгар, Хотан и соседние области. Это действие должно предполагать предшествующее хотя бы временное вытеснение его из Восточного Туркестана, но никаких свидетельств этому пока нет. Этот вопрос, поставленный Б.Д. Кочневым еще в 1988 г. [Кочнев 1988: 66–67], так и остался без какого-либо ответа со стороны его оппонентов.

В МИКК в комментариях к переводу этой части сочинения Ибн ал-Асира «перешедшим в Кашгар» становится некий *Арслан-хан* (?), поскольку «из дальнейшего видно, что рассказ возвращается к *Арслан-хану*» [МИКК 2002: 68/40]. Это ошибочное положение уверенно опровергается известными историческими сведениями об отце Ахмада ал-Хасане [МИКК 2002: 74], не носившем, судя по известным сведениям из переводов письменных источников и нумизматическим данным, титул *Арслан-хан* [Бартольд 1968: 420; Кочнев 1997: 288/1343–1345]. Соответственно сообщение Ибн ал-Асира об Ахмаде должно выглядеть так: «сын [Харуна] Ахмад ибн [ал-Хасан с титулом] *Арслан-хан*». Монеты, не сохранившие или вовсе не имевшие выходных данных, но сохранившие имя халифа ал-Мустазхира, датируемые 496–512/1102–1118 гг., подтверждают титулатуру Ахмада *Арслан-хан* [Кочнев 2004: 279/1349a].

Нам же представляется, что «перешедшим в Кашгар» был никто иной, как *Тогрыл б. Йинал*. Ибн ал-Асир, трижды [МИКК 2002: 68, 72] описывая в разной форме, как мы полагаем, одни и те же события, связанные с пленением Хасана б. Сулаймана, дважды указывает на их второго фигуранта *Тогрыла б. Йинала* (см. таблицу).

Далее Ибн ал-Асир сообщает, что «Йа`куба [б. Сулаймана] Султан [*Малик-шах*] заставил оказывать сопротивление *Тогрылу* [б. *Йиналу*] с тем, что бы он мешал ему усиливаться и овладевать страной. Каждый из них противостоял другому» [МИКК 2002: 72]. Следует особо отметить, что здесь речь идет о желаемом Султаном противоборстве между *Тогрылом б. Йиналом* и Йа`кубом, но не упоминается о Хасане, власть которого к этому времени, видимо, стала ничтожной.

Сравнение сведений Ибн ал-Асира

[МИКК 2002: 68]	[МИКК 2002: 72]	[МИКК 2002: 72]
[?] перешел в Кашгар и схватил Харуна [=Хасана б. Сулаймана]. Войско его [Хасана б. Сулаймана] повиновалось ему [?], и он [?] завладел Кашгаром, Хотаном и тем, что примыкает к нему до Баласагуна	<i>Тогрыл ибн Йинал</i> сделал набег на 80 фарсахов ¹² с десятками тысяч войска, внезапно напал на твоего брата [Хасана б. Сулаймана] в Кашгаре и взял его [Хасана б. Сулаймана] в плен, ограбил его [Хасана б. Сулаймана] войско и вернулся в свою страну	Султан увидел ... домогательства <i>Тогрыла ибн Йинала</i> , его поход на Кашгар, захват его владетеля [Хасана б. Сулаймана] и владычество в нем [в Кашгаре]

В подтверждение последнего вновь указывает Ибн ал-Асир: «Вы это делали (хотели ослепить Йа`куба. – В.К.), лишь повинувшись приказу моего брата [Хасана], но его распоряжение прекратилось» [МИКК 2002: 72]. Представляется, что распоряжение Верховного кагана могло прекратиться в связи с изменением в статусе отдавшего его, в данном случае с его пленением (= отстранением от власти, т.е. прервалось или, что наиболее вероятно, как предполагают дальнейшие наши рассуждения, окончательно закончилось время его правления). «Он [Йа`куб] обещал им милость, и его [Йа`куба] освободили» [МИКК 2002: 72]. Обещать милость сыну действующего верховного правителя Хасана и его приближенным мог только новый правитель, а им после Хасана, видимо, рассчитывал стать Йа`куб, последний из известных прямых потомков Сулаймана б. Йусуфа. В пользу этого предположения свидетельствует Ибн ал-Асир, сообщая, что «было у них [Хасана и Йа`куба] ... сильное соперничество из-за царской власти» [МИКК 2002: 72]. Ни о Хасане, ни о Йа`кубе после этих событий пока ничего не известно.

У Ибн ал-Асира дата этих событий не указана. Судя по сведениям ал-Хусайни, по датам появления титулатуры сельджука Малик-шаха на монетах Самарканда [Кочнев 1997: 257/980, 258/981; Кочнев 2006: 214] и новым нумизматическим сведениям, их следует датировать ок. 483/1090–91 г.

Ал-Хусайни указывал, что вторжение Сельджука Малик-шаха (ملك شاه) в Мавераннахр произошло «в один из месяцев 481 г.» [Хусайни 1980: 72]¹³. Далее по тексту сообщается, что «Султан вторгся в страну кочевников (*билад ал-харкават*) и [в конце концов] подчинил себе Сурхаба – правителя Тараза» [Хусайни 1980: 76]. З.М. Бунятов относил это событие к 482/1089–90 г., Б.Д. Кочнев также придерживался этой датировки, предполагая, что «имя» Сурхаб (سرخاب) является искаженным тюркским титулом со вторым компонентом خان хан), и допускающая его принадлежность Джабра`илу б. `Умару [Кочнев 1987: 164–165]¹⁴. Предположения по да-

тировке этого события строятся на дате известных динаров Самарканда 482/1089–90 г. с титулатурой *Малик-шаха* [Кочнев 1997: 257, №980] и заключении о невозможности похода на Тараз ранее взятия Самарканда.

О. Прицак отождествлял *Тогрыл б. Йинала* с Джабра`илом б. `Умаром (جبرئيل بن عمر), «но основания не привел. Не исключено, что в основе этого отождествления ... лежит сообщение Кубави о том, что Джабра`ила называли *Тогрыл-беком*» [Федоров 1983: 131]. Изложенное выше показывает, что это предположение, по всей видимости, верно. *Тогрыл б. Йинал* – никто иной, как сын `Умара и внук *Тогрыл-хана* Йусуфа, на войне с которым (еще с титулом *Йинал-тегин*) погиб *Арслан-хан* Ибрахим б. Мухаммад. Соответственно предположение об отождествлении *Тогрыла б. Йинала* с сыном *Йинал-тегина*, на войне с которым погиб *Арслан-хан* Ибрахим б. Мухаммад [Бартольд 1963а: 45], следует пересмотреть.

В то же время сообщение Ибн ал-Асира предполагает, что правитель *Тогрыл б. Йинал* расширяет территорию своего сюзеренитета из Иссык-Кульской котловины на Баласагун, что подтверждается известными ранее сведениями о правлении Джабра`ила в Баласагуне и Таразе [Бартольд 1963а: 45], и, видимо, на Фергану. Монеты Джабра`ила из Гурмиронского клада (северная Фергана), чеканенные в Касане¹⁵, подтверждают последнее предположение [Кочнев 1997: 288/1347; Кочнев 2006: 216–217].

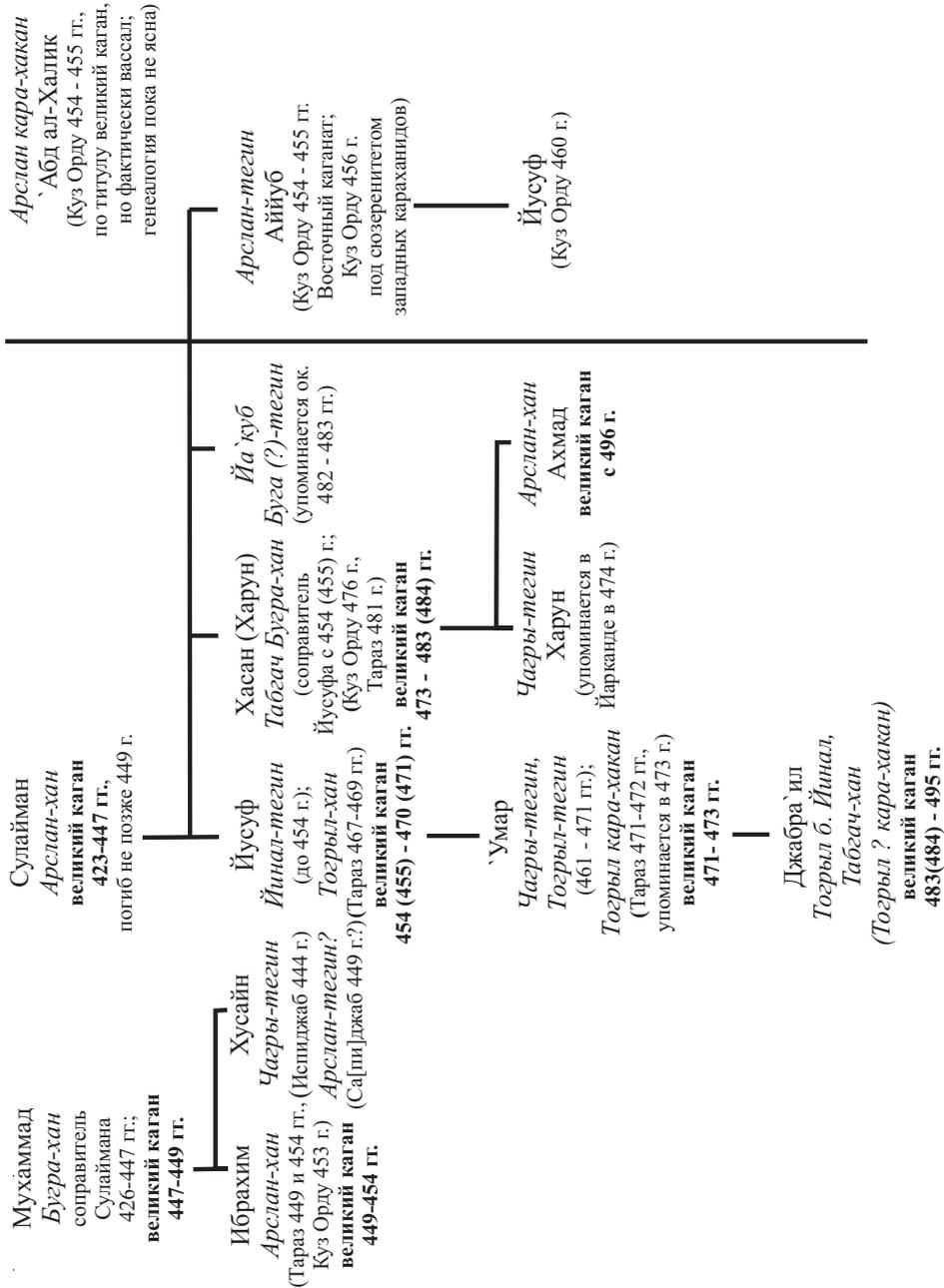
По переводам письменных источников известно, что 2 ша`бана 495/22 мая 1102 г. погиб верховный правитель Восточных Караханидов Джабра`ил, носивший, по сведениям Ибн ал-Асира, титул *Кадыр-хан* [Бартольд 1963а: 45] или *Тоган-хан* [Бартольд 1963а: 45/23]. В силу преемственности титулатуры (дед Джабра`ила Йусуф б. Сулайман носил титул *Тогрыл-хан*, его отец `Умар тоже носил такой же титул), а также известного, по сообщению Ибн ал-Асира, его титула *Тогрыл б. Йинал* и сведений Наршахи о том, что Джабра`ила называли *Тогрыл-беком*, можно предполагать компоненту *Тогрыл* к титулу хан и у Джабра`ила. По нумизматическим данным,

ТАБЛИЦА 2. ГЕНЕАЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ИЗВЕСТНЫХ ВОСТОЧНО-КАРАХАНИДСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ ВО 2-ОЙ ПОЛ. XI В.

Часть
ВОСТОЧНОГО КАГАНАТА
под сюзеренитетом западных
караханидов (454 - 460 гг.)

ВОСТОЧНЫЙ КАГАНАТ

ПРАВИТЕЛИ, ПОТОМКИ
КАДЫР-ХАНА ЙУСУФА

Ахмад б. Мухаммад
б. Хасан
Арслан-тегин
(до 447 г.),
Илиг
(448-449 гг.)

ПРАВИТЕЛИ
С НЕЯСНОЙ ПОКА
ГЕНЕАЛОГИЕЙ

Тонга-хан
(Куз Орду
450 - 451 г.)
Наср = ? Турк ...
(Куз Орду
450 - 451 г.)

Тоғрыл-тегин Джисал ад-давла
(Чинанчикат
до 454 г.)
Тонга-тегин
(Куз Орду 454 г.)

Тузун-тегин Низам ад-давла
Мухаммад
(Тункат 461 г.)
Махмуд
(Банакап,
Ганнадж,
Чинанчикат,
Парак ? 462 г.)

Сафи ад-давла
(Банакап)

Бугра-тегин = ?
(Тараз 481 г.)
Мухаммад
(Тараз 481 г.)

Сурхаб (= ? Хасан (б. Сулайман) хан)
(Тараз, упоминается не ранее 481 г.)

как по наиболее достоверному «официальному» источнику, в 494/1100–01 г. (по чтению Б.Д. Кочнева) у него был титул *Табгач-хан* [Кочнев 1987: 162; Кочнев 1997: 288/1346, 1347]. Однако, на недавно выявленной монете Куз Орду 494/1100–01 г.¹⁶ нам видится чтение *Тогрыл? [кара]-[ха] ка[н]* [Кошевар 2009а].

Следует заметить, что другой правитель Восточных Караханидов Богра-хан Хасан по сведениям, указанным в «Кутадгу билик» [Бартольд 1968: 419–420] в 462/1069–70 г. и нумизматическим данным, в 481/1088–89 г. так же носил титул Табгач/Тафгач-хакан [Кочнев 1997: 288/1343, 1344]. Два восточно-караханидских правителя одновременно не могли носить один и тот же высший тюркский титул хан/хакан с одинаковой компонентой Табгач/Тафгач, что, несомненно, предполагает их последовательное правление. Это ставит под сомнение 496/1102–03 г., как, указанную Ибн ал-Асиром, дату смерти Хасана и возможную датировку 494/1100–01 г. официального документа, рассмотренного В.В. Бартольдом [Бартольд 1968: 420].

Таким образом, итоговая хронология событий, построенная на основе сообщения Ибн ал-Асира с учетом изложенных выше сведений, видимо, может выглядеть следующим образом.

Что касается Кашгара, то это город Туркестана, он принадлежал *Арслан-хану*, сыну *Йусуфа Кадир-хана*, как мы упоминали, затем принадлежал Мухаммаду *Богра-хану*, владельцу Тараза и Шаша, в течение 15 месяцев. [Затем 5 лет в Таразе (449–454) правил его сын *Арслан-хан* Ибрахим б. Мухаммад]. Затем он, [помянутый], умер и правил после него *Тогрыл-хан*, сын [Сулаймана б.] *Йусуфа Кадир-хана*. Он овладел [в 454–455 гг.] царской властью и царствовал [с 461 г.] в Баласагуне. Его царствование длилось 16 лет [с 454–455 по 470–471 гг.] Затем он умер и воцарился его сын [Умар] *Тогрыл-тегин* и пребывал [царем] [два месяца – ошибочно] с 471 г. по 473 г. Потом [в Семиречье (Баласагун не позже 476 г., Тараз не позже 481 г.)] пришел Харун *Богра-хан* [= Хасан б. Сулайман], брат *Йусуфа Тогрыл-хана*, [сына Тафгаджа Богра-хана – ошибочно]. [Признание *Богра-ханом* сюзеренитета Сельджуков].

[В 483 г. Тогрыл б. Йинал из Барсхана (=Джабра`ил б. `Умар)] перешел в Кашгар и схватил Харуна. Войско его [Харуна] повиновалось ему [Джабра`илу] и он [Джабра`ил] завладел Кашгаром, Хотаном и тем, что примыкает к нему до Баласагуна; [Харун] оставался царем 29 лет. Он умер [в 483–484 гг.]. [Затем по 495 г. правил Джабра`ил]. В 496 г. стал править [его – ошибочно] сын [Харуна] Ахмад ибн [ал-Хасан с титулом] *Арслан-хан*.

Предлагаемая нами хронология правления Восточных Караханидов во 2-й пол. XI в. (табл. 2) уверенно согласовывается со всеми известными историческими и нумизматическими датами и представляется наиболее непротиворечивой.

Впрочем, окончательно снять вопросы по хронологии правления Восточных Караханидов во 2-й пол. XI в. может только выявление новых типов монет местных эмиссий и письменных источников, которые смогут уточнить некоторые предполагаемые моменты в реконструируемых нами событиях.

Примечания

1. Эти сведения предполагают борьбу за власть над Куз Орду на рубеже 454–455/1062–1063 гг. между *Арслан-тегином* Аййубом б. Сулайманом и *Тафгач-ханом* Ибрахимом б. Насром.

2. Не вдаваясь в подробности полемики по вопросу принадлежности титула *Тогрыл кара-хакан*, считаем, что мнение Б.Д. Кочнева о его принадлежности *Йусуфу б. Сулайману* [Кочнев 1988: 65; Кочнев 2006: 204], судя по известным сведениям, представляется более обоснованным, чем мнение О. Прицака [Pritsak 1953: 41; Бартольд 1964: 508/6], впоследствии поддержанное М.Н. Федоровым [Федоров 1983: 124–125; Федоров, Мокеев 1995: 173], о его тождественности Махмуду б. *Кадыр хану* *Йусуфу*. Мнение последних, как указывал Б.Д. Кочнев, основано на неверной «атрибуции монетной титулатуры» на монетах 462/1069–70 г. с именем Махмуда [Кочнев 2006: 204].

3. «Компонент Тюркской титулатуры правильнее передавать не *Тогрул*, а *Тогрыл*. В чем убеждают легенды караханидских (да и не только караханидских) монет» [Кочнев 1996: 211]. Кроме того, все имена и титулы, в том числе указанные в цитируемых нами источниках и литературе, приведены в соответствие с принятым в настоящее время их написанием.

4. Как показывают дальнейшие исследования, этот документ может быть датирован только 474/1081–82 г., но не 494/1100–01 г.

5. *Л.ст.*: Малик ал-Машрик [на]сир [ад-да]вла. *Об. ст.*: Богра / [Шара]ф ал-ислам / хан.

6. Так, в одном и том же 403/1012–13 г. Мухаммад б. `Али на монетах сначала титулуется как *Арслан-тегин*, затем *Йинал-тегин* и, наконец, *Илиг* [Кочнев 2006: 133], а в 454/1062 г. в Куз Орду сначала чеканит монеты Восточный Караханид Аййуб б. Сулайман, затем Западный Ибрахим б. Наср и т. д.

7. Здесь и в дальнейшем вставки в квадратных скобках в исходный перевод текста Ибн ал-Асира [МИКК 2002] и комментарии наши.

8. Сведения о получении караханидами лакабов от халифа известны для *Тафгач-хана* Ибрахима б. Насра [Буниятов 1981: 8] и для Мухаммада б. Насра в «месяце раби`II 436 года» [Буниятов 1981: 8, 10].

9. Собственно говоря, версия о насильственном смещении Умара основывается на интерпретации В.В. Бартольдом сообщения Ибн ал-Асира о пленении Харуном «Харуна (? ошибка, вместо *Тогрыл-тегина*)» [Бартольд 1968: 419].

10. Под Туркестаном в арабских источниках обычно понимаются Ферганская долина, Семиречье (Таласская и Чуйская долины), Иссык-Кульская котловина и Восточный Туркестан (Синьцзянь).

11. При этом предполагается, что оба титула последовательно принадлежали одному лицу.

12. Примерно соответствует расстоянию от Иссык-Кульского Барсхана (ур. Койсары) до Кашгара [Бартольд 1963а: 45].

13. Как показывают монеты из подготовленного нами к публикацииклада караханидских и сельджукидских дирхамов, отторжение территорий Западных Караханидов Малик-шахом началось еще в 478/1085–86 г. На дирхамах Усрушаны этого года титулатура Хызра сменяется титулатурой Малик-шаха.

В 479/1086–87 г. им снова владеет караханид Ахмад б. Хызр. Завоевание же Малик-шахом Узканда произошло не ранее 480/1087–88 г., поскольку на дирхамах этой датой ещё упоминается Ахмад б. Хызр.

14. Развитие предложенного Б.Д. Кочневым варианта написания «имени» Сухраб, допускает предположить недописанное *خان[ح]سن* (= [Ха]сан-хан [б. Сулайман]), который в 481/1088–89 г. был сюзереном в Таразе.

15. Судя по титулатуре, дирхам [Кочнев 1997: 288/1345], скорее, относится к эмиссии от имени Хызр б. Ибрахима *ал-Хасана* [Кочнев 1997: 257/976], чем от имени *Табгач-хана* Хасана б. Сулаймана. На это же указывает монета Хызра с титулатурой *Тамгач-хан ал-Хасан Малик ал-Маширик* из подготовленного нами к публикацииклада караханидских и сельджукидских дирхамов.

16. *Л. ст.:* Йинал / тегин. *Об. ст.:* Тогрыл (?) [кара] / [ха]ка[н].

Abstract

TO CHRONOLOGY OF EASTERN QARAKHANID DYNASTY IN SECOND HALF OF XI A.D.

V.G. Koshevar

In article is representing the generalization new numismatic data, information from translation Ibn al-Asir and publication of the other researchers has allowed to contribute revision in reconstructed chronology of the rule Sovereign kagans from Qarakhanid dynasty in second half of XI century A.D.

Литература

- Агаджанов 1973 – Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. – Ашхабад, 1973.
Бартольд 1963а – Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Соч.: В 9 т. Т. 2 (1). – М., 1963.
Бартольд 1963б – Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.: В 9 т. Т. 1. – М., 1963.
Бартольд 1964 – Бартольд В.В. Статьи из «Энциклопедии ислама». Илек ханы // Соч.: В 9 т. Т. 2 (2). – М., 1964.
Бартольд 1968 – Бартольд В.В. Богра-хан, упомянутый в Кутадгу билик // Соч. Т. 5. – М., 1968.
Бунятов 1981 – Бунятов З.М. Гарс ан-Ни`ма ас-Саби и Камал ад-Дин ибн Фувати об истории Караханидов // ППВ. – 1974. – М., 1981.
Гусейнов 1969 – Гусейнов Р.А. Султан и халиф // ПС. – 19(82). – М., 1969.
Караев 1983 – Караев О. История караханидского каганата. – Фрунзе, 1983.
Кочнев 1987 – Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 8: (Караханиды) // ИМКУ. Вып. 21. – Ташкент, 1987.
Кочнев 1988 – Кочнев Б.Д. Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин (Нумизматические данные к истории Восточных Караханидов во второй половине XI в.) // ЭВ. Вып. 21. – М., 1988.
Кочнев 1991 – Кочнев Б.Д. Структура власти в Караханидском каганате: борьба кочевнических и оседлых традиций // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути: ТД. – Алма-Ата, 1991.
Кочнев 1993 – Кочнев Б.Д. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование: АДД. – М., 1993.
Кочнев 1996 – Кочнев Б.Д. О датировке Акшыйракского сосуда // РА. – 1996. – №3.
Кочнев 1997 – Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура. Ч. 2 // ВИИСИД. Вып. 5. – М., 1997.
Кочнев 2004 – Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Часть 3). Ad-denda et corrigenda // ВИИСИД. Вып. 6. – М., 2004.
Кочнев 2006 – Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. 1. Источниковедческое исследование. – М., 2006.
Кошевэр 2007 – Кошевэр В.Г. К датировке дирхама Барсхана с титулатурой «ал-Малик Арслан-хакан» и «Имад ад-давла» // ДЦ. №7. – Бишкек, 2007.

- Кошевар 2008 а – *Кошевар В.Г.* Новые типы караханидских монет Куз Орду и Барсхана // МИАК. Вып. 3. – Бишкек, 2008.
- Кошевар, Абасбеков 2009 – *Кошевар В.Г., Абасбеков А.Т.* Клад караханидских дирхамов 2-й пол. XI в. с городища Садыр-Курган // МИАК. Вып. 4. – Бишкек, 2009.
- Кошевар 2009а – *Кошевар В.Г.* Новые находки караханидских монет в Иссык-Кульской котловине. – Бишкек, 2009 (в печати).
- МИТТ 1939 – Материалы по истории туркмен и Туркменистана. Т. 1. – М., 1939.
- МИКК 2002 – Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. – Бишкек, 2002.
- Наршахи 1897 – *Наршахи М.* История Бухары. – Ташкент, 1897.
- Самарканди 1963 – *Самарканди Низами`Арузи.* Собрание редкостей, или Четыре беседы / Пер. с перс. С.И. Бавского и З.Н. Ворожейкиной. – М., 1963.
- Федоров 1978 – *Федоров М.Н.* Новые данные к истории Караханидского государства последней четверти XI в. // История и археология Средней Азии. – Ашхабад, 1978.
- Федоров 1983 – *Федоров М.Н.* Очерк династийной истории Восточных Караханидов конца X – начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983.
- Федоров 1985 – *Федоров М.Н.* Второй дирхем Хызр-хана // Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985.
- Федоров, Мокеев 1995 – *Федоров М.Н., Мокеев А.М.* Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана // РА. – 1995. – №1.
- Хусайни 1980 – *ал-Хусайни.* Садр ад-Дин Али. Ахбар ад-даулат ас-сельджукийа / Пер. З.М. Бунятова. – М., 1980.
- Fedorov 1999 – *Fedorov M.N.* Some Unknown Dirhems of the Western Qarakhanid ruler Khidr-khan // ONS Newsletter, 160, Summer 1999.
- Pritsak 1953 – *Pritsak O.* Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31/1. – Berlin, 1953.
- Федоров 1980 – *Федоров М.Н.* Политическая история Караханидов во 2-й пол. XI в. // НЭ. Т. XIII. – М., 1980.

ОТЧЕТ
О ПРОВЕДЕННЫХ РАСКОПКАХ КУРГАНОВ ЛЕТОМ 1869 ГОДА¹

В.В. Радлов

*Северный Кыргызстан / первые официальные раскопки
Northern Kyrgyzstan / the first official excavation*

Во время путешествия моего в 1868 г., я проехал по северному склону Александровского хребта, по системе рек Чу и Таласа. Путешественник, выехавший из Кастекского ущелья, замечает по всему протяжению Чуйской долины огромные группы древних могильных насыпей. Осматривать эти кладбища я мог только в трёх местах: около города Токмака, вблизи прежнего укрепления Пишъ-пека и по сю сторону города Аулие-Ата. Нарушенности насыпей нисколько не отличаются от так называемых Сибирских маяков или вообще земляных курганов на западе от р. Оби. Величина их очень различна. Самые высокие из них доходят, по крайней мере, до 8 сажень (17,07 м)². Расположены эти насыпи без всякого порядка в густых группах. Заметить следует только то, что большие курганы находятся не по одному, но обыкновенно по два или по три вместе. В самых низменностях, у реки, курганов никаких не встречается, но они расположены с подошвы гор до последней террасы реки между её притоками, на местах, совсем не удобных для орошения и хлебопашества. То, что в середине у одних курганов нет углубления и что они имеют острые вершущки, – это признаки, по которым они отличаются от всех сибирских. Цепочки этих курганов я объяснил таким образом, что места эти по положению были беспрестанным поприщем жестоких войн, так что население их никогда не имело возможности приступить к разработке.

Политические обстоятельства лета 1868 г. не дозволили мне приступить к разработке на этих местах, и я должен был отложить это до следующего года. Кроме этих курганов, находится на дороге между укреплениями Токмакским и Мерке множество огромных четырехугольных возвышенностей, которые местными жителями называются Калмак-коргон (Калмакская крепость). Действительно, это остатки древних укреплений. Они построены большей частью на крайности прилавок к рекам, образуя огромный квадрат от 100 до 150 шагов длиною. Края у них выше, чем середина; этим доказывается,

что они были окружены стеной. В середине стен находятся углубления – явные следы древних ворот. На каждом углу есть башня, но большая из них находится обыкновенно на северо-западном углу. Маленькие раскопки, произведенные мной на некоторых из этих крепостей, показывали везде остатки жженого (?)³ кирпича в виде маленьких грубо сработанных пластов (?) ярко-красного цвета. Внутри укрепления видны следы домов. Здесь я нашел остатки кирпичей, обломки глазурованной и неглазурованной глиняной посуды.

От г. Чимкента до Ташкента я по почтовой дороге нигде не замечал следов бугров. Отыскание их в этом краю довольно трудное, потому что земля здесь везде обработанная. Еще следы развалин сартских укреплений и недавно разрушившихся крепостей не дают возможности на первый взгляд различать точно древние могильные насыпи, но, вероятно, таковые найдутся при тщательном рассмотрении местности. Между тем я бесспорно заметил курганные насыпи: 1) проезд южнее Ташкента в необитаемых горах к северу от г. Ходжента; 2) южнее от Тамерлановских ворот недалеко от укрепления Янги-Курган; 3) на север от с. Чилека.

В долине реки Зеравшана во многих местах есть огромные насыпи, которые я принимаю за древние курганы. Осбеки на них строили часто укрепления, но я думаю, что насыпи гораздо древнее, чем осбекское население в этих местах.

Северный склон Александровского хребта, как видно по строительству кокандцев и следов прежних укреплений, был гораздо гуще населён, чем в настоящее время. Это доказывает и густая сеть прежних каналов для орошения пашен, которые оставлены теперь в виде огромных оврагов, в бесчисленном множестве перерезающих дорогу. Подобные следы прежних орошений находятся также во многих местах Средней Азии, особенно это заметно в безводных местах между Ян-Кутран и Самарканд, которые по недостатку воды совершенно пусты. Рвы, пересекающие

эти возвышенные места, явно доказывают постепенное уменьшение воды, так как при нынешних количествах её орошение этой местности было бы невероятно.

В мае 1869 года я опять отправился в южную степь, для того чтобы произвести те исследования, которые я не смог исполнить летом 1868 г. Главное моё внимание было обращено на два пункта: 1) на пограничный край по правую сторону реки Или вблизи прежнего китайского города Тургенъ и 2) на Чуйскую долину вблизи города Токмака⁴.

<Далее от Листа 10-б до Листа 14-а приведено описание работ в районе г. Тургенъ. – Ред.>

Приехав в город Токмак, я пытался исследовать огромные кладбища, находившиеся к западу верстах в 30 (32 км) от этого города вокруг огромной калмыцкой крепости, называемой Тёрткуль. На возвышенности от края самой низменности реки к южным горам версты две шириной (нескольким более 2 км) разбросано бесчисленное множество бугров, состоящих большей частью из крупных земляных насыпей. Тщательное рассмотрение этой местности показало то, что возвышенность эта покрыта сплошной полосой, зато прежде она, вероятно, была более или менее ровна, но что прорезана повсюду рвами от искусственного орошения и только вследствие этого приняла вид земляных ... и рядов (?) огромных холмов.

Разбросано между этими холмами везде видны следы (?) давнишних жилищ, в своем положении очень похожих на нынешние сартские города. Следы представляют четырехугольные возвышения. Следы садов – валы в форме прямоугольников – остатки высоких разрушенных глиняных стен. Ясные следы таких дворов вблизи укрепления Тёрткуль, лежащих в значительном расстоянии друг от друга, я рассмотрел более ста (?). По этому можно предполагать, что здесь когда-то стоял довольно значительный город.

Нельзя думать, что город этот и курганы есть остатки одного и того же народа, потому что никакой народ никогда не строит кладбищ в середине городов или садов; но я думаю, что город был строен или раньше, или позже, чем могилы. Мне кажется, что предполагать надо последнее, потому что искусственные водопроводы, которые, без сомнения, существовали одновременно с существованием города и которые непременно после уничтожения его высохли и не могли бы обмывать (?) позже построенные курганы. Это существование города объясняет и постройку на здешнем месте пропасти (?), служившей защищающей цитаделью городам, как мы их встречаем теперь во всех азиатских городах.

Бугры здесь без исключения все острокопечные, и ни на одном из них не встречалась плоская поверхность или яма. По этой причине я не сомневался в целостности их, несмотря на то что впоследствии жило здесь густое население. Особенно по величине выдавались семь больших курганов.

Западнее от Тёрткуля шагах в 300 большой очень острый бугор – почти конической формы; высота его не менее 9 сажень (19,2 м), а диаметр в основании не более 15 (32 м). Вокруг него лежат пять холмов неправильной формы.

Восточнее от Тёрткуля шагах в 500 на самом углу прилавка построено возвышение пирамидальной формы не менее 12 сажень вышиной; на вершине его находится маленькая площадка, на которой построено 4 или 5 киргизских могил; с одной его стороны ведет дорожка вверх. Возвышения искусственные – это доказывает правильность насыпи, но был ли это бугор или караульная сопка – решать не смею.

К югу от него лежат 4 высокие бугра не менее 6 или 7 сажень (12,8–14,9 м) вышины. Бугры эти круты только с северной стороны, а с другой же стороны они совершенно пологи, а верхушки у них совсем длинноватые (?).

Версты полторы (1,6 км) на юг у самой почтовой дороги находится огромный бугор, бока которого довольно пологи, а в восточном боку его есть яма довольно значительная, вроде (?) пещеры.

Между большими курганами есть много средних от 1 до 2 а<ршин> (0,7–1,4 м) вышины и более. А маленькие курганы по случаю поздней постройки города весьма неясно выраженные.

Раскопку я начал шагах в 400 к югу от вышеупомянутого возвышения. Так как у меня было 40 человек рабочих, то я начал рыть нараз три кургана. На второй день они уже до почвы были разрыты, потому что насыпи состояли почти из чистой, но немного твердой (?) глины.

В восточном кургане, который вышиной был 1½ сажени (3,2 м), в насыпи нашлись два обломка человеческих костей и несколько кусков красно-жженой глиняной посуды. Ниже, под почвой, показалась нерегулярная (?) яма не глубже аршина (0,7 м); совсем внизу были разбросаны человеческие кости, обломки кирпичей и множество черепков от красно-жженных глиняных сосудов; так ясно было видно, что курган был прежде разрыт.

В самом большом из этих трех бугров, т.е. в западном, который снаружи имел очень регулярную форму и высота его почти 5 ар<шин> (3,5 м), в насыпи ничего не нашлось. Углубившись на половину аршина (0,3 м) под почву в восточной части оказался выложенный из боль-

ших сырцовых (?) кирпичей угол, одна сторона которого лежала на северо-восток и была шириною $1\frac{1}{2}$ аршина (1,07 м), а другая в $2\frac{1}{2}$ аршина (1,8 м). На внутренней части стены находился слой в палец толщиной глины, покрытой известью. Эти две каменные стены были северная и восточная стены могильной ямы, западной же и южной стены не оказалось. Вышина их была 1 аршин > 2 вершка > (0,8 м). Внизу видны были кирпичи красного и синего цвета в виде тонких плиток, толщиной меньше вершка (4 см) и длиной до 5 вершков (22 см), а шириною до 3 (13 см). Работаны они очень грубо, и видно, что деланы не формою. Кирпичи эти лежали разбросанно и большей частью <были> разбиты. Между ними было много разных обломков, по крайней мере от 6 разных посуды, разбитые человеческие кости и маленький кусочек железа, совершенно изржавленный. Курган этот, как видно, был раньше похищен. Стены, оставшиеся от могильной ямы, доказывают только, что народ, оставивший эти курганы, обложил могильную яму из сырцового кирпича и что ему уже известно было железо.

Третий курган показал прямо сверху разбитые человеческие кости. Яма его была не больше $\frac{1}{2}$ аршин > (0,3 м) под почвою.

После этого я раскопал 9 курганов в окрестности, и в них даже стен целых не нашел, кроме разбросанных костей, кирпичей и множества других мелких обломков разного сорта.

К своему крайнему сожалению, я должен был видеть здесь, что и среднеазиатские народы, подобно сибирским крестьянам, похищают остатки древних могил, и что эти огромные кладбища, <которые> ни в каком месте не показали ясно следы раскопки и где я ожидал самую богатую жатву, были гораздо основательнее похищены, чем кладбища, исследованные мною прежде. А как объяснить наружный вид целости? Кости и другие остатки могильных ям не находились под самой вершиной, а всегда в центре круга кургана, который был в середине отлогой стороны. Из этого можно заключить, что яма, рытая прежними похитителями с прежней вершины, задувалась со стороны ветра глиною, выброшенной на сторону ветра при рытье. Так что глина, выброшенная на заветренную сторону, осталась выше, чем глина на стороне ветра. Весенние и осенние дожди год от года замывали всё более и более яму и так как солнце своим беспрестанным жаром сделало совсем невозможным всякую растительность, то эти дожди могли совершенно замывать битую в кургане яму, так что вершина ее образовалась продолговатою и курган получил вид неравностороннего конуса. Курганы эти <могли> переменить еще свою форму потому, что верхушки больших курганов остались до сих пор совершенно голыми.

Когда я убедился в верности этих заключений, то вторично осмотрел все курганы в окрестности до 6 верст (6,4 км). Все большие курганы, исключая большой возвышенности с киргизскими могилами и вышеупомянутого конусообразного кургана к западу от Тётркуль, показали такое же косое положение. Этот последний курган, без всякого сомнения, целый, но огромные его размеры мне никак не позволили приняться за работу.

Осмотрев с вершины этого кургана окружность, я теперь совсем убедился в том, что вокруг него лежали четыре больших кургана, из которых два имеют косое положение, а третий образует широкий холм с двумя сопками; четвертый курган был круглый, но верхушка плоская. Но так как этот последний курган был менее высок и имел форму, одинаковую с теми, то я решил его разрыть.

Раскопку я начал круглой ямой диаметром сажени 4 (8,5 м). В четвертый день мы дошли до настоящей почвы. Южный и северный край были тверды, но середина мягче. Я даже на $\frac{1}{2}$ сажени (1 м) круг уменьшил и после аршина (0,7 м) глубины под почву – опять на $\frac{1}{4}$ сажени (0,5 м). На глубине 2 аршин (1,42 м) показался пол, вымощенный большими сырцовыми кирпичами длиной 10 вершков > (44 см), а шириною 6 (27 см) и толщиной 3 вершка (13 см). Край пола, вымощенный из кирпичей, показался не ясно. Я осторожно вынул отдельные кирпичи пяти рядов и этим образовалась яма сажени $1\frac{1}{2}$ (3,2 м) в диаметре. В боках кирпичи так крепко сдавились, что их возможно было разбить только железными кайлами. Ниже оказалась нетронутая почва. Розыски в боках ямы оказались совершенно без результата. В насыпи кроме мелких обломков от красножжёной глиняной посуды и двух или трех кусков костей ничего не оказалось.

К югу от большого кургана был плоский холм, на котором находилось до 15 маленьких возвышений от 1 аршина > (0,7 м) до 1 сажени > (2,1 м) высотой, нерегулярной формы. 10 из них я раскопал круглыми ямами.

Семь оказались разрытыми, и в них нашлись только разбитые кости и маленькие черепки.

В одном кургане, который высотой был $1\frac{1}{2}$ аршина (1 м), а диаметром $2\frac{1}{2}$ сажени (5,3 м), нашлись два человеческих скелета на глубине нескольких вершков под почвой, положенные один на другого, отделенные тонким слоем земли. Верхний из них положен головою на юг, а нижний – на север. Кости были очень повреждены, а черепа целые и довольно крепкие.

В другом кургане под уровнем земли найден тоже скелет взрослого человека, обращенный головой к северу, и возле него кости маленького

ребенка. На правой стороне у него стояла глиняная кружка (№8).

На третьем бугре, который наружностью нисколько не отличался от первых, глина была только на $\frac{1}{2}$ аршина (0,3 м); потом следовала куча песка, которая продолжалась до глубины $1\frac{1}{2}$ аршин (1 м) и была диаметром более сажени (2,1 м), дальше была нетронутая почва. В боку по востоку я нашел целый череп и некоторые разбросанные кости, кроме этого еще два глиняных сосуда.

После таких розысков я не решился более в здешнем месте исследовать эти курганы, но никак не хотел оставить эту местность, не исследуя саму крепость Тёрткуль.

Внутренняя площадь между четырехугольными валами Тёрткуля показала целый ряд там прежде бывших домов. Один из таких домов, образовавший довольно большой квадрат в сажень 10 (21,3 м), возвышается на половину аршина над почвой, я велел снять по всему объему. Глина здесь была очень мягкая и в два дня мы уже были на $\frac{1}{2}$ аршина (0,3 м) под почвою. Земля эта была наполнена мелкими черепками разного рода, от самых мелких до $\frac{1}{2}$ вершка (2,2 см) толщиной. Кроме этого нашли на некоторых местах мелкие кирпичи. Но напрасно искал я стены или их следы от какого-нибудь строения. Теперь надо предполагать, что дома деланы были из глины наподобие Сартских. После того я велел сделать на разных местах маленькие ямы. На восточном краю четырехугольника мы нашли большой опрокинутый глиняный котел вышиной $\frac{1}{2}$ аршина (12 вершков) (53,3 см) и шириной вверху 15 вершков (66,7 см). На нем было множество щелей, и я при всех моих стараниях не был в состоянии вынуть его целиком. Не имея средств раскопать всю внутренность крепости, я оставил дальнейшие раскопки, так как одна только сплошная раскопка могла дать удовлетворительный результат.

От укрепления Тёрткуль к востоку версты четыре (4,3 км) есть еще маленькое укрепление, называемое киргизами Маленьким Тёрткулем. И здесь тоже были бугры, но все они имели наружность, похожую на курганы исследуемых мною кладбищ. По этой причине я оставил эти бугры без исследования и отошел еще версты три (3,2 км) на запад, где у притока реки Чу на широкой плоскости находятся довольно значительные бугры, числом до 80⁵.

Бугры эти по наружности совсем различались от остальных. Они все были совершенно круглые и имели на вершине своей, подобно сибирским курганам, плоскую поверхность. Величиной они не особенно отличаются. Самые большие курганы доходят до $1\frac{1}{2}$ сажени (3,2 м) вышиною, а в диаметре внизу до 6 сажени (12,8 м).

Здесь я начал рыть нараз четыре кургана и, чтобы вполне узнать устройство их, рыл очень большими ямами диаметром до 3 сажень (6,4 м). В насыпи этих курганов ничего не оказалось. Потом я углубился в сажень, несмотря на то что почва показалась везде целою. Работа в земле была очень тяжелая, потому что глина твердостью не уступала камню.

Кроме этого кургана я разрывал еще четыре.

В двух из них в середине с $\frac{1}{4}$ аршина (17,8 см) под поверхностью кургана нашел несколько глиняных вещиц вроде плошек. В насыпи кроме этого ничего не оказалось, а почва была совершенно нетронута.

После таких розысков ясно оказывается, что здешние возвышения не есть могильные насыпи, но они, вероятно, служили для какой-то другой цели. Домами не смогут быть, ибо ни остатков горшков, ни кирпичей в насыпи не находили. Найденные глиняные плошки указывают, что это было место жертвоприношения.

Недалеко от этого места на берегу вышеупомянутого притока в реку Чу, возле самой почтовой дороги, был большой бугор, почти две сажени (4,3 м) вышины. Третья часть его с измытием берега была разрушена. С этого берега я начал рыть его прямо в бок, шириною четыре сажени (8,5 м) и таким образом углубился на три с половиной сажени (7,5 м). Курган был разрыт. На многих местах показались разбитые человеческие кости, обломки красных и синих кирпичей, часть посуды (№6), труб (№14) и каменный поршень (?), вероятно верхушка от веретена (№12).

Так как раскопка в здешнем месте была совершенно невыгодною, то я отправился отсюда на озеро Иссык-Куль. Здесь начиная от Буамского ущелья по всему северному берегу Иссык-Куля находятся курганы с круглыми насыпями из крупных камней. Насыпи везде почти показывали ясные следы раскопки, исключая самые мелкие.

В верхнем течении Чу верстах в 10 (10,7 км) от самого Иссык-Куля я остановился по другим причинам на два дня и хотел осмотреть здесь вблизи находившиеся насыпи. По причине твердой каменной почвы могильные ямы были очень неглубоки не более $\frac{1}{2}$ аршина (0,3 м) под почвою. Мертвые лежали головой на северо-восток, кости все истлели. У рук двух мертвых находилось совершенно изржавленное железо, у одного ребенка на груди был медный б...р (?) совершенно истлевший.

По причине болезни других исследований я не смог более производить на Иссык-Куле.

Доктор философии Радлов

Примечания редактора

1. Публикуется по авторскому рукописному тексту, присланному официальному органу, выдавшему разрешение на исследования, – Императорской археологической комиссии. Ныне хранится в архиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия) – Фонд 1, Дело № 22 от 1868 г. Подготовлена к изданию В.А. Кольченко.

В тексте оригинала Отчета имеются отсылки к иллюстративному материалу или описи находок, однако нам они остались неизвестны и поэтому опущены при публикации.

В сокращенном виде опубликовано в Отчетах Императорской археологической комиссии за 1869 год [ОАК 1871: XVII–XIX].

2. Здесь и далее после старорусских мер длины в скобках указываются размеры в метрической системе. Пересчеты, с округлением до десятых, про-

изведены нами при подготовке к изданию исходя из следующих соотношений: 1 верста = 1,06679 км, 1 сажень = 2,1335808 м, 1 аршин = 0,7111936 м, 1 вершок = 0,0444496 м, 1 фут = 0,304797264 м, 1 дюйм = 0,025399772 м.

3. В ряде мест из-за особенностей почерка В.В. Радлова чтение неуверенное. В подобных ситуациях, как здесь, слова с сомнительным чтением сопро-вождены нами знаком вопроса.

4. Локализацию мест раскопок В.В. Радлова см. в подготовленной нами к изданию статье «Археологические исследования В.В. Радлова в Киригстане».

5. В опубликованном варианте значит: «Врстах в семи от Тёрткуля, у притока реки Чу, лежит до 80 бугров с плоской верхушкой» [ОАК за 1869 год: XIX]. Тем самым редакторы-составители тома ОАК избежали путаницы с направлениями по странам света, но правильно ли?

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ КНУ ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА

М.И. Москалев*

*Археологические исследования / Университет / историографический обзор
Archeological researches / university / historiography review*

На территории Кыргызстана расположены все известные типы памятников археологии. Их изучение имеет первостепенное значение для воссоздания истории и культуры племен и народов, населявших территорию нашей республики на протяжении тысячелетий. В настоящей статье хотелось осветить роль одного из вузов Кыргызстана в этом процессе.

В 1978 г. по инициативе Б.М. Зима, занимавшего в то время должность декана на историческом факультете нашего вуза, называвшегося тогда Киргизский государственный университет им. 50-летия СССР, была открыта кафедра археологии и этнографии. Из археологов на ней трудились тогда Н.М. Фёдоров и М.И. Москалёв. А первым заведующим ее стал С.А. Аттокуров. Несколько позже на кафедру пришел ее выпускник К.Ш. Табалдиев. В настоящее время лекции по археологии на кафедре читают М.И. Москалёв и О.А. Солтобаев.

В том же 1978 г. была организована университетская археологическая экспедиция под руко-

водством автора статьи. Объектом ее работ стало Толёкское городище, находящееся в Московском (ныне Жайыльском) районе Чуйской области, у слияния рек Сокулук и Ак-Суу. Была уточнена топография и фортификация этого крупного раннесредневекового поселения. Экспедиция установила, что северо-восточную, северную и северо-западную часть шахристана опоясывал ров. Этот ров, шириной 10–15 м и глубиной от 2 до 4 м, был зафиксирован на протяжении 1060 м. Вода, которой заполнялся ров, поступала из р. Сокулук и выводилась в р. Ак-Суу.

Особое внимание было уделено исследованиям шахристана. На нем археологи заложили два раскопа. Один из них, площадью 10 x 12 м, частично вскрыл постройку дворцового типа. Раскопом было выявлено восемь помещений, полы и стены которых были оштукатурены алебастром. В углу одной из них находилась глиняная жаровня прямоугольной формы размерами 50 x 63 см с высотой бортов в 6 см. В комнатах в большом количестве были собраны фрагменты керамических сосудов разного назначения, датируемые в основном VIII–XII вв.

* Москалев Михаил Иванович – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан. Бишкек

Второй раскоп, площадью 8 x 10 м, вскрыл постройку, возведённую из длинномерного сырцового кирпича. В ней было зафиксировано девять горизонтов полов. Здесь была собрана большая коллекция изделий из бронзы – поясные накладки и светильник, ножки которого выполнены в виде лап хищника кошачьей породы, и железа – стрел, копий, ножей, гвоздей, колец, панцирных накладок ромбической и прямоугольной формы [Москалев 1978: 517].

В этом же году археологи, преподаватели и студенты исторического факультета принимали участие в работе Иссык-Кульского археологического отряда Института истории АН Кирг ССР под руководством Д.Ф. Винника. В составе этого отряда они участвовали в раскопках Каджи-Сайского караван-сарая и металлургического центра в Сары-Булуне. Оба объекта датируются X–XII вв.

В Каджи-Сае было раскопано 103 помещения, в которых отдыхали и хранили товар купцы, путешественники и паломники. В южной части караван-сарая были вскрыты подсобные помещения, которые предназначались для приготовления пищи, хранения муки и зерна.

В местности Сары-Булун раскапывался центр по выплавке железа. Были открыты домицы, в которых плавил металл, и помещения для размалывания руды. А вблизи находилось поселение, в котором жили металлурги. При его изучении была выявлена планировка жилых помещений. Здесь же были найдены амулеты из зубов хищников, бронзовые браслеты и кольца, а также в большом количестве собрана фрагментированная керамика.

В 1980 г. археологи и этнографы кафедры стали инициаторами реализации в республике проекта «Свод памятников истории и культуры», проводившегося в масштабах всего Советского Союза под руководством М.Н. Федорова и М.И. Москалева. В его рамках осуществлялись стационарные раскопки городища Кошой-Коргон, находящегося на юго-восточной окраине с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области. Это самое крупное поселение Внутреннего Тянь-Шаня. Оно отождествляется с известным с IX в. по письменным источникам арабо-персидских авторов средневековым городом Атбаш [Бартольд 1966: 58]. В результате всестороннего исследования этого памятника была уточнена его планировка, топография и фортификация. Вскрыты постройки дворцового типа, жилого и ремесленного назначения [Москалев 1978: 50–54, Москалев 2002: 215–240; Москалев, Солтобаев, Омурбеков 2007; Федоров 1987: 5–28; Федоров 1989: 6–21].

Одновременно со стационарными раскопками проводились археологические разведки и учет памятников истории, архитектуры, боевой и трудовой славы, расположенных на территории Нарынской области. В Ат-Башинском районе было зафиксировано 5 стоянок эпохи камня, 7 поселений, 3 мавзолея, 10 каменных изваяний, две каменные выкладки круглой формы, местонахождение петроглифов и 130 разновременных могильников [Москалев 2006: 89–106].

В Ак-Талинском районе описано 53 могильника, 6 каменных изваяний, два городища, два торткуля, караван-сарай, кокандская крепость и местонахождение наскальных рисунков [Москалев 2007: 64–77].

В Джумгалском районе открыто и взято на учет 35 могильников, 15 городищ, торткуль и два местонахождения петроглифов [Москалев 2008: 102–110].

В Кочкорском районе сняты планы и зафиксированы 5 памятников эпохи камня, клады эпохи бронзы, 20 разновременных могильников, 18 каменных изваяний и 25 надписей тюркского времени, три поселения, один древний арык, мавзолеи Кырк-Чоро и 10 местонахождений петроглифов [Москалев 2008: 19–30].

В Тогуз-Тороуском районе было взято на учет 23 памятника археологии: четыре городища, одна арабографичная надпись на камне и 21 разновременный могильник.

В общей сложности археологами кафедры в ходе реализации проекта «Свод памятников истории и культуры Киргизской ССР» было выявлено, описано и взято на учет 356 памятников археологии и архитектуры.

В 1985–1986 гг. сотрудниками кафедры была организована археологическая разведка в Кочкорском и Джумгалском районах. Вблизи села Кайырма зафиксирована пещера, таящая в себе, вероятно, археологические свидетельства прошлого. Особое внимание было уделено северному побережью озера Сон-Куль, где археологи зафиксировали ранее не известные могильники, наскальные рисунки и каменные изваяния.

В 1988–1989 гг. К.Ш. Табалдиев, работавший тогда на кафедре, раскопал могильники, расположенные в долине р. Чет-Кельтибек. На правом берегу реки им было открыто поселение.

В 1989–1990 гг. К.Ш. Табалдиев и О.А. Солтобаев изучали могильники в местности Босого Ат-Башинского района. После окончания работ в долине реки Ат-Баши были исследованы древности Кара-Куджурской долины, которая расположена в юго-восточной части Кочкорского района.

В 1991–1994 гг. археологи кафедры изучали могильники Бель-Саз-I-III, Беш-Таш Короо-I-

III, Калмак-Таш, Уч-эмек [Табалдиев 1996; Москалев 1997: 152].

В 1995–1996 гг. археологи кафедры участвовали в работе кыргызско-немецкой археологической экспедиции. Большую методическую помощь им оказывал новосибирский профессор Ю.С. Худяков. Экспедицией были изучены разновременные захоронения в могильнике Суттуу-Булак, взяты на учет и введены в научный оборот каменные изваяния и наскальные рисунки, расположенные в его окрестностях [Табалдиев 1996: 254].

Большой вклад в изучение памятников археологии в долине озера Сон-Куль внесли археологи нашего факультета. Весной 1996 г. Д.Ф. Винник, К.Ш. Табалдиев, О.А. Солтобаев организовали археологические разведки в Сон-Кульской долине и выбрали наиболее перспективные могильники для изучения. Летом того же года, в восточной части Сон-Кульской долины начала работу кыргызско-турецкая археологическая экспедиция. В ее состав входили студенты и археологи нашего факультета, а также представители Турции. Были проведены раскопки могильника Бала-Бейит. Но основное внимание было сосредоточено на изучении археологических объектов в местности Чон-Добо. Изучались поминальные оградки, жертвенники и фиксировались наскальные рисунки. Археологи раскопали курган царского типа сакского времени. В предгорной части Сон-Кульской долины был выявлен мезолитический наконечник из белого кремня. В насыпе одного из курганов могильника Чон-Добо найден нуклеус неолитического времени. Эти находки говорят о том, что Сон-Кульская долина посещалась мезолитическими охотниками, людьми эпохи неолита, ранними кочевниками и тюрками.

В 1998–2000 гг. кыргызско-турецкая экспедиция продолжала работу в Алайском районе Ошской области. Проведены раскопки городищ Сары-Кытай и Кара-Кытай, расположенные на восточной и западной окраине с. Кун-Элек. Западное городище могло быть караван-сараем, в котором отдыхали купеческие караваны, двигавшиеся из Восточного Туркестана в Ферганскую долину. В 1,5 км к востоку от этого населенного пункта, на правом берегу р. Гульча, изучался могильник, оставленный средневековыми кочевниками. Особый интерес представляет святилище, которое находится на его территории почти на краю террасы реки. Оно имеет форму круга диаметром 9 м и углублено в землю на один метр. Стены выложены из камней средней величины и сохранились на высоту до одного метра. В южной части святилища на-

ходился возведенный из камней алтарь высотой до 70 см. На западной окраине с. Кун-Элек было раскопано коллективное захоронение.

Та же экспедиция в течение двух полевых сезонов изучала могильник Тунук, состоявший из 153 курганов. В результате раскопок были обнаружены золотые украшения, фрагменты лепной посуды и предметы вооружения. Археологические исследования показали, что могильник датируется временем ранних кочевников. В предгорной зоне, рядом с этим могильником, на террасе левого берега безымянного ручья, К.Ш. Табалдиев выявил поселения неолитического времени гиссарского типа. В нем обнаружены следы мощного зольника, кости диких и домашних животных.

В южной части могильника было открыто поселение эпохи бронзы. В нем зафиксированы стены построек жилого и хозяйственного назначения. Они были возведены из битой глины и сохранились на высоту до 45 см. Их толщина 70–90 см. В помещениях собрано большое количество зернотерок, фрагментов котлов, чаш, кувшинов, мисок, точильные камни, а также рога оленей и архаров и т.д. Это пока единственное поселение эпохи бронзы открыто на территории Алайского района [Табалдиев и др. 2000: 89–93].

В августе 1997 г. для изучения расположенных в районе золоторудного комбината Кум-Тор памятников археологии были направлены археологи и студенты Кыргызского государственного университета. На первом этапе они организовали археологическую разведку. К.Ш. Табалдиев, М.И. Москалев и О.А. Солтобаев обследовали бассейны рек Арабель-Суу, Кашка-Суу, Кум-Тор и Май-Тор. Взяли на учет разновременные могильники и отдельные курганы. Особый интерес представляют наскальные рисунки в местности Джожурек. Они выбиты на огромном камне, который находится в 18 км от золоторудного комбината по течению реки Кум-Тор. Его длина 15 м, ширина 10 м и высота 4,9 м. На нем насчитываются сотни петроглифов, выбитых художниками эпохи ранних кочевников и средневекового времени. В 1,5 км к северо-западу от метеостанции «Тянь-Шань» зарегистрирован камень, на котором выбито 7 фигур козлов [Москалев 1998: 105]. Основные работы развернулись на могильнике Кашка-Суу. В результате раскопок был получен материал, который представлен обломками железных ножей, глиняными сосудами, деревянным седлом, серьгой, костяными накладками на лук, железными пряжками, кусочками шелка и камчой с костяной рукояткой. Большой интерес представляют железные наконечники стрел, тип которых пока неизвестен в науке. Мо-

гильник датируется широким хронологическим диапазоном – I–XIII вв.

В местности Уч-Чат был открыт караван-сарай. Он находится на высоте 3500 м над уровнем моря и построен из камня в виде квадрата с длиной сторон 27 x 27 м, стенами ориентирован по странам света. В его центре находится дворик 11 x 11 м. В караван-сараяе насчитывается 16 помещений, которые примыкали к стене. Въезд находится с восточной стороны и был перекрыт сводом из жженого кирпича. При изучении этого памятника архитектуры были обнаружены фрагменты керамики различного назначения, обломки ножей и монеты эпохи караханидов.

В 15–18 м к северо-востоку от караван-сарая зафиксирована каменная подстройка площадью 100 м². К северо-западу от караван-сарая расположен квадратный торткуль размерами 30 x 30 м. Он был построен из глины. Вниз по течению реки Арабель-Суу выявлены две каменные постройки [Москалев 2005: 40–44]. В местности Чат, в барсовом заповеднике, зарегистрированы каменно-земляные могильники и пещера Сасык-Ункур.

Палеолитическая группа в междуречье рек Кум-Тор и Арабель-Суу обнаружила каменные орудия труда верхнего палеолита. К.Ш. Табалдиев открыл мезолитическую стоянку на месте впадения реки Май-Тор в реку Арабель-Суу [Москалев 1998: 104–109].

В 1998 г. К.Ш. Табалдиев и О.А. Солтобаев в Кочкорской долине, в местности Кок-Сай, открыли памятники древнетюркской письменности. В настоящее время в этой местности зафиксировано 24 камня древнетюркской эпиграфики [Табалдиев, Солтобаев 2001: 68–73]. Их расшифровкой занимались Г.С. Кляшторный, И.Л. Кызласов и др. [Кляшторный 2004: 169–173; Кызласов 2005: 54–67]. При изучении могильника Бел-Саз, который находится к юго-востоку от села Ормон, были раскопаны захоронения эпохи бронзы, в которых обнаружены бусы, серьги, фрагменты бронзовых накладок и украшенный

геометрическим орнаментом сосуд. Восточнее этого могильника выявлено сакское святилище. Оно выложено из камней в виде круга. При его изучении найдено золотое украшение VI–IV вв. до н.э. В южной части могильника зарегистрировано погребение с яком. Восточнее вышеуказанного села открыта нижнепалеолитическая стоянка [Москалев 2008: 21].

В 2006–2007 гг. археологическая практика студентов нашего университета проводилась в Кочкорской долине на могильнике Ак-Жар.

В 2004–2007 гг. кафедра археологии и этнологии по инициативе выпускника исторического факультета, депутата Жогорку Кенеша А.М. Салымбекова, проводила исследования городища Кошой-Коргон. Были вскрыты постройки жилого и ремесленного назначения, найдены предметы эпохи бронзы и сакского времени. В большом количестве выявлена керамика различного назначения и монеты, отчеканенные в Восточном Туркестане, Бухаре и в монетных дворах караханидов. К юго-западу от городища была раскопана печь для обжига кирпича и керамики [Москалев, Солтобаев, Омурбеков: 2007].

В 2006 г. археологи кафедры и факультета истории и регионоведения, как он в это время назывался, изучали наскальные рисунки Саймалы-Таша. Уточняли имеющиеся сведения об этом святилище, и на одном из камней ими была зафиксирована арабская надпись, которая датируется XI в.

В 2007 г. в рамках подготовки к открытию историко-архитектурного комплекса Кошой-Коргон было взято на учет 6 каменных изваяний, открытых в Ат-Башинском районе и ранее неизвестных в науке; изваяния вошли в экспозицию музея [Москалев, Солтобаев 2008: 31–33].

Таким образом, за 30 лет археологи кафедры археологии и этнологии внесли достойный вклад в изучение древности Кыргызстана. Материалы, полученные в результате их работ, говорят о том, что предки кыргызов достойно дополнили сокровищницу мировой культуры.

Abstract

ARCHEOLOGICAL RESEARCHES OF THE DEPARTMENT OF ARCHEOLOGY AND ETHNOLOGY IN KYRGYZ NATIONAL UNIVERSITY

M.I. Moskalev

The article is dedicated to review of the department of archeology and ethnology in Kyrgyz national university at last 30 years. For this period was discovered and studied quite number of ancient and medieval monuments of sedentary and nomadic population in Chuy valley, Central Tien-Shan and Alay.

Литература

- Бартольд 1966 – *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Соч. Т. 4. – М., 1966.
- Кляшторный 2004 – *Кляшторный С.Г.* Древние рунические надписи на Центральном Тянь-Шане // Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек, 2004.
- Кызласов 2005 – *Кызласов И.Л.* Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
- Москалев 1978 – *Москалев М.И.* Археологическое изучение Толекского городища // АО 1977 года. – М., 1978.
- Москалев 1998 – *Москалев М.И.* Археологическое исследование в районе Кум-Тора // Вестник КГНУ. Вып. 3: Обществ. науки. Ч. 2. – Бишкек, 1998.
- Москалев 2005 – *Москалев М.И.* Уч-Чатский археолого-архитектурный комплекс // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005
- Москалев 2005-а – *Москалев М.И.* Памятники археологии Ат-Башинского района // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. Сер. 1. Вып. 5. – Бишкек, 2005.
- Москалев 2006 – *Москалев М.И.* Древности Ак-Талинского района // Вестник КНУ Ж. Баласагына. Сер. 1. Вып. 6. – Бишкек, 2006.
- Москалев 2007 – *Москалев М.И.* Новые материалы к археологической карте Ак-Талинского района // МИАК. Вып. 2. – Бишкек, 2007.
- Москалев 2008 – *Москалев М.И.* Материалы к археологической карте Кочкорского района // МИАК. Вып. 3. – Бишкек, 2008.
- Москалев 2008-а – *Москалев М.И.* К археологической карте Джумгалского района Нарынской области // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына, Сер. Вып. – Бишкек, 2008.
- Москалев, Солтобаев, Омурбеков 2007 – *Москалев М.И., Солтобаев О.А., Омурбеков Т.Н.* Кошой-Коргон – древний Ат-Баш. – Бишкек, 2007.
- Москалев, Солтобаев 2003 – *Москалев М.И., Солтобаев О.А.* Памятники эпохи бронзы Нарынской области // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. Сер. 1. Вып. 3. – Бишкек, 2003.
- Табалдиев 1996 – *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.
- Табалдиев, Солтобаев 2001 – *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // Известия НАН КР. – 2001. – №1–2.
- Табалдиев и др. 2000 – *Табалдиев К., Бозер Р., Москалев М., Солтобаев О.А.* Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: Археология, новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек, 2000 (Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. – Вып. 4).
- Федоров 1987 – *Федоров М.И.* Крепостная стена Кошой-Коргон // Вопросы материальной и духовной культуры Киргизстана. – Бишкек, 1987.
- Федоров 1989 – *Федоров М.И.* Археологическое изучения средневекового Ат-Баша // Актуальные вопросы этнографии и археологии Киргизии. – Фрунзе, 1989.

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕНТИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ГОРЯЧЕВОЙ

Нет нужды представлять Валентину Дмитриевну Горячеву. Археологи, занимающиеся Средневековым Центральная Азия, хорошо знают ее как крупного специалиста по городской культуре Семиречья.

Валентина Дмитриевна – выпускница ташкентской школы археологии и ученица ее основателя – «патриарха среднеазиатской археологии» М.Е. Массона. О Михаиле Евгеньевиче Валентина Дмитриевна всегда вспоминает с большой теплотой. В начале 60-х гг. на кафедре археологии ТашГУ царил очень творческая обстановка благодаря дружному и талантливому коллективу преподавателей и студентов, спаянному М.Е. Массоном. Большое влияние на формирование научных интересов Валентины Дмитриевны оказала преподававшая на кафедре археологии Галина Анатольевна Пугаченкова, под руководством которой Валентина Дмитриевна принимала участие в раскопках знаменитого Халчаяна и позже, уже в своей научной работе, постоянно обращалась за советом к этому выдающемуся знатоку архитектуры и искусства Средней Азии. Большую роль в ее становлении сыграли преподаватели кафедры С.Б. Лунина и З.И. Усманова, вместе с Валентиной Дмитриевной учились такие известные ученые, как Э.В. Ртвеладзе и безвременно ушедший Б.Д. Кочнев. В студенческие годы В.Д. Горячева получила большую практику, работая на раскопках Старого Мерва, Китаба, памятниках Сурхандарьи и на Красной Речке под руководством блестящего кыргызстанского археолога Петра Никитовича Кожемяко. Он был руководителем Валентины Дмитриевны в аспирантские годы.

После окончания университета Валентина Дмитриевна работала в органах охраны памятников Кыргызстана и потом перешла на работу в Академию наук. В 70-е гг. Валентина Дмитриевна руководила работами на Узгенском городище, совместно с Евгенией Завулоновной Зауровой исследовала Узгенские мавзолеи, а также заново, после работ Бориса Николаевича Засыпкина, исследовала уникальный памятник средневекового зодчества Киргизии – мавзолеев Сафед-Булон (Шах-Фазиль), недавно изданный отдельной работой [Горячева 2002]. Работы в южной части Кыргызстана сочетались с раскопками

на городище Бурана, которыми в 70-е гг. XX в. руководил Дмитрий Федорович Винник. При непосредственном участии Валентины Дмитриевны были раскопаны мавзолеи городища, детально исследовался минарет, в 80-х гг. были раскопаны мечеть и большая усадьба в рабаде.

Именно Валентина Дмитриевна и Борис Дмитриевич Кочнев отождествили городище Бурана со столицей караханидского каганата – Баласагуном. Это ныне общепризнанное мнение приходилось тщательно аргументировать, так как в то время господствовало мнение Л.Р. Кызласова, согласно которому Баласагуну соответствовало городище Ак-Бешим, ныне надежно отождествленное с Суябом.

Исследованиям архитектурных памятников Кыргызстана посвящена кандидатская диссертация и позже вышедшая книга «Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии», давно ставшая библиографической редкостью. Исследованию Бураны была посвящена монография, изданная в соавторстве с Михаилом Евгеньевичем Массоном, побывавшим на Буране еще в 20-е гг.

Отдельно хотелось бы остановиться на раскопках Валентины Дмитриевны на Краснореченском городище, которое она отождествляет с городищем Невакет, впервые упоминающемся в согдийских документах с горы Муг в начале VIII в. Именно благодаря ее усилиям Красная Речка стала широко известным памятником. Сегодня мало кому известно, что, начиная раскопки в 1978 г. на разрушающемся некрополе городища, она смогла с большим трудом добиться того, чтобы на центральных развалинах городища Красная Речка была остановлена запашка. Некрополь оказался очень сложным в методическом плане объектом. Тем не менее, ею была установлена его стратиграфия, удалось выделить типы захоронений этнически и религиозно неоднородного населения городища. Раскопки наусов на некрополе Красной Речки явилось очень важным открытием Валентины Дмитриевны, сразу оцененным в научном мире [Grenet 1984: 180–181].

Работая на средневековых городищах, Валентина Дмитриевна сознательно раскапывала только разрушающиеся объекты, те памятники,

которым угрожало полное уничтожение в ходе сельскохозяйственных работ.

Валентиной Дмитриевной, в соавторстве с историком архитектуры Светланой Яковлевной Перегудовой, были обобщены материалы по буддийским и христианским храмам Кыргызстана [Горячева, Перегудова 1996; Горячева, Перегудова 1994]. Работая в ИИ АН Кирг.ССР, Валентина Дмитриевна много занималась работой по составлению свода памятников истории и культуры Кыргызстана. В соавторстве с С.Я. Перегудовой и В.И. Деевым была издана книга о памятниках г. Бишкек и соавторстве с С.Я. Перегудовой – о памятниках Таласской долины [Горячева и др. 1996; Горячева, Перегудова 1995].

В 1995 г. Валентина Дмитриевна перешла на преподавательскую работу в Кыргызско-Российский Славянский университет, где трудится и поныне. Несмотря на большой объем работы в университете, Валентина Дмитриевна продолжает активно заниматься наукой.

Валентина Дмитриевна – замечательный педагог. Многие студенты и выпускники кафедры археологии Ташкентского университета прошли археологическую практику на Краснореченском городище. (Г.И. Богомолов, А. Авезова, Ю. Хамраева, Э.Ф. Вульфберг, Дж.Я. Ильясов). Некоторые из них – М.И. Ниязова, С.Р. Ильясова, Л.С. Баратова – проработали несколько сезонов. По материалам раскопок на некрополе под непосредственным руководством В.Д. Горячевой была защищена дипломная работа (С.Р. Ильясова). Тесное сотрудничество в экспедиции поддерживали и педагоги кафедры археологии (З.И. Усманова, С.Б. Лунина). В ла-

гере царила удивительная атмосфера, Валентина Дмитриевна относилась ко всем по-матерински, доверительно. Воспитывала в своих питомцах самостоятельность, ответственность, стойкость. Это была настоящая профессиональная и жизненная школа. Вот уже много лет для многих из них время, проведенное в экспедиции, является незабываемым воспоминанием. Дружеские связи и научные контакты бывших членов краснореченского отряда продолжают и поныне.

Многие студенты кафедры истории и культурологии КРСУ также проходили практику на Красной Речке и сейчас вспоминают о ней как о едва ли не лучшем времени в своем студенчестве.

Валентина Дмитриевна пользуется большим уважением среди коллег. Ее доброта и радушие по отношению к друзьям, коллегам и ученикам хорошо известна. Искренняя дружба связывает Валентину Дмитриевну с такими замечательными учеными, как В.А. Лившиц и С.Г. Кляшторный, она тесно общается с Г.А. Брыкиной и В.М. Массоном. С неизменной теплотой к Валентине Дмитриевне относились Б.И. Маршак, Т.И. Зеймаль и Б.Я. Ставиский. Бывая в Бишкеке, ее непременно гостями были К.А. Акишев и Ю.А. Заднепровский.

Коллеги, друзья и ученики от всей души поздравляют Валентину Дмитриевну с юбилеем, желают ей долгих лет жизни, крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и больших творческих успехов.

С.Р. Ильясова, А. И. Торгоев

Литература

- Grenet 1984 – Grenet F. Les pratiques funeraires dans L'Asie Centrale sedentaire (de la conquete greque a l'islamisation). U.R.A. 29. – P., 1984.
- Горячева и др. 1996 – Горячева В.Д., Деев В.И., Перегудова С.Я. Памятники истории и культуры города Бишкек. – Бишкек, 1996.
- Горячева, Перегудова 1994 – Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Киргизстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. – Ташкент, 1994.
- Горячева, Перегудова 1995 – Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники истории и культуры Таласской долины. – Бишкек, 1995.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.
- АО – Археологические открытия. – М.
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.
- ВАН – Вестник Академии наук СССР. – М.
- ВИИСИД – Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М.
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб.
- ИзвНАН КР – Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. – Бишкек.
- ИзвНАН РК – Известия Национальной академии наук Республики Казахстана. – Алматы.
- ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент.
- КНУ им. Ж. Баласагына – Кыргызский государственный университет им. Жусупа Баласагына. – Бишкек.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Л.; М.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек.
- МИКК – Материалы по истории киргизов и Киргизстана. – Фрунзе.
- МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркменистана. – М.; Л.
- НАА – Народы Азии и Африки. – М.
- ОНУ – Общественные науки Узбекистана. – Ташкент.
- ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.; Л.
- ППВ – Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. – М.
- РА – Российская археология. – М.
- РФ ЦМХК НАН КР – Рукописный фонд Центра манасоведения и художественной культуры Национальной академии наук Кыргызской Республики.
- СА – Советская археология. – М.
- САИ – Свод археологических источников. – М.
- СЭ – Советская этнография. – М.
- ТАН ТаджССР – Труды Академии наук Таджикской ССР. – Душанбе.
- ТД – Тезисы докладов.
- ТДС – Тезисы докладов и сообщений.
- ТИИ АН КиргССР – Труды института истории Академии наук Киргизской ССР. – Фрунзе.
- ТИИАЭ АН КазССР – Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. – Алма-Ата.
- ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М.
- ТОПК ГЭ – Труды отдела первобытной культуры Государственного Эрмитажа. – Л.
- ЭВ – Эпиграфика Востока. – Л.
- ONS – Oriental Numismatic Society.
- SRAA – Silk Road art and archaeology. – Kamakura.
- YN – Yarmouk Numismatics. – Irbid, Jordan.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА	MATERIALS ON ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN
<i>Абдыканова А.К., Чаргынов Т.Т., Чемаева Н.П.</i> Результаты исследования местонахождения Георгиевский Бугор в 2008 году	3 <i>A.K. Abdykanova, T.T. Chargynov, N.P. Chemayeva</i> The results of investigations on the open-site Georgievskiy Bugor in 2008
<i>Чаргынов Т.Т.</i> Новые исследования коллекций 1958-1959 гг. мастерской Капчыгай	6 <i>T.T. Chargynov</i> New researches of collections 1958–1959 of workshop Kaptchygay
<i>Абетеков А.К.</i> Исследования Шамшинского археологического отряда КИАЭ. Часть 1. 1987 год	9 <i>A.K. Abetekov</i> Researches Shamshi archaeological group KAEE in 1987–1988. Part 1. 1987
<i>Иванов С.С.</i> Бронзовые предметы эпохи ранних кочевников из Чолпон-Атинского музея	25 <i>S.S. Ivanov</i> Bronze objects of ancient nomads epoch from museum in Cholpon-Ata
<i>Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.</i> Изучение наскальных рисунков на местонахождении Кара-Тоо в 1993 году	32 <i>Yu. S. Khudyakov, K.Sh. Tabaldiev</i> The study of petroglyphs Kara-Too in 1993
<i>Сулайманова А.Т.</i> Отчет об археологической разведке в Чаткальской долине в 2002–2003 гг.	37 <i>A.T. Sulaimanova</i> The report on archaeological investigation in the Chatkal valley in 2002–2003
<i>Башкова О.П.</i> Ювелирные украшения из клада близь села Ак-Бешим	48 <i>O.P. Bashkova</i> Jewelry adornments from the treasure close to the Ak-Beshim village
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА	RESEARCHES OF ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN
<i>Рогожинский А.Е.</i> Наскальные изображения «солнцеголовых» из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии	53 <i>A.E. Rogozhinskiy</i> “Sun-head” representations from Tamgaly within the rock art traditions of Kazakhstan and Middle Asia
<i>Иванов С.С.</i> Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии	66 <i>S.S. Ivanov</i> Military belts of ancient nomads in Central Asia
<i>Кольченко В.А.</i> Археологические памятники г. Бишкек: история изучения и современное состояние	76 <i>V.A. Kolchenko</i> Archaeological monuments of Bishkek: history of studying and the modern condition
<i>Богомолов Г.И.</i> Аламединский оссуарий	86 <i>G.I. Bogomolov</i> Alamedinsky ossuary
<i>Кожан М.</i> Походы арабов в районы Ферганы, Чача и средней Сырдарьи в VIII веке	97 <i>M. Kozha</i> Arab warriors to Fergana, Shash, and middle current of Syrdaria in the 8 th century

НУМИЗМАТИКА		NUMISMATICS	
Кочнев Б.Д.	104	B.D. Kochnev	
К истории борьбы между Саманидами и Караханидами в конце X в.		On the history of the rivalry between the Samanids and the Qarakhanids at the end of the 10 th century	
Кошев В.Г. , Абасбеков А.Т.	112	V.G. Koshevar, A.T. Abasbekov	
Клад караханидских дирхамов 2-й пол. XI в.с городища Садыр-Курган»		Treasure of Qarakhanid dynasty coins second half 11 century from Sadyr-Kurgan site	
Кошев В.Г.	121	V.G. Koshevar	
О хронологии правления восточных караханидов во второй половине XI в.		To chronology of Eastern Qarakhanid dynasty in second half of 11 th century	
ИСТОРИОГРАФИЯ, АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ		HISTORIOGRAPHY AND ARCHIVE FILES	
Радлов В.В.	131	V.V. Radlov	
Отчет о проведенных раскопках курганов летом 1869 года		The report on the spent excavation of barrows in the summer 1869	
Москалев М.И.	135	M.I. Moskalev	
Археологические исследования кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына		Archeological researches of the department of archeology and ethnology in Kyrgyz national university	
ЮБИЛЕЙ		ANNIVERSARY	
К юбилею Валентины Дмитриевны Горячевой (Ильсова С. Р., Торгоев А.И.)	140	To anniversary of Valentina Dmitrievna Goriacheva (S.R. Iljasova, A.I. Torgoiev)	
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ	142	THE LIST OF THE ACCEPTED REDUCTIONS	

Получить дополнительную информацию об издании, прислать статью для публикации можно по адресу archak@gmail.com; в поле «Тема» обязательно указать – «МИАК».

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА
Выпуск 4

Редактор издательства И.В. Верченко
Технический редактор О.А. Матвеева
Компьютерная верстка М.Р. Фазлыевой

Подписано к печати 28.12.2009

Формат 60 x 84^{1/8}

Гарнитура Minion Pro

Объем 18,25 п.л.

Тираж 200 экз.

Издательство «Илим»
720071, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 265-А